05(С18)
С34

СИБИРСКАЯ ЖИВАЯ СТАРИНА

VIII—IX.

ИРКУТСК
1929

171305
05(57):308(57)
С-34
(с12)

ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ ОТДЕЛ
ГОСУД. РУССКОГО ГЕОГРАФИЧ. ОБЩЕСТВА

ИРКУТ КАЯ ГОРОДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЕДИНЫЙ КАТАЛОГ.

СИБИРСКАЯ ЖИВАЯ СТАРИНА

Год издания VI—VII

Вып. VIII—IX

ИРКУТСК
1929

171305

[572.9 : 39] (062) (57)

СИБИРСКАЯ ЖИВАЯ СТАРИНА.

Вып. VIII—IX. Ирк. 1929, in 8°; стр. 1—283.

[*Содержание:* **А. Т. Самохин**. Тунгусы Бодайбинского района. **Н. П. Попов**. Приисковый быт. **Б. И. Лебединский**. Из наблюдений над крестьянским зодчеством. **Г. С. Виноградов**. Детские игровые прелюдии. **А. Новиков.** Несколько заметок о сибирской масленице. **П. Я. Черных**. Из диалектологических заметок. **В. И. Сосновский.** Сяньбийцы—эвенки. **Н. Н. Козьмин**. Кто такие камасинцы? **П. П. Хороших**. Знаки собственности. **М. Горький**. О Виктории Арефьеве. **А. А. Макаренко**. Из припоминаний о В. С. Арефьеве. **Н. И. Удимова**. Сибирский бытописатель В. С. Арефьев. **М. К. Азадовский**. С. П. Швецов. **А. В. Попов.** Краткая биография Н. И. Кашина. **Н. С. Бер.** Сибирская Живая Старина за пять лет].

Иркокрлит № 926
Иркутск, тип. изд. „Власть Труда"
Заказ № 1501 1929 Тираж 525

А. Т. Самохин.

Тунгусы Бодайбинского района.

Статистико-экономический очерк.[1]

Летом 1927 года была предпринята организованная попытка статистического изучения тунгусов, населяющих Бодайбинский район. Учет тунгусского населения и его экономики был построен по типу переписей, проводимых в районах приполярного севера. Так как экономический быт бодайбинских тунгусов во многом отличается от экономики и быта приполярных народов, то ряд важнейших экономических явлений (продукция животноводства, отхожие промыслы и пр.) остался не освещенным формулярами приполярной переписи. Тем не менее проведенная перепись дала весьма ценный познавательный материал о бодайбинских тунгусах. Ценность этого материала усугубляется еще и тем, что за последние 30 лет не было предпринято ни одного специального изучения тунгусов Бодайбинского района. Лишь работа С. Патканова[2] проливает свет на ряд количественных и бытовых процессов, относящихся к тунгусам Бодайбинского района, но она во многом является лишь ценной исторической справкой, так как оперирует с материалами переписи 1897 года. К тому же административное деление Сибири в 1897 году было совершенно не тем, что в данное время, поэтому в трудах Патканова весьма не легко отыскать материал, непосредственно относящийся к тунгусам Бодайбинского района в его настоящих границах. Благодаря этому, не представляется возможным ответить на такой казалось бы—простой вопрос, как количество тунгусского населения и Бодайбинском районе в 1897 г. Систематические, а также и беспорядочные перекочевки тунгусов в пределах бывшего Олекминского округа Якутской области (куда входил и Бодайбинский район) не позволяют остановиться на определенной цифре, характеризующей численность тунгусского населения в Бодайбинском районе 30 лет тому назад.

---

[1] Для настоящего очерка был использован статистический материал переписи, находящийся в распоряжении Иркутского Уполномоченного Комитета Севера.

[2] С. Патканов.—„Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири". Записки Р. Г. О. по отд. этногр., т. XXXI. ч. 1—2.

Параллели между данными работы Патканова и материалами переписи 1927 года о количестве населения с натяжкой можно провести лишь по отдельным тунгусским стойбищам. В целом перепись 1927 года также не отвечает на вопрос об общем количестве тунгусского населения в Бодайбинском районе. Перепись охватила только три стойбища, а именно: 1) на реке Мамакан (левый приток Витима) с 13 тунгусскими и 12 якутскими хозяйствами, отстоящими от города Бодайбо на расстоянии 32 клм. 2) на острове у озера Толондо, находящегося по течению реки Жуи в 48 клм. выше устья реки М.-Тунгусска. Здесь найдено 4 тунгусских хозяйства и 4 якутских. Расстояние от этого стойбища до г. Бодайбо определяется в 262 клм. 3) на левом берегу реки Хомолхо при впадении ее в реку Жуя. В этом стойбище учтено 24 тунгусских и 8 якутских хозяйств. Расстояние до г. Бодайбо 365 клм.

Всего переписью по трем означенным стойбищам зарегистрировано тунгусов 172 душ обоего пола. Прочие места обширного Бодайбинского района переписью не были охвачены. Между тем известно, что тунгусские поселения и кочевья имеются по рекам Б. Патома, М. Патома, Чара, Вача, Негера и по целому ряду различных мелких речек и ручьев. Сколько тунгусов проживает во всех этих местах, совершенно неизвестно; вопрос о количестве тунгусского населения, к сожалению, остается открытым. В попытке ориентировочного определения количества бодайбинских тунгусов Иркутский Комитет Севера обращался за справкой к Бодайбинскому Районному Исполнительному Комитету. Однако ответ получился крайне неудовлетворительный. Бодайбинский РИК отказался дать сколько-нибудь достоверную справку, указав, что по приблизительному подсчету в районе имеется до 350 тунгусов. Но эта цифра относится только к территории Жуинского и Нелятского сельсоветов. Тунгусы Мачинского сельсовета и других мест, видимо, не взяты даже в приблизительный учет.

Бодайбинский район издавна был населен тунгусами. Позднее сюда перекочевали якуты, поселения которых прочно укрепились в районе бассейнов Витима, Олекмы, Чары. Затем, с открытием бодайбинско-олекминской золотопромышленной системы, Бодайбинский район стал быстро заселяться приисковым русским населением. Шумная ватага русских золотоискателей, густо осевших по притокам р.р. Жуи и Витима, сильно потеснила как охотников-тунгусов, так и якутов. Поскольку позволяли местные природные условия, часть бродячих тунгусов перекочевала в пределы нынешней Бурято-Монгольской Республики и северо-западных земель бывшей Забайкальской области. Другая часть тунгусов выдержала натиск русских

пришельцев, уходя со своими кочевками в нетронутые просторы бодайбинской тайги. Однако, новая экономика, свазанная с развитым приисковым бытом, постепенно втягивала в свою орбиту тунгусов Бодайбинского района. Товарность тунгусских хозяйств заметно поднялась; стали развиваться извозный и лесной промыслы; отдельные представители тунгусов втягивались даже в золотоискательскую деятельность. С другой стороны, в тунгусском обиходе появились в изобилии водка, табак, дорого стоющие сладости и безделушки.

Наступление чуждого быта на бодайбинских тунгусов, несомненно, началось значительно раньше открытия золотопромышленных предприятий. Но расцвет золотоискательства в пределах Бодайбинского района наложил яркий отпечаток на экономику тунгусских хозяйств, снабдив их новыми бытовыми чертами. В целом тунгусские хозяйства остались по преимуществу охотничьими хозяйствами. Однако, самая техника охоты и ее, так сказать, целевая установка значительно изменились. На смену хозяйственно-потребительского оленеводства стало развиваться скотоводство. Были попытки обзавестись полеводческим хозяйством. Развились отхожие промыслы. Над тунгусами стала тяготеть бушующая жизнь таких городских центров, как Бодайбо, где товарное изобилие дает широкий простор для удовлетворения материальных и эмоциональных потребностей. Но все же постоянным и главным источником существования попрежнему для тунгусов оставалась лесная тайга с рассекающими ее реками. Здесь заложена основа материального благополучия тунгусов.

В части, населенной тунгусами, территория Бодайбинского района изобилует хвойными массивами. Есть и лиственные леса, насаждения которых чаще всего встречаютя по долинам рек. Рельеф района в достаточной мере строг. Горные хребты и водоразделы длинной вереницей чередуются по охотничьим угодьям тунгусов. Горы в большей части случаев облесены таежными породами дерев (сосна, кедр, ель, лиственица). Имеются и возвышенные гольцы. Гористый и лесной характер местности в условиях северной Сибири неизбежно связан с наличием густо переплетенной сети горных речек, озер и ручейков, не говоря уже о таких, сравнительно крупных, реках, как Витим, Вача, Чара, Жуя, Б. Патома и др. Местами почва болотиста. По долинам рек имеются естественные луговые угодья. Стойбища тунгусов, обычно, находятся в непосредственной близости от леса и от источников водоснабжения. Климатические условия отличаются суровостью. Разумеется, здесь нет таких низких температур, какие встречаются на крайнем севере, но все же очень длинная и холодная зима при

коротком лете характеризует местный климат строгими чертами морозного сибирского захолустья. Снежный покров начинает появлятьсх между 20 сентября и 1-го октября. Глубина снежного покрова доходит в падях до двух и более метров. На гольцах слой снега не превышает 15—20 см. Реки и озера покрываются льдом в первых числах ноября. Санный путь устанавливается с покрытием рек между 15 и 25 ноября и держится до 1-го мая. Сплошное таяние снегов весной 1926 года началось во второй половине апреля. Реки вскрылись между 18 и 25 мая, а озера в самом конце мая и даже в начале июня. Луговые травы зазеленели во второй половине июня. Лето 1926 г. было дождливое и холодное. По стойбищу при устье р. Хомолхо отмечается сухое начало лета с последующими периодическими дождями в конце и середине лета.

Все эти показания о важнейших климатических явлениях подтверждают ранее высказанную мысль о сравнительной суровости климата в районе поселений бодайбинских тунгусов.

Пункты культурно-экономической связи. Выше уже отмечалось, что перепись 1927 года охватила всего три стойбища, отстоящие друг от друга на довольно значительном расстоянии. Вот нсколько справок, относящихся к каждому отдельному стойбищу.

Стойбище на р. Мамакан. Ближайший населенный пункт „Усть Мамакан“ на расстоянии 23 клм. от стойбища. Связь с этим пунктом поддерживается по реке на лодках и сухопутно на оленях. Наезженных колесных дорог нет. Важнейшим пунктом связи является г. Бодайбо (32 клм.). Здесь находятся ближайшие от стойбища кооперативные организации, госзаготовительная фактория, почтово-телеграфная контора, школы, врачебный и ветеринарный пункт и ряд других учреждений. Летом связь с Бодайбо поддерживается по реке на лодках. Время пробега $^1/_2$ дня вниз по течению и 2 дня вверх до стойбища. Зимой путь до Бодайбо покрывается на оленях в одне сутки.

Стойбище у оз. Толондо. Тунгусы этого стойбища держат экономическую связь с прииском „Светлый“, с Жуинским сельсоветом, с г. Бодайбо и с Мачей. Прииск „Светлый“ находится на расстоянии 48 клм. от стойбища. На таком же расстоянии находится и Жуинский сельсовет (при впадении р. Малой Туш в р. Жуя). Путь до этих пунктов покрывается на лодках, лошадях и на оленях. Расстояние до г. Бодайбо 262 клм. Это расстояние частично покрывается на лошадях или на оленях и проездом по железной дороге. Тунгусы с оз. Толондо лишь изредка посещают г. Бодайбо. Сезонным местом сбыта пушнины является Мача в ярмарочный период (Петров день 29 июня ст. ст.) Путь на ярмарку очень длинен (355 клм.) и

утомителен. Расстояние берется не менее, как в 6 суток. Способ передвижения—лодки, лошади, олени. Более близким, чем Мача, местом сбыта и покупки являетси госфактория на устье р. Хомолхо (около 200 клм.). Наиболее оживленную связь тунгусы с оз. Толондо поддерживают с прииском „Светлый". Здесь имеется врачебный пункт, почта и школа; здесь же тунгусы получали работу на приисковых лесозаготовках.

Стойбище при устье р. Хомолхо. На месте стойбища имеется госзаготовительная фактория, поэтому тунгусы не испытывают заметного экономического тяготения к прочим населенным пунктам Бодайбинского района. Путь до г. Бодайбо 365 клм., до прииска „Светлый" 150 клм., до Мачи 156 клм. Способ передвижения—лодки, олени, лошади.

Пути сообщения и перевозочные средства. Малообжитой и обширный Бодайбинский район вообще не имеет сколько-нибудь удовлетворительных грунтовых дорог, а в таежных глухих местах, заселенных тунгусами, совершенно нет колесных дорог. Обычно тунгусы в зимнее время пользуются для передвижек руслами рек, а летом—водными путями и сухопутными тропами. Старые грунтовые дороги (например, Мача Жуинские прииска) пришли в полную негодность. Ремонт дорог не производится. У оседлых тунгусов не применяются дорожные повинности. Общественных переправ через реки и топи также нет. Раньше по приисковым дорогам были построены мосты. Теперь они пришли в полную негодность. Из Мачи грузы перебрасываются преимущественно зимним путем. Доставка грузов в летний период возможна вьюком на лошадях и оленях. Существующие сухопутные дороги и тропы гористы и болотисты. По пути часто попадаются броды. В этих условиях передвижение возможно только верхом или пешком. Речное сообщение не всегда безопасно, так как реки в большей части случаев имеют очень быстрое течение, извилисты, преграждены валунами и перекатами.

В соответствии с наличными естественными путями сообщения тунгусские хозяйства располагают надлежащим транспортным инвентарем. Последний может быть распределен на две группы: 1) гужевой сухопутный инвентарь и 2) водотранспортный инвентарь. Всего по трем стойбищам имеется 33 хозяйства с сухопутным инвентарем. Из них с конным инвентарем—14 хозяйств и с оленным инвентарем—21 хозяйство. Все эти хозяйства имеют—24 шт. саней, 84 шт. нарт, 69 оленных упряжек, 25 конных упряжек и 158 шт. разных седел.

По стойбищу на реке Мамакан имеется только оленный инвентарь, при чем у некоторых безоленных хозяйств все же отмечена наличность оленьих упряжек, нарт и седел; видимо,

эти хозяйства или когда-то имели ездовых оленей, или держат оленный инвентарь на случай его использования при езде на чужих (заемных) оленях.

Остальные два стойбища располагают как оленным, так и конным инвентарем. Характерно то, что у конных хозяйств совершенно нет колесного инвентаря, зато имеется санный инвентарь. Это явление лишний раз подтверждает, что сухопутный проезд в упряжке возможен только по зимней дороге; летнего же колесного пути не имеется. Не менее характерно и то обстоятельство, что тунгусы Бодайбинского района не держат ездовых собак.

К сухопутному инвентарю можно отнести еще лыжи. Их на каждое хозяйство прнходится по нескольку пар, так как при зимней охоте лыжи являются необходимой принадлежностью каждого охотника.

Не менее важно для тунгусов иметь водотранспортный инвентарь. Он нужен как для передвижений, так и для отправления рыболовного промысла. Редкое хозяйство не имеет своей лодки. Любопытно, что бодайбинские тунгусы не применяют долбленых „веток". Берестяные ветки также встречаются редко. Обычно применяются легкие гнутые дощатые лодки, обшитые снизу просмоленной берестой или другим покровом. Видимо, для таких лодок совершенно пригодным будет одноручное весло и шест.

Кочевки. В данное время бодайбинских тунгусов нельзя уже отнести к кочевым или бродячим народам. Почти все бодайбинские тунгусы имеют относительную оседлость. Кочевки же определяются оленьими пастбищами и сезонными зверовыми путями. Некоторые хозяйства имеют настолько прочную оседлость, что совершенно не покидают стойбищ.

Полукочевые хозяйства в большинстве случаев совершают передвижения в определенном районе, но внутри этого района кочуют беспорядочно. Так, Мамаканская группа тунгусов кочует по обе стороны р. Мамакан; группа тунгусов с устья р. Хомолхо кочует в бассейне р. Жуи и ее притоков; лишь тунгусы с озера Толондо имеют более правильные и постоянные кочевки. Эти тунгусы обычно сентябрь месяц проводят на прииске „Светлый". Затем до половины октября передвигаются по р. Жуе. В январе, после осеннего и зимнего сезона охоты, тунгусы вновь со стойбища возвращаются на прииск „Светлый". Май, июнь, июль и август проводят по долине р. Жуи, на сравнительно небольшом расстоянии от стойбища. Но есть и более далекие кочевки. Так, две семьи в зимнее время кочуют на устье р. Вача в 65 клм. от оз. Толондо, а одна семья спускается вниз по р. Жуе, вплоть до устья р. Хомол-

хо (200 клм.). Описанный кочевой маршрут свидетельствует о том, что охотники-тунгусы не стеснены в охотничьих угодьях и в погоне за зверем заходят иногда на довольно значительные расстояния от своего стойбища. Но и в этих случаях тяга к стойбищу остается в полной силе. Можно поэтому предположить, что кочевой и бродячий быт бодайбинских тунгусов давно уже утратил свою былую значимость. Перегруппировка элементов тунгусского хозяйства и рост экономики Бодайбинского района, вероятно, окончательно выведет семейный кочевой быт из исторического обихода местных тунгусов.

Население. Уже отмечено, что перепись не охватила всего тунгусского населения Бодайбинского района, и потому не выяснила общего количества бодайбинских тунгусов. Всего переписью учтено 172 тунгусских душ и 55 якутских; учтенное тунгусское население по половому составу распределяется в следующем виде:

СТОЙБИЩА	Число хозяйств	В них населения			Средний состав семьи
		Мужск.	Женск.	Всего	
Мамакан	13	28	20	48	3.7
Толондо	4	6	4	10	2 5
Хомолхо	24	63	51	114	4.8
ИТОГО . .	41	97	75	172	4.2

В этой таблице обращает на себя внимание крупный перевес мужского населения над женским. В среднем на 100 мужчин по стойбищу Мамакан приходится 71 женщина, по стойбищу Толондо—67 женщин и по стойбищу Хомолхо 81 женщина. В итоге по всем трем стойбищам 100 мужчинам соответствует всего 77 женщин. Такой половой состав оставляет под резким сомнением будущую жизнеспособность бодайбинских тунгусов. Не достаточно хорошо обстоит дело и со средним семейным составом. Здесь устанавливается прямая зависимость между степенью оседлости и высотой семейного состава, при чем более обжитые и крупные стойбища (Хомолхо) дают и более высокий семейный состав. Если степень семейности, а также количественное отношение полов являются верными показателями жизнеспособности населения, то по этим признакам

бодайбинске тунгусы все же являются несколько устойчивее своих соседей—якутов. Их состав можно охарактеризовать следующей таблицей:

СТОЙБИЩА	Число хозяйств	Из них населения			Средний состав семьи
		Мужск.	Женск.	Всего	
Мамакан	12	15	11	26	2.2
Толондо	4	7	3	10	2.5
Хомолхо	8	10	9	19	2.4
Итого .	21	32	23	55	2.3

Здесь более низкий семейный состав: на сто мужчин приходится в среднем всего 72 женщины.

Невысокий (а иногда и необычайно низкий) средний семейный состав тунгусского населения характеризует слабую жизнеспособность всего учтенного населения тунгусов. Но внутри этого населения есть отдельные единицы, у которых показатель семейности вполне удовлетворителен.

Это можно проследить по следующей таблице, в которой все хозяйства разнесены по степени семейности в процентах к общему числу хозяйств:

СТОЙБИЩА	% хозяйств с числом членов				
	2 чел.	3 чел.	4 чел.	5 чел.	6–10 ч.
Мамакан	38%	8%	23%	15,5%	15,5%
Толондо	50%	50%	—	—	—
Хомолхо	17%	12%	13%	25%	33%
В среднем	27%	15%	14%	20%	24%

Отсюда видно, что более половины всех тунгусских хозяйств имеет вполне удовлетворительный семейный состав. В этих хозяйствах половой состав также более благоприятный.

Если же обратиться к возрастному строению тунгусского населения, то его нежизнеспособность выступит с прежней силой.

Вот характерная таблица, подтверждающая это явление:

СТОЙБИЩА	В процентах ко всему населению		
	Детей обоего пола до 6 лет	Подростков обоего пола до 18 л. до 16 л.	Взрослых обоего пола
Мамакан	16,7%	27,1%	56,2%
Толондо	0,0%	40,0%	60,0%
Хомолхо	16,7%	29,0%	54,3%
В среднем .	15,7%	29,1%	55,2%
	44,8%		

Людская смена очень мала. Да и весь людской молодняк не способен заменить отживающее поколение, к тому же среди взрослого населения глубокие старики (свыше 60 лет) составляют около 20% . Понятно, что при таких показателях вполне возможно естественное уменьшение общей численности тунгусского населения. Всегда ли основные показатели жизнеспособности так неблагоприятно складывались у бодайбинских тунгусов. На этот вопрос отвечает общая теория вымирания экономически отсталых народов Сибири. Можно лишь указать, что по переписи 1897 года показатели у тунгусов бывш. Олекминского округа были более благоприятны, хотя и не вполне удовлетворительны. В то время средний семейный состав определялся в 4.3 чел., а на 100 мужчин приходилось 95 женщин. Теперь эти показатели значительно снизились и стали явно угрожающими. Движение населения бодайбинских тунгусов также не благоприятно для основного населения. С 1 октября 1924 года по момент переписи (лето 1927 года) в составе населения произошли следующие изменения: родилось 9 челов., умерло 3 чел., вошли в тунгусские хозяйства 2 чел. и выбыло из тунгусских хозяйств 9 чел. В результате этих изменений населенность по стойбищу Мамакан уменьшилась на 5 чел., а по стойбищу Хомолхо увеличилось на 4 чел.

Естественный прирост населения за $2^1/_2$ года крайне низок. Правда, смертность также не высока. Возможно, что есте-

ственное движение населения отражено в материалах переписи не достаточно полно, что часто бывает при проведении переписей среди так называемых инородческих племен Сибири.

В конечном счете по приведенным данным тунгусское население за $2^1/_2$ года уменьшилось на одну единицу. Некоторую роль здесь сыграло и механическое движение населения. Ряд тунгусов, живущих в непосредственной близости от гор. Бодайбо, покидают свои стойбища.

Грамотность. Можно заранее сказать, что бодайбинские тунгусы в огромном проценте являются неграмотными. Грамотность среди тунгусов явление крайне редкое. Лишь на крупных стойбищах при прочной оседлости изредка встречаются грамотные люди. Вот справка о распространении грамотности среди тунгусов: по стойбищу Толондо имеется один грамотный мужчина, а по стойбищу Хомолхо—4 грамотных мужчины и 2 женщины; стойбище Мамакан совершенно не имеет грамотных людей.

Здесь имеется в виду русская грамотность, так как наиболее сильное культурно-экономическое влияние на тунгусов оказывают русские.

Как правило, тунгусы не отдают детей в школы. По правде сказать, тунгусы и не имеют возможности обучать детей в русских школах, так как ближайшие от стойбищ школы находятся на расстоянии от 32 до 200 клм. По стойбищам среди тунгусов никто культурно-просветительной работы не ведет. Были случаи, когда зажиточные тунгусы с устья Хомолхо отдавали своих детей на обучение к фельдшеру, проживавшему в непосредственной близости от стойбища.

Язык. Учтенные тунгусы говорят на тунгусском наречии, общем для всех бодайбинских тунгусов. Многие тунгусы легко изъясняются на якутском языке. Есть даже случаи, когда тунгусы считают своим родным языком якутский язык. Здесь, несомненно, сказались результаты скрещивания тунгусов с якутами. Что касается русского языка, то он распространен далеко не по всем стойбищам.

Вот сведения о говорящих по русски: по стойбищу Мамакан из 48 душ населения по-русски говорят только 8 чел. (5 мужч. и 3 женщ.); по стойбищу Толондо из 10 чел. населения говорят по-русски 8 чел. (5 муж. и 3 жен.); наконец, по стойбищу Хомолхо при 114 чел. населения говорит по русски 63 ч. (40 муж. и 23 жен.). Как ни странно, но наиболее слабая распространенность русского языка отмечается по стойбищу Мамакан, находящемуся всего в 32 клм. от г. Бодайбо. Самый высокий процент говорящих по-русски наблюдается по стойбищу Толондо, население которого было втянуто в лесные за-

готовки на прииске «Светлый». Сравнительно много тунгусов стойбища Хомолхо знакомо с русским языком. Эти тунгусы в свое время имели общение с Жуинским приисковым населением и в данное время поддерживают связь с Мачинской ярмаркой и с грузооборотом на Мачу. В среднем по всем трем стойбищам по-русски говорят 45,9%. Процент говорящих по-русски мужчин доходит до 51,5%. Зато у тунгусских женщин меньшее знакомство с русским разговорны языком. Процент говорящих по-русски женщин достигает всего 38,7%.

Жилища тунгусов. Окружающая внешняя природа в большинстве случаев оказывает значительное влияние на характер материальных потребностей человека и на способ удовлетворения этих потребностей. Можно поэтому предполагать, что в суровых климатических условиях севера человек по неизбежности затрачивает много труда на сооружение прочных и теплых жилищ. Здесь жилищная потребность должна являться потребностью первой необходимости. Между тем тунгусы бодайбинского района дают яркий пример того, как, вопреки всем разумным требованиям самосохранения, жилищные нужды удовлетворяются невероятно плохо. Пренебрежение к жилищным условиям свойственно многим северным народам, не вполне пережившим кочевой быт. Прошлые кочевания и характер хозяйственной деятельности в настоящем (охота) побуждают охотничьи хозяйства тунгусов обзаводиться по преимуществу легкими переносными жилищами, несмотря на то, что обиход этих хозяйств все прочнее и прочнее связывается с определенной оседлостью. Правда, на месте этой оседлости тунгусы возводят иногда рубленые русские дома. Но таких домов еще очень мало. Чаще всего тип постоянных жилых построек напоминает рубленое зимовье с земляным полом и деревянным потолком без крыши. Юрты, как постоянные жилища, почти совсем вышли из быта. Досчатых русских домов также не возводится. Наиболее распространенным жилищем является переносное жилище—чум. Есть чумы зимние и летние. Чум представляет конусообразное строение из жердей. Высота чума до $2^1/_2$ метров, диаметр основания—от 2-х до $3^1/_2$ метров. Летний чум покрывается лиственичной корой внизу и берестой—вверху. Зимний чум покрывают шкурами лося или оленя. Иногда верхняя часть зимнего чума окутывается холщевыми мешками. На обшивку нижней части чума расходуется до 10 лосиновых шкур, на верхнюю часть—8 шкур. Входное отверстие завешивается также шкурой. Дневной свет проникает в чум через дымовое отверстие, а также через боковой ход. Пол в чуме земляной. Застилается сосновыми и еловыми ветками. Ветки очень редко сменяются. Во время охоты, кроме чума, соору-

жают иногда так называемый „сотокуй“. Он представляет подобие двухскатной крыши, непосредственно поставленной на землю (без стен и пола). Сбоку этого строения оставляется входное отверстие. На постройку сотокуя применяются тонкие бревна (жерди). Все переносные жилища, а также и постоянные зимовья отапливаются русскими железными печками, труба от которых проходит в верхнее дымовое отверстие. Наблюдаются случаи, когда посредине чума под дымовым отверстием разводится костер. Для разведения огня применяются спички, изредка—кремень. В вечернее время жилища освещаются огнем от костра или печек, а также свечами. Жилища не проветриваются. Постель в жилищах постилается из оленьих шкур. Подушки обыкновенные, набитые лосинной или оленьей шерстью. Есть суконные или меховые заячьи одеяла. Украшений в жилищах почти никаких нет. Кроме жилых построек, у тунгусов имеются еще и промысловые постройки—избушки и лабазы. Почти каждый охотник имеет такую промысловую постройку, где он находит незатейливый приют во время промысла.

Надворных построек на стойбище почти нет. Амбары и загороди—крайне редкое явление. Сараев не устраивают даже хозяйства, имеющие скот.

Итак, жилищная потребность тунгусов удовлетворяется весьма плохо. Но и такая степень обеспеченности жилищем есть далеко не у всех тунгусов. Многие из них совершенно не имеют никаких жилых построек. Такие тунгусы (иногда семейные) ютятся в жилищах своих соседей и товарищей по охоте.

Вот коротенькая справка о „бездомных“ тунгусах:

СТОЙБИЩА	Колич. хозяйств, прожив. в чужих жилищах	Число душ в этих хозяйствах	% бездомных хозяйств	% бездомного населения
Мамакан	7	16	52%	33%
Толондо	2	4	50%	40%
Хомолхо	4	11	17%	10%
Всего .	13	31	32%	18%

Процент „бездомных“ особенно велик по первым двум стойбищам. На прочном стойбище при устье р. Хомолхо „бездомные“ имеют значительно меньший процент. На этом стой-

бище у тунгусов поставлены рубленые русские дома и сравнительно большое количество деревянных зимовий. Общее же представление о постройках тунгусов по всем трем стойбищам дает следующая таблица:

СТОЙБИЩА	Число хозяйств с постройками	У Н И Х						
		Дом. русских			Пром. постр.		Ч у м о в	
		Рубленых	Зимовий	Амбаров	Избушек	Лабазов	Зимних	Летних
Мамакан . . .	8	—	6	—	9	2	4	5
Толондо . . .	3	1	—	—	3	—	—	1
Хомолхо . . .	22	3	12	3	13	5	8	13
Итого .	33	4	18	3	25	7	12	19

Вот весь жилищный фонд бодайбиских тунгусов. К этому нужно еще добавить, что за ветхостью совершенно не используются для жилья две жилые постройки по стойбищу Мамакан и две по стойбищу Хомолхо.

Домашняя утварь. Убогости тунгусских жилищ вполне соответствует и незатейливость домашней утвари. Из покупной посуды применяются: жестяные чайники и котлы для варки мяса. Встречаются также чугунные сковороды и сшивные тазы для замешивания теста. Чайная и обеденная посуда из жести, глины и дерева. Внутри хозяйства приготовляются из бересты туязки и чуманы для засолки рыбы. Приготовляются также деревянные долбленые корыта для разных надобностей. Есть деревянные чайники. Из железа изготовляют скребки для выделки кож. Украшений на домашней утвари и посуде не делают.

Одежда. Климатические условия Бодайбинских лесных пространств заставляют тунгусов применять для одежды прочный и теплый материал. Немудрено поэтому, что на одежду расходуется не мало мехов и шкур, тем более, что внутри охотничьих хозяйств постоянно имеется в наличности и то, и другое. Почти всю одежду изготовляют домашним способом. Шьют преимущественно женщины. Из обуви применяются унты, сшитые жилами из 10-ти камас. Из коровьих и конских кож приготовляются сары (обувь). Из лосины шьют олочи (обувь без голенищ). Летние олони делаются из сукна с ко-

БИБЛИОТЕКА
ЕДИНЫЙ КАТАЛОГ.

жаной подошвой. Употребляются также меховые чулки из зайчины. Рукавицы и перчатки шьются из лосины с меховой подкладкой из зайца, белки и лисицы.

Шапки в большей части случаев оленьи или беличьи. Штаны как для мужчин, так и для женщин приготовляются из лосиновых кож и шкур, дохи—преимущественно из оленьих шкур. Употребляются также крытые сукном и трико короткие пиджаки и саки на беличьем меху. Домашняя одежда—брюки, кофты, рубахи шьются из ситца, сукна, трико, дабы, плиса и других материалов. В качестве украшения тунгусы носят металлические кольца и серьги (золотые, серебряные и медные). Зажиточные мужчины имеют серебряные или стальные часы с цепочкой и дешевыми брелоками.

Пища. О нормах питания тунгусского населения будет подробно сказано в дальнейшем изложении. Сейчас необходимо лишь отметить бытовые особенности питания тунгусов. Обычной пищей является чай, хлеб (пресные лепешки) и мясо. Мясо потребляется во всех видах: сыром, вареном и жареном. Вареная пища предпочитается жареной. Любимым блюдом тунгусов считается: коровье масло, мелко-рубленое медвежье мясо, поджареное в масле, а также языки копытных животных. Мясо и ягоды тунгусы не консервируют. Рыбу солят и морозят. Тунгусы много пьют вина и сильно курят табак. Пищевое обеспечение не регулярное. В период продовольственного изобилия тунгусы едят часто и помногу. Зато в прочее время население нередко питается впроголоть. (Запретной пищи не существует. Лишь беременным женщинам запрещается печенка, почки и сердце).

Благоустройство, общественная и домашняя санитария. Жилища не моются, или моются очень редко. Белье изредка стирают теплой водой с мылом и золой. Сами тунгусы почти не моются. Зато умываются почти ежедневно—иногда и с мылом. В жилище и одежде тунгусов много паразитов. Борьбы с ними никакой не ведется, если не считать простого вылавливания паразитов из одежды и волос. Копоть, теснота и грязь в жилищах—бытовое явление. В районе стойбищ никаких мероприятий по благоустройству не проводится. Больниц и амбулаторий нет. Тунгусы врачей почти не видят. Население со стойбища Хомолхо пользуется иногда фельдшерской помощью на перевозе при устье р. Хомолхо. Эпидемических заболеваний не отмечается. Лишь по стойбищу Мамакан есть указание на эпидемию оспы в 1925 году. Отмечаются также случаи психических заболеваний (здесь, вероятно, имеют место различные психозы, связанные с вырождением, пьянством и органическими заболеваниями). Лечащих знахарей и шаманов на

стойбищах почти нет. К шаманам изредка ездят за помощью за 50—100 клм. Культурно-просветительная работа отсутствует. Кладбищ не устраивают. Мертвецов хоронят или на стойбище или в ближайших борах.

Семья и брак.. Многоженство и многомужество у тунгусов совершенно не встречается. Разводы—крайне редкое явление. Супружеская верность считается достоинством обоих полов. Семья по общему правилу является первичной социальной ячейкой. Дети живут совместно с родителями. Дети до 10—12 летнего возраста в воспитательном отношении находятся иа попечении матери. По правде говоря, ребенок до этого возраста чаще всего предоставлен сам себе. С 10—12 лет подростков приучают к охоте и используют для пастьбы оленей. Женщины в доме выполняют все домашние работы и наблюдают за оленьим стадом. Положение женщин в семье приблизительно такое же, как и у женщин глухих русских уголков. Возрастный ценз для брака не установлен. Но обычно обручение совершается над подростками не моложе 13—15 лет. В брак же вступают с 18 летнего возраста (женщины с 14 лет). Совершение брака не связано с непременной выдачей калыма. Зато при сговоре жених обязан доставить в дом невесты столько водки, сколько запросит отец невесты. Раньше калым взимался до 1000 рублей. Теперь калым берется не более 300 рублей. Чаще всего браки совершаются внутри своего племени. Но есть и смешанные браки с якутами и русскими. В этом отношении никаких запретов не существует. Обычно жена входит в семью мужа (бывает и наоборот). Муж является главой семьи. Родители выбирают своим детям супругов, но за последнее время нередки случаи, когда дочери и сыновья сами выбирают себе супругов. Иногда, не получив согласия родителей, дочь самовольно уходит в дом к своему мужу. В брак не могут вступать лишь дети родных братьев и сестер. Прочие виды родства не являются препятствием для вступления в брак. Туземные обряды при совершении браков не отмечены. Браки регистрируются в ближайшем сельсовете. При наличии священника совершается и церковный обряд.

Родовой быт и строй. Для освещения родовых связей бодайбинских тунгусов нужны специальные научные обследования. Материалы приведенной переписи лишь вскользь отвечают на некоторые вопросы родового быта и строя. Сколько можно судить по этим материалам, бодайбинскими тунгусами совершенно забыто свое племенное происхождение. Почти все тунгусы считают себя коренными жителями Бодайбинского района. Между тем изученные пути передвижения тунгусов свидетельствуют о том, что Бодайбинский район заселен в зна-

чительной части тунгусами с берегов Байкала, с Верхней Ангары и севера бывш. Олекминского округа. Наконец среди тунгусов в данное время имются и явно чужеродные элементы, прочно сросшиеся с основной массой тунгусов. Родовую принадлежность установить не удолось. Есть указания лишь на то, что на стойбище Мамакан все тунгусы разных родов. Бытовых отличительных знаков рода, (обычаи, божество, имена, танго) также не отмечено. Известно лишь, что термин рода тунгусы выводят от имени предка. Родовой кровной мести нет. Отношение к соседям в общем мирное, хотя тунгусы недолюбливают русских за эксплоатацию и обманы (работа частных скупщиков). С якутами тунгусы нередко роднятся, но, все же и к якутам наблюдается натянутое отношение. Родовых и племенных сборищ (сугланов и пр.) не отмечено ни по стойбищу Мамакан, ни по стойбищу Толондо. Прикочевок на сугланы к другим тунгусам население этих стойбищ не практикует Собственнных органов управления нет. Лишь по стойбищу Хомолхо есть указания на созывы суглана. Суглан созывается по мере надобности для дележа покосов и для решения мелких административно-судебных дел. На суглан других групп тунгусов не прикачевывает. В сущности говоря, суглан при устье р. Хомолхо лишен каких-либо особенностей, обусловленных племенными и родовыми условиями. Его можно сравнить с обычным сельским сходом.

Административное управление находится в ведении Бодайбинского райисполкома и подлежащих сельсоветов. В частности Нелятский сельсовет считается чисто тунгусским сельсоветом.

Налогов тунгусы не платят и общественных повинностей не несут.

Культ. Еще во время переписи 1897 года все тунгусы, населявшие нынешний Бодайбинский район, показали себя христианами, принадлежащими к православной церкви. Обращение тунгусов в христианство началось в XVII веке. Однако, еще во второй половине XVIII века много тунгусов пребывало в „вере отцов“ Русские миссионеры, работавшие над искоренением „язычества“ среди тунгусов, сами стояли на чрезвычайно низкой ступени культурного развития. Они могли передать тунгусам только внешнюю обрядоврю сторону христианства. Но всеже отменная восприимчивость тунгусов к верованиям более культурных и энергичных народов привела к тому, что тунгусы сплошь оказались христианами. Однако, это христианство чисто номинальное. В действительности же в верховьях тунгусов, вероятно, имеются всевозможные наслоения.

В текстовых заметках переписи 1927 года значится, что шаманы были сильны еще сравнительно недавно. Теперь авто-

ритет шаманов заметно упал. Однако в трудных жизненных сплетениях тунгус охотно обращается к ним за помощью. На Мамакане, например, имеются два шамана (оба крещеные). К ним обращаются за лечебной помощью и для проводов умерших в „долбнитки“ (вечную ночь).

Камлание применяется не только во время лечения и отправления религиозных треб; но и как ворожба и даже как напутствие на промысел. „Языческая“ обрядность проявляется во многих чертах тунгусского быта. Есть, например, указания на то, что тунгусы не применяют для езды того оленя, на котором возят изображение божка.

Бок о бок с шаманством уживается и обрядовое христианство. Тунгусы нередко пригашают священника для освящения брака, для крещения или отпевания умерших. Все тунгусы на ряду с племенными не христианскими именами и прозвищами имеют церковно—календарные имена. Из христианских праздников особой популярностью пользуются пасха, петров день и покров. Популярность этих праздников вытекает не столько из основ церковного вероучения, сколько из экономических особенностей местного быта. Покров и пасха являются сезонными поворотами, имеющими большое экономическое значение для тунгусских полукочевых охотничьих хозяйств. Петров же день является днем Мачинской ярмарки с ее разгулами, картежной игрой и пр. Продолжительность праздника определяется не церковными уставами, а материальными рессурсами тунгусов. Зажиточные тунгусы празднуют дольше, чем бедняки.

Прочие бытовые особенности тунгусов. Здесь не маловажная роль принадлежит суевериям тунгусов, а иногда и материальным расчетам. Так, перед крещением ребенка подыскиваются крестные родители из зажиточных тунгусов или даже из русских. Тунгусы вообще не прочь использовать кристины для того, чтобы породниться с экономическими крепкими или влиятельными хозяйствами.

Беременной женщине нельзя есть печенку, сердце и голову убитых животных. Тунгусы полагают, что от этого портятся ружья, и кроме того, это может неблагоприятно отразится на новорожденном: он будет злым и пугливым. Перед родами женщина избегает тяжелой работы. Ребенку готовится одежда. Перед самыми родами пытаются предугадать их болезненность. Для этого берут сырое лиственичное дерево и забивают вдоль его сухой лиственичный клин. Если дерево легко колется, то и роды будут легкие. При неблагоприятных показаниях приглашают бабку-повитуху или даже шамана. Если после родов роженица сильно кровоточит, то убивают оленя, корову или коня и кровью этих животных (смесь с водой) поят роженицу. Этот обряд известен и якутам.

Естественная смерть человека производит на тунгуса сильное впечатление, граничащее с боязнью. Мертвых погребают на небольших возвышенностях головою к западу с тем, чтобы умерший смотрел на солнечный восход. Вместе с трупом в могилу опускают кое-какую посуду, трубку, табак и пр. Посуда и обувь обязательна продырявливается. Хоронят в гробах. Гроб в могиле ставят на доски, с боков также кладут доски. Вверху над гробом делают досчатый настил для того, чтобы земля не ссыпалась в гроб и чтобы не было тяжело усопшему. Перед тем, как закопать могилу, каждый присутствующий бросает в нее горсть земли. Загребают могилу лопатой справа налево.

Из других воззрений привлекают внимание такие: чужой женщине нельзя проходить между чумом и потакуями (имуществом). В противном случае кто нибудь из семьи может заболеть. Через оленью упряжку женщине нельзя перешагивать (девице можно), иначе случится какое-нибудь несчастье с оленями: заболеют, станут сохнуть и т. п. Женщине нельзя также ходить через речной заездок, так как от этого рыба не будет попадать в морды и корыта.

Во избежание несчастий в пути рубят на ночлеге дерево так, чтобы оно не упало поперек дороги.

Вероятно, есть и еще множество различных суеверий, связанных с разными моментами в жизни тунгусов. Разумеется, что в материалах статистической переписи не было уделено достаточного места собиранию данных, касающихся народных воззрений.

Занятия тунгусов. Тунгусские хозяйства по преимуществу являются промысловыми хозяйствами. Таежное оленеводство тунгусов также носит специфический характер необходимого материального условия для удачного отправления основного промысла (охоты). Общая сводка главнейших занятий тунгусов может быть представлена в следующем виде:

СТОЙБИЩА	Число занятых мужчин	Мужские занятия					Число занятых женщин	Женские занятия		
		Сельск.-хоз.	Оленеводство	Рыболовство	Охота	Прочие		Сельск.-хоз	Рыболовство	Охота
Мамакан	20	—	11	14	19	1	1	—	—	1
Толондо	4	2	4	4	5	3	1	1	—	—
Хомолхо	47	21	22	37	34	3	10	8	1	1
Итого	71	23	37	55	58	7	12	9	1	2

Постоянных занятий вне своего хозяйства (работа по найму или служба) у тунгусов совершенно не отмечается. Известно лишь, что тунгусы с Толондо и частично с Хомолхо принимают участие в сезонных работах по заготовке леса для приисковых нужд.

Торговли, извоза и кустарно-ремесленных занятий также не показано. Тунгусские женщины по преимуществу заняты работой по домашнему хозяйству и на сельско-хозяйственных работах. Промысловые занятия женщин—явление сравнительно редкое.

Отпуск рабочей силы в чужие хозяйства на временные работы отмечен только в пяти случаях, при чем отпуск женской рабочей силы совершенно не имеет места.

Наем рабочей силы зарегистрирован только в одном хозяйстве на сельско-хозяйственные работы продолжительностью в 10 поденщин.

В соседних якутских хозяйствах гораздо чаще применяется отпуск мужской рабочей силы. В целом же якутские хозяйства мало отличаются от тунгусских.

Главная основа тунгусских и якутских хозяйств заключается в добывающих промыслах, непосредственное описание которых является содержанием последующего изложения.

Охота. Хозяйство тунгусов Бодайбинского района по преимуществу должно быть названо охотничьим хозяйством. Малонаселенные и потчи безлюдные долины рек и горные хребты с нетронутыми лесными массивами открывают широкий простор для развития охотничьего промысла. Немудрено поэтому, что все мужское население тунгусов с детства приучается к отправлению охотничьего промысла. Есть случаи, когда охотой занимаются женщины. Охота вносит самый крупный вклад в экономический обиход тунгусов и их соседей—якутов. Главный предмет охоты—пушной и копытный зверь. Охота на боровую и водоплавающую дичь не является целью промысла и производитса „попутно". Сбора яиц и пуха также не производится. Обязательных сроков охоты не существует. Охотятся круглый год. Сезонность охоты на того или иного зверя определяется климатическими условиями, способами охоты и прибыльностью промысла. В частности на белку охотятся осенью или зимой. Самый крупный улов белки приходится на период между 15 октября и 25 декабря. К концу зимы беличий промысел падает, а весной и летом охота на белку совершенно прекращается. Вообще пушнина добывается в осенние и зимние месяца. На соболя наилучший период охоты считается от 1 января до 1 марта. Лисицы и горностая больше всего бьется зимой. Медведя и волка бьют круглый год. Копытный зверь - лось, изюбрь и олень—также бьется круглый год. Излюбленным

временем для охоты на изюбря и оленя является весна и начало лета. Водоплавающая дичь добывается в течение всего периода от прилета до отлета. Боровая дичь—глухарь, рябчик, тетерев, куропатка—бьется круглый год. В охоте не щадят ни беременных маток, ни молодняк, хотя специальных охот за ними не устраивается. Здесь все зависит от степени нужды в мясе и от темперамента охотника. Вообще никаких запретов для тунгуса охотника не существует. Заказников нет, а охотничьи угодья никем не распределяются и не регулируются. Главная регулирующая роль принадлежит охотничьим обычаям, в силу которых охотник-тунгус в выборе места охоты соразмеряет свои действия с инетересами прочих охотников. Каждая группа тунгусов тяготеет к более или менее определенному району охоты. Так Мамаканская группа охотится в районе р. Мамакан и его притоков, а также в районе Кунчибора (приток р. Мамы). Немногочисленная группа тунгусов, живущих у озера Толондо, охотится по долинам и водоразделам рек Вача, Жуя и Хомолхо. Тунгусы с устья Хомолхо охотятся в районе рек—Хомолхо, Жуя, Ченга, Негера с их притоками, а также по Евсеевскому ключу и в районе озера Норич.

Охотничий инвентарь. Все тунгусские (а также якутские) хозяйства за весьма редким исключением имеют огнестрельное оружие. Большинство ружей приобретено еще в дореволюционный период. Из нарезных ружей применятся малопульная винтовка (турка) и 4-х линейная бердана. Кремневые винтовки почти вышли из обихода; пистонных винтовок также мало (чаще они встречаются у якутов). Зато среди гладкоствольных ружей преобладают шомпольные пистонные одностволки, хотя имеются и дробовики с берданочным затвором. Более подробную картину обеспечения охотников огнестрельным оружием дает следующая таблица:

СТОЙБИЩА	Общее число хозяйств	Число хозяйств с огнестрельным инвентарем	У них огнестрельного оружия					
			Гладкоствольные			Нарезные		
			Пистон.	Патрон.	Кремн.	Пистон.	Патрон.	Кремн.
Мамакан	13	12	9	3	—	1	11	—
Толондо	4	4	2	2	—	—	3	—
Хомолхо	24	24	22	3	1	—	28	1
Итого . .	41	40	33	8	1	1	42	1

Из этой таблицы видно, что на каждое хозяйство в среднем приходится по одному гладкоствольному и одному нарезному ружью. Но всеже тунгусы указывоют на не полное обеспечение их винтовками системы бердана. Прежде все огнестрельное оружие приобреталось у частников, проводивших пушные заготовки. Теперь ружья покупаются у государственных пушно-заготовительных факторий и у кооперативных организаций. Ружья приобретаются как в кредит, так и за наличный расчет. Применяется и товарообмен на охотничью продукцию. В 1926 году цены на ружья стояли на следующем уровне: бердана нарезная 20—25 руб., гладкоствольная—12 руб., турка—7 рублей.

Кроме огнестрельного оружия, в состав охотничьего инвентаря входят: луки, самострелы и разного рода ловушки (кулемы, капканы, пасти, плашки, чирканы, клещи, петли для ловли птиц и обметные сети на соболя). Этих приспособлений на каждое хозяйство приходится по несколько штук.

Способы охоты. Из описания охотничьего инвентаря можно вывести заключение, что ружейная охота у тунгусов развита в широких размерах. Ружье применяется как в охоте на зверя, так и на птицу. Без ружья тунгус не выходит в лес на промысел. Верным помощником тунгуса в охоте является собака. Она выслеживает зверя, облаивает и затравливает его. Собака применяется в охоте на белку, соболя, лося, изюбря и оленя. Копытного зверя охотник преследует на лыжах по глубокому снегу или поджидает на речных и болотных переправах. Весной и в июне месяце на лося и изюбря устраивают засады на заранее разведенных солонцах. В осеннее время изюбря иногда приманивают трубным звуком. На лосей устраивают замаскированные глубокие ямы. Медведей осенью выслеживают на тропах. При засадах на медведя устраивают так называемый лабаз, т. е. вышку на сучьях деревьев с целью обмануть чутье зверя. В качестве приманки при охоте на медведя применяется тухлое мясо (пропастина). Во время зимней спячки медведя бьют в берлогах. Есть даже показания на применение больших пастей на медведя. Волку дают отравленную приманку. Чаще всего употребляется для этой цели стрихнин. В последние время отравление зверей почти не практикуется за отсутствием ядов.

Охотничьи снасти тунгусы приготовляют сами. Каждый охотник в излюбленных местах настораживает пасти, плашки и другие ловушки на лисицу, зайца, колонка, горностая, ласку.

Осмотр ловушек производится не регулярно, вследствие чего бывают случаи, когда попавший зверек поедается другими зверями. На соболя применяются кулемки и обметная

сеть. Пасти. плашки и другие ловушки являются одним из старинных способов ловли зверей у северных охотничьих народов. Не приходится говорить о том вреде, который наносится охотничьему хозяйству применением этих способов. Достаточно указать на то, что ловушки, действуя механически, убивают всякого зверка без отбора. В ловушках гибнут и беременные матки и недорозвитые детеныши. Кроме того шкурка попавшего зверка портится и истребляется другими зверями. Здесь, конечно, все зависит от того, насколько часто осматриваются охотником настороженные ловушки. Практика крайнего севера (Якутии) устанавливает, что до 75% всех, попавших в пасти песцов обычно погибает о прочих зверей [1].

Бывают и более разительные случаи, когда из 70-ти попавших песцов было вынуто целыми из пастей только 8 штук [2]. Такова практика крайнего севера с его беспредельными охотничьими пространствами и редкими осмотрами ловушек. Подобной беспредельности охотничьих угодий, разумеется нет у бодайбинских тунгусов. Поэтому осмотр пастей и ловушек совершается чаще, чем на крайнем севере. Но все же и при этих условиях процент гибели попавших в ловушки зверей надо полагать—высокий. Не окончательно вывелись из тунгусского охотничьего обихода и более древние способы охоты. Речь идет о луках и самострелах. Применение этих снарядов перепись отметила только у мамаканской группы тунгусов. У них же обнаружены чирканы и петли для ловли птиц. Охотничий эффект от подобных снарядов такой же, как от пастей и плашек. Применение всех этих снарядов свидетельствует о том, что отсталая техника охотничьего промысла держится довольно прочно среди бодайбинских тунгусов. Конечно, огнестрельное оружие завоевало главное место в охотничьем промысле, но все же охотник—тунгус не избегает и самоловных снарядов. Наличие самоловов характерно и в другом отношении: оно свидетельствует об индивидуалистическом способе охоты. В самом деле промышленник—тунгус охотится преимущественно в одиночку. Артельный способ изредка применяется в охоте на соболя, а иногда и на белку; чаще всего артелями охотятся на крупного зверя—на медведя.

Артели формируются из 3—10 человек в большинстве случаев из родственников. При артельной охоте добыча делится поровну между всеми участниками охоты.

---

[1] М. Константинов. „Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае".

[2] В. М. Зензинов. „Очерки торговли на крайнам севере Якутской области".

Продукция звероловства. *Звероловство является главной* целью охотничьего промысла тунгусов. В валовую продукцию тунгусских хозяйств звероловство также вносит самый крупный вклад. *В процентных показателях этот вклад определяется* в 64,9%—76,7% от общей валовой доходности хозяйств. Эти показатели наглядно характеризуют тунгусские хозяйства, как охотничьи хозяйства по преимуществу. Надо сказать, что такая характеристика в равной степени относится и к якутским хозяйствам, находящимся в непосредственном соседстве с тунгусами. Еще резче охотничий характер тунгусских (а также и якутских) хозяйств выступает из рассмотрения показателей товарности различных промыслов и занятий. Здесь звероловство занимает от 61,1% до 94,1% всей суммы товарной продукции тунгусских хозяйств.

Объектом звероловного промысла является пушной и копытный зверь. Среди пушного важнейшее место принадлежит белке и соболю. Прочие виды пушного занимают в общей пушной продукции сравнительно небольшое место. По копытному зверю главнейший охотничий эффект дает охота на дикого оленя, изюбря и лося (сахатого). Приблизительное распределение валовой продукции звероловства в ценностном выражении можно проследить по следующей таблице:

СТОЙБИЩА	Пушнина		Шкуры		Мясо		ВСЕГО	
	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%
Мамакан . . .	8360	42.1	3375	17.1	8102	40.8	19837	100
Толондо . . .	1489	47.8	602	19.4	1020	32.8	3111	100
Р. Хомолхо .	14589	48.9	5922	19.9	9312	31.2	29823	100
Итого . .	24438	46.3	9899	18.8	18431	31.9	52771	100

Отсюда видно, что копытный зверь, дающий тунгусу *шкуру и мясо, в общей стоимости продукции звероловства* имеет некоторый перевес перед пушниной. В пушной же продукции от 70 до 83,5% приходится на белку. Но если пушная *продукция в переводе на ценностные показатели уступает* валовой продукции по копытному зверю,—то в товарной продукции звероловства пушнине, несомненно, принадлежит первое место.

В этом можно убедиться по следующей таблице:

СТОЙБИЩА	Пушнина		Шкуры		Мясо		ВСЕГО	
	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%
Мамакан	6777	89.0	840	11 0	—	—	7617	100
Толондо	1489	86.6	230	13.4	—	—	1719	100
Хомолхо . . .	14259	86.6	2207	13.4	—	—	16466	100
Итого . .	22525	87.3	3277	12.7	—	—	25802	100

Здесь первое и превалирующее место принадлежит пушнине. Сравнительно небольшую товарность имеют шкуры копытного зверя. Зато мясо копытного зверя целиком идет на удовлетворение потребительских нужд самих тунгусов. А так как стоимость мяса в общей валовой продукции звероловства имеет крупный удельный вес, то этим и объясняется сравнительно невысокая товарность звероловного промысла. Не надо забывать, что этот промысел дает не только шкурку ценного пушного зверя, но и необходимую пищу охотнику-тунгусу. Процент товарности по отдельным частям продукции звероловства представляется в следующем виде:

Стойбища	Пушнина	Шкуры копытных	Мясо копытных	Итого по звероловству
Мамакан .	81.1%	24.9%	00.0%	38.4%
Толондо	100%	38.2%	00.0	55.2%
Хомолхо . . .	97.7%	37.3%	00.0	52.2%
Итого .	92.2%	33.1%	00.0	48.9%

Пушнина почти вся выходит на рынок. У охотника остается лишь незначительная и малоценная (заяц) часть пушного улова. В очень значительном количестве охотник оставляет у себя шкуры убитых копытных зверей. В личном хозяйстве тунгуса эти шкуры идут на одежду, обувь, постель, на постройку жилища и на другие хозяйственные надобности. Мясо же как было отмечено выше, целиком потребляется внутри хозяйства. Отсюда сдедует, что охота на копытного зверя имеет по

преимуществу потребительское значение. Приблизительно такое же значение имеет охота и у соседних с тунгусами якутов.

Здесь процент товарности звероловного промысла держится почти на том же уровне, как и у тунгусов, а именно:

Стойбища	Тунгусы	Якуты
Мамакан	38,4%	52.1%
Толондо	55.2%	69.9%
Хомолхо	55.2%	46.7%
Итого .	48.9%	51.9%

Незначительное возвышение товарности у якутов объясняется меньшим уловом нетоварного копытного зверя.

При ином соотношении в улове по копытному и пушному зверю разница могла не только исчезнуть, но даже показать большую товарность тунгусских хозяйств. Вообще говоря средние показатели звероловства, отнесенные на одно хозяйство, у тунгусов выше, чем у якутов. Вот таблица среднего волового дохода от звероловного промысла:

СТОЙБИЩА	Тунгусы		Якуты	
	На 1 хозяйство	На 1 душу населения	На 1 хозяйство	На 1 душу населения
Мамакан	1526 руб.	413.3 руб.	1059	488.6
Толондо . .	778 »	311.1 »	333	133.3
Хомолхо .	1243 »	261.6 »	622	262.0
ИТОГО .	1287 »	306.8 »	792	315.7

Тунгусы в большей мере и более удачливые охотники, чем якуты. Это утверждение ни в какой степени не опорочивается средними показателями дохода, отнесенного на одну душу населения. Разгадка в том, что средний состав тунгусской семьи (4,2 чел.) почти вдвое выше среднего состава якутской семьи (2.5 чел.) При одинаковом же среднем составе семьи тунгусов и якутов по стойбищу Толондо (2.5 чел.) перевес продукции на одну душу населения остается за тунгусами.

В целом такой же вывод можно сделать и из средних показателей товарной части звероловства.

СТОЙБИЩА	Тунгусы		Якуты	
	На 1 хоз.	На 1 душу	На 1 хоз.	На 1 душу
Мамакан	586 руб.	158.7	552	254.5
Толондо	430 »	171.9	233	93.2
Хомолхо . . .	686 »	144.4	291	122.5
Итого .	629 »	150.0	412	179.6

Вообще говоря, средние показатели доходности и товарности звероловства по своей номинальной величине держатся на сравнительно высоком уровне. Доходность звероловства на одно хозяйство бодайбинских тунгусов номинально почти в три раза выше средней доходности тунгусских хозяйств Лено-киренского района.[1] Но если принять во внимание то обстоятельство, что бодайбинскому тунгусу приходится покупать продукты первой необходимости по чрезвычайно высоким ценам—то станет ясным, что реальная доходность звероловства в тунгусских хозяйствах Бодайбинского района не так уж высока.

Сбыт продукции звероловства. В прошлом продукция звероловства (гл. образом пушнина) целиком поступала к частным скупщикам. Частные заготовители нередко открывали тунгусам-охотникам кредит под будущий улов пушного. Закредитованные охотники, по примеру всех северных инородцев находились в крепкой кабале у скупщиков-торговцев пушниной. В революционный период кабальные отношения утратили свой бытовой колорит. Однако, частный скупщик пушного и в настоящее время занимает одно из первых меет на пушно-заготовительном фронте в районе бодайбинских тунгусов. Разумеется, что частник сильно потеснен работой кооперации и государственных пушно-заготовительных факторий. Однако пронырливый частник все еще находит многочисленные подступы к пушнине и не останавливается даже перед трудностями сбора пушнины путем объезда чумов и стойбищ.

---

[1] См. И. П. Копылов. Тунгусское хозяйство Лено-киренского края.

В результате пушнина в огромной части попадает в руки частников. В этом можно убедиться по данным следующ. таблицы:

СТОЙБИЩА	Валовая продукция в рублях	Продано							
		Госорганы		Кооперац.		Частник		Всего	
		Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%
Мамакан . . .	19837	1094	14 4	674	8.8	5849	76 8	6717	100
Толондо	3111	298	17.3	810	47 2	611	35.5	1719	100
Хомолхо . . .	29823	6037	36.7	250	1.5	10179	61.8	16466	100
Итого	52771	7429	28 8	1734	6.7	16639	61.5	25802	100

Эта таблица наглядно определяет удельный вес всех заготовителей пушнины. Здесь характерны и следующие обстоятельства: 1) Мамаканская группа тунгусов держит сбытово-снабженческую связь с г. Бодайбо, где довольно прочно осели частные скупщики пушного. Немудрено поэтому, что более $^3/_4$ всего пушного улова мамаканские тунгусы сбывают частникам. 2) группа тунгусов со стойбища Толондо ведет более или менее оживленные сношения с приском „Светлый". Здесь сильнее всего выступает кооперация, которая на заготовительном фронте побивает даже частника, 3) наконец тунгусы с устья р. Хомолхо находятся в сфере влияния государственной фактории (бывш. Сибторга). Кооперация почти не дотягивается до этого отдаленного пункта и не ведет здесь никаких заготовок. Поэтому все поле деятельности остается за госфакторией и за частниками. Эти два заготовителя конкурируют между собой как в месте относительной оседлости тунгусов (устье р. Хомолхо), так и на Мачинской ярмарке. Еще больший успех имеет частник в сборе пушнины у якутов, живших в соседстве с тунгусами:

СТОЙБИЩА	Валовая продукция в рублях	Продано							
		Госорганиз.		Кооперац.		Частник		Всего	
		Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%
Мамакан . . .	12704	1622	24.5	135	2.0	4861	73 5	6618	100
Толондо	1333	21	2.3	68	7.3	813	90.4	932	100
Хомолхо . . .	4978	734	31.5	—	—	1593	68 5	2327	100
Итого	19015	2377	24.1	203	2.1	7297	73.8	9877	100

Каковы же причины, определяющие успехи частника на заготовительном фронте? Материалы переписи вскользь отмечают только важнейшие причины. Сюда прежде всего относятся заготовительные цены. Как правило, частник платит за пушнину более высокие цены, чем государственные и кооперативные заготовители.

Вот примеры, записанные с натуры:

1) По стойбищу при устье р. Хомолко

белка	у госорг. и коопер.	1 р. 40 к.,	у частн.	1 р. 50 к.—1 р. 75 к.	
лисица красная	„	„	8 р.—10 р.	„	12 р. — к.—15 р.
лисица сиводушка	„	„	25 р.	„	до 50 р.
медведь	„	„	12 р.	„	до 30 р.

2) по стойбищу р. Мамакан.

белка	у госорг. и кооп.	1 р. 15 к.—1 р. 25 к.,	у частн.	1 р. 25—1 р. 60 к.	
горностай	„	„	1 р. — к.	„	1 р. 50 к.
медведь	„	„	12 р. — к.	„	от 12 до 30 р.

Еще более существенная разница наблюдается при покупке соболиных шкурок. Понятно, что тунгус и якут предпочитает сдавать пушнину там, где ему больше платят. Конечно, частный скупщик не останется в обиде: он весьма нередко практикует товарообмен и при высоких ценах на отпускаемые охотнику товары—с лихвою наверстывает потерянное.

Второе преимущество частных скупщиков заключается в том, что они сами усиленно гоняются за пушниной в то время, как гос. и кооперативные заготовители склонны ограничиться только „пушным самотеком". Частный скупщик, как хищник, гоняется за охотником и нередко настигает его на промысле в глухой тайге и у огня чума. Здесь скупщик-„дружок" согревается не только тунгусским огнем, но и тунгусским потом. Такие методы заготовки совершенно недоступны ни госзаготовителям, ни кооперации. Наконец, надо иметь в виду, что частный скупщик пушного — это целая охотничья организация на тунгуса-зверолова; это своеобразная охота, где приманкой служат деньги и предметы потребления, доставленные тунгусу в самый нужный момент. А если к этому добавить слабое снабжение тунгусов продуктами первой необходимости и огнеприпасами через государственные и кооперативные организации, то разгадка успехов частника в пушных заготовках станет вполне очевидной.

Продукция птицеловства. Уже отмечалось, что птицеловство не является целью охотничьего промысла тунгусов. Лесную и болотную дичь охотник-тунгус добывает попутно с отправлением основного охотничьего промысла—звероловства. К тому же птицеловный промысел носит чисто потребительский характер и не дает товарной продукции. Удельный вес птицеловного промысла в общем валовом доходе тунгусских хозяйств сравнительно невелик. Но все же он занимает по разным стойбищам от 2.9% (Хомолхо) до 4.3% (Мамакан) всего валового дохода. У якутов же птицеловный промысел дает от 3.6% до 7.1% всего валового дохода якутских хозяйств.

Чаще всего бьется боровая дичь—глухарь, рябчик, куропатка. Из водоплавающей дичи больше всего бьется утка.

Общий размер валовой продукции птицеловства в ценностном выражении определяется следующими цифрами:

	Мамакан.	Толондо.	Хомолхо.	Всего.
Тунгусы . . .	1215,5 р.	173,7 р.	1113,1 р.	2502,2 р.
Якуты	803,5 р.	137,5 р.	227,0 р.	1168.0 р.

Уже из приведенной таблицы видно, что в птицеловном (как и в звероловном) промысле тунгусы являются более удачливыми охотниками. Этот вывод с особенной наглядностью подтверждается средним размером продукции, отнесенной на одно хозяйство:

Стойбища.	Тунгусы.	Якуты.
Мамакан	93,50 р.	66,96 р.
Толондо	43,43 р.	34,38 р.
Хомолхо	48,40 р.	32,43 р.
Итого . .	62,56 р.	50,78 р.

Средние показатели продукции птицеловства по сравнению с аналогичными показателями по продукции звероловства в абсолютной своей величине являются довольно скромными показателями. Тем не менее продукция птицеловства имеет некоторое значение в питании тунгусского населения и в соединении с продукцией звероловного промысла еще резче оттеняет охотничий характер тунгусских хозяйств.

Рыболовство. Рыболовный промысел у тунгусов почти так же широко развит, как и охотничий промысел. За весьма редким исключением рыболовством занимаются почти все тунгусские и якутские хозяйства.

Материалы переписи показывают, что по тунгусским стойбищам в хозяйственную деятельность вовлечены не только взрослые мужчины, но и дети. В рыболовстве дети мужского пола также принимают участие. Это явление с особенной очевидностью наблюдается по стойбищу при устье р. Хомолхо, где количество рыболовов значительно больше общего количества взрослых мужчин. Женщины обычно не принимают постоянного участия в рыбной ловле. Однако в переписи имеется одно показание на занятие женщины рыболовным промыслом. Якуты также широко практикуют рыболовный промысел. Здесь процент рыболовов доходит до 96% от общего числа хозяйствующих мужчин.

Рыболовные угодья не распределены и никем не регулируются. Запретных мест для ловли рыбы, а также запретных снастей—не существует. Споров из-за рыболовных угодий не отмечается. Арендной платы на рыболовные угодья не установлено. Каждое стойбище отправляет рыболовный промысел по возможности вблизи от места относительной оседлости и по ходу кочевок. Так, Мамаканская группа тунгусов располагает угодьями по р. Мамакан, уходя иногда от стойбища на 50—100 и даже 150 километров. Тунгусы с озера Толондо ловят рыбу в означенном озере и в реке Жуе. Наиболее отдаленные угодья находятся на расстоянии 45 клм. от стойбища. Наконец, группа тунгусов с устья р. Хомолхо имеют рыбалки по рекам Жуе, Хомолхо, Ченга, Нечера и по их притокам. Расстояние этих угодий от устья р. Хомолхо от 2 до 180 клм.

Рыболовный инвентарь. Техника рыболовного промысла весьма примитивна. Из рыболовных снастей применяются: сети, острога, крючья и ловушки.

Количественный состав рыболовного инвентаря представляется в следующем виде:

СТОЙБИЩА	Общее число хозяйств	Число хозяйств с инвентарем	У н и х:			
			Сетей	Острог	Переметов	Морд
Мамакан	13	11	36	22	8	15
Толондо	4	4	30	1	50	17
Хомолхо . . .	24	24	62	16	5	63
Итого .	41	39	128	39	63	95

Прежде всего необходимо отметить, что почти все тунгусские хозяйства имеют рыболовный инвентарь всех применяемых видов. Своеобразие рыболовных угодий до некоторой степени предопределяет способ рыбной ловли. Например, тунгусы с Толондо почти не употребляют остроги, зато широко практикуют применение сетных снастей, переметов и морд. На Мамакане развита ловля рыбы с острогой и сравнительно слабо привиты ловушки (морды, корчаги). У тунгусов с устья Хомолхо в большом ходу широкие сети и морды. Средний размер применяемых сетей определяется в 75—80 кв. метров. У якутов средний размер сети доходит до 100—120 кв. метров. Переметы обычно имеют 10 крючков. Длина переметов неопределенная. Рыбная ловля отправляется преимущественно в одиночку. Рыболовных артелей нет. Этим, видимо, объясняется и то обстоятельство, что тунгусы совершенно не применяют невод, как орудие ловли. Все рыболовные снасти, кроме остроги и крючьев, тунгусы приготовляют сами. Сами же рыболовы изготовляют и посолочный инвентарь.

Продукция рыболовства. В общем бюджете тунгусских хозяйств продукции рыболовства принадлежит весьма немаловажная роль. Так, по Мамакану стоимость рыболовной продукции составляет 20,8% от стоимости всей валовой продукции тунгусских хозяйств; по Толондо этот процент понижается до 16,6%, а по Хомолхо до 8,0%.

В ценностном и натуральном выражении продукция рыболовства представляется в следующем виде:

СТОЙБИЩА	Валовая продукция		Товарная продукция		% товарности
	Пудов	Рублей	Пудов	Рублей	
Мамакан	731	5987	453	3804	63.5
Толондо	99,5	794	44	348	43.8
Хомолхо	384,5	3116	114	893	28.7
Итого . .	1215	9897	611	5045	51.0

По приведенным цифрам видно, что продукция рыболовства занимает одно из важных мест в питании тунгусского населения и, кроме того, в денежную часть тунгусского хозяйства вносит существенный вклад. Рыболовство тунгусов носит уже полутоварный, полупотребительский характер. При чем

по мере приближения стойбищ к рынкам сбыта—товарность рыболовства заметно повышается.

Меньшую товарность по рыболовству дают хозяйства якутов:

СТОЙБИЩА	Валовая продукция		Товарная продукция		% товарности
	Пудов	Рублей	Пудов	Рублей	
Мамакан	635.5	5015	396.5	3158	63.0
Толондо	35.5	297	10	85	28.7
Хомолхо	67.0	556	—	—	0.00
Итого .	738	5568	406.5	3243	55.3

Здесь средняя товарность по всем трем стойбищам совершенно не характерна, так как рыболовный промысел у якутов слабо развит по стойбищам Толондо и Хомолхо. Более характерны средние показатели рыболовной продукции, отнесенные к одному хозяйству и на одну душу населения.

СТОЙБИЩА	Размер валовой продукции			
	Тунгусы		Якуты	
	На 1 хоз.	На 1 душу	На 1 хоз.	На 1 душу
Мамакан . . .	499 р.	124.7	418 р.	192.9
Толондо	199 р.	79.1	74 р.	29.7
Хомолхо	131 р.	27.3	70 р.	29.3
Итого .	247 р.	57.5	244.5 р.	106.7

Показатели на одно хозяйство всюду складываются в пользу тунгусов. Зато на одну душу населения показатели у якутов выше, чем у тунгусов. Причины этого явления отмечались при анализе охотничьей продукции. Здесь приходится лишь отметить, что при одинаковом количестве хозяйств и одинаковом душевом составе этих хозяйств на стойбище Толондо тунгусы дают более высокие показатели по рыболовству,

чем якуты. Если же валовую продукцию рыболовства отнести к одному рыбаку-промышленнику, то перевес всюду останется за тунгусами. В этом можно убедиться по следующей таблице:

Стойбища:	На одного рыбака тунгуса.	На одного рыбака якута.
Мамакан . . .	427.6 р.	417.9 р.
Толондо . . .	198.5 р.	74.3 р.
Хомолхо . . .	82.0 р.	69.5 р.

Выходит, что тунгусы не только более удачливые охотники, но и более удачливые рыболовы, чем якуты.

Как те, так и другие больше всего ловят хариуса, ленка и тайменя. Эти три вида рыбы дают около $^3/_4$ всего рыбного улова. Пойманную рыбу тунгусы потребляют как в свежем (мороженную и талую), так и в присоленом виде. Вообще говоря, рыбу присаливают редко и при том слегка. На пуд рыбы расходуется до 3 ф. соли. Засоленая рыба содержится в кадушках и в чуманах из бересты. Товарная рыба по преимуществу идет в свежем и мороженом виде. Заготовок рыбы никто не ведет. Вся рыба, за весьма редким исключением, сбывается частным торговцам.

Оленеводство. Далеко не изжито еще представление о том, что основа материального благополучия тунгусов находится в прямой зависимости от масштабов оленеводства. Принято также думать, что кочевой и полукочевой быт тунгусов в главной своей части предопределяется необходимостью передвижения за уходящими стадами оленей, которые круглый год остаются на подножном корму. В свое время этот взгляд сложился на основе наблюдения за хозяйственным бытом северных народов (в том числе и тунгусов). Однако в данное время опыт изучения тунгусов Бодайбинского района не дает никаких подтверждений только что изложенному взгляду. Изменения в окружающей природе и в экономике населенного района (добыча золота) имели надлежащее влияние на экономический быт и нравы тунгусов. Короче говоря, в Бодайбинском районе не отмечено ни одного крупного оленеводческого хозяйства. Оленеводством вообще занимаются только 53.7% тунгусских хозяйств (Между тем кочевой и полукочевой быт ведут почти все тунгусские хозяйства).

Масштабы оленеводства можно проследить по следующей таблице:

СТОЙБИЩА	Общее число хозяйств	Число хозяйств с оленями	У них оленей		
			Всего голов	В том числе	
				Взросл.	Молодн.
Мамакан	13	6	74	56	18
Толондо	4	3	21	13	8
Хомолхо	24	13	109	72	37
Итого . .	41	22	204	141	63

Таблица показывает, что бодайбинские тунгусы отнюдь не располагают крупными стадами оленей. Большинство оленьих хозяйств (67%) не насчитывают у себя даже одного десятка голов. Разумеется, что при таких масштабах оленеводства нельзя базировать экономическое благополучие тунгусских хозяйств на оленеводческой продукции. К тому же рост оленьих стад в тунгусских хозяйствах почти совершенно отсутствует. Вот характерная таблица годичного оборота оленьих стад.

СТОЙБИЩА	Состояло оленей к началу года	Прибыло			Убыло				Остается к концу года	% роста стад
		Приплод	Куплено	Всего прибыло	Продано	Зарезано	Погибло	Всего убыло		
Мамакан	94	31	8	39	16	24	19	59	74	—21.3
Толондо	11	10	—	10	—	—	—	—	21	+90.9
Хомолхо	96	42	2	41	2	10	19	31	109	+13.5
Всего . .	201	83	10	93	18	31	38	90	201	+1.5

Несмотря на сравнительно высокий приплод и даже пополнение стад за счет покупки новых экземпляров,—в среднем оленеводство тунгусов по всем трем стойбищам осталось на прежнем уровне. Очень крупное сокращение оленеводства отмечается по Мамаканскому стойбищу.

Техника оленеводства весьма примитивна. Неприхотливость животных и косность в навыках оленеводства предопределяют крайнюю степень отсталости в формах и укладе этого

своеобразного вида животноводства. Конечно, оленеводство всех северных народов характеризуется общими чертами крайней экстенсивности. Здесь тунгус ничем не отличается от своих приполярных собратий-оленеводов. Однако, то, что понятно и целесообразно в крупных северных оленеводческих хозяйствах,—становится неприемлемым и не целесообразным в условиях Бодайбинского района, где тунгусы-оленеводы имеют постоянную хозяйственную связь с г. Бодайбо и другими населенными пунктами и где тунгусские оленные хозяйства насчитывают всего от 2-х до 25-ти голов оленей. Между тем, несмотря на незначительность масштабов оленеводства, бодайбинский тунгус по многовековой традиции почти не практикует никакого ухода за своими животными. Вся забота оленеводов сводится к тому, чтобы не потерять оленей из поля своего зрения и уберечь их от нападения диких зверей. Правда, некоторые хозяйства начинают применять ржаную муку на подкормку оленей. Так по стойбищу при устье р. Хомолхо есть показания о расходе ржаной муки до 4-х пудов в год на голову для подкормки оленей. Но этим и ограничивается забота по прокорму оленьих стад. Вообще же олень сам добывает себе пропитание. Обычно олени пасутся без пастуха. Собак для пастьбы оленей не используют. При кочевках стада идут вместе с их хозяевами. Каждое хозяйство кочует только со своими оленями. Мелкие стада в более крупные не объединяются за редкими исключениями. Прирученные олени обычно далеко не отходят от стоянок и пасутся в радиусе от 0.5 до 10 клм. При нападении мошки и комаров стада сами приходят к стоянкам и ищут защиты у дымокура. Обычно же стада по мере надобности сгоняются к стоянкам самими тунгусами. Так как чумы во время кочевок находятся на одном месте до 2-х недель и даже до 1 месяца,—то хозяева стад периодически (через 2—3 дня) проверяют их наличие. Иногда для оленей на ночь устраивают загоны (ограды) из кольев и жердей с тем, чтобы олени не разбежались в ночи. Чаще всего устройство таких загонов практикуется с наступлением осени. Рабочие олени, как правило, постоянно следуют с хозяевами. Суточные переходы оленьих стад определяются до 20 клм. Во время переходов на остановках (2—5 часов) олени выпускаются пастись в лес на ягель. За рязмножением оленей не устанавливается никакого наблюдения. Обычно олени спариваются в период август-октябрь. Отелы чаще всего приходятся на май месяц. Кастрируют оленей не ранее годового возраста. Построение оленьих стад явление чисто стихийное.

Вследствие этого на одного оленя-производителя приходится от 8 до 30 маток. Годовой приплод к стаду колеблется

от 30 до 40%. Но этот приплод отнюдь не целиком идет на пополнение стад, так как значительный процент телят в возрасте до 1 года (до 40%) гибнет от диких зверей и от болезней (перепись отмечает понос). Повальных болезней не наблюдается. Взрослые олени страдают копытными болезнями и чесоткой. Ветеринарная помощь обычно отсутствует. Срок службы оленей 15 лет. Олени старше этого возраста идут на убой. Вообще же оленей очень редко забивают на мясо. Только в зимнее время при обострении продовольственного вопроса практикуют неизбежную побойку оленей. В этом случае оленей забивают в любом возрасте. Олень дает тунгусу молоко, мясо и шкуру. Средний удой молока в день колеблется от 0.25 до 0.5 литра. Молоко идет в пищу в сыром и цельном виде. Его потребляют с чаем. Иногда с оленьего молока снимают сливки и сбивают масло. Весь молочный продукт потребляется внутри хозяйства. Мясо оленей также имеет для тунгусского хозяйства чисто потребительское значение. Средний вес туши взрослого самца от 50 до 70 клгр. Встречаются, однако, экземпляры, дающие до 100—120 клгр. мяса. Туша самки имеет убойный вес от 35 до 60 клгр.

По примеру всех северных оленеводческих народов, тунгусы используют забитых оленей до последнего волоса. Так шкуры оленей применяются для одежды, для постройки жилищ и для постелей; шерстью набивают подушки; жилы употребляются как пошивочный материал (нитки); из рогов выделывают черенки ножей; камасы идут на приготовление обуви. Не используются только копыта. Из приведенного перечня следует, что тунгусы-оленеводы не оторвались еще от прежних традиций удовлетворять все свои потребности продуктами оленеводства. Однако незначительность масштабов оленеводства побуждает тунгуса строить свой материальный обиход не на основе натурального оленеводческого хозяйства, а на различных промыслах, имеющих более или менее крупную товарность. Надо сказать, что хозяйственная значимость оленеводства определяется не только получением продуктов потребления. Олень в северных хозяйствах (не считая собак) является единственным представителем тягловой рабочей силы. У бодайбинских тунгусов, где ездовые собаки совершенно не применяются,— олень используется для перевозок и переездов. Для езды применяются все олени как самцы, так и самки. Только олень, возящий божка, освобождается от хозяйственной ездовой работы. В упряжку олени идут от 1-го года. Пара оленей, запряженных в нарту, перевозит до 10—12 пуд. груза. При перевозке вьюком на одного оленя нагружают от 2-х до 3-х пудов поклажи. Олени применяются также для верховой езды. Средний

пробег оленя с кладью 25—35 клм. в сутки, порожняком олени покрывают в сутки расстояние от 45 до 80 клм.; при верховой езде суточный пробег определяется от 20 до 55 клм. Присеверном таежном бездорожьи олень очень удобен для перевозок и переездов. Правда, грузоподъемность оленя не велика, зато она вполне достаточна для перевозочных нужд тунгусских хозяйств. Упряжной олений инвентарь весьма не замысловат. Сюда относятся нарты (грузовые и легкие), узда, лямки, возжи, подпруги и седла. В каждом хозяйстве обычно имеется несколько комплектов упряжек и довольно значительное число седел. Весь упряжной инвентарь тунгусы изготовляют сами. Колесный инвентарь при езде на оленях совершенно не применяется: он вообще крайне неудобен при отсутствии сколько-нибудь налаженных грунтовых дорог.

Продукция оленеводства. Прежде всего необходимо отметить, что учет продукции оленеводства проведен без надлежащей полноты. В частности товарная продукция учтена только по продаже живых оленей. Между тем в описательном материале переписи есть указания на то, что тунгусы сбывают на отдаленных рынках (Бодайбо, Мача) оленьи рукавицы, перчатки, камасы и даже цельные шкуры. Стоимость сырья, израсходованного на эти изделия, не вошла в общую товарную стоимость продукции оленеводства. Правда, эта часть продукции не настолько велика, чтобы существенно изменить общую характеристику продукции оленеводства. Но все же от этого страдает полнота учета. Не учтенной также осталась молочная продукция. Она тоже не велика, к тому же совершенно не имеет товарного выхода. Учет молочной продукции затрудняется отсутствием данных о количестве дойных самок и о среднем годовом удое молока. Известно лишь, что удойность самок колеблется от 20 до 75 литров в год.

Состав оленеводческой продукции в учетной части определяется данными следующей таблицы:

СТОЙБИЩА	Получено продукции			Отдано безвозмездно оленей на убой	Продано оленей шт.	Стоимость валовой продукц. (руб.)	Стоимость товарной продукции	% товарности.
	Шкур	Мяса кгр.	Шт камас					
Мамакан . .	9	440	12	15	16	1581 р.	930 р.	58.8
Толондо .	—	—	—	—	—	—	—	—
Хомолхо	3	145	3	7	2	400	140	35.0
Итого.	12	585	15	22	18	1981	1070	54.0%

Разумеется, что в состав оленеводческой продукции не включен естественный приплод оленей. Таблица охватывает только стоимость отчужденных оленей и стоимость продуктов, полученных в результатате убоя оленей. Вследствие этого по стойбищу на острове оз. Толондо, где не было ни убоя ни отчуждения оленей,—продукция равна нулю.

Обращаясь к оценке приведенных цифр, необходимо сказать, что как валовая, так и товарная продукция оленеводства составляет очень незначительную часть в общем бюджете тунгусских хозяйств. Так по стойбищу Мамакан валовая продукция оленеводства занимает 5.5% в общей продукции тунгусских хозяйств, а по стойбищу при устье р. Хомолхо на продукцию оленеводства отходит всего 1.0%. В товарной продукции тунгусских хозяйств на оленеводство соответственно приходится 7.5% и 0.8%. Все это говорит за то, что при данном положении хезяйственный эффект оленеводства определяется не высотой продукции, а скорее той пользой, которую приносят олени в качестве тягловой силы, при перевозках и переездах. Но и при этих условиях все же не приходится говорить о нерентабельности оленеводческого хозяйства бодайбинских тунгусов, так как тунгус не затрачивает почти никаких сил и средств на ведение оленеводческого хозяйства.

Итак высота продукции оленеводства лишний раз подтверждает ранее высказанную мысль о незначительном удельном весе оленеводства в общем благополучии бодайбинских тунгусов.

Но может быть наличие оленей в тунгусских хойзяйствах является безошибочным показателем материального превосходства этих хозяйств по сравнению с безоленными хозяйствами. Это можно проследить по ряду сопоставлений между оленными и безоленными хозяйствами.

Здесь особенно выразительным будет сопоставление валовой продукции звероловства.

	% хозяйств	% населения	% добычи белки	% добычи копытного зверя
Оленные хозяйства	55	59.6	60.7	62.9
Безолен. хозяйства	45	40.4	39.3	37.1
Итого	100	100	100	100

Отсюда видно, что оленные хозяйства по результатам охоты превалируют над безоленными хозяйствами. По количеству населения они также являются более мощными хозяйствами. Однако преимущество оленных хозяйств не очень велико. В среднем по всем трем стойбищам на душу населения в безоленных хозяйствах приходится добытой белки 93.9 шт. и копытного зверя (лось, олень, изюбрь) 4.12 шт., а в оленных хозяйствах 98.1 шт. белки и 4.77 шт. копытного зверя. При отнесении этих показателей на одно хозяйство равница в пользу оленных хозяйств несколько увеличится вследствие того, что эти хозяйства имеют более высокий средний семейный состав.

Итак, приведенные цифры по результатам охоты характеризуют оленные хозяйства, как более крупные хозяйства. Однако анализ, проведенный внутри оленных хвзяйств, не дает никаких свидетельств о том, что более крупные оленные хозяйства имеют более высокую продукцию звероловства.

Обратимся к сопоставлению оленеводства и скотоводства тунгусских хозяйств. Здесь характерен лишь пример по стойбищу Хомолхо. Из 13-ти лошадинных и 7 коровных хозяйств только пять оленных хозяйств имеют лошадей и 2 хозяйства имеют коров, более подробную характеристику дает следующая таблица:

	Количество хозяйств	%	Количество населения	%	Голов лошадей	%	Голов крупн. рогат. скота	%
Оленные хоз. .	13	54.2	60	52.6	5	17.9	3	15.0
Безолен. хоз. .	11	45.8	54	47.4	23	82.1	17	85.0
Итого . .	24	100	114	100	28	100	20	100

Таблица показывает, что оленные хозяйства сильно отстали от безоленных хозяйств по развитию скотоводства. Видимо в животноводстве тунгусских хозяйств параллельно идут оба процесса—оленеводческий и скотоводческий. При чем скотоводческий процесс ярче сказывается на безоленных хозяйствах. Не менее характерно и то обстоятельство, что рабочий и крупный рогатый скот имеется только в мелко-оленных хозяйствах. Более крупные оленные хозяйства совершенно не

имеют ни коров ни лошадей. Итак, безоленные хозяйства компенсируют себя развитием скотоводства. Следовательно, материальная устойчивость оленных хозяйств, по сравнению с безоленными хозяйствами, при сопоставлении оленеводства и скотоводства—оказывается сомнительной.

Третье сравнение можно провести по расходной части бюджета тунгусских оленных и безоленных хозяйств. Это сравнение может быть изображено в следующей таблице:

СТОЙБИЩА	% хозяйств		% населения		% покупок	
	Оленных	Безоленных	Оленных	Безоленных	Оленных	Безоленных
Мамакан . .	46.2	53.8	70.8	29.2	58.1	41.9
Толондо . .	75.0	25.0	80.0	20.0	68.6	31.4
Хомолхо . .	54.2	45.8	52.6	47.4	54.9	45.1
По всем ст.	53.7	46.3	59.3	40.7	57.0	43.0
	100 %		100 %		100 %	

В пояснение приведенной таблицы следует указать, что в ней процент хозяйств и населения исчислен к общему количеству хозяйств и к общему числу душ населения по каждому стойбищу; процент же расходов на покупки определен от общей суммы учтенных покупок тунгусов в течение годового периода. При чем в сумму покупок вошли все продукты личного потребления, а также покупки охотничьих и рыболовных принадлежностей.

Обращаясь к оценке процентных показателей таблицы, необходимо отметить, что: 1) по стойбищу Мамакан удельный вес безоленных тунгусов в покупках несколько выше их удельного веса в общем количестве тунгусского населения и ниже в общем количестве хозяйств. Следовательно, на одно безоленное хозяйство приходится меньшая сумма покупок, чем на одно оленное хозяйство. Зато средняя сумма покупок на одну душу населения в безоленных хозяйствах выше, чем в оленных. 2) По стойбищу Толондо безоленные хозяйства покупают больше оленных, как на душу населения, так и на одно хозяйство. 3) Обратная картина получается по стойбищу Хомолхо. 4) В целом же по всем трем стойбищам оленные тунгусы превосходят безоленных по сумме покупок на одно хо-

зяйство, но уступают им в размерах покупок, приходящихся на одну душу населения.

Итак, ряд сравнений между оленными и безоленными хозяйствами приводит к тому неизбежному выводу, что наличие оленеводства у бодайбинских тунгусов отнюдь не является безошибочным показателем материального превосходства оленных хозяйств над хозяйствами безоленными. Здесь можно лишь говорить о более высоком семейном составе оленных хозяйств и о том, что бедняцкая часть тунгусов по преимуществу обходится без оленей так же, как она обходится без рабочего и крупного рогатого скота.

Скотоводство. В тунгусских хозяйствах скотоводство только начинает еще прививаться. Некоторые стойбища совершенно не имеют скота. В других же стойбищах, испытавших на себе влияние экономики приисковых районов,—имеется как рабочий, так и крупный рогатый скот. Мелкого скота тунгусы не держат. Лишь в одном хозяйстве на стойбище у оз. Толондо зарегистрировано 2 свиньи. Птицеводство также слабо развито. Здесь налицо имеются преимущественно куры.

Вот характеристика состояния скотоводства тунгусских хозяйств:

Стойбище Мамакан совершенно не имеет скота; по стойбищу Толондо из 4-х хозяйств 3 хозяйства имеют в общей сложности 6 рабочих лошадей, 2 свиньи и 19 шт. домашней птицы; на стойбище Хомолхо только 13 хозяйств (из 24-х) имеет рабочий скот; в момент переписи у этих хозяйств было—25 раб. лошадей и 3 шт. жеребят в возрасте до 1 года; крупный рогатый скот отмечен всего в 7 хозяйствах этого стойбища с общим поголовьем 20 шт. (10 коров и 10 телят в возрасте до 1 года); птиц по стойбищу Хомолхо учтено 33 штуки.

Характерно то обстоятельство, что по стойбищам Толондо и Хомолхо, связанным с работой на лесосеках для приискового района, приходится почти по 2 рабочих лошади на одно лошадное хозяйство. Не менее характерно и то, что в этих хозяйствах совершенно нет конского молодняка, за исключением жеребят в возрасте до 1 года. Крупный рогатый скот имеется только в одном стойбище. При чем построение стада крупного рогатого скота весьма своеобразно. Достаточно указать на то, что в стаде совсем нет быков и молодняка. Есть только коровы и телята в возрасте до 1 года. Все это говорит за то, что скотоводство тунгусов сравнительно недавнего происхождения и заложено далеко еще не прочно.

Уход за домашним скотом крайне примитивный. В летний период скот находится на подножном корму и пасется вблизи стойбищ. В зимний период скот содержится на сене. Иногда

во время езды лошадям дают овес. В среднем в год на рабочую лошадь расходуется от 14.5 до 20.0 центнеров сена, на корову от 11.5 до 15 центнеров сена. На коров, кроме того, расходуется иногда ржаная мука и разные отбросы. Стойловый период скот проводит, видимо, в загородях при жилищах тунгусов. Показаний на сооружение каких-либо построек для скота совершенно не имеется. Ветеринарная помощь за дальностью расстояния—не доступна. Тунгусы сами лечат свой скот.

Объемистые корма для скота тунгусы заготовляют у себя на месте. Луговая продукция определяется следующими цифрами:

СТОЙБИЩА	Общее число хозяйств	Число хозяйств со сбором сена	У них сенокоса гектаров	Собрано центнер. сена в 1925 г.	Собрано центнер. сена в 1926 г.
Мамакан	13	—	—	—	—
Толондо	4	3	5	166.6	115.6
Хомолхо	21	18	30	757.4	693.4
Итого .	11	21	35	861.0	809.0

При тех нормах кормления, которые были указаны выше, кормовой баланс тунгусских хозяйств сводится более или менее благоприятно, тем более, что на сторону луговая продукция не имеет выхода.

Скотоводческая продукция тунгусских хозяйств совершенно не выяснена. Несомненно, что в домашнем обиходе тунгусы имеют от коров молоко и кисло-молочные продукты. Размеры молочной продукции не установлены. Мясная и сырьевая продукция также осталась не учтенной. Возможно, что за период, охваченный переписью, совершенно не было ни мясной, ни сырьевой продукции. Рабочие лошади используются при переездах и перевозках. Кроме того, рабочие лошади бывают заняты на лесозаготовках в приисковых районах.

Земледелие. Полеводческого хозяйства тунгусы не ведут. Есть свидетельство о том, что когда-то тунгусы пытались проводить расчистку земли под пашню, но видимых следов этого предприятия не осталось. Естественные сенокосные угодья используются в меру потребностей скотоводства. На таком крупном стойбище, как Хомолхо, сенокосные угодья переделяются

каждый год. Техника и принципы переделов не выяснены. Отмечено лишь, что споров и тяжб из-за сенокосных угодий не наблюдается. Косьба начинается с июля и кончается в августе.

Прочие добывающие промыслы. Здесь главное и исключительное место принадлежит ягодному промыслу. Каких-либо других добывающих промыслов перепись совершенно не отмечает. Нет показаний ни на сбор кедровых орехов, ни на сбор грибов, ни на добычу полезных ископаемых. Извозный промысел также не показан. Сбор ягод слабо развит. Продукция по сбору ягод не велика.

Всего по стойбищу Мамакан учтено 5 хозяйств со сбором ягод на общую сумму 112 руб. (525 клгр.), по стойбищу Толондо—2 хозяйства со сбором на 10 р. 50 коп. (49 клгр.) и по стойбищу Хомолхо 13 хозяйств со сбором ягод на 176 р. 75 к. (828 клгр.).

Отсюда видно, что далеко не все тунгусские хозяйства заняты сбором ягод. Те же хозяйства, которые практикуют ягодный промысел, сравнительно не много заготовляют ягод. Чаще всего и больше всего собирается брусника. Клюква и морошка имеют небольшое место в общем сборе ягод. Главная часть ягодной продукции остается внутри хозяйства. Продажа ягод—явление не частое. Лишь со стойбища Мамакан выносятся ягоды на рынок в г. Бодайбо (продано ягод на 45 р. 50 к.). Ягоды продаются исключительно частным скупщикам и непосредственно городскому потребителю.

Отхожие промыслы. Близость крупных золотых приисков могла бы сказаться на развитии отхожего промысла, связанного с работой на приисках. Однако подобного явления среди тунгусов совершенно не отмечается. Есть указания лишь на то, что некоторые тунгусские хозяйства со стойбища Толондо и Хомолхо участвуют на лесных заготовках в районе прииска „Светлый". В этом промысле тунгусы по преимуществу заняты подвозкой леса и дров к прииску. В связи с сокращением лесных заготовок и закрытием прииска „Светлый"—промысел на лесосеках сильно ослабевает. Заработки тунгусов, работающих на лесосеках, не выяснены.

Ремесл среди тунгусов также не отмечено.

Общий состав валовой и товарной продукции тунгусских хозяйств. При определении размеров валовой и товарной продукции отдельных частей тунгусских хозяйств было своевременно указано на неполноту проведенного исчисления. Эта неполнота учета, а также полное отсутствие учета лесных и отхожих промыслов тунгусов—не дают возможности определить общую цифру валового дохода тунгусских хозяйств. Тем не менее свод учтенной валовой и товарной продукции все же

представляет немаловажный интерес для суждения об экономическом типе тунгусских хозяйств и для определения роли отдельных промыслов в материальном быте бодайбинских тунгусов.

Вот основная таблица валовой продукции в ценностном выражении:

	Ст. Мамакан				Ст. оз. Толондо				Ст. устье р. Хомолхо			
	Тунгусы		Якуты		Тунгусы		Якуты		Тунгусы		Якуты	
	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%
Оленеводство . . .	1581	5.5	1642	8.1	—	—	—	—	400	1.0	—	—
Рыболовство	5987	20.8	5015	24.7	794	16.6	297	15.3	3116	8.0	556	8.8
Звероловство	19837	69.0	12704	62.6	3111	64.9	1333	68.5	29823	76.7	4978	79.1
Птицеловство	1216	4.3	801	4.0	174	3.6	138	7.1	1113	2.9	227	3.6
Проч. добыв. пром. .	112	0.4	123	0.6	11	0.2	18	0.9	177	0.5	30	0.5
Луговодство . . .	—	—	—	—	705	14.7	160	8.2	4230	10.9	500	8.0
Скотоводство . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого .	28733	100	20288	100	4795	100	1946	100	38859	100	6291	100

Из этой таблицы видно, что решающее значение для тунгусских хозяйств имеет высота продукции охотничьего промысла (звероловство и птицеловство). Этот промысел в общем своде занимает от 68.5% до 79.6%.

Второе место принадлежит рыболовному промыслу. Все же остальные промыслы и занятия по размерам валовой продукции дают сравнительно немного. В целом же итоговая строка при-

веденной таблицы указывает на довольно высокий доход тунгусских хозяйств. Вряд ли, однако, здесь имеет место существенное преувеличение. Вернее всего номинально повышенная доходность находится в прямой связи с высокими ценами на промтовары и продукты питания, приобретаемые бодайбинскими тунгусами на месте.

Без учета этого обстоятельства нижеприводимые цифры средней валовой доходности также покажутся чрезвычайно высокими:

СТОЙБИЩА	Тунгусы		Якуты	
	На 1 хозяйство	На 1 душу населения	На 1 хозяйство	На 1 душу населения
Мамакан . . .	2210 р.	599 р.	1691 р.	780 р.
Толондо	1199 р.	480 р.	487 р.	195 р.
Хомолхо	1611 р.	341 р.	786 р.	331 р.
По всем ст. . .	1766 р.	421 р.	1189 р.	519 р.

В среднем от учтенных занятий тунгусские хозяйства имеют большую доходность, чем якутские хозяйства. Зато по Мамаканской группе доходность на 1 душу населения у якутов заметно выше, чем у тунгусов. Но как у тех, так и у других, по-прежнему поражает номинальная высота дохода. Если же обратиться к реальной доходности, то она окажется в три с лишним раза ниже, так как кочевым охотничьим хозяйствам приходится уплачивать за пуд ржаной муки от 3-х до 5-ти рублей, пшеничной от 4-х до 7-ми рублей, крупчатки от 7-ми до 12-ти рублей, соли от 3-х руб. до 6-ти руб., сахара от 24-х до 40 руб., за метр ситца до 80 к. и т. п. А если к этому добавить еще безхозяйственность обихода тунгусов, их пристрастие к азартным играм и к водке,—то материальная скудость тунгусских хозяйств станет вполне понятной.

Не безинтересно также проследить состав товарной продукции тунгусских хозяйств. Здесь картина представляется в следующем виде:

	Ст. Мамакан				Ст. оз. Толондо				Ст. устье р. Хомолхо			
	Тунгусы		Якуты		Тунгусы		Якуты		Тунгусы		Якуты	
	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%
Оленеводство	930	7.5	1045	9.7	—	—	—	—	140	0.8	—	—
Рыболовство .	3804	30.5	3158	29.2	348	16.8	85	8.4	893	5.1	—	—
Звероловство	7617	61.2	6618	61.1	1719	83.2	932	91.6	16166	94.1	2327	100
Птицеловство	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Проч. добыв. промыслы	96	0.8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Скотоводство	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Луговодство .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого .	12447	100	10821	100	2067	100	1017	100	17199	100	2327	100

Отсюда видно, что товарность тунгусских хозяйств развивается по линии охоты и рыболовства. Более же наглядное представление о товарности продукции каждого промысла и занятия дает следующая таблица, в которой товарность определена в процентных показателях к валовой продукции:

	Ст. Мамакан		Ст. оз. Толондо		Ст. устье р. Хомолхо	
	Тунгусы	Якуты	Тунгусы	Якуты	Тунгусы	Якуты
Оленеводство	58.8	63.6	—	—	35.0	—
Рыболовство .	63.5	63.0	43.8	28.6	28.7	—
Звероловство	38.4	52.1	55.2	69.9	55.2	46.7
Птицеловство	00.0	00.0	00.0	00.0	00.0	00.0
Проч. добыв. промыслы .	85.7	00.0	00.0	00.0	00.0	00.0
Скотоводство	—	—	—	—	—	—
Луговодство	00.0	—	00.0	00.0	00.0	00.0
Средн. % товарности .	42.4%	52.3%	42.3%	52.3%	44.1%	37.0%

Эта таблица не нуждается в особых объяснениях, так как при описании каждого отдельного промысла в надлежащем месте был приведен анализ воловой и товарной продукции. Здесь же уместно обратить внимание лишь на то, что средняя товарность по первым двум стойбищам у якутов выше, чем у тунгусов. Между тем якуты с оз. Толондо как будто бы живут беднее своих соседей тунгусов. Вероятное объяснение этого явления заключается в том, что якуты с о. Толондо сильно уступают тунгусам в рыболовстве и свой денежный обиход строят только на товарности охотничьей продукции.

Вообще говоря, товарность тунгусских хозяйств прямо пропорциональна удольному весу звероловства. Оно определяет и тип тунгусских хозяйств и высоту материального достатка тунгусского населения.

Покупка товаров и потребление. Высокая номинальная доходность тунгусских хозяйств предопределяет не менее высокий расход денежных средств на приобретение предметов личного и хозяйственного потребления.

В этом общем расходе средств нужды личного потребления превалируют над нуждами хозяйственного потребления, так как несложная структура тунгусских хозяйств требует сравнительно небольших материальных вложений. Главный хозяйственный расход определяется вложением средств на огнеприпасы, на материалы по изготовлению рыболовного инвентаря, на продовольствие скота и на инвентаризацию самих хозяйств. Если принять во внимание, что инвентаризация хозяйств проводится силами самих тунгусов (изготовление жилищного, транспортного и пр. инвентаря), а корма для скота заготовляются на месте,—то станет ясным, что расход денежных средств на хозяйственные нужды связан почти исключительно с приобретением охотничьих и рыболовных принадлежностей и в некоторой части с приобретением предметов хозяйственного обихода (металлические, силикатные товары, осветительные материалы и пр.). Расход на покупку предметов хозяйственного обихода является сравнительно небольшим. Тем не менее приходится высказать сожаление, что этот расход остался неучтенным. В общую сумму расхода на покупки товаров вошла: стоимость предметов питания, наркотиков, одежды и выделанной кожи, а также стоимость охотничьих и рыболовных принадлежностей.

Вот эта сумма годового расхода:

СТОЙБИЩА	Стоимость товаров личного потребления	Стоимость товаров хозяйствен. потребления	ВСЕГО куплено на сумму	% покупки на хозяйств. нужды
Мамакан	10957 р.	646 р.	11603 р.	5.6 %
Толондо	2602 р.	206 р.	2808 р.	7.3 %
Хомолхо	21121 р.	1228 р.	22349 р.	5.5 %
Итого . .	34680 р.	2080 р.	36760 р.	5.7 %

Таблица не нуждается в особых объяснениях, так как она целиком подтверждает все вышеизложенные соображения. Необходимо лишь сказать, что в состав стоимости предметов хозяйственного потребления вошли расходы на покупку пороха, дроби, стрихнина, ружей и ниток для рыболовных сетей.

Для дальнейшего анализа здесь интересно сопоставить денежный расход на покупки с общей стоимостью товарной продукции тунгусских хозяйств.

Вот это сопоставление в ценностном выражении:

Стойбища:	Стоимость товарной продукци	Сумма покупок	% расхода денежных средств
Мамакан . . .	12447	11603	93.2
Толондо	2067	2808	135.8
Хомолхо	17499	22349	127.7
Итого .	32013	36760	114.8

Из таблицы следует, что тунгусские хозяйства в целом покупают на большую сумму, чем продают. Однако такой вывод был бы не совсем верен. Здесь, видимо, с одной стороны надо принять во внимание недоучет товарной продукции, а с другой стороны—реализацию тунгусами авансов под будущую пушнину, реализацию возможных сбережений прошлых лет, поступление товаров на основе товарообмена и ряд других обстоятельств, общая совокупность которых даст объяснение отмеченному противоречию. Тем не менее остается неоспоримым,

что в тунгусских хозяйствах высокий расход на личное потребление исключает почти всякую возможность материального роста самих хозяйств. В огромной части этот рост совершается за счет самовозрастающих элементов (скот, олени). Тунгусы проедают почти весь доход, получаемый от товарной продукции. Это подтверждается следующей таблицей:

Стойбища	Стоимость товарной продукции на 1 душу населения	Личное потребление на 1 душу населения	%
Мамакан . . .	259 р.	228 р.	88.0%
Толондо . . .	207 р.	260 р.	125.6%
Хомолхо . . .	154 р.	185 р.	120.1%
Средн. .	186 р.	202 р.	108.6%

Здесь также, как и в предыдущей таблице, расход возвышается над приходом по тем же самым причинам. Но это возвышение расхода над приходом уже прямо говорит о том, что денежные доходы хозяйства при данном состоянии учета не покрывают потребительских нужд тунгусского населения. *Это обстоятельство имеет место при том условии,* что и натуральная часть валовой продукции тунгусских хозяйств также преимущественно идет на заполнение потребительских нужд населения. По этому небезинтересно сравнить валовой доход на душу населения с душевым расходом на покупки товаров.

Стойбища	Валовая продукция на 1 душу населения	Покупки на 1 душу населения	% покупок
Мамакан . . .	599 р.	242 р.	40.4
Толондо . . .	480 р.	281 р.	58.8
Хомолхо . . .	341 р.	196 р.	57.5
Средн. .	421 р.	214 р.	50.8

Итак, приведенное сопоставление показывает, что по моменту покупки товаров тунгусские хозяйства выявляют весьма высокую товарность. Выходит, что половина всех нужд тунгус-

ских хозяйств и тунгусского населения удовлетворяется за счет рыночных связей, а вторая половина покрывается натуральным продутом, не выходящим из хозяйства. Здесь главная роль принадлежит мясу копытного зверя и рыбе. Мясные и рыбные продукты в их нетоварной части расходуются на личное потребление тунгусов. За исключением этих (а также молочных) продуктов весь пищевой обиход тунгусов строится на приобретении рыночных товаров.

Данные о покупке товаров в натуральном (количественном) выражении дают возможность установить душевые нормы потребления. Вот эти нормы:

НАИМЕНОВАНИЕ ПРОДУКТОВ	Мамакан	Толондо	Хомолхо	Средние нормы по всем стойбищам
	на 1 душу населения			
Мука ржаная клг.	151	203	159	160.6
„ пшеничн. „	60	57	40	46.9
Крупчатка „	28	21	31	29.5
Сушки, сухари, баранки . . . . клг.	0.47	0.0	0.14	0.23
Масло коровье „	17.53	11.47	13.79	14.69
Чай байховый „	0.085	0.00	0.00	0.024
„ кирпичн. доска	5.4	6.2	3.0	3.9
Сахар . . . . клг.	6.4	5.7	2.6	3.8
Табак нюхат. „	0.384	1.228	—	0.178
„ листовой „	1.450	0.819	1.562	1.488
Махорка . . . . „	2.560	4.177	0.467	1.267
Водка литр	10.7	8.0	5,3	6.8
Соль . . . . . кгр.	15.35	31.12	16.95	17.33
Ситец . . . . метр	13.6	11.0	10.0	11.0
Проч. мануф. метр	6.5	5.2	4.3	5.0
Кожа выделан. кгр.	3.31	5.32	3.41	3.49

При сравнении норм потребления по отдельным стойбищам выясняется довольно пестрая картина по целому ряду предметов потребления. Эта пестрота в значительной степени определяется случайностями товароснабжения тунгусов и отчасти хозяйственной бесплановостью самих тунгусов в построении своего продовольственного обихода. Не даром перепись

отмечает, что тунгусы без меры едят при наличии продуктов и голодают при их отсутствии. Но все же и при этих условиях необходимо сказать, что средние годовые нормы потребления по важнейшим продуктам далеко не ниже норм, отмечаемых у русского населения. Так, хлебные нормы у тунгусов выше, чем нормы у рабочего населения городов Иркутского округа: масла тунгусы потребляют также гораздо больше; по чаю и соли нормы потребления определенно высокие; мануфактура (ткани) проходит также по вполне удовлетворительным нормам. Видимо климатические условия севера побуждают тунгусов много есть и тепло одеваться. Конечно в пищевом рационе тунгусов нехватает очень многих продуктов, вследствие чего выростает потребляемость других продуктов. Отсутствие овощей—в особенности картофеля,—усиливает потребности в муке; недостаток молока компенсируется маслом; примитивность техники приготовления пищи вызывает большую потребляемость чая и соли.

Вообще говоря, при надлежащей рационализации пищевого режима и в условиях существующей доходности тунгусских хозяйств—материальный обиход тунгусского населения мог бы быть построен вполне удовлетворительно. Во всяком случае приведенные годовые нормы потребления исключают возможность говорить о поголовной бедности и скудости тунгусских хозяйств. То и другое разумеется имеет место среди тунгусов. У тунгусов, как и у других народов, конечно, есть своя зажиточная верхушка и свои бедняцкие хозяйства. Но в среднем скудость, а иногда и полная материальная необеспеченность тунгусских хозяйств, объясняется отнюдь не слабой доходностью хозяйств, а скорее отсталостью хозяйственных форм и хозяйственной нерасчетливостью тунгусов, не говоря уже о пристрастии к наркотикам и к азартным играм.

Торговля, кооперация, кредит. При описании отдельных промысловых занятий тунгусов неоднократно отмечалась практика товароснабжения тунгусских хозяйств и условия сбыта их продукции. Бодайбинский район в местах, заселенных тунгусами, не имеет развитой торговой сети, поэтому как сбыт, так и товароснабжение проходит по извилистым окольным путям, лишенным какой-либо прочности и постоянства.

Торговыми центрами, к которым тяготеют описываемые стойбища,—являются г. Бодайбо, прииск „Светлый“ и Мача. Кроме того при устье р. Хомолхо на территории Жуинского Сельсовета товароснабженческие и заготовительные функции отправляет государственная фактория. Вне этих пунктов нет ни базаров, ни постоянно работающих торговых заведений. Немудрено поэтому, что в условиях бездорожья и дальности

расстояния тунгусские хозяйства сплошь и рядом испытывают острую нужду в необходимых предметах потребления. Особо критическим моментом в продовольственном снабжении тунгусов является конец лета и осень. Весьма часто нужных товаров не оказывается в госфактории, также и на приниске „Светлом". Поэтому перед тунгусами с оз. Толондо и устья р. Хомолхо во весь рост встает перспектива длинной и утомительной поездки в г. Бодайбо. Что касается Мачи, то она имеет значение лишь в ярмарочный период (с 12 по 18 июля н. ст.). В остальное врема года Мача, как товароснабжающий центр, не представляет существенного интереса для тунгусов со стойбища Хомолхо и Толондо. Стойбище же Мамакан вообще оторвано от товарооборота с Мачей и держит постоянные торговые связи с г. Бодайбо.

Трудности постановки удовлетворительного товароснабжения тунгусов прекрасно учтены частными торговцами и скупщиками пушнины. В погоне за высокой коммерческой прибылью они не останавливаются перед объездом стойбищ и чумов тунгусов. Приезд к тунгусам частных скупщиков всегда наносит большой материальный ущерб тунгусским хозяйствам и вместе с тем этот приезд является праздником изобилия для тунгусов. В их обиходе сразу же появляется табак, водка, масло, сахар, мелкая галантерея и прочие предметы потребления. Эти радости дорого обходятся тунгусам, так как приобретенные продукты быстро потребляются и тунгусы вскоре же начинают испытывать недостаток предметов питания и первой необходимости. Таким образом характер товароснабжения через частных разъездных скупщиков пушнины ни в какой мере не упрощает товароснабженческой проблемы, а напротив осложняет ее, так как после „налета" частников резко падает покупательная способность тунгусского населения, а тунгусы остаются без пушнины и весьма часто в долгах перед частниками. К сожалению, материалы переписи не дают ответа на вопрос о масштабах „такой работы" частного капитала. Надо полагать, что в прошлом подворный и почумный сбор пушнины широко практиковался частниками. Несомненно также, что теперь подобные операции значительно ослабли. Но все же частные скупщики продолжают еще наносить ущерб тунгусским хозяйствам. Этот ущерб усугубляется еще и тем, что частники в операциях с тунгусами чаще всего прибегают к товарообмену, в процессе которого обесценивается продукция тунгусских хо-

зяйств. Вот характерная справка эквивалентных соотношений при товарообмене по стойбищу на реке Мамакан:

Товары:	1926 г. Количество	1927 г. белок
Масла топлен. 1 ф. . .	—	3
Чай кирпичн. 1 дос. . .	4	6
Чай байховый 1 ф. . .	4	4
Сахар рафин. 1 ф. . .	1	1
Табак листов. 1 ф. . .	1	2
Мука ржаная 1 пуд. . .	4—6 бел.	6
Мука пшеничн. 1 п. . .	5	—
Крупчатка 1 пуд	9	12
Мыло 1 ф.	—	0.5
Свечи 1 ф.	1	1.5
Водка 1 бут.	6	6

Эта таблица является весьма ценным документом, свидетельствующим о раззорительной эксплоатации тунгусских хозяйств со стороны частного торгового капитала, если в среднем посчитать стоимость беличьей шкурки в 1 рубль, то окажется, что охотник-тунгус уплачивает частнику 3 руб. за фунт масла, 6 рублей за бытылку водки, до 2-х руб. за фунт табачного листа, до 6 руб. за пуд ржаной муки и т. д.

Не надо забывать, что подобные операции проводятся всего в 32-х клм. от г. Бодайбо. А что происходит в отдаленных стойбищах? Вероятно, там эквивалентные соотношения складываются еще более неблагоприятно для тунгусов. Характерно то обстоятельство, что частники, обирающие тунгусов, сохраняют с ними хорошие приятельские отношения. Видимо, работа кооперации и госфактории не дает еще ярких выявлений грабительства частного капитала. Не менее характерно и то обстоятельство, что тунгусы, поддерживающие торговую связь с г. Бодайбо, главную часть своего оборота направляют по линии частного капитала.

Бодайбинская кооперация не подошла еще к тунгусам. Кооперирование их, видимо, является задачей будущего. В данное время только Мамаканская группа тунгусов имеет организационную связь с кооперацией. В этой группе кооперированы все самостоятельные хозяйства (12 хоз.). Членов кооперации

здесь насчитывается 13 человек. Из них 5 человек состоят в потребительской кооперации и 8 человек—в Охотничьем Т-ве г. Бодайбо. Своих кооперативных организаций тунгусы не имеют. Тунгусы со стойбища Хомолхо и Толондо совершенно оторваны как от потребительской, так и от охотничьей кооперации. Да и Мамаканские тунгусы, имеющие 10-ти рублевый пай в охоткооперации, почти не имеют снабженческо-сбытововой связи со своей организацией. В охоткооперации тунгусы получают только порох, свинец и пистоны. Все же прочее покупается у частников. Продукцию своих промыслов тунгусы также предпочитают сдавать на сторону. Общая оценка такова, что кооперация проявляет мало интереса к нуждам тунгусских хозяйств, не изучает их потребностей и не ведет никакой товароснабженческой деятельности по тунгусским стойбищам. С кредитованием через кооперацию в данное время также обстоит не вполне благополучно. У мамаканских тунгусов был случай, когда Бодайбинский рабкооп описал своих должников за неплатеж долгов. После этого мамаканские тунгусы проявляют определенное недовольство по отношению к кооперации. Вообще же кооперация и госфактории отпускают небольшие кредиты тунгусам-охотникам. В этих случаях кредит выдается товарами под сдачу будущего пушного улова. Закредитованность тунгусов достигает иногда довольно высоких размеров. Например, мамаканские тунгусы (13 хозяйств 48 душ населения) были должны потребкооперации в 1924 году—2494 руб., в 1925 году—3357руб., в 1926 году—3158 руб. Кроме того, они с 1925 года были должны „РАСО“ 2158 рублей.

К моменту статистического обследования (1927 г.) задолженность тунгусских хозяйств выражалась в следующих цифрах: по стойбищу Мамакан было 10 закредитованных хозяйств на общую сумму 4467 руб. (2091 р.—кредит от госорганов и 2096 р. кредит от кооперации); по стойбищу Хомолхо было 7 закредитованных хозяйств на сумму 1800 руб. (из них 1520 р. кредит от госорганов); по стойбищу Толондо закредитованных хозяйств не было.

Эти цифры подтверждают довольно высокую закредитованность многих тунгусских хозяйств. Происхождение этих долговых сумм не выяснено. Но несомненно, что долговые обязательства наросли за ряд лет.

В частности мамаканская группа хозяйств в данное время кредитуется только у частников. Кредит берется под промысел в сумме от 40 до 70 рублей и с обязательством сдачи кредитору всей добытой пушнины.

Частники при кредитовании охотников не составляют никаких письменных обязательств. Все соглашения проводятся в

устной форме. Тем не менее, частники с успехом получают долги, а иногда успевают даже собирать с тунгусов старые долги дореволюционного происхождения. Такие показания отмечены по стойбищу Мамакан.

Группа тунгусов со стойбища Толондо совершенно не пользуется кредитом, не пользуется им и большинство хозяйств со стойбища при устье р. Хомолхо. Межуу тем нужда в кредите отмечается по всем стойбищам.

По справедливости говоря, кредитная нужда вызывается отнюдь не слабой доходностью тунгусских хозяйств и даже не потребностями к крупным капиталовложениям в наличные хозяйства, а своеобразиями охотничьего типа хозяйств с его сезонной эфективностью как по валовой, так и по товарной продукции. Ясно, что при сезонности дохода и при общей хозяйственной нерасчетливости тунгусов—они ежегодно в известные периоды испытывают острую нужду в продовольственном и промысловом кредите. А так как кредитных учреждений в районах тунгусских поселений нет, то вообще вся система кредитования складывается из случайных выдач, лишенных характера планового кредитования. Разумеется, что бесплановость государственного и кооперативного кредита открывает широкое поле деятельности для частного скупщика.

Опыт имущественной дифференциации тунгусских хозяйств. Общая характеристика экономики бодайбинских тунгусов проливает слишком мало света на экономические неравенства среди тунгусских хозяйств и на те социально-экономические взаимоотношения, которые складываются на основе этих неравенств.

Между тем тунгусское стойбище, как и всякий имущественно разнородный коллектив, может быть характеризовано с точки зрения имущественного превосходства одних хозяйств над другими. Отсюда с неизбежностью возникает подчиненность и зависимость слабых хозяйств от хозяйств сильных и имущественно-крепких. Несомненно, что среди тунгусских хозяйств можно отыскать все три главных имущественных типа: бедняцкие, средняцкие и зажиточные хозяйства. В то же время экономические взаимоотношения между этими имущественными типами с неизбежностью порождают чисто социальную дифференциацию тунгусских хозяйств на хозяйства эксплоатирующие (кулацкие) и хозяйства эксплуатируемые. Среднее звено между этими крайними социальными типами занимает довольно многочисленная группа самостоятельных независимых хозяйств.

Такова структура социальной дифференциациии тунгусов. Уловить эту структуру весьма не трудно. Зато представить ее

в количественных показателях совершенно невозможно, так как материалы переписи уделяют слишком незначительное внимание вопросам общественных взаимоотношений, связанных с имущественными неравенствами. Материалы переписи характеризуют тунгусские хозяйства лишь с количественной стороны. Социально-экономические сплетения почти не выявлены. Известно лишь, что по стойбищу на р. Мамакан имеется два батрацких хозяйства, а по стойбищу при устье р. Хомолхо—одно кулацкое хозяйство, занимающееся скупкой пушнины. Между тем, скупку пушнины ведет далеко не одно хозяйство. Кроме того часть зажиточных тунгусских хозяйств занимаются ссудными операциями под будущую пушнину. Все эти указания имеются в описательных материалах переписи. Однако количественный учет этих явлений переписью не проведен. Поэтому социальную дифференциацию тунгусских хозяйств по данным переписи представить совершенно невозможно. Можно лишь при соответствующей группировке количественных показателей дать опыт имущественного расслоения, полагая, что социальные неравенства неразрывно связаны с неравенствами имущественного порядка. Однако и при таком упрощении задачи она все же остается крайне сложной. Вся трудность заключается в выборе ведущего экономического момента. Таким ведущим моментом не может быть ни оленеводство ни скотоводство, так как основной тип тунгусских хозяйств определяется не этими элементами.

Тунгусские хозяйства являются по преимуществу охотничьими хозяйствами. Поэтому и основа имущественного расслоения должна быть взята из охотничьей сферы.

Здесь важнейшим показателем будет доходность от охотничьего промысла. А так как в охотничьем промысле существенной частью является беличий промысел, то в виде опыта все дальнейшее построение имущественного расслоения поставлено в связь с размерами беличьего улова. Надо заранее оговориться, что размер беличьего улова не является устойчивой величиной. По этому по беличьему улову весьма рискованно проводить границы между различными имущественными группами хозяйств. Однако индивидуальный анализ каждой подворной карточки устанавливает весьма четкую и прямую закономерность между величиной беличьего улова и степенью имущественного благополучия тунгусских хозяйств. Эта закономерность вполне объяснима, так как размер беличьего улова характеризует высоту доходности охотничьих хозяйств.

Комбинация различных группировок хозяйств по высоте беличьего улова указывает, что будет наиболее характерным

представить все тунгусские хозяйства в следующих трех основных группах:

1) бедняцкие хозяйства с уловом до 200 белок;
2) средняцкие хозяйства с уловом до 500 белок;
3) зажиточные хозяйства с уловом свыше 500 белок.

При таком делении картина имущественного расслоения предстанет в следующем виде: (См. таб. на стр. 62).

Здесь характерны процентные показатели. По ним можно с наглядностью убедиться насколько имущественное положение бедняков отстало от средняцких и зажиточных хозяйств. Как правило, бедняки не имеют ни скота, ни оленей, ни жилых построек. Особое место занимают лишь бедняки с Толондо. Но о них разговор будет ниже. Характеристика бедняцких хозяйств ярче всего устанавливается по стойбищу на р. Мамакан. Здесь бедняцкие хозяйства составляют почти 40% всех хозяйств. Все эти хозяйства состоят из одиночек или малосемейных. В среднем на одно хозяйство приходится всего 1,6 душ. Инвентарь бедняцких хозяйств состоит только из сетей, ружей и веток (лодок). Причем удельный вес бедняцкого инвентаря в общей инвентаризации по стойбищу значительно ниже того удельного веса, который занимают бедняцкие хозяйства в общем числе тнгусских хозяйств этого стойбища. Промысловый эффект бедняцких хозяйств также непропорционально низок по сравнению с количеством бедняцких хозяйств и даже по сравнению с количеством населения в этих хозяйствах. Та же непропорциональность вскрывается и в сфере потребления.

Бедняки со стойбища Хомолхо не представляют особого интереса, так как здесь в группу бедняцких хозяйств попадает всего *одно хозяйство—одиночка.*

Особого внимания заслуживают бедняцкие хозяйства состойбища Толондо. Эти хозяйства имеют рабочий скот и оленей. При чем по скоту и по оленям они стоят выше средняцких хозяйств. Однако промысловая эффективность этих хозяйств значительно ниже, чем в средняцких хозяйствах. Потребление также отстает от средняцких хозяйств. Объяснение всех этих противоречий заключается в том, что тунгусские хозяйства с оз. Толондо не являются типичными охотничьими хозяйствами. В момент переписи они были втянуты в отхожие промыслы по лесозаготовкам на прииске „Светлый“ и сумели приспособить свой хозяйственный обиход применительно к потребностям лесозаготовительного промысла. Как охотничьи хозяйства, они несомненно отходят к группе бедняцких хозяйств. По всему же прочему они значительно ближе к среднякам. В целом их имущественная характеристика не может быть на-

	Число хозяйств	В них населения	Лошадей	Крупн. рогатого скота	Оленей	Сетей кв. саженей	Ружей: Гладкоствольн.	Ружей: Нарезных	Построек: Постоянных	Построек: Переносных	Лодок и веток	Ими добыто: Копытн. зверя шт.	Ими добыто: Дичи шт.	Ими добыто: Белки шт.	Ими добыто: Рыбы пуд.	Ими куплено: Муки ржан. пуд.	Ими куплено: Муки пшен. пуд	Ими куплено: Крупчат. пуд.	Ими куплено: Сахару пуд.	Ими куплено: Масла пудов	Ими куплено: Ткани метров
Мамакан.																					
Бедняки . .	3	18	—	—	—	80	3	2	—	—	1	49	416	650	151	60	22	4	3,75	8	177
в %-ах . .	38,5	16,7	—	—	—	11,9	25,0	16,7	—	—	11,1	13,8	14,9	11,0	21,1	13,6	12,5	1,9	20,0	15,6	18,4
Средняки . .	3	21	—	—	2	271	6	4	4	1	3	152	1070	1700	315	185	85	11	9,5	25	375
в %-ах . .	38,5	13,8	—	—	37,8	10,7	50,0	33,3	57,1	11,1	33,3	42,9	38,3	36,6	47,2	41,9	18,0	50,6	50,7	18,8	38,9
Зажиточные .	3	19	—	—	16	320	3	6	3	8	5	153	1307	2300	232	196,5	70	36	5,5	18,25	412
в %-ах .	23,0	39,5	—	—	62,2	17,4	25,0	50,0	42,9	88,9	55,6	43,3	46,8	49,4	31,7	44,5	39,5	44,5	29,3	35,6	42,7
Итого	13	18	—	—	71	674	12	12	7	9	9	351	2793	4650	731	441,5	177	81	18,75	51,25	964
Толондо.																					
Бедняки .	2	4	5	—	12	90	2	1	—	—	—	3	171	350	22,5	59	15	1,5	1	3	53
в %-ах .	50,0	40,0	83,3	—	57,1	36,0	50,0	33,3	—	—	—	8,0	38,9	29,2	22,6	17,6	12,9	10,4	28,6	42,9	32,7
Средняки .	2	6	1	—	9	160	2	2	1	1	2	35	273	850	77	65	20	13	2,5	1	109
в %-ах . .	50,0	60,0	16,7	—	42,9	64,0	50,0	66,7	100	100	100	92,0	61,1	70,8	77,1	52,1	57,1	89,6	71,4	57,1	67,3
Итого	4	10	6	—	21	250	4	3	1	1	2	38	447	1200	99,5	124	35	14,5	3,5	7	162
Хомолхо.																					
Бедняки	1	1	—	—	—	60	1	1	—	—	1	11	50	180	16	12	—	5	0,5	2	27
в %-ах . .	4,2	0,9	—	—	—	3,8	3,8	3,5	—	—	4,5	2,4	2,1	1,7	1,2	1,1	—	2,3	2,8	2,1	1,7
Средняки .	19	81	19	16	81	1135	17	22	9	18	17	458	1752	6960	315,5	775	205	159	12,5	72	1130
в %-ах .	79,1	73,7	67,9	80,0	71,3	72,1	65,4	75,9	60,0	85,7	77,3	79,5	73,1	65,4	82,1	70,0	73,2	71,3	69,0	75,0	69,4
Зажиточные	4	29	9	4	28	380	8	6	6	3	4	101	595	3500	53	320	75	50	5	22	470
в %-ах .	16,7	25,4	32,1	20,0	25,7	24,1	30,8	20,6	10,0	14,3	18,2	18,1	21,8	32,9	3,7	28,9	26,8	23,1	28,2	22,9	28,9
Итого .	24	111	28	20	109	1575	26	29	15	21	22	576	2397	10640	384,5	1107	280	214	18,0	96	1627

звана бедняцкой. Поэтому в сводной таблице по всем трем стойбищам „бедняки" с Толондо будут отнесены к средняцкой группе хозяйств. Такое отступление от основного принципа имущественной дифференциации охотничьих хозяйств оправдывается тем, что данные два хозяйства не являются типично-охотничьими хозяйствами, а потому их оценка по неизбежности проходит в индивидуальном порядке.

Средняцкие хозяйства являются самой многочисленной группой тунгусских хозяйств. Экономика этих хозяйств в целом соответствует их удельному весу, а эффективность охотничьего промысла вполне совпадает с численностью населения средняцких хозяйств. То же совпадение отмечается и в сфере потребления. По степени же обеспеченности жилыми постройками средняцкие хозяйства имеют определенный перевес над их собственным удельным весом.

Зажиточные хозяйства в группу которых попадают и кулацкие хозяйства, с излишком обеспечены жилыми постойками и имеют наиболее высокую хозяйственную инвентаризацию. Однако в обеспечении рабочим и крупным рогатым скотом эти хозяйства не имеют никаких преимуществ перед средняцкими хозяйствами. Водимо, хозяйственная инициатива по развитию животноводческих элементов в тунгусских хозяйствах принадлежит средняцкой группе. Зато традиционное оленеводство крепче держится в верхушечных тунгусских хозяйствах.

Наибольшую наглядность имущественного расслоения тунгусских хозяйств дает сводная таблица по всем трем стойбищам.

Вот цифровые данные этой таблицы:

	Бедняки		Средняки		Зажиточные		ВСЕГО	
	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%
Число хозяйств .	6	14,6	28	68,3	7	17,1	41	100
В них душ насел. .	9	5,2	115	66,9	48	27,9	172	100
У них лошадей . .	—	—	25	73,5	9	26,5	34	100
„ круп. рог. ск.	—	—	16	80,0	4	20,0	20	100
„ оленей . .	—	—	130	63,8	74	36 2	204	100
„ сетей кв. с. .	140	5,6	1659	66,4	700	28,0	2199	100

	Бедняки		Средняки		Зажиточные		ВСЕГО	
	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%
У них ружей гладкоствольн.	4	9,5	27	64,3	11	26,2	42	100
„ ружей нарезных . .	3	7,0	29	65,7	12	27,3	44	100
„ жилых постр. постоян. .	—	—	14	60,9	9	39,1	23	100
„ жилых постр. переносн. .	—	—	20	64,5	11	35,5	31	100
„ лодок .	2	6,1	22	66,7	9	27,2	33	100
Добыто копытн. зверя шт. . .	63	6,5	648	66,9	257	26,6	968	100
Добыто дичи шт.	466	8,3	3269	58,0	1902	33,7	5637	100
„ белки шт.	830	5,0	9860	59,8	5800	35,2	16490	100
„ рыбы пуд.	170	14,0	760	62,5	285	23,5	1215	100
Купл. рж. муки пуд.	72	4,2	1081	64,9	516,5	30,9	1672,5	100
„ пшен. „ „	22	4,5	325	66,0	145	29,5	492	100
„ кручатки „	9	2,9	214,5	69,3	86	27,8	309,5	100
„ сахару „	4,25	10,6	25,5	63,3	10,5	26,1	40,25	100
„ масла „	10	6,5	104	67,4	40,25	26,1	154,25	100
„ тканей мтр.	201	7,1	1667	60,5	882	32,1	2753	100
„ чай кирп. дос.	60	9,0	452	67,8	155	23,2	667	100
„ водки бут. .	260	10,2	1660	64,8	640	25,0	2560	100

В этой таблице особенно характерна колонка процентных показателей, относящихся к средняцкой группе. Здесь все показатели уравновешены с основными показателями количества средняцких хозяйств и количества населения в этих хозяйствах. Такое совпадение служит доказательством того, что в проведенном опыте имущественного расслоения средняцкая группировка уловлена в достаточной мере правильно. Несколько преувеличены лишь скотоводческие показатели. Но это объясняется тем, что средняцкие хозяйства являются главными пионерами тунгусского скотоводства.

Показатели двух крайних имущественных группировок также не лишены надлежащей стройности и достоверности.

Как правило, удельный вес бедняцких хозяйств значительно выше их имущественного обеспечения. У зажиточных же хозяйств соотношение показателей складывается в обратном порядке: здесь удельный вес имущественного обеспечения и материального достатка на много выше основного показателя численности этих хозяйств.

Какое же различие всех трех хозяйственных группировок в сфере потребления? Этот вопрос имеет существенное значение, так как целью всякого хозяйственного производства является потребление. Здесь будут характерны душевые нормы. Их можно вывести из последней сводной таблицы:

	На 1 душу населения		
	Бедняки	Средняки	Зажиточн.
Мука ржан. клгр. .	131,0	154,4	176,2
„ пшеничн. „ .	40.0	46,3	49,5
Крупчатка „ .	16,4	30,5	29,3
Сахар „ .	7,7	3,6	3,6
Масло коровье „ .	18,2	14,8	13,7
Ткани метров . . .	22,7	14,5	18,4
Чай кирпичн. доска	6,7	4,0	3,2
Водка бутылка . .	28,9	14,4	13,3

Хлебные душевые нормы последовательно возрастают от бедняцких хозяйств к верхушечным хозяйствам. Вообще такая последовательность характерна для основных продуктов питания (хлеб, мясо). В остальном же пищевой обиход средняков и зажиточных отличается от бедняцкого обихода не абсолютной высотой душевых норм, а более целесообразным их построением. Бесхозяйственность потребительского обихода резче всего сказывается в бедняцких хозяйствах, где систематические голодовки и полная бездомность легко уживается с высокой потребляемостью сахара, масла, чая и водки. Такой беспорядочности обихода не наблюдается в средняцких хозяйствах. Но и они нередко от продовольственного изобилия переходят к голодовкам.

В зажиточных хозяйствах имеет место более расчетливое потребление сахара, масла, водки, чая. Качество предметов потребления более высокое, чем у бедняков и средняков.

Итак, материальные преимущества одних тунгусских группировок над другими неизбежно вскрываются или с качественной или с количественной стороны.

В грязи и копоти тунгусских жилищ опытному глазу легко отличить: бездомного бедняка с его ветхой утварью и неустойчивым материальны обиходом, старетельного средняка, пытающегося изо-всех сил свести хозяйственные концы с концами и хитрое улыбающееся лицо тунгусского паучка—расчетливого азиата, скупающего у соседей пушнину и держащего в прямой и косвенной кабале ряд бедняцких и средняцких хозяйств.

Общий обзор экономики тунгусских хозяйств Бодайбинского района приводит к целому ряду выводов.

Прежде всего нужно дальнейшее изучение хозяйств Бодайбинских тунгусов. В частности необходимо определить хозяйственную значимость тунгусского оленеводства и скотоводства. Изучение этого вопроса имеет весьма важное практическое значение для построения рационального типа тунгусских хозяйств.

Настоятельно необходимой является срочная организация снабжения тунгусских хозяйств продуктами потребления и промысловыми припасами. Эта деятельность должна быть направлена как на снабженческо-сбытовые цели, так и на решительное вытеснение частного хищника-скупщика. Наиболее целесообразной формой обслуживания тунгусских хозяйств была бы постановка культурно-хозяйственной базы в районе тунгусских поселений. Деятельность такой базы вплотную подошла бы к уяснению целого ряда местных культурно-хозяйственных вопросов и сумела бы практически разрешить срочные задачи—сбыта, снабженія, кредита, рационализации промыслов, здравоохранения, просвещения и т. д. и т. п. Без организации же постоянно работающей культурно-хозяйственной базы—тунгусские хозяйства при всей своей высокой доходности долгое время будут влачить жалкое существование, свойственное отсталым бродячим народам Севера.

Приисковый быт.

О золотопромышленности в Сибири написано много. Большое количество работ породило даже нужду в библиографических указателях, которых имеется несколько типов: от указателей небольших размеров, напечатанных на страницах газет, как например В. А. Абрамова[1] или Боголюбского[2], до больших библиографических работ, как например глава о золотопромышленности в указателе Косованова[3] или даже отдельные книжки: А. А. Белозерова[4], Д. Головачева.[5] Характерной особенностью большинства работ является перегиб интересов авторов в сторону техники и экономики. О приемах разрывания земли, о золотопромывальных машинах—написано очень много, о взаимоотношениях рабочих с хозяевами имеется также значительный материал. Сведения же чисто этнографические у большинства авторов почти отсутствуют. Труды Семевского[6] носят преимущественно исторический характер и хотя сам автор и был на приисках, но все-таки работы его основываются главным образом на архивных документах. Исследования Латкина[7] обнаруживают в авторе интерес к технике золотопромышленности и быту рабочих почти исключительно с экономической точки зрения, хотя Латкин и прилагает к своим очеркам небольшой словарик золотопромышленных технических и бытовых терминов. В произведениях осталь-

---

[1] В. Абрамов „Очерки золотопромышленности Олекмы".

[2] Боголюбский „Золотопромыленность в Амурской и Приморской областях". Газета „Сибирь" 1887 г. № 19.

[3] Косованов В. П. „Библиография Приенисейского края" Красноярска, 1923 г.

[4] Белозеров А. „Указатель книг, изданных на русском языке, по предметам, относящимся к горной части". Петербург 1873 г.

[5] Д. Головачев „Библиографический указатель статей, корреспонденций и заметок в сибирской периодической печати по вопросу о золотопромышленности в Сибири. Санкт-Петербург. 1890 г.

[6] Семевский В. И. „Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. I и II. С.-Петербург, 1898 г. Семевский В. И. Очерки по истории быта рабочих на сибирских золотых промыслах. „Рус. Богатство", 1893 г. № 1. Семевский В. И. „На сибирских золотых промыслах". Вестн. Евр., 1895 г. кн. 5 и 6.

[7] Латкин Н. „Очерки промыслов Енисейской губ. северных и южных систем", З. Г. О. по общей этнографии, г. II, 1869 г. Латкин Николай „Енисейский округ и золотопромышленность". „Живописная Россия", т. 12, ч. I.

ных авторов, которых мне придется цитировать, элементы этнографии вкраплены небольшими зернышками, более мелкими, чем крупинки золота в золотоносном пласту. Пользуясь указателем Головачева, я просматривал старую сибирскую газету „Губернские Ведомости"—Иркутские и Томские, газеты „ Сибирь", „Восточное Обозрение", „Сибирский Вестник", „Сибирская Газета", „Енисей", „Амур" и т. д. Лично мои сборы, произведенные в 1925 г. проездом в Туруханский край, касаются преимущественно енисейской золотопромышленности. Записи сделаны со слов лиц, работавших на приисках, то в качестве „забойщиков", то „возчиков" на промыслах крупных капиталистов, а также от „старателей", которым пришлось на своих плечах испытать всю тяжесть золотопромышленной жизни и перепробовать все виды работ. Мои материалы о ленской золотопромышленности еще более бедны. Собраны они в 1921 г., когда, возвращаясь с севера Якутии, мне удалось несколько дней провести в селе Витимском.

В настоящей работе мне хотелось наметить только основные вехи этнографического и фольклорного изучения золотопромышленности. Назвать предлагаемую работу программой нельзя потому, что я включаю в нее и свой материал. Где можно, я сравниваю его с другими, уже опубликованными записями, привлекая их также в качестве дополнения.

Работа будет состоять в суммарном и сжатом описании приемов разыскивания и промывания золота и характеристики быта рабочих на промыслах. Целью работы будет попытка доказать, что помимо научных инженерских приемов, народу известны свои более первобытные представления в области механики и строительства, в искусстве разыскивать золото и опускаться за ним глубоко в землю. Народная техника создала богатую народную техническую терминологию. Тяжелая жизнь на приисках отразилась в песнях, изречениях, в крылатых словцах. Особенно богатым фольклорным покрывалом окутаны такие поражающие воображение народа явления, связанные с приисковой жизнью, как бродяжничество, „подвиги" спиртоносов и тайных торговцев краденым золотом. Свое отражение в устном народном творчестве нашли и разгульные кутежи золотопромышленников, „вывалившихъ" с приисков в жилые поселения. Рассказов о том, как кутили неожиданно быстро разбогатевшие люди, очень много и они чрезвычайно сходы между собой. Сравнивая подобные рассказы, почерпнутые из уст рабочих на Урале, на Енисее, на Лене, на Амуре, мы видим большое сходство. Очевидно, все фантастические выходки кутил—не только бесшабашные экспромты, но и некоторая традиция.

Прииска никогда не были этнически однородной массой. Они, как губка, впитывали в себя пришельцев со всех концов Сибири и Европейской России; кроме ссыльных поселенцев, работали вольно-наемные рабочие. Латкин с цифрами в руках изображает картину постепенной замены ссыльных поселенцев вольно-наемными рабочими. Обычно крестьяне Евр. России объединялись партиями в Нижнем Новгороде. Поэтому все они без различия, из какой бы они губернии ни происходили, звались на приисках в отличие от сибиряков и ссыльно-поселенцев „нижегородцы". Пришельцы варились в общем пестро-язычном котле, усваивали приисковый жаргон и этнографический облик золотоискателей. Но они же и усложняли этнографический и языковой состав приисков. Некоторые явления, сделавшиеся обще-приисковыми, ведут свое происхождение из отдаленных уголков Евр. России и занесены, видимо, отдельными пришельцами оттуда. Много золотопромышленных терминов проникло с Урала, где золото начало добываться раньше, чем в Сибири. Некоторые языковые явления совершенно непонятны на почве Вост. Сибири, если не принять в соображение их уральское происхождение.

Особенно осложнили этнографическую смесь туземцы Сибири, сильно повлиявшие на язык, быт и фольклор золотопромышленников. Не только названия речек на приисках Енисейской и Ленской системы не русские, а туземные сибирские: тунгусские, бурятские, якутские, а также енисейско-остяцкие и, вероятно, другие древне-палеазиатские, но и в названия предметов обихода и орудий труда проник этот туземный сибирский элемент. И если вообще можно говорить о смеси русского и туземного элементов в Сибири, то как же ей не быть сильной здесь, когда горсточка русских забирается в леса, бродить в них с речки на реку и, наконец, осаждается где нибудь наиболее уединенно. На больших приисках, поставленных на широкую ногу, конечно, обходились без „инородцев", но чем группа золотоискателей меньше, чем уединеннее она, чем сильнее она находится во власти тайги, тем больше ей нужна помощь ее обитателей-туземцев. Бродяги, пробирающиеся в прииска и спиртоносцы, конечно, не смогли бы двигаться по тайге, еслибы не знали местных туземных языков, если бы не переняли от туземцев уменья ориентироваться и жить в лесу.

---

1. Самое трудное—найти золото. „Опробовать почву" пускаются многие и в одиночку и партиями, но не всем удается добиться успеха.

Старатель из Енисейской тайги рассказывал о своих похождениях. Он брал с собой пищи, сколько мог унести, что-

бы не тяжело было ходить, котелок, койлу и лопату. Лопата в таких случаях выбиралась особенная—большая и несколько изогнутая. Рыл землю, кайлил, где нужно, держась преимущественно краев оврага и стараясь не отходить далеко от ручьев. Захваченную на лопату землю подставлял под текущую воду, помогал воде разбивать комки и смотрел, как струи уносили мелкий песок, а на лопате оставались камешки и что было потяжелее. Там же должно было остаться и золото. Если с частицами, не унесенными водой, оставалось хотя бы несколько самых мелких блесток золота, золотоискатель радовался.

„Есть на лопате—будет и в колоде“ [1].

Такие крупинки золота звались „знаками“. Термин этот существует и в Амурской тайге. [2] „Знаки“ давали надежду на близость золотоносного пласта. Найденный кусочек золота обтирают, иногда пробуют на зуб (Чап. 95) и тщательно завертывают в бумажку. Еще бы найти несколько таких крупинок и знать, что пласт открыт.

Постоянные поиски золота научили старателей понимать поверхность и выработали элементарные геологические навыки. Быть может, позволительно говорить об особой народной геологии.

Золотопромышленники стараются найти „знаки“ в разных пунктах и не огорчаются, обнаружив рядом с золотоносным пластом совершенно пустой песок—„дурь“ (Уманьнский, стр. 150). так как знают, что золотоносный пласт располагается по долине не равномерно, а переходит из стороны в сторону. Когда розысками занято несколько чезовек, закладывают „шурф“—роют колодец. У приискателей имеются свои термины, приуроченные к разным геологическим наслоениям. Самый верхний слой зовут „турфом“. Уманский (стр. 43) [3] объясняет это слово как испорченное „торф“ и предполагает, что оно занесено с Урала. Там, действительно, верхний слой состоял из торфа, а оттуда слово это проникло и в другие приисковые районы в нарицательном значении слоя, заведомо не содержащего золота. Под турфом часто залегает „речник“. Он очень похож на золотоносный пласт—и песок в нем такой же. и галька та же. только золота нет. Называется он „речником“ за сходство попадающихся в нем камешков с речной галькой. Слой, в котором находится золото, зовется просто „пласт“ (ср. Уманьский

---

[1] Колода—золотопромывательный прибор.

[2] К. Б. Чаплеевский „Тайга и золото“. 1899 г., стр. 56.

[3] Уманьский А. —Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге“, 1888 г.

43). Еще ниже залегает земля, не содержащая золота. Зовут ее „почва“ (Уманьск. 43).

Поиски золота при помощи шурфовки распространены чрезвычайно широко и самый термин известен приисковым рабочим разнообразных золотопромышленных районов. О „шурфах“ упоминает Данченко[1] (стр. 583) по отношению к уральской золотопромышленности, Чаплеевск. (стр. 26) по отношению к амурским, Уманьский (стр. 123)—к енисейским. Мишла[2] (стр. 79), рассказывая о ленских промыслах, говорит, что там золотоискатели „бьют шурфы“. В енисейской тайге небольшие шурфы зовутся „язенками“ (Уманьский 123).

Обычно стараются шурфовать поближе к текучей воде, чтобы удобно было промывать пески. Часто шурфы закладывают зимой и особенно в местах сырых, где летом мешала бы работе вода. Там шурфуют „на пожог“ (ср. Чап. 32). Разводят костер и как только почва оттает, ее начинают кайлить и доходят еще до неотогретой земли. Все искусство в работе на пожог заключается в уменье во время разбросать костер, чтобы не дать возможности оттаявшей воде залить шурф. Когда предполагают, что золото находится на дне ручного русла, закладывают шурфы на речном льду, пользуясь зимними холодами. Работы ведутся с выморозкой. Пробивают лед до тех пор, пока не почувствуется близость воды. Как только первые струйки начнут просачиваться в шурф, щелки во льду затыкают и работу прекращают. За ночь подо льдом нарастает новый слой льда, который позволит углублять работу. Так кайлят до тех пор, пока не дойдут до речного дна. В дальнейшем переходят к работам на пожог, соблюдая величайшую осторожность.

Летом изыскания на дне реки связаны с большими трудностями. Чтобы отвести реку, городят запруду. Рубят большие бревна—„стрелы“ (Кривошапкин[3], 179), при помощи которых и перегораживают течение.

Иногда золотоискатели находят нужным сделать разведку в сторону, уже около заброшенных разработок. Тогда делают углубление в бортах траншеек—„штреки“, чтобы очистить „пласт“ от осыпавшихся на него „турфов“ (Уманьск. 123).

Описаний быта изыскательских партий много (Семевский, стр. 4[4], Мишла, 80—82), но все они лишены этнографи-

---

[1] Данченко—„Кама и Урал“ (очерки и впечатление), 1890 г.

[2] Мишла (М. И. Орфанова) „В дали“ (из прошлого). Рассказы из вольной и невольной жизни. С предисловием С. В. Максимова, 1883 г.

[3] Кривошапкин—„Енисейский округ и его жизнь“. Спб. 1865 г.

[4] Семевский „Рабочие на сибирских золотых промыслах“, 1898 г.

ческих подробностей, так как составлены преимущественно с чужих слов или по документам.

Типы золотоискателей описаны также недостаточно полно. Под Красноярском и в самом городе жил, да вероятно и теперь живет, целый штат вожаков—искателей золота. Среди них имеются „великие мастера“ этого дела, „ученики“ и даже „подмастерья“. Люди они жуликоватые, нахватавшиеся специальных технических выражений вроде „водяной столб“, „давление воды“, большие мастера рассказывать таежные приключения и анекдоты. Большинство из них знакомо с местными инородческими языками и обладает уменьем находить дорогу в лесу. За золотоискательство взялись они по разным причинам: кто раньше имел свое дело да прогорел и пустился на фокусы, кого расчитали со службы крупные золотопромышленники. Часто выдают себя за вожаков партиями бывшие приисковые конюха, повара,—люди, натершиеся в золотопромышленной среде. Они непрочь пускаться на открытые мошенничества—подкинуть шурф золотого песку. чтобы „повеселить хозяина“, а потом сказать, что „жила порвалась“.[1]

Конечно, не такие люди находят золото, и не ими открыты громадные таежные сокровища. О настоящих золотоискателях хранится крепкая память в народе, о них рассказывают легенды. Мне удалось записать одну из них в Енисейской тайге.

Был один простой человек, мужичек—ну, золото искал поразительно—как из ящика брал. Пока он на приске—кипит работа, как ушел--все стоит. Сотни людей роют землю, моют пески—нет золота. Один промышленник осердил чем-то старика—обидел. Он взял да ушел; уехал в Россию. Потом промышленник за ним по всем городам бегал, искал, упрашивал, страшные деньги предлагал, чуть в ноги не кланялся. Уговорил все-таки старика. Привел. Ну, говорит хозяин работникам,—теперь, ребята, заживем. А сам к старику.

— „Уважь, дедушка, найди золото“. „А много-ли?“.—„Ну, хоть с полпуда“.—„Ну, ладно“. Посмотрел и говорит: „Копайте тут“. Около самого приска. И нашел. Так и пошел каждый день—полпуда да полпуда, так и пошел пудовать.

Замечательно, что такие люди сами к богатству непристрастны—„вкуса у них к золоту нет“. Приблизительно так же описывает Данченко (стр. 604.) знаменитого золотоискателя Жмаева. „Нас встретил старик, еще бодрый, черные зоркие глаза пытливо смотрели из-под седых бровей; над замечатель-

[1] Газ. „Сибирь“, 1879 г. № 7.

но высоким и превосходно сформированным лбом едва можно было различить редкие серебряные волосы. В сухой складке уже бескровных губ чувствовалось какое-то презрение к людям, что-то горькое... Он был почти без куска хлеба и жил здесь из милости—он, давший миллионы другим, почти никогда не имевший дорого стоющих прихотей".

С открытием приисков связано много легенд, в которые вплетаются „инородцы" и даже животные. Видимо, уму золотоискателей свойственно представление о роковой случайности, связанной с розысками золота, в которой крупное значение имеют существа, по их мнению, очень слабые и ничтожные. Мне приходилось слышать легенду о том, что главные Енисейские прииска найдены были благодаря тунгусам, принесшим в подарок русским, не то рябчиков, не то москалей, в желудках которых был найден золотой песок. Эту легенду сообщает Чапл. (стр. 47), утверждающий, что много слышал расказов, в которых случайность выступала на первый план. Несколько ниже он сообщает легенду о том, как суслик вырыл из норы несколько золотников, бурят подобрал их, показал инженерам и, видимо, пристыдил их, потому что они, вооруженные знаниями, не могли найти золото, а он, простой бурят, нашел при помощи суслика.

Тунгусы и другие таежные туземцы упоминаются не только в легендах. О них говорят и некоторые писатели о золотопромышленности, указывая на их заслуги в деле открытия россыпей и на их помощь русским в дальнейшем. Уманьский отзывается о тунгусах, как о людях, помогавших находить золото (стр. 48). О тунгусах, как о проводниках приисковых партий, упоминает Латкин и также автор статьи о золотопромышленности в газете „Сибирь" (1879 г. № 7), Чаплеевский сообщает, что к помощи ороченов и теперь прибегают амурские золотоискатели при передвижении (стр. 9).

2. Когда золото найдено, начинаются длинные, тяжелые и сложные золотопромышленные работы, которые разбиваются на две главных категории: извлечение золота из земли и промывание золота.

а) Извлечение золота из земли. Описанные геологические познания золотопромышленников дают возможность даже старательским партиям выбрать нужный прием работы. Различают виды „турфа" по степени его плотности. В рыхлых „турфах" нельзя проделать сложных и глубоких земляных работ. Наоборот, слишком плотные „турфы" побуждают прибегать к особым приемам, дающим возможность избегнуть трудной работы—„вскрышки" верхних слоев. Характер „турфов" обычно зависит от количества глинистых при-

месей и от характера самых глин. „Разрушистыми турфами“ называют легко рассыпающиеся верхние пласты, не содержащие или почти не содержащие глины. „Мясниковатыми турфами“ называют слои вязкие, глинистые.[1]

Чаще всего, добывая золото, делают „разрез“—траншею, ширина и глубина которой зависит как от характера залегания золота, так и от величины золотопромысловой организации. Латкин подробно рассказывает о различных видах разрезов, устраиваемых рабочими больших золотопромышленных компаний („Очерки...“, 640). Я постараюсь вкратце сообщить о разрезах, сооружаемых небольшими партиями или группами старателей. Термины, записанные мною, совпадают с приведенными Латкиным.

Под разрезом подразумевают яму, из которой берут золотоносные пески. Форма разреза прямоугольная. По мере развития работ она удлиняется и приобретает подобие траншеи. Края разреза зовутся „бортами“. Золотопромышленник кайлит один из них, а также тот слой, на котором он стоит, до тех пор, пока не дойдет до пласта, явно золота не содержащего. Тот слой, на котором стоит промышленник и который он постоянно скалывает под собой, зовется „полотно“, а твердая порода, подстилающая золотоносный пласт, до которой он рано или поздно дойдет,—„плотик“. Золота в „плотике“ нет. Некоторые золотоискатели зовут его просто „почвой“. Иногда его пробуют тоже кайлить, но потом убеждаются, что попытки напрасны, и скоро оставляют. Такая проба—„забирка“ делается больше для успокоения совести, когда работа ведется старательской компанией или по распоряжению начальства, если золотоискательство производится по найму у крупных капиталистов. Прежде чем оставить разрез или начать его удлинять в новом направлении, долго и кропотливо подбирают остатки золотоносных песков—„зачищают“. Новую работу начинают с пробного ответвления в сторону, с „зареза“ в „борту“ разреза.

Семевский, основываясь на архивных документах, упоминает о „кобщике“ (стр. 14), занятом землекопательными работами. Большинство других авторов упоминает иной термин, приуроченный к промышленнику, роющемуся в „разрезе“,—„забойщик“. О „забойщике“ и „отвозчике“ приходилось слышать также и мне на Енисее. „Забойщик“ кайлит полотно и „борта разреза“, выкидывает разрушенные породы на поверхность, а „отвозчик“ отвозит их на таратайках к золотопромышленным приборам.

[1] „Иркутские Губ. Ведомости“, 1858 г., № 32.

О типах золотопромышленных таратаек довольно много сказано в статье, напечатанной в „Иркутских Губ. Ведомостях“ (1858 г. № 32), но этнографических описаний их в терминах народной речи нет. Между тем с золотопромышленными таратайками связано много работ и много переживаний. Недаром таратайка нашла свое отражение в одной из золотопромышленных песенок.

Таратайка на мази,
По оси она в грязи...

Последний момент передачи золота с „разреза“ к промывательным приборам связан с „эндовой“,—с ящиком, в который породы сваливают, чтобы высыпать их в „колоды“ или „бочки“. Уманьский (стр. 127) упоминает об „эндовках“,—ящиках, вмещающих до $2^1/_2$ пудов песку

Иногда золотопромышленники пытаясь съэкономить рабочую силу, снимают верхние пласты действием текучей воды: направляют течение горных речек на облюбованный район с тем, чтобы быстро мчащиеся воды своим напором и трением снесли заведомо пустые „турфы“. Крупные компании перегораживали большие полноводные реки. Работы напоминают запруживание речек при шурфовке, только ведутся иногда в расширенном масштабе. Начинали с городьбы плотины. Одновременно рыли канал, в который должна была устремиться перегороженная река. Всю землю не разбирали, а оставляли тоненькую земляную стенку, которую должна была прорвать своим напором бурностремительная вода. Наступал критический момент. Куда пойдет вода? Прорвет ли она оставленную для задержки земляную преграду или же повернет в сторону и снесет плотину. Начиналась лихорадочная горячка по укреплению плотины. У рабочих сохранилось много воспоминаний об этой суматохе. „Что делалось, что делалось!... Кто на тачке землю тащат, кто прямо в подоле. Заранее землю в кули насыпали—их таскают. Который спутает, схватит мешок с мукой, тоже не разбирает. Крупчатка, не крупчатка—не разбирает, валит. Человек, кажется, упади— и его засыпят. Раз, говорят, коня с таратайкой засыпали“.

Маленьким партиям старателей такие работы, конечно, не под силу. Они перегораживают обычно ручьи. Бросают поперек течения большое развесистое дерево, ветви которого очень скоро в ручей наносят много сору, камней и сам образует запруду. Вся хитрость в дальнейшем состоит в том, чтобы направить течение в желаемую сторону. Такая „вскрышка“ пластов при помощи воды называется разносом. Некоторые золотопромышленники, восхищенные широким размахом и быст-

рым темпом работы, говорят, что эта работа—„на американца“, „по-американски“. Таким образом эти народные представления „об американском“ способе работы расходятся с фактически верным представлением „об американских“ работах, распространенном в инженерских и технических кругах.

В противоположность разносу, шахтовые и ортовые работы наиболее трудны. Так как теми и другими пользуются не только крупные промышленники, но и мелкие партии старателей, ведущие всю работу по собственному усмотрению, руководствуясь собственным чутьем и домыслом, то, очевидно, можно говорить об особом виде народного строительства, связанного с народными знаниями о давлении земляных масс, о приемах установки массивных крепей, расчитанных на огромное давление. Как необученные инженерскому искусству люди создают подземные галлереи, как они высчитывают и в каких терминах выражают свои соображения о тяжестях, которые нужно подпирать и распределять деревянными устоями,—всего этого в этнографической литературе почти нет. Рассеянные в различных книгах и статьях описания подземных работ дают некоторый бытовой материал и небольшое количество терминов. Некоторые из них, по мнению профессора Д. К. Зеленина, ведут свое происхождение от старинного русского зодчества. Буду пользоваться своими записями, сопоставляя их с опубликованными литературными данными.

Подземные работы в Сибири вообще производятся довольно редко. Глубоко лежащий золотоносный пласт на Олекме делает более выгодным подземную работу (Сем. XXXII), хотя подземные работы и дают в некоторых случаях возможность не прерывать добывание золота и зимой, однако зимние операции весьма редки в Сибири (Сем. XXXVI), тем не менее и на Лене и на Енисее рабочим известно применение и шахт и орт. Шахтами называют глубокие колодцы, уходящие в землю в вертикальном направлении, в противоположность ортам, которые тянутся под землей горизонтальными линиями и похожи на длинные пещеры. Шахты от шурфов отличаются только своими размерами. У шурфа имеются крепи или в виде сруба или в виде вертикально укрепленных стоек—„палей“ (Чап. 27). Крепи в шурфах встречаются и в Амурской тайге, и на Лене, и на Енисее. Различное их устройство объясняются особенностями грунта.

Крепи встречаются также и в шахтах. Я слышал об употреблении в Енисейской тайге особой квадратной рамы, которая кладется на дно шахты и в нее вделываются „пали“. Чтобы „пали“ не разошлись вверху, их соединяют еще несколько раз такими же рамами. По мере углубления дна шах-

ты, нижняя рама постепенно опускается, а с ней погружается и вся система „палей".

Замечательны уменье владеть лопатой и навык выкидывать землю на поверхность из ямы глубиной около $1^1/_2$ саж. Если дно шахты опускается ниже, чем на 3 аршина, то обычно делают с краю полку, на которую выкидывают землю, предварительно, а потом выбрасывают ее уже окончательно.

Шахты распространены на сибирских приисках сравнительно слабо. Применение орт гораздо шире. Об ортовых работах на Енисейских приисках сообщает Уманьский (стр. 44), Латкин (стр. 640) и др.

Чаще всего орты начинают рыть с краю оврага. Чтобы над входом не сыпалась земля, сооружают щит (ср. Уманьск. 124), около выходного отверстия ставят столбы, на которые набивают широкую лесину с отверстием по краям. В эти отверстия всасываются стесанные концы столбов. Получается прочное деревянное образование—„хомут". Несколько таких хомутов, поставленных рядом, составляют щит. В глубине орты борта и потолок поддерживаются „стойками" и „огнивами". Толстые бревна раскалывают на три части. Две полученных тесины ставят вертикально (стойки), третью кладут сверху на них (огниву). (Ср. Уманьск., 125).

Часто от главной орты ведутся боковые ответвления. Обычно они начинаются с „зареза", с пробы сделать разведку в сторону[1]. Уманьский рассказывает об образовании новых орт, пользуясь другими терминами. Ответвления начинаются с „просечки", которая у него почти отожествляется с „зарезом". Просечка переходит в „забой". Забой, удлиняясь, образует коридор (Уманьск. 125).

Когда направление новой орты наметилось, принимаются меры к укреплению земли в точке соприкосновения коридора. Под огниво подводят подхваты, в глубине нового образующегося коридора начинают возводить стойки. Так как пилить новые бревна и в особенности протаскивать их по длинным и тесным коридорам довольно трудно, то многие промышленники пускаются на удаль—выдергивают стойки из старых, уже использованных ответвлений. Прежде чем начать „холостить" боковые орты, их пытаются использовать наиболее тщательно—„взять на решето". Когда в орте золота нет, быстро выдергивают крепи, забирают стойки и огниво и поспешно удаляются. Выдергивать крепи можно не во всякой орте, и требуется большое уменье, чтобы учесть степень давления на бревна и исключительная ловкость, чтобы увернуться от об-

[1] Ср. с тем, что писалось выше о расширении „разреза".

вала. Иногда „охолощенные“ орты долго стоят, зияя пустыми мрачными пастями, в которые никто не решается вступить. Потом они начинают постепенно „кумполить“, проваливаться, осыпаться. На поверхности над обвалившейся ортой образуется воронка. Опытные промышленники по одному внешнему виду поверхности догадываются, в чем дело.

— Идешь по тайге, тут воронка, там воронка—ну, значит, кто-то шильничал, рылся.

„Холостят“ орты преимущественно старатели, которым дорог каждый час, каждая лишняя пара рабочих рук.

Когда орта разрастается в целую систему коридоров, боковые ответвления начинают звать по номерам, а главную орту„ проходной“ (ср. Уманьск. 125). Кайлит золотоискатель золотосодержащие породы в земляной норе—в „забое“. Добытые им породы сваливаются в тачки или таратайки и забираются особыми людьми—«подкатчиками», которые толкают тележки к выходу по настланным по земле досками—«выкатам» (Уманьск. 125).

Подземные работы считаются наиболее трудными, на них решаются идти далеко не все. Про ортовых рабочих говорят с особым оттенком.

— Этот парень на всё... Он и в ортах работал.

Кривошапкин описывает трудности подземных работ и их влияние на здоровье рабочих (стр. 185). Неопытный рабочий часто вносит большую дезорганизацию в подземные работы. Неожиданный шум и гул под землей порождают панику, из уст в уста молниеносно передается страшная весть, что своды начинают рушиться, и с криком «орта идет», все выскакивают из под земли.

б) Промывание золота. Наиболее простой способ промывки—у ручья. Так обычно и делают мелкие старатели и хищники. Около ручья роют, в нем же и моют золото. Опытные таежники по цвету воды в ручье догадываются, что в нем ведется работа.

— Увидишь, что берег-то крепкий, а вода мутная...э... думаешь, значит кто-нибудь сидит у вершинки—моет.

Для промывки вручную тут же около раскопки пользуются лотком - наиболее простым промывательным прибором. Через лоток пропускают воду и, ставя его в различные наклонные положения, промывают пески. Описаний лотков немного, так как большинство авторов о золотопромывании интересовались крупными промыслами. Сообщаются некоторые сведения о лотке в „Иркутских Губ. Ведомостях“ (1858 г. № 32).

В Енисейской тайге многочисленные воспоминания оставили о себе корейцы, как упорные искатели золота вручную

с простым лотком. Появление их на Енисее связывается с многочисленными рассказами. Шли корейцы целыми партиями, нанявшись оффициально пилить и колоть дрова. Смешным и странным козалось рабочим их обыкновение прикреплять на пути следования деревянные дощечки с надписями:

— Вот уже нагляделись мы чудес. Одни другим письма оставляли. Прошли, мол, благополучно. Идите и вы. Чего они могли еще больше писать.

Поражала золотопромышленников организованность корейцев и опрятность их в домашнем обиходе. Пильщики они были—первый сорт. Одна партия с дровами возится, другая свободна. Только свободное время кореец тратил не на отдых, а на розыски золота. Копали корейцы, говорят, „жестоко". Десятки коробов земли в день переворачивал каждый, промывал и радовался, если к вечеру добывал один золотник. Рабочие не любили корейцев за то, что работы вели они очень уж хищнически. Копали там, где придется, часто подрывались глубоко под осыпи оврага, забои не укрепляли и, как только земля начинала сильно сыпаться, прекращали работы и перебирались в другое место.

— Часто обвалы из-за них по оврагам бывали. Мы знаем, что есть там золото, да кто его искать станет, когда оно все турфами завалено. Оттого и говорили про корейцев, что они „за ..... золото". Промывали корейцы золото также лотками, только лоток у них был „много почище нашего".

На крупных промыслах промывка ведется в несколько приемов. Первоначально отделяют пески от камней, разбивают в порошок крупные глыбы, а потом уже более тщательно промывают измельченную массу. Первое делается в бочках, чашах, сплотках,—второе в колодах, бутарах, вашгертах.

Латкин („Очерки" 644) сообщает о всех типах золотопромывальных машин и дает также более подробное описание отдельных видов.

По моим сведениям, „бочка"—большой цилиндр, в который насыпают породы, привезенные из разрезов, шахт или орт. Укрепляются они на оси и вертятся от пропускаемых в разных направлениях сильных струй воды. Вода разбивает комки, трет камни и крутит бочку. Мелкий песок с крупинками золота или застревает в особых „плинтусах", укрепленных внутри бочки, или проваливается через мелкие отверстия в „колоду", где он подвергается дальнейшей промывке. Крупные камни выбрасываются по удалении песка через большие открывающиеся дверцы. Когда глины очень крепки, пользуются чашами, снабженными особыми „крестовинами" с „резцами" и „калошами" для растирания. О бочках с плинтусами и чашах имеется у Лат-

кина („Очерки“ 641—2), в статье в „Ирк. Губ. Вед.“ за 1858 г. (№ 32), у Чаплеевского (стр. 66—70).

Сплотки, или американки, уже переход к колодам. Сплотки называются также „кулибынками“, потому что в первые они были введены инж. Кулибыным. Большие корыта ставятся в наклонном положении, с уклоном 1—4 вершка на каждый аршин. Дно корыта перегараживается поперечными брусками. Золотоносные породы наваливаются или ручным способом, или из таратаек. Сильной струей воды породы прогоняют по сплоткам. Люди размельчают камни и недают большим глыбам задерживаться. Песок застревает забрусками, а галька удаляется в особые люки (Чапл. 70—71). О сплотках также у Латкина („Очерки“ 641).

Колодами называют в Енисейской тайге широкие длинные желоба из гладко обтесанных и хорошо пригнанных досок. Изнутри колоды поверх досок обшиты железом, на котором имеются отверстия. Колода ставится с очень небольшим наклоном. Пустые пески, постоянно перемешиваемые особым человеком—„пробойщиком“, сносятся водой, а золото, как более тяжелое, оседает, катится по дну и проваливается в отверстия в железе. Там оно и скапливается, набиваясь с прилипшим к нему песком в пазы между железными местами и досками колоды. Задачи „пробойщика“, вооруженного деревянной лопаткой, „перебутаривать“ комки песку, размельчать их, освобождать золотинки, не давать им уноситься водой. Мелкую гальку, случайно попавшую в колоду, пробойщик легко выкидывает за борт быстрым ударом лопатки. Иногда золото так прилипает к породам, что в колоде его приходится перетирать голичком. Вязкую глину, мешающую промывке зовут „примазкой“, песок, который сносится водой,—„эфель“ или „юфель“ (Уманск. 134).

Иногда золото бывает очень легкое, тонкое, пластинчатое. Оно легко уносится водой и теряется. Такое золото зовут чешуйчатым (Чап., 56). Колоду зовут также „лотком“ и „трубой“, и „бутарой“. Последний термин, очевидно, особенно прочен, потому что даже про самую работу пробойщика выражаются термином „бутарить“, „перебутаривать“. Некоторые под бутарой подразумевают комбинацию бочки и колоды, другие видят в ней ту же колоду, только меньших размеров, более приспособленную к переносам. Об устройстве бутары пишет Латкин („Очерки . . . 642) и Уманьский (стр 134). Последний, описывая бутару, говорит о железных листах „в голове“ бутары, на которые вместо бочки валят породы. Под действием струй воды, мелкий песок проваливается в отверстия. Крупная же галька остается на поверхности листов, и ее сбрасывают в

таратайку. Потом песок пускают по наклонному желобу, обитому продырявленным железом—решеткою. Часть песка и крупинки золота застревают в решетках, остальная уносится ниже, где ее должны задержать поставленные поперек колоды-плинтусы. Бутара старателей меньше и проще („Ирк. Губ. Вед.", 1858 г. № 32.).

Золото с песком, выбранное из-под железных листов, окончательно промывают на вашгертах. Вашгерт --широкая, похожая на ящик, колода, огороженная только с трех сторон, с четвертой, с нижней стороны, она открыта. В верхней части вашгерта делают небольшую загородку—„дворик", в который льют воду и бросают песок с золотом. Воду постоянно подливают, а пески перемешивают и поднимают со дна к краям загородки- „дворика" особым заостренным прибором—„гребком". Переливаясь через край „дворика", вода льется потом ровной широкой струей по дну вашгерта, унося с собой и песок, извлеченный со дна. Песок взбалтывают и поднимают гребком до тех пор, пока весь он не унесется водой и пока в „дворике" не останется только одно золото (Уманск. 127). Вашгерт орудие универсальное. На больших приисках им кончают, в маленьких партиях--им начинают. Для золотоискателей он то же самое, что соха для земледельца, пишет Данченко (стр. 579), рассказывая об уральских золотых промыслах. Чаплеевский, описывая работы амурских изыскательских партий (стр. 32 и 33), называет его первобытным золотопромывательным снарядом. Имеется сообщение о вашгертах также и в „Иркутск. Губ. Ведом." (1858 г. № 32). Данченко сообщает еще о „матерах" на которых золото промывают после вашгерта. „Матера"—это тот же вашгерт, только поменьше, совсем ручной (стр. 676—8).

Касаясь промывательных снарядов, нужно отметить их большое разнообразие, которое совершенно не исчерпывается приведенными описаниями. Здесь описаны только основные типы приборов. Разнообразие объясняется комбинированием основных элементов, а также привнесением в них различных деталей. Так, например, существует прибор „воронка"—чисто инженерское изобретение. По колоде, наполненной породой, ходят механические гребки и зубцами размельчают комки. Наиболее совершенным золотопромывательным прибором являются, конечно, драги, употребление которых стало широко распространяться за последнее время в Енисейской и Ленской тайгах. Описание их, как механизма, созданного научной техникой, не входит в задачи этнографов. Ограничусь только одной бытовой деталью связанной с работой у драг. Большие сложные машины были мало понятны не только рабочим, но и „приказчикам". На многих приисках долго придерживались коллегиаль-

ного принципа. В затруднительных случаях „приказчики“ обращались за советом к старым рабочим, и те, умудренные золотопромывательским опытом, пытались общими силами выйти из затруднения.

3. Быт рабочих на приисках описан особенно слабо, так как большинство авторов по своим интересам были или инженеры и техники, или экономисты и социологи. Описаний пищи, одежды, жилища рабочих хотя и много, но все они очень поверхностны, лишены этнографических подробностей и бытовой терминологии. Об общественных организациях рабочих писалось много, но изображать религиозные переживания рабочих почти никому не приходило в голову. Между тем, находясь в совершенно исключительных условиях, ум человека находил пищу для своеобразных религиозных представлений и выражений. Старинные понятия о хранителях кладов сплетались с жуткими картинами приисковой действительности. С добыванием золота определенно связаны совершенно особые мифологические представления народа.

Весь быт рабочих на приисках, с его напряженным каторжным трудом, с лесной глушью, охватывающей приискателей кольцом, с непролазными дорогами, плохо связывающими с внешним миром, нашел свое отражение в приисковом фольклоре. Фольклор этот почти не собран и совершенно не изучен, так так за него еще не брались этнографы. К тому, что написано не этнографами приходится обращаться с очень большой осторожностью, так как материал этот и неточен, а иногда и сознательно передан неверно. Быть может, по отношению к дореволюционному прошлому это объяснялось причинами социального порядка. Вагин по этому поводу пишет, что все на приисках, начиная от средств передвижения,—пища, жилище, одежда, кончая полицейским надзором,—все находится в руках хозяев-золотопромышленников. Им выгодно, чтобы порядки, процветающие у них не сделались известными. Они имеют тысячи средств, чтобы парализовать деятельность исследователя, „обратить в ничто его намерения, и результат выйдет тот, что этот человек возвратится оттуда или ублаженный всем, чем только можно ублажить его, или измученный и озлобленный, но все-таки ничего не узнает. Таково в общих чертах положение наших золотых приисков и таково положение человека, который вздумал бы посетить их с целью ближайшего знакомства с их бытом. Нет ничего удивительного, что Сибирский Отдел Географического Общества призадумался над трудностью этой задачи и неизвестно, как он найдется разрешить ее“ [1].

[1] Вагин—Одна из современных задач. „Сибирь“, 1876, № 19.

В настоящее время на приисках работает гораздо меньше народу, чем в довоенное время. приисковый быт теперь с уничтожением частного крупного капитала, конечно, не тот, что был раньше, и работа моя поневоле будет в значительной степени рассказом о прошлом.

Как уже говорилось выше, на прииска шли крестьяне из разных губерний Европейской России и Сибири. О составе приисков писал Латкин (стр. 646), Кривошапкин (стр. 164—165) и другие, указывая губернии и районы, из которых особенно много рабочего люда шло на сибирские промыслы. Семевский дает сведения о численности рабочих в разные годы и постепенно отмечает все больший и больший прилив крестьян и местного туземного, „инородческого" населения, вытеснявший старинный полуподневольный труд (см. разные страницы этого обширного труда).

Соседящие с золотыми промыслами крестьяне звали рабочих из „тайги" по разному: золотарями—на Нерчинском заводе,[1] „приисчиками"—на Амуре [2] или просто „таежниками"—на Енисее и на Лене. По отношению к разным категориям золотоискателей существовали и существуют разные термины: „хозяйские рабочие", „старатели", „золотничники", „хищники".

„Хозяйскими рабочими" называли тех золотоискателей, которые нанимались за определенную плату к большим золотопромышленным компаниям. Хозяева давали рабочим „обстановку"—одежду, припасы и необходимые орудия труда и отвозили на прииска. Работали золотоискатели у компании до тех пор, пока не кончится срок „ряды" и пока не „расшерстят" всю артель.

Являлись на промыслы рабочие, как уже сказано, часто организованные в артели, заранее, начиная с Нижнего Новгорода, через который они шли. Приходили партиями также и сибирские крестьяне, но реже. О большой пользе артельной сплоченности, дающей возможность золотоискателям не только хорошо зарабатывать, отстаивать свои интересы в столкновениях с хозяевами, но и сохранять заработанные деньги от разных приисковых соблазнов, писалось много (см. хотя бы Кривошапкина 174).

Объединенные в артели рабочие обладали определенными социальными институтами, из которых главнейшие связаны с взаимопомощью и с наказаниями за проступки. Это же обстоятельство давало возможность хозяевам промыслов делать нажим на рабочих, облагая их круговой порукой. Обычай под-

---

[1] Газ. „Сибирь" 1875 г. № 22.
[2] Газ. „Амур", 1860 г. № 13.

держивать неуспевающего в работе назывался—„калтай". (Уманск. 138). Право артельных групп наказывать провинившихся описывалось неоднократно. Семевский, характеризуя артельную расправу, говорит, что она отличалась большой жестокостью (стр. LXII).

Артель имела поваров, пильщиков и кольщиков дров. Сохранились воспоминания о трудностях работы на артель. Особенно, говорят, тяжело доставалось „будилке"—человеку, которому утром надлежало по обязанности разбудить товарищей на работу. Поднять на ноги промокших и уставших за день людей было нелегко. „Будилка"—„собачья должность". Идет он по казарме и кричит, чтобы вставали, а ему вслед летят—портянки, швабры, сапоги. Обычно за это дело брались очень расторопные и находчивые парни, которые пускались на разные хитрости. „Будилка" хорошо знает, что рабочие уже проснулись и что им просто лень вылезать из-под одеял. Чтобы как-нибудь задобрить их, он пускается на шутки. Казарма захохочет и начнет подниматься.

Хозяева рисовались в сознании рабочих чужим, враждебным лагерем. Самое слово „хозяин", или какой-нибудь приисковый зарправила часто подменялось немного бранным, немного ироническим термином—„дух". „Духами" звали и крупное и мелкое начальство. Даже ямщики из окрестных деревень, возившие кладь на прииска, переняли это слово от золотоискателей и стали применять его к содержателям постоялых дворов по дороге в тайгу. В их произношении слово „дух" звучало совсем иронически. „Придешь в зимовье, разоболачешься с мороза и крикнешь: „Эй, дух, тащи на стол чего нибудь погорячее—щи там или кашу". Звали также рабочие приисковое начальство „причандалами": „наберутся тут все и духи, причандалы, тут уж думаешь—„ну", а находились такие ребята, что их ничем не запугашь".

Первые отношения у рабочих с приискателями завязывались еще вне приисков, в окрестных деревнях, где обычно происходил наем партии. Описаний процессов найма много, потому что он происходил у всех на глазах. Почти все старые газеты сообщают о событиях, разыгрывающихся весной в деревнях, лежащих поблизости от приисков. Очень подробно описывает картину найма Мишла (стр. 55—68). В ее книжке говорится о том, как один ловкий приисковый делец собирал большие партии крестьян, никак не организованных, давал им в задаток ту сумму, которую хотел. и потом отправлял их на прииска, как выгодно купленный рабочий скот. Кривошапкин (стр. 166—172), наоборот, более подробно останавливается на процессах сделки между золотопромышленниками и рабочими

артелями, давая подробную социальную и экономическую характеристику договоров.

Подряжали рабочих или только на летние операции, или на круглый год. В зависимости от этого, различали „ряды" большие и малые (Латкин, 582). Иногда продолжение договора происходило уже на приисках. Отработает золотопромышленник срок, начнет собираться к октябрю в обратный путь, а приказчик уже присматривает, кого бы половчее выбрать на зиму. Накануне „выхода" устраивали попойку. Приказчик обносил рабочих „порцией". Подойдет к другому парню и скажет: „Ну, что, Вася, пей вторую, оставайся зимовать". Все—даже мелочи—имели свою традицию. Манера приглашать на зимние операции так плотно связалась с повторным угощением водкой, что многие спрашивали—„кого по второй поили", подразумевая, кому предложили остаться на зиму.

О заработках рабочих в разные периоды существования сибирских приисков много написано у Семевского, имеются также сведения у Уманьского, у Кривошапкина и др. Интересуются этим вопросом также газеты.

Много писалось также о полной зависимости рабочих от приискателей. Все на приисках было хозяйское. И торговля припасами, и полиция—все руководилось хозяйской рукой. Получалась полная закрепощенность, которая вела, вполне естественно, к взрывам и бунтам, приводившим к столкновениям между рабочими и капиталистами. Исследования всех сторон этих взаимоотношений рабочих и капиталистов дело не этнографов, а экономистов, социологов и историков.

Для этнографов больший интерес представляют так называемые старатели, ведущие дело „по маленькой" и сохранившие в своих организациях много примитивных бытовых черточек.

Семевский сообщает об эволюции самого понятия „старатель". Первоначально это был действительно человек, работающий самостоятельно, без понуждения, потом старательство превратилось в особую сверхурочную повинность. В дальнейшем положение старателей сильно менялось в разные периоды, так что самый термин „старатель" понимается разными исследователями по разному (ср. Уманьский, стр. 127).

Во времена незадолго до революции группы золотоискателей, объединяясь в артели, арендовали у крупных владельцев золотоносных земель участки, брали на пользование их орудия, а дело вели совершенно самостоятельно. Попасть в такую компанию было нелегко. Возглавлялась артель опытным, ловким старшиной, который чрезвычайно неохотно брал всякого малоизвестного ему человека, на которого он не мог рас-

читывать как на хорошего работника. „Другой сколько времени ходит, парень, кланяется: возьми, дяденька, просит, а старший смотреть на его не хочет". Бывало и так, что являлись совсем отдельные „старатели" и арендовали за небольшую плату уже промытые пески, „отвалы", с тем, чтобы добытое золото за установленную цену носить хозяину. Работал такой „старатель" сколько хотел и когда хотел и был связан с хозяином только обязательной доставкой золота и незначительной арендной платой.

Расчеты со старателями у хозяев велись обычно с золотника, откуда и самое слово „золотничники", часто применяемое к старателям. Зовут себя старатели иногда и другими словами, неотмеченными, насколько я знаю, в литературе: „шестерка", „голь да шмоль". Под первыми подразумевают небольшие компании, когда-то, видимо, имевшие обыкновение объединяться по шести человек, но в последнее время состоящие из любого числа участников, но ведущие дело особенно рискованно. Это они—молодцы и шестерки забираются в отработанные орты, выдергивают крепи, прокладывают новые коридоры и бегут оттуда при первом подозрительном шуме. „Голь да шмоль", вообще подозрительные авантюристические личности, ведущие дело как где придется, но все-таки накапливающие золото.

„Хищниками" и „таежными волками" звали людей, никому ничего не платящих, ведущих дело тайком, постоянно скрывающихся и бегущих при приближении начальства.

О дорогах, идущих на промыслы, писали многие исследователи: Латкин (стр. 584 и 593), Семевский (стр. 11). О дорогах в Мариинской тайге и в Алтайском горном округе имеются сведения в „Томских Губернских Ведомостях" (1882 г. № 24). Большая часть статей характеризуют дороги с точки зрения технического их совершенства. Между тем дороги интересны и как бытовое, этнографическое явление.

Известно, что в старые годы на многих приисках не было налажено проторенных путей, и группы рабочих блуждали, руководимые малознающими вожаками. Большая часть современных дорог проложена по указаниям знатаков тайги—туземцев—тунгусов и остяков. Они указывали удобные водоразделы, некрутые „тёнигусы", по которым можно было пробраться в глубь тайги. Некоторые дороги проложены по бывшим охотничьим тропам. В средине прошлого столетия Кривошапкин писал, что в его время только сохранились воспоминания о тех годах, когда приходилось блуждать по лесу, рискуя заблудиться и замерзнуть (стр. 200—201). В дальнейшем мы видим, что такие воспоминания очень крепки в народном

сознании. Мне приходилось слышать даже о проложенных дорогах, что еще до самого недавнего времени они были очень небезопасны. Крестьяне, „гонявшие в тайгу ямщину", отправляясь в путь, прощались с родными, как будто шли на войну. Все могло случиться в дороге. Легко было провалиться в плохо замерзающих речках; могли напасть, ограбить и убить постоянно шныряющие по лесу бродяги. О дорогах более позднего времени сехранились воспоминания, что они всетаки были очень неудобны. Ямщики мне рассказывали, что, отправляясь в тайгу, они запасались особенно прочной сбруей, так как знали, что дорога будет трудна. „Другой раз конь по самые уши в грязи запучкается". Зимой дороги сильно приметало снегом. На крутых увалах и раскатах ломались дуги, полозья и оглобли. Опытные путники забирали с собою запасные оглобли и дуги, но и тех иногда не хватало. О снегах и неровностях дороги создавались легенды, которые являются настоящим фольклорным окружением дорожных трудностей. Вот, например, что рассказывают про Ново-Нифантьевскую дорогу, связывающую Северную тайгу с ее резиденцией на Енисее.

— Еду я летом верхом, а сам посматриваю, что это, думаю, лес такой—высокий-то высокий, а все вершинки у деревь порублены. Приехал на прииск, спрашиваю ребят. Они и говорят: „Ты зимой ездил"?—„Ездил". „Из саней валился"?—„Конечно".—„Оглобли рубил себе?"—„Как-же без этого". Ребята и говорят: „Вот это оттого и деревья сверху порублены. Вот какие снега зимой, что большие деревья заносит до самых верхушек".

Жилища для рабочих строились в виде больших казарм, часто очень грязных и тесных. Некоторые золотопромышленники указывали на большое совершенство построек для рабочих. Латкин („Очерки". 648) описывает внешний и внутренний вид этих жилищ. О казарменных постройках на приисках имеются также сведения в „Восточн. Обозрении." (1884 г. № 27). Жилища эти, привлекающие к себе большое внимание со стороны его вредного влияния на здоровье рабочих, строились по правилам инженерной техники, расчитанной на быстрое возведение массовых жилищ. Для этнографа больший интерес представляют те небольшие сооружения, которые золотопромышленники сами возводили себе на тех приисках, где не имелось готовых казарм. В этих, наскоро построенных избушках, воспроизводились старинные элементарные типы жилищ, уже оставленных в крестьянском быту. Семевский рассказывает (стр. XLVI) об экономических причинах, побуждающих рабочих сооружать наскоро холодные, плохие домишки. Времени для постройки жилья рабочим не отводилось, и им приходилось

выбирать свободное время между работ на „хозяина“. Отлучки с работ для постройки жилья высчитывались из жалованья. Сколачивали обычно землянки („Ир. Губ. Вед.“ 1858 г. № 32) уходящие до половины под землю. О несовершенствах таких скороспелых сооружений рассказывает Кривошапкин (стр. 177).

Приискатели, ведущие очень подвижной образ жизни и перебирающиеся с речки на речку, невольно подражали туземцам в постройке жилищ. Один такой беспокойный искатель рассказывал мне: „Выбрел я на речку (не помню уж название то какое) и начал копать да мыть. Избушки строить некогда было. Где уж там. Построил шалашик по-тунгузски и живу“.

Об одежде рабочих писалось много. Семевский, например, рассказывает о приисковых лавках, торгующих необходимой одеждой (стр. LII—III). Описание одежды с перечислением входящих в нее отдельных предметов имеется в „Вост. Обозр.“ (1884 г. № 27).

Изучение приисковой одежды интересно, как со стороны влияния на нее туземцев, так и со стороны ее бо́льшой консервативности. Кривошапкин рассказывает, что отправляясь на розыски, рабочие получают от хозяев лыжи, нарты и тунгузскую одежду (стр. 179). Мне приходилось слышать, как рабочие, вышедшие из Енисейской тайги, называли даже русские части одежды тунгузскими именами; например, рукавицы звали—„кокольды“.

На приисках, отрезанных от внешнего мира, старинные моды сохранялись прочнее даже, чем в окрестных деревушках и уездных городах. В течение времени выкристаллизовывался и создавался особый „приисковый шик“. На Енисее мне рассказывали: „Любили раньше золотопромышленники щеголять. Ходили в широких рубахах, пояса особые носили ради фасона“. Любовь к выпускным рубахам, широким штанам и большим поясам сохранялась до недавнего времени. На голову надевали бобровую шапку. Носили тальму. За широкий пояс любили ухарски затыкать рукавицы. Сапоги любили подбивать медными подковками, которые производили сильный стук во время танцев. Потом стали пользоваться обыкновенными железными подковами, менее шумными.

О пище рабочих много написано Латкиным („Очерки“ 648) и Семевским (сведения о пище рассеяны по всей книге). Из газетных статей сошлюсь на „Томские Губернские Ведомости“ (1882 г. № 24) и на газету „Амур“ (1860 г. № 12). О дороговизне продуктов на приисках, о нормировке цен на главнейшие продукты потребления—имеется у Уманьского (стр. 62). Описание состава пищи содержит статья в „Восточн. Обозр.“ (1884 г. № 27). Кривошапкин также при-

водит материалы о характере пищи рабочих, о размере пайка у „хозяйских“ рабочих, о ценах на продукты в приисковых лавках (стр. 189).

Снабжение рабочих на приисках пищей выражалось в двух формах: или рабочие получали от хозяев готовую пищу или должны были покупать ее за дорогую цену в приисковых лавках и готовить ее сами или нанимать специальных кашеваров. За последние годы цены на продукты в лавках были более или менее строго нормированы. Что касается труда кашевара, то нужно сказать, что положение его было нелегкое. Мне приходилось разговаривать с одним золотопромышленником, который был на приисках чем-то вроде помощника кашевара. Он рассказывал о своей работе с большим сокрушением.

— Что говорить, другой раз сильно кочевряжатся ребята. Да, впрочем, как и не поесть, ведь это самое главное. В чем другом откажешь, а это просит“... Другой золотопромышленник говорил: „Тайга любила поесть. Едешь другой раз и вдруг слышишь—что это так маслом пахнет. Значит, пряники пекут“. Изучение пищи рабочих интересно в двух отношениях: в биологическом и в этнографическом. Напряженный труд требовал усиленного питания и нужно было обладать большим здоровьем, чтобы при сравнительно скудном питании не потерять силы. Разнообразием приисковая пища не отличалась. Интересно отметить существование приправ, употребляемых рабочими с противоцынготными целями. На приисках в большом количестве потреблялась черемша, как средство, предохраняющее от заболевания. Впрочем, упоминание о черемше вводит уже в область народной медицины. В этнографическом отношении изучение пищи приисковых рабочих интересно потому, что в ней, как и в других областях материальной культуры приисковых рабочих, несомненно, должно чувствоваться туземное влияние. Хотя литературных сведений об этом нет, но несомненно, что золотопромышленники должны были много заимствовать от лесных туземцев во время уединенных лесных странствований. Очевидно, особенно много заимствований в пище от туземцев должно быть у „бродяг“, скитающихся по лесам и часто находящих приют у лесных обитателей.

Переходя к описанию народного здоровья на приисках, нужно отметить работы Латкина („Очерки“, 580), Семевского (LIV—VII), Кривошапкина (190—200). Сообщают, что страдали рабочие преимущественно от болезней простудных и цынготных. Кривошапкин рассказывает о деятельности медицинского персонала, об устройстве больниц и отмечает также существование у рабочих своих примитивных врачевательных

средств. Автор очерков в „Вост. Обозр.“ (1884 г., №27) говорит о лечении заболевших цынгой при помощи черемши, так сказать, на подножном корму. Подобные же сведения передает и газета „Сибирь (1888 г., № 89). Заболевшие цынгой уходят с приисков в леса и остаются там в одиночестве некоторое время. С собою они берут немного припасов: в походный котелок забирают чай да сахар и очень немного хлеба. Питаются преимущественно „колбой“—черемшой. Действие этого растения на организм поразительно. Тяжело—больные цынгой через полторы две недели возвращались из леса здоровыми и бодро принимались за работу.

Уже то небольшое количество приисковых слов, которое приведено в тексте настоящей работы в связи с описанием добывания и промывки золота, а также материальной культуры приискового быта дает возможность говорить о существовании особого приискового жаргона. К сожалению, насколько мне известно, работ в этом направлении почти не существует. Небольшой словарик Латкина ни в какой мере не может считаться исчерпывающим. Наряду со словами, созданными приисковым бытом, Латкин включает также и общесибирские слова.

Словесное творчество золотоприисковых рабочих не ограничивается только одним созданием новых слов. Творятся также и афоризмы, и изречения, и целые песни, и легенды. Об изречениях и легендах сказано будет дальше, в связи с изложением других областей быта, здесь же сообщу то немногое, что известно мне о приисковой песне. Проф. М. К. Азадовский в своем библиографическом указателе „Сибирские темы в изучении русского творчества“. Иркутск, 1925, называет 15 работ. Я просмотрел большинство из них. Преимущественно это песни, составленные не самими рабочими,а перенятые ими от грамотных людей, живующих на приисках и знакомых с книжным стихосложением. У Семевского в I томе его обширной работы „Рабочие на сибирских золотых промыслах“ на стр. 298, 305, 307, 309, 316, 317, 321, 322, 324 и в томе II на стр. 207, 208 и т. д. приведены образцы песен, распеваемых преимущественно енисейскими приисковыми рабочими. Большая часть приведенных песен обладают одной стихотворной формой и принадлежат, видимо, одному и тому же лицу—Макееву, о котором Семевский отзывается, как о популярном приисковом поэте. Насколько песни Макеева вошли в быт, видно из того, что Турбин сообщает следующий эпизод. Турбин сидит в одной приангарской деревне и вдруг слышит шум и пьяные песни. Ему говорят, что это поют приисковые рабочие, возвращающиеся из тайги. Турбин записыва-

ет одну из них и уверяет, что это чисто народная приисковая песня и просит читателя не подумать, что он сам сочинил ее. Призведенная запись—почти полное повторение того, что записано на страницах работы Семевского с очень небольшим вариантом в заключительных строках (Турбин. 169—70). Интереснее других—песни алтайских рабочих. Одна из них опубликована Семевским в „Сиб. Сборнике“ (стр. 71)[1]. Написана она рифмованной прозой и самые обороты ее и отдельные местные словечки и общий безискусственный склад не дают возможности сомневаться в ее народном происхождении.

Другая напечатана в „Томск. Губ. Ведом.“ (1865 г. №№ 17 и 18). Привожу из нее небольшие отрывки.

О се горныер аботы
Скажем, горные работы
Они всем дают заботы
. . . . . .
. . . . . .
Ой вы бедны бедняки
Первой части бергалы
Вы все знаете заботу
Как ударят на работу
На работу бьют, треложат
Мы противны быть не можем.
. . . . . .
. . . . . .
Змеевская плавильня
Песня громко в доску бьет
К себе в гости зовет
Подле шпурик, подле бок
Есть корыто и гребок,
Протыкальник, молоток
. . . . . .
. . . . . .
По фонталам воду пустят
Наше сердце приопустят
Мы примамся работать
Золоту руду катать.
Как подрядчики на нас
Не косили-бы своих глаз,
Не грозили-бы рукой,
Не стращали бы лозой.
. . . . . .
. . . . . .
А домой когда пойдем
Громко песню запоем
Мимо Медера пойдем,
Мимо Кенига пойдем
На базарочек зайдем
Калачей на грош возьмем
И позавтракаем.

Религиозные представления рабочих, связанные с приисковой жизнью, выражаются прежде всего в очень недоверчивом отношении к надежде разработать на таежной работе. „Пошел золотники искать“,—говорят енисейские крестьяне про человека, отправившегося на промыслы. Ненадежное дело золотоискательство: все зависит от „фарта“, кому как повезет. У некоторых судьба такая, что везет им на золото, а другой бьется, „шильничает“, а придет с приисков совсем голый и последнее потеряет, что было.

[1]. „Сибирский Сборник“ 1897 г., том I и II.

Ясно выраженных легенд о том, кому принадлежат подземные сокровища, мне не приходилось слышать и встречать в литературе. Некоторые намеки на „подземных хозяев" все-таки встречаются в спутных рассказах о приисковых трудностях.

Копали, например, рабочие яму, глубоко ушли, закрепили края плохо, земля осыпалась и завалила их. Погибло около 30 человек. Поставили на этом месте большой крест. Потом пошли слухи. Стали говорить, что рабочие кричали из-под земли несколько дней, что даже некоторые слышали их крики, да боялись подойти. Потом стали строиться домыслы, что неспроста это, что „затянуло" их. Возникает вопрос: кем затянуло. Некоторую разгадку можно найти в запретительных мерах, связанных с работой в ортах. Старики запрещают свистеть, говорят, что это к беде. Может быть боятся свистом оскорбить „хозяина", обитающего под землей. Интересно отметить, что обвалившиеся орты и шахты, похоронившие под своими сводами людей, никогда вторично не разрабатывают. Рабочие боятся к ним приступиться. Один старатель рссказывал. Бродили они по лесу, выискивали старые „отвалы" и заброшенные орты. Вдруг видят—пустая орта, никого в ней нет, сверху воронки. Решили, что орта осыпалась сама собою, когда ее использовали до конца и „охолостили" (см. выше). Решили на всякий случай попробовать. Оказалось, что золото в ней есть и много его. Принялись работать и вдруг, раскапывая обвалившийся коридор, натолкнулись на трупы. Как только увидели рабочие, что тут людей засыпало, все побросали и выскочили из орты. С тех пор никто не принимался больше искать золото в этом месте, хотя и знали, что его там много.

Один старатель объяснял мне, что не хотят копать в таких местах потому, что нехорошо беспокоить умерших.

К сожалению,в литературе чрезмерно мало сведений о душевном состоянии рабочих под землею. Данченко (стр. 227) пытается изобразить переживание человека, роющегося в земле в атмосфере жуткой тишины, подозрительных шорохов и полного отсутствия дневного света. По его словам, нервозность рабочих доходит до того, что они начинают галлюцинировать, что им начинают грезиться разные ужасы. Данченко передает слух о том, как уголовные преступники, скрывшие свое злодеяние, не переносили подземной тишины, выходили на свет и, мучимые угрызениями совести, особенно острыми во время работ в шахтах, рассказывали о своих преступлениях.

Из одной детали, сообщенной Данченко, видно, что и уральским рабочим, видимо, не чуждо представление о существе, охраняющем богатства. Правда, у Данченко идет речь не о золоте, а о железной руде. Не нужно ругаться, если хочешь

найти руду. Очевидно, брань оскорбляет кого-то, от кого зависит успех.

Распределение богатств по земле объясняется также религиозными соображениями. Чаплеевский говорит (стр. 29), что один таежный остряк выдумал шутливую теорию о причинах неравномерного распределения золота в земле. Тащил будто дьявол мешок с золотом и, опасаясь преследования, второпях задел его за скалу и разорвал. Золото посыпалось. Дьявол тащил мешок и зажимал его время от времени, чтобы не рассыпать. Вот почему—то нет золота, то попадается оно большими скоплениями. То, что Чаплеевский передает как домысел какого-то безысвестного таежного шутника, быть может, позволительно рассматривать, как отголосок исчезающих народных представлений (Срав. легенду о происхождении золотых жил и россыпей у Данченко, стр. 680).

IV. Прииска имели свое бытовое окружение. К числу явлений, бытующих не только на приисках, но и в деревнях, соседящих с ними, относятся: профессиональное воровство, бродяжничество, проституция, тайная торговля спиртом и золотом. Обо всех этих явлениях и о влиянии их на окрестное население писалось много. Особенно велика газетная литература. Большая часть этих явлений корнями уходят в приисковый быт. Вот почему, рассказывая о воровстве, проституции, торговле спиртом и золотом, мы будем начинать рассказ с приисков.

а) На воровство смотрели различно. Среди золотопромышленников воров было немного. Чувствовалось, что воровство было-бы слишком большим злом, и вся община объединялась в борьбе с ворами. Один из приискателей рассказывал, что у них только два раза было воровство. Поймали одного парнишку на краже и забили до смерти. Вспоминая о спокойной жизни в своей артели, многие приискатели рассказывают, что даже золото и то не прятали. Удастся кому намыть между делом золотого песку, ссыплет его в котелок, поставит на окошко, там он и стоит—никто не тронет. Уверяют, что по отношению друг к другу соблюдали элементарную честность. Не обмеривали, не обсчитывали. Золото, например, меряли прямо наперстками, рассчитываясь во время игры в карты. С умилением вспоминают об уютных товарищеских сборищах, когда, собравшись вокруг стола, до утра резались в карты, не боясь подвоха. Кто-нибудь из игроков только крикнет, разгорячившимся партнерам: „Эй, ребята, не болтай ногами, котелок перевернешь"!.. В этом котелке под столом стояло золото и никто не боялся за его пропажу. Такие идиллические сообщения противоречат фактам, передаваемым Кривошапкиным. Рассказывая о склонности рабочих жить в маленьких, тесных

избушках небольшими группами, он говорит, что как только хозяева сооружали для рабочих большие, просторные казармы, сейчас же начинался крик, что кого-нибудь обокрали.

Если по отношению к своему брату—золотопромышленнику соблюдались различные этические нормы, то на владельцев приисков смотрели как на враждебный лагерь и воровать у „хозяев“ не считали за проступок.

Воровали все, что можно было унести. Организовывались компании, нападающие на обозы и подламывающие кладовые в „резиденциях“, но, главным образом, воровали, конечно, золото.

Среди различных способов приобретения золота в личную собственность существовал в Енисейской тайге обычай, узаконенный годами и молчаливо всеми признававшийся. Если в то время, пока „отвозчик“ катит таратайку к промывальным машинам, стоящийв разрезе рабочий успеет намыть и накопать золота, то все, что он добудет, достается лично ему. Но кроме такого легального способа, существовало много и нелегальных. За всем нельзя было усмотреть даже самому тщательному приисковому надзору. Особенно в благоприятные условия были поставлены „пробойщики“, работающие у „колод“. Существует особый вид легкого золота—„бус“, почти плавающий по поверхности и легко уносимый течением. От пробойщика зависит удержать его или откинуть лопатой в сторону, чтобы потом незаметно подобрать. Около колод к концу дня обычно скапливались большие кучки промытых пород—„хвосты“, в которых золотоискатели успевали рыться, пока их не отвезут в отвал. Пропустить побольше золотого песку в „хвосты“ зависело также от пробойщика.

Вспоминают в Енисейской тайге случаи грандиозного воровства у драг. Со смехом рассказывали „об акционерной компании воров“. Группе дражников удалось войти в соглашение с канцелярскими служащими и дело пошло организованно. Для удобства выломали дверь, ведущую в „шлюз“ драги, где скапливалось золото. Одна часть компании воровала, другая передавала, третья—проводила недохват золота по книгам.

Говоря о воровстве, автор статьи в газете „Амур“ (1860 г. № 12) рассказывает, что оно приобрело там почти профессиональный характер. Воровство превратилось „в специальный промысел, в какую-то круговую кражу“. На Енисейских приисках мне рассказывали, как жестоко мстили тем золотопромышленникам, которые, желая выслужиться перед хозяевами, выдавали сотоварищей по воровству. Гришку Петрова, выдавшего „акционерную компанию“, посулились убить и, как он ни скрывался потом, его всетаки изловили. Произошло это уже много лет спустя после происшествия у драг, когда всю ком-

панию „расшерстили“. Гришку поймали и зарезали во время работ на грязнухе, куда он перебрался, боясь оставаться на приисках.

Создавалась особая идеология, убеждение, что воровать золото можно. „Разве золото хозяин сеял, золото земля родит, не он сеял“ (Уманьск. 128). На Енисее вспоминают случаи, как неожиданно быстро разбогатевшая на воровстве компания, форсила легко накопленными средствами. Недавние забойщики и дражники накупили породистых лошадей, завели шикарные красные вожжи, дорогие санки и в праздничные дни выезжали кататься перед окнами приискового начальства.

Рассказывают про артистов-воров, рассматривающих свою „работу“, как искусство. Особенно славился один пробойщик. Его спрашивали: „Украдешь при всех?“.—„Украду, но что украду—мое“. И вот соберутся к „колоде“ все „причандалы“ и все „духи“. Смотрят за пробойщикам десятками глаз. Спокойно он перемешивает лопаткой породу и неуловимо быстрым движением вышибает на сторону сорную гальку. Также быстро он выкидывает лопаткой крупинки золота. Чтобы выкинутое из „колоды“ золото не затерялось, пробойщик нашил себе на рукава специальные западни—карманы. Уверяют, что при самом строгом надзоре из этих потайных карманов пробойщик извлекал в конце сеанса несколько вновь украденных крупинок золота.

Скопленное разными путями золото сбывалось или тайным торговцам спиртом, или рабочие сами пытались вынести его с собой из тайги в жилые места. Мне приходилось слышать в Енисейской тайге слова—„пшеничка“ и „крупка“, применяемые к золоту. Рассказывают, что золотоискатели иногда как-бы избегают произносить самое слово „золото“. Моет какая-нибудь компания золотой песок, а в это время подойдет приятель из другой группы: „Ну, как, ребята, промышляете?“. „Да, что промышляем, моем да воем“.—„Ну, как пшеничка-то?“. —„Да что пшеничка, плохо“ и т. д. Такого рода разговоры наводят на мысль, что перед нами осознанное стремленче подменивать слово „золото“ каким-то другим подставным термином. Слова „крупка“ и „пшеничка“ широко распространены и в воровском приискательском жаргоне. Подобно тому, как в 1919—20 г. г., когда запрещалось торговать вином, о спирте спрашивали окольно—„молоко от бешеной коровы“, так и о золоте тайные торговцы издавна приучились выражаться иносказательно. О „пшеничке“ и „крупке“, как о краденом золоте, встречаем упоминания в газете „Сибирь“ (1878 г. № 7, 1882 г. № 21 и № 31). О „крупке“ знают и на Урале (Данченко, 569).

Золотоискатели, не сбывшие золото в тайге, звались „горбачами". С мешком на спине—на горбу—они шли через леса окольными тропами к русским селениям, чтобы там повыгоднее продать золото. Крестьяне из деревень, расположенных поблизости от приисков, часто грабили и убивали „горбачей". Про некоторые села существовал рассказ, что они „горбачат", т. е. занимаются регулярным нападением на „горбачей". В газете „Сибирь" передается такой рассказ. Двое „горбачей" выбрели в приленскую деревню. Намериваясь заночевать, они подошли к одной избушке и постучали в окно. Дома никого не оказалось. Когда „горбачи" обратились к маленькой девочке, единственной домовнице в избе, она сказала, что не знает, как ей быть, так как ни отца ни матери нет, и не предполагая, что она говорит худое, откровенно рассказала: мать на поле, а отец пошел „горбачей" стрелять. Впоследствии выяснилось, что она думала про „горбачей", что это птицы: так часто она слышала от отца, что он отправляется их стрелять („Сибирь" 1873 г. № 15).

б) Бродяжничество, связанное с приискательством, имеет различные корни. Бродяги бывают разные: одни ходят по лесам, другие околачиваются между деревнями. Ограбили „горбача", пустили его по миру—вот и ходит он от деревни к деревне, питаясь „христовым именем". Чаще к подаянию приходится обращаться золотопромышленникам, прокутившимся „в нитку" в одном из известных „злачных" местечек, вроде Витимского на Лене или Рыбного—на Ангаре. Подобного рода бродяжничество между селами среди прогоревших золотоискателей распространено и на Амуре (газета „Амур" 1860 г. № 13).

Бродягами иногда делались и те рабочие, которые, не вынеся тяжести приисковой жизни, решались покинуть тайгу до окончания договора с хозяином. Положение у них отягощалось еще тем, что все они были в долгу у местных продуктовых лавочек. Оставался только один выход—бежать в лес и глухими тропками пробираться в жилые места. О побегах рабочих писалось много (Семевск. LXV—VI).

Наконец, к бродяжничеству влекла и жажда новых впечатлений. Лица, привыкшие к постоянному передвижению, начинали испытывать весной какое-то особое нервозное состояние. Крик кукушки был как-бы сигналом к побегу в леса. „Князь Кукушкин зовет—итти надо" (Ср. „Вост. Обозр." 1884 г. № 27).

Уманьский рассказывает о большой солидарности рабочих с товарищами, решившими бежать. Им всячески стараются облегчить возможность скрываться в лесу, снабжают припаса-

ми и стараются по возможности дольше отвлекать внимание начальства от побега. Слабая струйка дыма, вьющаяся вдалеке над лесом, вызывает у рабочих сочувственные вздохи: „свой брат бродяжка сидит“ (Уманьск. 145).

И бродягам, и даже тем золотопромышленникам, которые совершенно не обладали ни склонностью, ни намерением странствовать по лесам, приходилось в старые годы много блуждать по тайге из-за отсутствия торных дорог. В газете „Амур“ рассказывается о группе рабочих, сбившихся с пути и испытавших все муки голода и одиночества (1850 г. № 13). В газете „Сибирь“ передается рассказ со слов одного рабочего о мытарствах партии золотоискателей, выступившей с приисков по вине начальства глубокой осенью. Тайга уже покрылась снегом. Брели несколько дней, увязая по колена и по пояс. Особенно тяжел был подъем в гору. Ползли, цепляясь за деревья, друг за друга, срывались и скатывались обратно. Одна женщина скатилась с вершины и так глубоко провалилась в снега, что там и погибла. Найти ее не смогли, да и никому не хотелось слезать обратно. Труднее всего был спуск под гору. Около самой подошвы горы протекала бурная река, незамерзающая несмотря на позднее время и большие холода. Решили, что наиболее ловкие мужчины скатятся вперед на лыжах к самому берегу, навалят деревьев и сделают барьер, который предохранит остальных от опасности свалиться прямо в реку. Бросили жребий—кому первому катиться. Молодой ловкий парень пустился вниз на лыжах. Около берега реки росло дерево, за которое он зацепился и благополучно спустился вниз. За ним покотил второй. Этот не успел ухватиться за дерево и с размаха пролетел в реку, где моментально скрылся под водой. Третий, поколебавшись несколько минут, тоже пустился вниз и блогополучно добрался до реки. Двое мужчин сделали заграждение, а потом стали городить нечто вроде перекидного моста через речку. Мытарствования рабочих дошли до того, что, измученные голодом, они решили прибегнуть к людоедству. Бросили жребий. Убили, разрезали и сварили одного золотопромышленника. Рассказывают, что так никто и не притронулся к его мясу. Напрасно только человека загубили

Странствование по лесам приучало к умению сооружать элементарные переправы. Сообщают о плотиках-„садиках“, на которых переплывали через речку. Очевидно, в этой области приискатели-бродяги много позаимствовали от лесных туземцев.

Бродяжничество породило свой фольклор, который выражается не только в создании легенд и рассказов подобных вышеприведенным, но и в особой специфически бродяжнической

песне и сказке. М. К. Азадовский приводит 11 названий работ, заключающих сведения о бродяжническом словесном творчестве[1].

Бродяжнический фольклер имеет своих героев. В рассказах упоминаются имена Ивана Точило, Раздай Беда, Василий Ботало („Вост. Обозр.“, 1884 г. № 27).

в) О половом разврате в „тайгах“ и в деревнях прилегающих к приискам писалось много. В ответ на мои расспросы золотопромышленники обычно отвечали со вздохом: „всего бывало“.

По рассказам, некоторым рабочим случалось, что на некоторых приисках было тихо. Женщин там было мало, а те, которые там находились, были „под кулаком“ у отдельных мужчин. Так как все отношения на приисках были на виду, то всякое проявление фривольности со стороны женщины делалось известным многим мужчинам и она сразу зачислялась в разряд „развратных“. Рассказывают даже, что таких женщин выгоняли с приисков.

Литературные сведения отчасти подтверждают рассказы рабочих, отчасти вносят новые детали. Семевский сообщает, что женщин на приисках было очень мало (стр. I.I).). Автор статьи в „Вост. Обозр.“ пытается изобразить численное отношение женщин к мужчинам в цифрах „10 на 100“ (1884 г. № 29). То же самое пишет и газета „Амур“, характеризуя быт на дальневосточных приисках (1860 г. 12).

Рассказывая о половой жизни обитателей Енисейских приисков, Уманьский говорит о диференциации, существующей у рабочих по отношению к женщинам. Почти все имели тайных любовниц, некоторые имели явных,—были такие, которые илели и жен, и любовниц, при чем последних часто и не скрывали. В отличие от жен, их только звали несколько иначе: отношение к женщинам выражалось в двух терминах—„жена“ и „хозяйка“. Уманьский отмечает также оригинальный обычай открытой продажи жен мужьями во временное пользование другими мужчинами. Такая продаваемая женщина часто переходила из рук в руки, и настоящий муж следовал за новым владельцем, как необходимое добавление к семейному очагу. Представление о законности такой сделки настолько вкоренилось в сознание некоторых приисковых обитателей, что будто бы даже были случаи, когда подобные договоры скреплялись официальной приисковой властью в приисковых конторах (стр. 117).

---

[1] М. Азадовский „Сибирские темы в изучении русского устного творчества“ Иркутск. 1925.

Особенно часто продажною любовью занимались женщины, живущие на приисках в качестве мелких служанок. Сложилось даже представление об особых„ приисковых женщинах". „Сиб. Газ." рассказывает о том, как приказчик нанимал женщин на работу в тайгу. Пришло к нему несколько баб, предлагая ему свои услуги; он со смехом пренебрежительно отогнал их: „Ну, какие вы бабы, разве вы приисковые бабы". На приисках старались завести женщин „поглаже да посмазливее". Уманьский говорит, что на приисках даже слегка красивая женщина чувствовала себе цену и сразу же занимала особое независимое положение. Поэтому на приисках трудно было найти хорошую прислугу. Большинство женщин смотрело на хозяйственные дела презрительно, полагая, что они созданы не для них (Уманьский стр. 118). Случалось, что отдельные ловкие профессионалки-проститутки делали себе „блестящую карьеру", увлекая собою крупнейших золотых тузов, но большинство влачило жалкую жизнь. Занимаясь перекрестными интригами, постоянно соперничая между собою, легко отдаваясь за деньги и за вино, грубые и развращенные, они вызывали к себе только отвращение многих мужчин. не пропитавшихся вполне приисковой атмосферой. О таком типе приисковых проституток писал Уманьский, говоря, что такие бабы—язва на приисках (стр. 117—18) и газета „Вост. Обозр." (1884 г. № 27).

Наблюдатели приисковой жизни сообщают о временных гостях, появлявшихся в „тайгу". Газета „Сибирь" рассказывает о шарманщиках, бродячих с девицами по трущобам. Девицы эти ходят, танцуют под музыку, разжигая воображение золотоискателей. Такие гастроли обычно кончались оргиями. (1875 г. № 10).

Вокруг приисков рассеяно было много кабаков и харчевен. Шест с елкой над воротами говорил, что здесь—„место злачное" (Мишла, 82); в харчевках, рассеянных по Амуру поблизости приисков продавали вино, но также были и „смазливые" хозяйки, на фривольное отношение которых с рабочими мужья их смотрели сквозь пальцы (Газ. „Амур", 1860 г. № 12).

Крупнейшими центрами разврата, связанного с приисками, были на Енисее—город Енисейск, на Лене—село Витимское. О проституции в Енисейске писал много Уманьский (стр. 27). Газ. „Сибирь" дает любопытные цифровые сведения. Ссылаясь на официальные данные, она сообщает, что в этом маленьком городишке было до 15 домов терпимости со 100 проститутками и, кроме того, жило еще 60 вольно-практикующих „девиц" (1875 г. № 10).

О Витимске у ленских крестьян издавно существовало представление, что там живут—„ленские дворяне“. Витимскую волость так и звали—„дворянскою волостью“[1]. Про обитателей этой болости говорили, что они не пашут, не сеют, не жнут, а все-таки постоянно едят крупчатку. Женщины там одевались, не в пример другим ленским крестьянкам, „очень шикарно“. Носили юбки „со шлефом“, на голове—«шильон», на руки надевали для большего шика лайковые перчатки. („Сиб. Газ“ 1882 г. № 26).

По словам газ. „Сибирь“, существовал особый вид бытовой, годами укоренившейся проституции. На вопрос проезжего путника, обращенного к старухе, как они смотрят на девиц, если они „гуляют“ с мужчинами, дается откровенный ответ: „Э, друг ты мой родной, ведь это жизнь наша, питаться надо, всякая душа—пить, есть хочет“. У старухи выходило так, что заниматься проституцией даже не плохо, потому что от этого всетаки „в семье расстановка бывает“. В той же статье автор приводит разговор матери с дочерью: „Ты опять у меня по прошлогоднему зевай. Люди тысячи добыли, а ты, паскуда, много-ли добыла, а? Трех сотен не могла приобрести“ („Сибирь“ 1878 г. № 7).

Особенно широкий разгул развивался в Витимске к моменту массового выхода рабочих с приисков. Тут уж не хватало местных женщин. Из окрестных деревень чуть не в каждый дом наезжало по нескольку молодых баб“, чтобы веселить гостей“ (Мишла, 90).

г) О пьянстве рабочих на приисках и по выходе из тайги мне приходилось слышать очень много. Литература по этому вопросу также очень значительна. Это одно из явлений прискового быта, особенно ярко бросающееся в глаза.

Рассказов о том, как утилизировали собранное с большим трудом золото, много. Говорят, что бывали случаи, когда удавалось золотопромышленникам сохранить накопленное богатство и благополучно вынести из тайги. Большое впечатление оставил у всех в Енисейской тайге старик Колосов. Он скопил 5 фунтов золота и благополучно с ним выехал в Красноярск. Оттуда он проехал в „Россию“, посмотрел все города: Москву, Петербург, Киев, побывал на Кавказе, а потом опять, соскучившись по приисковой жизни, вернулся на Енисей.

Другого рода рассказы ходили о золотопромышленнике Ксендзюке. Ему удалось найти большой самородок золота—величиной с рукавицу. Ксендзюк запрятал его в тряпье под

[1] «Сибирская Газета». 1882 г, № 26.

под подушку и так хранил. Когда ему хотелось выпить, он отламывал маленькие кусочки и тащил пропивать.

Вино на приисках, как известно, было. «Хозяева» обязывались подносить рабочим „порции". Кроме того, всякая трудная работа, особенно связанная с холодом, когда приходилось лазать в воду, поощрялась вином. Существовал особый термин, приуроченный к посуде, которой черпали вино, поднося рабочим,—„крючек". Угощая „порцией", приказчик нравоучительно говорил: „пей крючек и ложись спать". О винной порции имеются сведения в литературе: у Латкина («Очерки..." 647—48), у Семевского (стр. XXXV). Винная порция была для приискателей тем-же, чем „бич для плантатора". Только обещанием дать вино можно было заставить измученных рабочих проделать тяжелую сверхурочную работу. На обещание повышенной оплаты они отвечали: „деньги-то мы видали" („Сиб. Газ." 1882 г. № 31).

Причины пьянства понятны: изнурительный труд, придавленное настроение, отсутствие смены впечатлений. Понятно желание рабочего хоть на миг забыться от тяжелой действительности.

На прииска многие рабочие смотрели, как на добровольную каторгу и потому, по традиции, напивались перед отъездом туда. Напиваться перед отправкой в тайгу вошло в традицию (Латкин. „Очерки" 647—8). Под горячую руку пропивали все, в том числе и всю „обстановку"—одежду и припас, данный хозяином. Хозяин особенно не протестовал и не удерживал, так как знал, что, явившись в голом виде на прииска, рабочий должен будет опять приобретать одежду и купит у него в лавке по более дорогой цене. Случалось и так, что вместо пропитой одежды тут-же давали новую, но тут-же рабочему записывали в счет сумму, далеко превышающую стоимость пропитых вещей.

Пили рабочие, не только отправляясь на прииска, но также и в тайге. „Винная порция", конечно, не удовлетворяла. Около приисков постоянно велась тайная спиртоторговля (Латкин „Очерки"... 582). Семевский рассказывает о дельцах, специально арендующих земли поблизости от приисков, под предлогом кошения сена, а на самом деле для спиртоторговли. С ними боролась приисковая администрация, и постоянные оседлые спиртоторговцы были все-таки явлением довольно редким. Другое дело спиртоносы. С этой опасной, рискованной профессией связано бесконечно много рассказов и легенд.

В спиртоносы шли рабочие, разуверившиеся в возможности разбогатеть на тяжелом приисковом труде. Если спирто-

нос хотя бы один раз попался, ему уже ничего не остается больше делать, как всю жизнь заниматься своим ремеслом или окончательно уйти из „тайги“: на приска его уже больше не примут. Занимались также спиртоношением люди „без вида“, люди с просроченными документами, которым некуда было деться, которых никто не принимал на работу, а также люди, склонные к приключениям, бродяжничеству и разным авантюрам („Сиб. Газ.“ 1882 г. № 31).

Золотопромышленники страстно боролись со спиртоносами, потому что им рабочие сбывали тайно упромышленное золото, вместо того, чтобы сдавать его в контору за установленную плату. Спиртоносов ловили, пороли, высылали из тайги. Около резиденции золотопромышленники держали отряды казаков для поимки спиртоносов. Казаки разъезжали по дорогам, по тропам, шарились по тайге.

И чего-чего, говорят, не было во время преследований „добычи“—и загнанные на-смерть лошади, и прыжки со скал. Не останавливали и бурные реки, в которые бросались, спасаясь, спиртоносы и, преследуя их, казаки. Особенный азарт развивался у казаков в надежде на большую премию, обещанную им хозяевами приисков за поимку крупнейших носителей спирта. Спиртоносам нужно было спастись во что-бы то ни стало, потому что пойманному часто бывало „хана“. Его могли запороть в тайге и слух об этом начальство, конечно, сумело бы хорошо замять.

Возили спирт в особых переметных сумах—„торках“, перекинутых через спину лошади.

Большинство спиртоносов прекрасно знало тайгу. Когда около приисков было слишком опасно от рыскающих вокруг казаков, спиртоносы оставляли тропы и брели прямо по тайге, держа в голове общее направление. Лошадей в таких случаях прятали и тащили вино на себе небольшими партиями. Если нужно было выйти на дорогу, смотрели, нет ли в условленном месте «знака». В большинстве случаев спиртоносы умудрялись договариваться с владельцами избушек в лесу, которые и предупреждали их о присутствии казаков.

Зимой доставка спирта в тайгу была особенно тяжела. «Сиб. Газ.» рисует любопытные бытовые картинки. По замерзшей реке идет партия спиртоносов и тянет салазки, нагруженные двумя ведрами спирта. Впереди на лыжах двигается разведчик, одетый в костюм охотника. Он идет, посматривая по сторонам, делая вид, что промышляет птиц, а на самом деле выглядывает, нет-ли поблизости казаков. Заметив их приближение, он стреляет в лес, как будто в птицу и сам скрывается

в чащу, как бы для того, чтобы подобрать подстреленную дичь. Его выстрел—сигнал для всей партии. С салазками, увязая в снегу, они сворачивают с реки и убегают в лес („Сиб. Газ.“ 1882 г. № 31).

Большинство спиртоносов вооружены плохо. Но если маленький отряд казаков натыкается на большую и хорошо вооруженную компанию спиртоносов, то наблюдается картина обратная. Спиртоносы бросаются на казаков, а казаки, спасаясь, разбегаются в разные стороны.

Приходя на прииски, спиртоносы давали о себе знать условными сигналами. Случалось и так, что таким сигналом делались сами рабочие. Встретит спиртонос в лесу рабочего, выманит у него золото и напоит его. И как только на прииске увидят пьяного человека, сейчас же сообразят, что поблизости сидит спиртонос.

Сношения со спиртоносами были окутаны большой тайной. Рабочие не только скрывали спиртоносов от начальства, но иногда и друг от друга. По приисковому обычаю, тем, у кого было золото, нужно было угощать товарищей вином. Каждый старался избежать расходов и пытался напиться втихомолку, в одиночку. Такие тайные сношения часто вели к тому, что спиртоносы не только обмеривали золотоискателей, но и прямо их грабили. Золото взвешивали на маленьких весах, привозимых спиртоносами. Весы и гирьки всегда были фальшивые. А бывало и так, что придет парень в лес, встретит спиртоноса.—„А ну, покажи, что у тебя есть“. „Да вот, самородок“. Протянет золотоискатель руку, а тот даст ему кулаком в лицо, схватит золото и в лес. Ищи его там!

И все-таки, несмотря на все зло, какое приносили спиртоносы рабочим, они все-таки не выдавали их властям. В „Сиб. Газ.“ описано три случая жестокой расправы спиртоносов с золотоискателями, выдавшими их хозяевам приисков. Им было обещано, что их убьют. Прошло несколько лет, золотоискатели вышли из тайги, уже забыли о происшедшем, уже чувствовали себя в безопасности и все-таки к ним пришли ночью люди, которые принялись зверски истязать их, а потом убили. Рассказывается, что одна семья „доносчиков“ очень остерегалась—держала собак, запирала ворота и двери на крепкие запоры и все-таки это ее не спасло („Сиб. Газ.» 1882 г. № 31).

Приключения спиртоносов не оканчивались с прибытием на прииск. Самое трудное начиналось на обратном пути. Спиртоносы шли с золотом, на них «охотились» и казаки, и бродяги, и свои же товарищи—спиртоносы. Идут три человека с золотом и ночи не спят—друг за другом следят. Кто знает,

что у спутников в голове. А что если один, пользуясь сном остальных, перережет им горло и заберет золото. Не лучше ли самому предупредить их намерение и безопасно с золотом притти домой. Недавние друзья и союзники превращались в злейших врагов (Газ. „Сибирь“ 1875 г. № 11, «Сиб. газ». 1882 года № 33). Как много погибало спиртоносов на обратном пути, видно из того, что по Крестовской дороге, ведущей с Олекминских промыслов трудно было ездить от смрада. Кругом валялись трупы убитых спиртоносов (газ. «Сибирь» 1875 года № 11).

Несмотря на необычайные трудности, которые встречались на жизненном пути спиртоносов, все-таки профессия эта неудержимо влекла к себе симпатии обитателей приисков. Манил таежный простор, интересная и увлекательная жизнь, на которую хотелось с удовольствием променять тяжелый и однообразный труд в „разрезе“ или в «орте». Убитых спиртоносов заменяли новые и тайная торговля спиртом никогда в тайге не прекращалась. Влекла к себе торговля спиртом также и надеждой быстро разбогатеть. Как много иногда удавалось спиртоносам вывозить золота, видно из сообщения „Сиб. Газ.“. Однажды (в 1875 г.) возвращалась с приисков партия казаков, конвоирущая добытое золотоприискателями золото. Везли они результат трудов нескольких сотен человек в течение целого года. По пути они съехались с партией спиртоносов, двигающихся также с приисков и очень миролюбиво настроенных. И казаки, и спиртоносы были почти одинаково вооружены и потому чувствовали себя одинаково сильными. Нападать друг на друга не хотелось, и обе партии, миролюбиво съехавшись, вступили в разговор. Казаки сказали, что везут 3 пуда золота. Спиртоносы ответили, что они везут 5 пудов и для большей убедительности развязали мешок, показали и поехали дальше. („Сиб. Газ.“ 1882 г. № 33).

Уманьский рассказывает, что приключения спиртоносов вызывали к себе живейший интерес обитателей тайги. О них рассказывались целые легенды в долгие вечера, вперемежку с игрой в карты. Имеются свои герои—Ефрем Середа, Поплавский и др. (Уманский, 148). Мне приходилось слышать в Енисейской тайге рассказы о подвигах Котляревского. Это был ловкий и отважный спиртонос. На торговле спиртом он мог-бы нажить колоссальный капитал, но до конца жизни он был беден. Все что он приобретал, он прокучивал потом в Енисейске и Красноярске. Золотопромышленники с особым оттенком отмечали его странную разборчивость в вине. „И пил-то ведь что—ликеры. На это все и уходило“. Зато в тайге он был «орел». Раз как-то приискатели выслали целый отряд и

разоставили караулы по всем дорогам и тропинкам. Котляревский решил действовать на риск. Купил себе прекрасный костюм, тройку лошадей, вино розлил в маленькие фляги и рассовал их по тарантасу. Посадил с собою двух лакеев и покатил прямо по главной дороге на прииска. Чтобы больше было шуму, велел прикрепить колокольчики к дуге. Когда он со звоном примчался к резиденции, казачий офицер выскочил на крыльцо и почтительно вытянулся перед ним, отдавая честь. Потом уже, оправдываясь в своей оплошности, он рассказывал начальству, как его поразил Котляревский необычайным видом. „Ведь, главное, синие очки надел. Я думал какой важный едет".

Спаивание рабочих совершенно откровенно происходило в пунктах выхода их из тайги: в Енисейске, в Рыбном, на Ангаре и в Витимском (на Лене).

О том, с какой страстностью мечтали рабочие об удовольствиях в Витимском, видно из приисковой поговорки: «На Еловках—жить неловко, Пеледуй—милодуй, а в Витим—сами полетим" („Сиб. Газ." 1882 г. № 26). Содержатели кабаков встречали явившиеся партии приискателей необычайно шумно: село иллюминировалось, навстречу пароходу выходил оркестр музыки. Приискателей встречали с поклонами бабы, девки и „сидельцы"—содержатели кабаков; с поклонами и улыбками тащили их по домам. В селе Витимском на 124 дома было 40 кабаков и 4 винных склада. Кроме того, каждый дом был приспособлен для винной торговли и оргий (Газ. „Сибирь» 1878 года № 8).

Особенно жутким окружением окутаны рассказы о витимских кутежах потому, что там был не только кутеж, пьянство и разврат, но там же был и грабеж, и разбой. Рассказывают, что на берегу Лены находился дом с особым проваливающимся полом, на который ставилась кровать. Когда пьяного рабочего укладывали на постель, пол раздвигался и кровать опускалась в подземную галлерею. Там его убивали и труп тайно через подземный ход выбрасывали в Лену. Об этом слышанном мною рассказе сообщает и автор статьи в „Сиб. Газ.", уверяя, что в 1872 г. на нем красовалась вывеска «Гостиница Аканак", и прибавляет для более жуткого впечатления, что в этом доме обезьяна съела хозяйского ребенка. („Сиб. Газ." 1882 г. № 26). Очевидно, рассказ о проваливающемся поле—легенда; нечто подобное я слышал и про село Рыбное на Ангаре. В Витимске мне рассказывали, что на месте разрушенного притона потом построили часовню. В Рыбном же церковь фигурировала в несколько другой комбинации.

Рассказывали, что дом с подземными ходами находился на отлете около церкви и от него велись прямые подземные ходы к Ангаре.

Если рассказы об ухищренных убийствах связанны с подземными галлереями,—быть может, легенда, порожденная жутким чувством к ленским и енисейским кутежам, то грабеж был открытым и всем известным бытовым несчастьем.

В Витимске мне удалось записать обрывок песни:

Ходил в Олекминской тайге—
Много денег заробил.
Распроклятая девчонка
Научила худо жить,
Распроклятая девчонка
Научила водку пить.
Раз по утру я ложился
На постелю пухову,
А поутру пробудился—
На соломке уж лежу.

д) Пьянство и разврат в стоках золотопромышленников на Енисее и на Лене сопутствовались обыкновенно самыми фантастическими чудачествами. Уманьский называет их диким самодурством быстро разбогатевших людей с бедной фантазией (стр. 52).

Данченко также отмечает на Урале существование фантастических выходок у счастливо поработавших золотопромышленников (стр. 568—70).

Золото как будто-бы жгло людям руки, и они придумывали разные способы, как бы поскорее от него отделаться. Несмотря на всю безалаберность пьяных кутил, они все-таки как будто бессознательно соблюдали какую-то традицию. Все их выходки в общем проникнуты одним чувством, которое имеет только различные оттенки, но покоятся на одном основании.

Что особенно ярко бросается в глаза, так это желание показать себя крупным человеком. Это комичное возвеличивание выражается в разных формах. Традиционной манерой величаться является желание кататься по селу. В Енисейске мне рассказывали, что, поджидая рабочих, крестьяне готовили сани, украшали их тряпочками, ленточками и подвешивали бубенчики к дугам и сбруе лошадей.

Но, как ни странно, своеобразная прихотливость кутящих богачей выражалась в желании прокатиться иногда не в красиво украшенной повозке, а наоборот, проехать совсем без удобств и заплатить за это большие деньги. Было как-бы желание показать, что вот я насколько богат, что и за такую дрянь могу бросать бешеные деньги. Катались на простых деревенских дровнях, а некоторые даже в угольных коробах.

Один золотопромышленник купил лошадиную кожу, запряг в нее парней и девок и заставил катать себя по улице. Его охотно слушались, так как он платил большие деньги.

Ступенью выше в этом направлении было требование носить на руках. Выпрягали тарантас, вытаскивали из-под него колеса и заставляли носить с песнями на руках по улице. Мишла рассказывает, как один золотопромышленник заплатил девкам 30 рублей за то, чтобы они поносили его в корыте по улице (стр. 97). Если золотопромышленник шел из кабака в кабак, то часто приказывал расстилать перед собой по улице сукно или кумач. По традиции пользоваться этим кумачем могли женщины, которые тут-же из-под ног собирали материю и тащили домой.

Затем следовало желание поразить размахом предприятия. Человек шел в лавку и покупал 3 или 4 рубахи разного цвета, но разной длины и надевал все враз, так, чтобы концы рукавов и подолов выглядывали один из-под другого.

Уманьский рассказывает, как некоторые енисейские золотопромышленники скупали за большие деньги всех извозчиков в городе, чтобы никто не мог ездить, кроме них. Бывало и так, что приходил человек в театр и садился один в партер в первый ряд и платил за все места в театре, с желанием, чтобы никто не смел смотреть этот спектакль, кроме него. Если покупали в таких случаях вино, то обязательно бочками, говоря. „что мы за вершочники“ (Кривошапкин 181).

И несмотря на попытки возвеличить себя, несмотря на желание поразить грандиозным масштабом задуманных чудачеств, все время красной нитью сквозило еще особое желание —показать свое презрение к этому богатству, из-за которого столько трудов и сил потрачено в тайге. Купленные дорогие костюмы нарочно рвали, чтобы показать к ним полное пренебрежение (Мишла, 91—96). Посуду били и валили под стол, а потом бросали за нее хозяевам деньги втридорога, приказывали прямо в грязь расстилать скатерти или ковровые шали, чтобы на них раскинуть закуску. Если нужно было перейти через улицу, то кидали себе под ноги, чтобы не запачкать ботинки, пятирублевые бумажки (Кривошап. 181).

Некоторые из перечисленных выходок золотопромышленников обладают удивительно широким распространением. Так, например, обычай приказывать, чтобы носили на руках, отмечен на Енисее, на Лене, на Амуре, на Урале. То же самое относится и к манере подстилать под ноги сукно или кумач по пути следования из кабака в кабак.

В данном случае исследователь, очевидно, сталкивается с широким бытовым явлением. Многие рассказы, конечно, фантазируются: к реально происшедшим чудачествам при всей грандиозности присоединяются новые еще усложняющие детали, и в результате в рассказах о кутежах золотопромышленников мы видим только особую разновидность золотопромышленного фольклора.

Б. И. Лебединский.

Из наблюдений над крестьянским зодчеством Иркутского округа.

Д. Грановщина.

Сибирская пригородная деревня почти не останавливала на себе внимания исследователя. То, что сделано в этом отношении, слишком мало, слишком незначительно, тогда как изучение пригорода дало бы громадные результаты, в смысле определения влияния культуры города на свою периферию. Изучение деревни, расположенной вблизи города, должно охватить не только быт, но и искусство в полном его объеме.

Автора интересовала преимущественно пригородная архитектура, поэтому в данной работе о ней и будет речь.

В смысле изучения зодчества деревня Грановщина, расположенная в 30 верстах от Иркутска на р. Куде, является наиболее благодарной, тем более, что ее зарождение теряется в давности двух веков. Кроме того, что она является пригородной, она интересна и потому, что лежит вблизи тракта, имевшего известную долю влияния на ее рост, ее культуру.

Первые засельники Грановщины не были людьми, пришедшими из одного какого-либо места. Здесь встретились сибиряки и „россияне“, каждый со своей стороны нес свой уклад жизни, свои культурные накопления. Это даже по истечении века проглядывает в названиях отдельных частей избы, в технике сооружений и многом другом.

В очень отдаленное время, о котором „не упомнят“ даже старики, сельчане были „и строителями и украсителями“, но со временем город, дававший значительные средства к существованию, побудил их пользоваться пришлым наемным трудом; это—с одной стороны. С другой же, весьма определенное желание жить „на городской фасон“, при неумении лично создать нужное, заставило прибегнуть к строителям из города. Поэтому-то нет ничего удивительного в том, что рядом со старинными воротами чисто деревенской стройки стоят деревянные же, но „под камень“ с вазами на столбах; рядом со старинным деревенским глухим крыльцом находится крыльцо с „террaской“. Неудивительно и то, что городской оконный

наличник можно видеть на многих домах Грановщины, как и резной узор, сплошь да рядом украшающий многие дома города.

Так как грановец плотником-профессионалом мог и не быть, то ничто не препятствует допустить значительные следы и городских влияний на постройки самих сельчан. Интересно в данный момент отметить, что плотник Иркутска, в большинстве, не природный сибиряк, а больше „прохожий российский". Вот почему здесь в постройках можно увидеть и „влияние помещичьего быта". Всё это более относится к внешности стройки, внутри дом остался избой почти целиком. Здесь—горница, куть, чаевушка, изба, в редких домах (их не более п я т к а) есть и „зала" и „спальня"; но тут уже город, настоящий город с висячей лампой и прочим.

Внутренность дома-избы, в большинстве, не оклеена обоями, а расписана, особенно—в части з а б о р о к; порой глаз режет блестящая или дико выкрашенная труба граммофона среди цветов—петухов; наконец какая-нибудь печатная, здесь не менее странная, картина с содержанием ненужным, но, как городское украшение, необходимая[1].

Стремление грановца к красоте несомненно и выражено с полной определенностью, и пришлый плотник должен был ответить вкусам работодателя, не выходя из пределов своего опыта, своего вкуса и своих воззрений.

Порядок стройки грановца таков: часть плана, прилегающая к улице, занята домом, воротами с калиткой, забором и, к концу, амбарушкой. От нее в глубину идет навес, потом второй амбар, за которым следует обширный скотный двор с хлевами и „поднавесьями", прилегающими к дому с другой стороны. Часто в „поднавесье" находятся вторые „дворовые" ворота, ведущие в огород (см. рис. № 6 и планы). Таким образом, двор или, как здесь говорят, „хозяйство" представляет собою правильный четырехугольник со стеной из высоких строений и высокого забора с воротами. Здесь все расположено под рукой; единственно, что в большинстве случаев не в ограде, а в огороде—это баня, да и та в старое время входила в число построек двора.

С особым вниманием и любовью хозяин ставит ворота: „исстари так уж в заводе", „хорошие ворота—большой заезд".

Старинные ворота Р. М и х е е в а (см. рис. № 7), которым насчитывается не менее семидесяти лет, интересны по своей композиции, сильно напоминающей металлический оклад старинной книги. Стоит только удивляться, как могла прийти

[1]. Конечно, это последнее наблюдается главным образом в домах зажиточного населения.

в голову такая своеобразная мысль—перенести композицию столь малого предмета в иную среду...

Через несколько „хозяйств" (дворов) стоят другие, не менее интересные, сильно отличающиеся от первых, ворота П. И. Позднякова (см. рис. № 5 и 8) с давностью в 40 лет. Насколько в первых чувствуется деревенский уклад, хорошо скомпанованное дерево, настолько во вторых проглядывает желание сделать „под камень". Столбы, обшитые доской с фаской, долженствующей означать спайку камня, красиво сочетались с узорчатой, в два пояса, резьбой „по верхам". Точеные вазы компактно заканчивают столбы. Пропорции ворот в целом удивительно гармоничны и вызывают в памяти ампирные сооружения. Сочетание простой резьбы „под решетку" с гладкими полотнищами необыкновенно хорошо. Во всем законченность в полной мере. Такие ворота по своей изысканности впору талантливому художнику-строителю. Когда подумаешь, что их ставил, быть может, человек неграмотный то смотреть на них без восторга и не удивляться чутью плотника нельзя. Первые ворота „богатые", широкие, выглядят солидно. Вторые -изысканны. В первых положительная деревня, во вторых—хороший город. Их пропорции в точности соблюдаются и в настоящее время, но уже оклада полотнищ резьбой нет; ее заменила филенка „в елочку", „в куб" и другие, иногда приятные и простые, формы. Не меньшей заботой для хозяина является и дверное кольцо „щиколотки". Разнообразие колец необыкновенно богато. Это кольцо стоило немалого труда кузнецу-художнику.

Забор, прилегающий к воротам и дому, часто носит на себе тот же узор. что и ворота. Иногда в стене забора, в ширину доски, сделан прорез окна „смотрового", имеющего решетку из брусков. Обыкновенно оно находится рядом с калиткой. Не менее интересны и крыльца домов. Грановское крыльцо встречается в четырех типах. Первый—самый старый—закрытое крыльцо с навесом (см. рис. № 9). Показательно крыльцо С. Е. Выгузова. Второй тип не менее стар—это крыльцо глухое, идущее параллельно длинной стене дома, с решетчатым окном так наз. смотрильным. Хорошее крыльцо такого типа у дома, на две половины, крестьянина С. А. Усова, постройки 1833 года, являющееся продолжением делящего дом моста (см. рис. № 10 и 11). Третий тип хорошо представлен (одним из не менее старых) сохранившимся крылечком постройки 1836 г. Г. Ф. Ворошилова (см. рис. № 12). Это крыльцо открытое, с круговой точеной решеткой, иногда из граненых простых брусков. Четвертый тип крыльца—полуоткрытый -с терраской, перильцами и рубленой колонкой, часто

с внешним ходом в казенку. Крыльцо М. С. Ворошилова является образцом, наиболее распространенным в настоящее время (см. рис. № 13). Изменяются только размеры. Это крылечко уже совершенно городское. Высота крылечка различна—так же, как и количество ступенек. Старое крыльцо обыкновенно имеет одну—две ступеньки, тогда как новое иногда восемь.

По традиции, крыльцо обязательно выходит во двор со стороны, прилегающей к воротам. Строитель обладал необыкновенно развитым чутьем, и здесь это особенно заметно, ибо нет ни одной постройки, у которой крыльцо не находилось бы в полной общей увязке.

Общий вид дома солиден, аккуратен, красив в своих пропорциях (см. рис.)

При постройке по углам будущего дома врывают в землю на три четверти метра столбы, предварительно очищенные и в части, которая будет в земле, обожженные. Над поверхностью земли „стойка“ торчит на 50 и более сантиметров. На эти „стойки“ укладывается и укрепляется „первый оклад“. Пространство, получившееся между землей и окладом, заваливают камнем, кирпичом и песком. Иногда получившуюся таким образом завалинку, при помощи кольев по краям, обшивают драньем или тесом. Нередки случаи, когда первый „оклад“ кладется прямо на почву; в таких случаях завалинка не делается и между первым и вторым рядом прорубаются 2—3 окошечка для проветривания подполья. Каменный фундамент встречается редко. Выкладывается он из песчаника, известняка или кирпича. Его высота 50 сантиметров. Отдушина при каменном фундаменте делается в первом окладе.

Стена грановского дома прямая; венцы забираются „в замок“ и „в угол“. При постройке вертикально отесаны бревна только с внутренней стороны. В отдельных случаях отёс внутренних стен производится (по окончании постройки) таким образом, что получаются так наз. „круглые углы“. Среднее количество венцов в домах прежней постройки равно 12—14 (в старых домах лес крупный, в постройках недавнего времени употреблен лес даже в 20 сантиметров). Бревна имеют паз; при сооружении стены под пазы кладется с „излишком“ мох, который, по окончании постройки вчерне, уконопачивается. Вторая проконопатка у исправного хозяина происходит через 2—3 года. Бревна, помимо угловой увязки, скрепляются еще шипом.

Переход от стены к крыше увязан солидным карнизом, часто покрытым резьбой в несколько рядов. Резьба по карнизу, хотя и излюбленное украшение, тем не менее слаба по компановке и носит „мещанский“ характер. Иногда карниз имеет

маленькие оконца, выходящие в чердачное помещение (см. рис. № 17). Отлет крыши с карнизом достигает одного метра от стены, но при угле крыши в 40°—45° она не производит впечатления тяжеловатости, а дом—впечатления придавленности. Значительная высота стен гармонирует с размером отлета. В описываемой деревне есть исключение: это—здание школы, у которого высота крыши значительно превышает высоту стен; крыша „круглая" и благодаря своей высоте напоминает шатер.

Старые дома менее высоки, чем дома последних 40 лет. Высота от земли до карниза равна 3,75—4,25 метра, от земли до конька от 5,75 до 6,5 метра. При этом не безынтересно отметить, что примерная высота внутреннего помещения равна 2,5 метра.

Сказать определенно о склонности грановца к двухскатной крыше нельзя, так как из подсчета видно, что так называемый „круглый" дом ему не менее люб, но является достоянием более зажиточных насельников. Крыша кроется тесом или драньем, положенными на стропила. Стык скрепляется коньком. Охлупень—достояние хозяйственных[1] построек и жилых домов. Временная крыша, встречаемая у беднейших крестьян, устраивается просто: на потолок, с двух сторон, укладывается по чурке, иногда по две; на положенное сверх них бревно укладывается дранье и придавливается охлупнем. У хозяйственных построек (редко—у жилых) крыша иногда не имеет по верху никакого закрепа, в роде конька или охлупня или просто доски, закрывающей щели. В таких случаях доски одного из скатов выходят за стык и тем самым помещение предохраняется от проникновения дождевой воды.

Есть и железная крыша, но она редка, причем—в домах, мало интересных и типичных для города, но не для деревни. Железо наложено на латы, в свою очередь покоящиеся на стропилах. В деревянных крышах при стыках пролагается деревянный желобок для стока дождевой воды дальше от строения; по карнизу подвесных продольных желобов нет, так же, как и желобов, покоящихся на „курицах".

Печная труба, взявшая много кирпича в чердачном помещении, наружно невысока; украшений, кроме кирпичного же карниза, не имеет. Чердачное помещение часто имеет „вышку"—балкончиком, на которую ведет маленькая дверца (постройка П. П. Гранина. См. рис. № 15).

Окно, придающее особый вид каждой постройке, здесь поглотило не меньшее внимание, чем и крыльцо. В нем также

---

[1] К хозяйственным постройкам относятся: амбарушки, хлева, гумна, бани и т. п.

различается „деревня“ и „город“,—старое и сравнительно новое. Окно обязательно имеет наличник. Старинное окно с филенчатыми створками, иногда покрытыми резьбой; при чем в наличнике мало линий витых и дугообразных.—Наличник более позднего времени взял от города обязательно изогнутый верх, сам по себе красиво резанный, иногда внушительно солидный.

Наличники можно так же, как и крыльцо, отнести к нескольким типам. Первый—самый простой—это привешенная на петли одна ставня в ширину окна. Никакой резьбой она не покрывается. Там же, где есть желание изукрасить, ставни расписаны цветами и петухами или же „конвертом“. Второй тип усложнен, он уже состоит из двух створок, его верх или прям или изломан в форме приплюснутого двухската. Третий вид—наличник с резьбой, но резьбой несложной, часто красиво подобранной, со сломанным верхом, с отлетами, часто с резным полотенцем и кистями (см. рис. № 18). Четвертый тип наличника—с криволинейным резным верхом. В этом наличнике можно встретить и накладной выпиленный узор, несмотря на то, что он одновременно имеет и резьбу вглубь, иногда весьма сложную, с цветами (см. рис. № 17).

Показателен—и не только для старого времени—наличник дома М. С. Ворошилова, для поздняго же—П. И. Позднякова (см. рис. № 18 и 17).

Как живопись, так и резьба, в большинстве случаев, выполнена пришлыми мастерами „красильщиками“ и „резчиками“, по преимуществу, российскими, как передавали старожилы-крестьяне.

Величина оконного света, в среднем, 65 : 90 сантиметров. Любовь к свету и солнцу сильна. Есть постройки, имеющие окна „в круговую“, т. е. со всех четырех сторон, при чем окна выходят даже к скотникам, находящимся в „поднавесьях“; эти окна служат для постоянного наблюдения и наличников не имеют.

Наличники со стороны улицы часто изукрашены больше, чем выходящие во двор, и по обыкновению покрашены.

Дверь, ведущая в дом, массивная, гладкая,—„прямая“, образцовый размер 0,9×1,8 метра. Дверь, ведущая в казенку, при той же высоте, уже. Двери заборок бывают иногда двухстворчатые—филенчатые, но больше гладкие, изредка покрытые живописью, причем они легкие, т. е. из 5—6 сантиметровых досок.

Указанная высота помещения равна 2,5 метра, как в старых, так и в новых постройках.

Потолок так же, как и пол, покоится на матицах. Матица обтесанная, но бывает и круглая. Потолков накатных нет. Роспись потолка довольно часта, матица также расписывается.

Планировка дома такая: куть, горница и спаленки, иногда—чаевушка. Казенка обыкновенно находится „в сенцах", „на мосту", или же является пристройкой.

Дом обладает подпольем, иногда весьма солидным по своим размерам.

Наибольшую площадь занимают куть и горница. Входная дверь ведет в куть или же горницу, редко чаевушку. Спаленка обязательно находится за русской печкой, почти единственной, обогревающей дом. При печи еще сохранился камелек, являющийся не только источником вечернего тепла, но и света в долгие зимние вечера (см. рис. № 19). Камелек постепенно выходит из обихода, его вытесняет прилегающая к печи плита. Русская печь, занимающая много места, ставится обязательно так, чтобы она была открыта со всех четырех сторон; к ней прилегают только заборки. Низ последних довольно часто расписан под кирпичную кладку для слияния с печью.

Хозяйственные постройки по технике сооружения просты, но и здесь проглядывает желание изукрасить. Амбарушка, например, имеет „приступень" (род терраски) с колонками, иногда рубленными, и перильцами.

„Поднавесья" устраиваются на столбах, которые часто рублены узором или имеют подкладную деревяшку, называемую „колодкой", отдаленно напоминающую капитель.

Пространство под ними разделено на несколько частей, для каждого вида скота—свое отделение. Под „поднавесьями" же строят теплые, бревенчатые хлева и конюшни, вверху которых складывается сено. [1]

Тут же, часто среди скотника, находится колодезь, к которому, через прорезь в перекрест, от „бабы" и „журавля" идет шест (см. рис. № 20).

Двор в старое время устилался лесом—„мостился". Каких размеров достигали скотные дворы, можно судить по двору М. С. Федоровой, прозванной Боярской, куда входило до шестидесяти скотин.

Сравнивая постройки старого времени и времени более позднего, приходится констатировать, что дом в своей планировке не изменился, но его размеры стали значительно мень-

---

[1] Надо заметить, что Грановщина в этом отношении представляет исключение, ибо, как известно, в Сибири едва ли не повсеместно скот находится под открытым небом целый год.

ше, так же, как и размеры хозяйственных сооружений. Кроме этого, как уже и выше было сказано, лес, идущий на стройку, стал значительно мельче. Тут необходимо сообщить, что причины этого кроются в безлесье, сильно ощущаемом Грановщиной, благодаря безрассудному уничтожению в старое время. Деревня была окружена лесом. Стоимость бревна не превышала одного рубля. В настоящее время делянки отстоят от деревни в 40 километрах. При скученности населения на подушную долю достается 3—4 бревна в год. Покупная стоимость равна от 3-х до 4-х рублей. Для того, чтобы выстроить дом, нужно или обладать значительными (для деревни) средствами, или в течение нескольких лет лес подкапливать. В цене леса, конечно, играет роль и качество его, чем и объясняется употребление леса более мелкого.

Вторая, сильно влияющая причина,—это отсутствие промыслов, среди них—ямщины. Во времена ямщины такие дворы, как М. С. Федоровой-Боярской, где хозяйственные постройки рубились в два этажа, были заурядным явлением. В то время могли делать надворные постройки не только в два этажа, но даже мостить (бревнами) двор целиком. Меньшее количество украшений и упрощенность их также объясняется отсутствием леса, денежных средств и дешевых рабочих рук.

Правда, последнее десятилетие указывает на рост количества построек, по сравнению с предыдущим десятилетием, но тут необходимо заметить, что в общее число построек входят и дома, перенесенные, иногда купленные в другом селении, к чему раньше прибегали сравнительно редко. Количество перенесенных домов равно 30%.

Ямщина, дававшая значительные средства, позволяла не только окупать стоимость материала и труда, но позволяла делать и украшения, на которые затрачивалось немало любви и терпения резчика и красильщика.

Очень возможно, что те или иные особенности построек грановцы заимствовали от декабристов. культуртрегеров и пр., но судить о мерах влияния трудно, за отсутствием документальных данных. Из слов сельчан, как грановцев, так и урковцев, видно, что дома декабристов и других ссыльных были просторными, с массой света (особенно света!..) Разобранный два года тому назад дом известного М. В. Загоскина своим фундаментом подтверждает, что ссыльные „грохали хоромы“ действительно просторные. Может быть, обилие света в постройках и их сравнительная просторность явились, главным образом, под влиянием ссылки.

В изложенном здесь многое недосказано за недостатком места.

Рис. № 1.

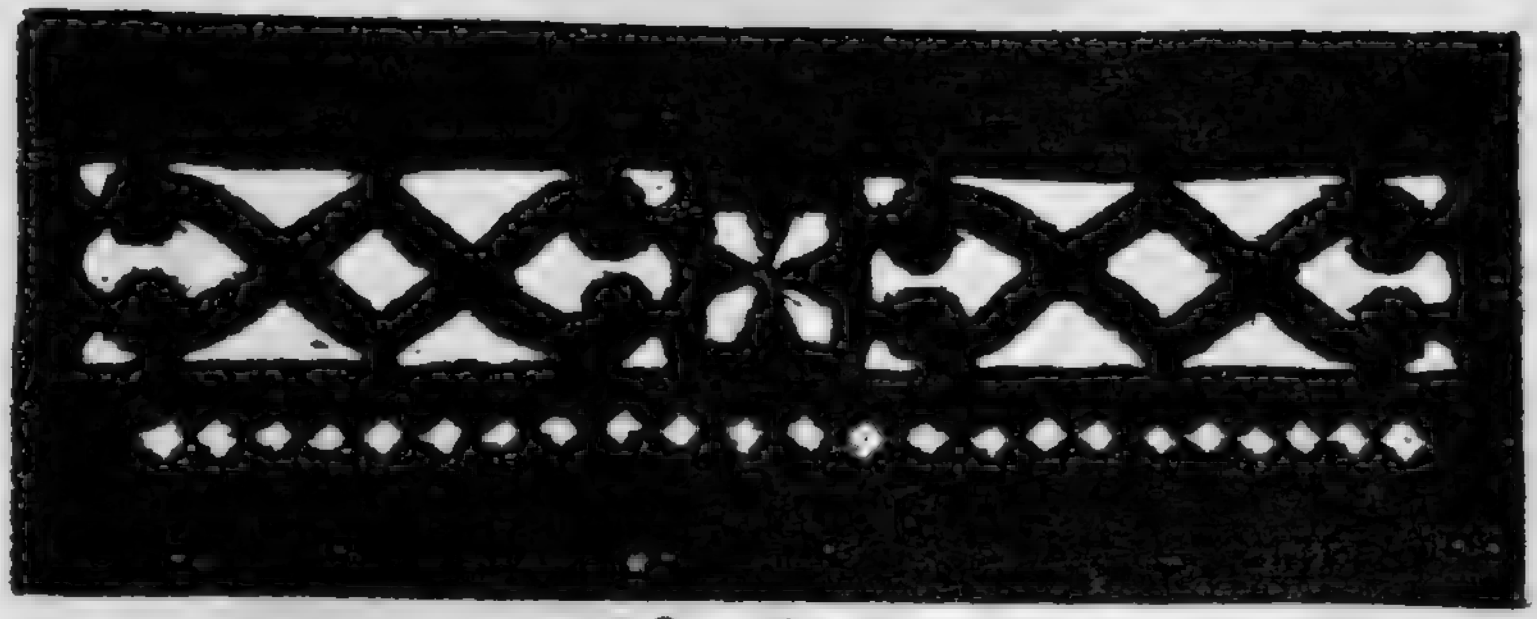


Рис. № 2.

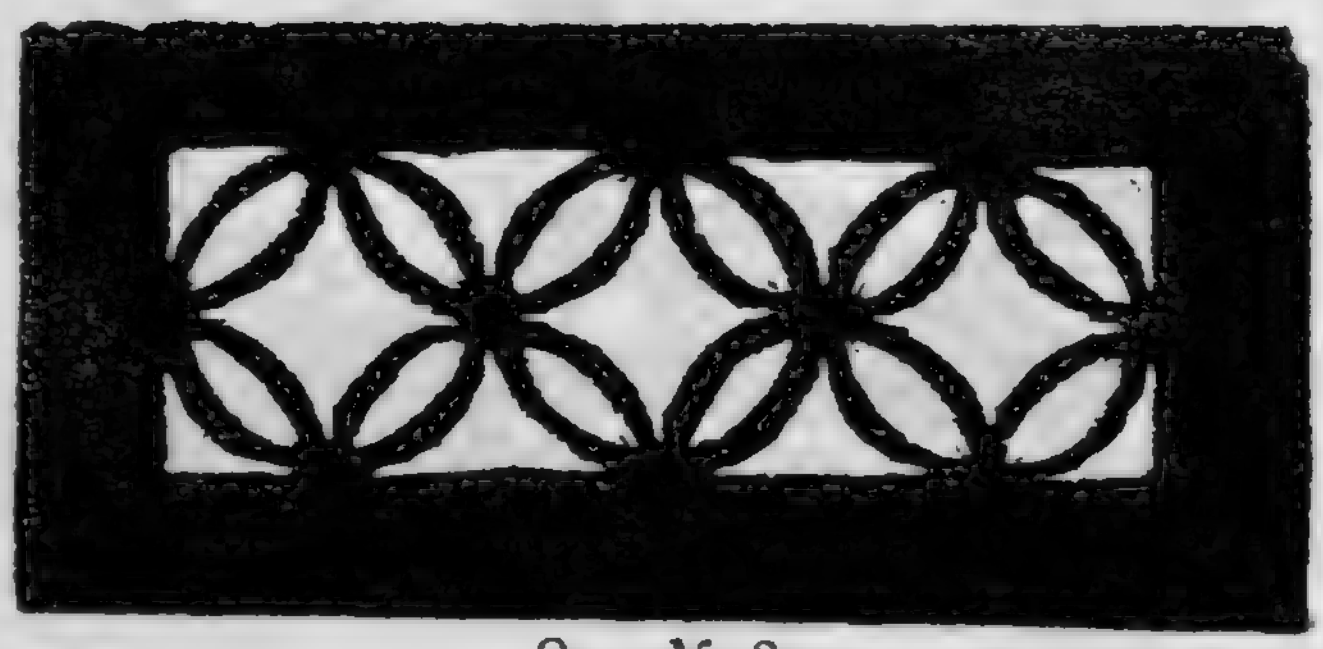


Рис. № 3.

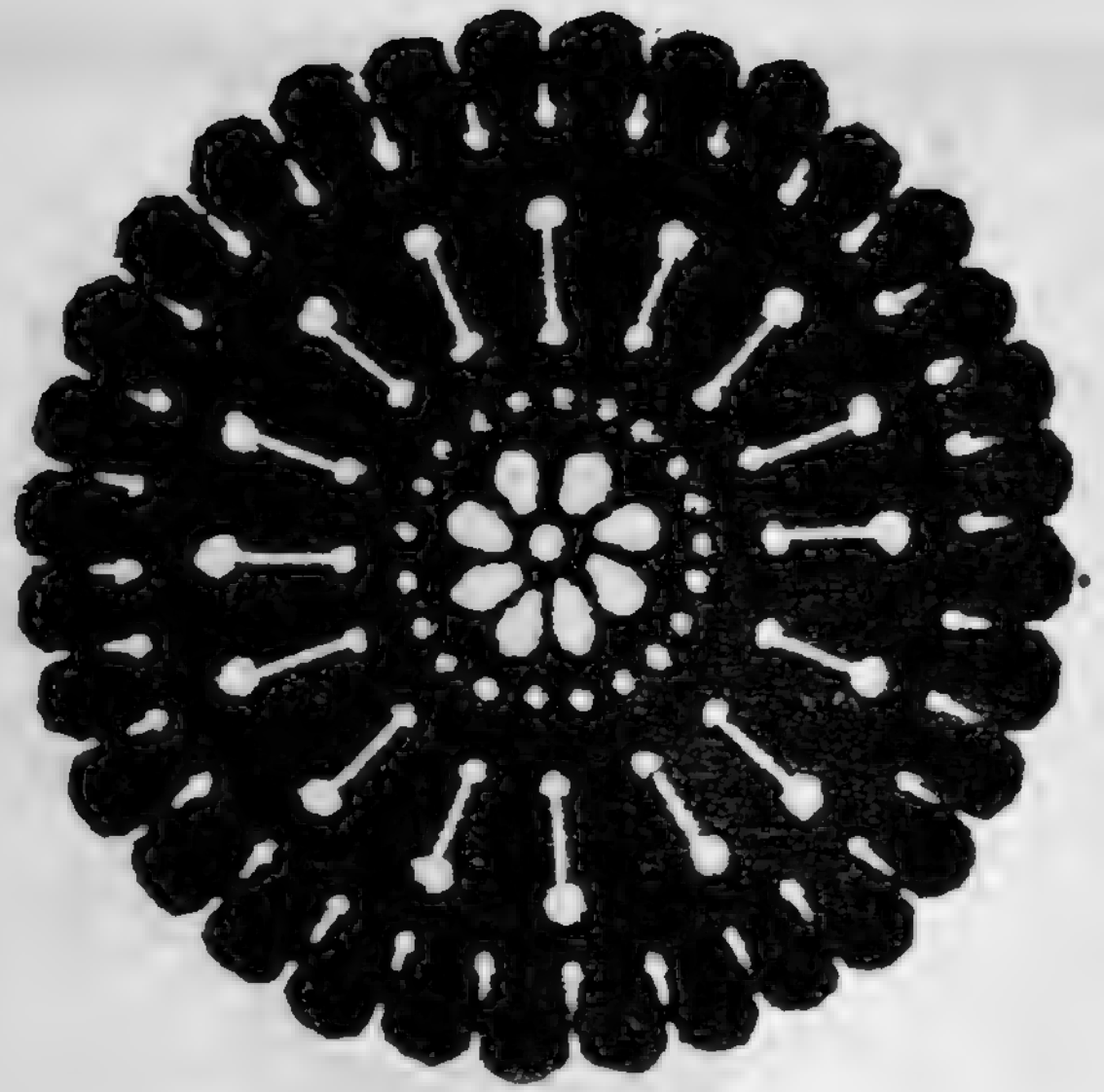


Рис. № 4.

Рис. № 5.

Рис. № 6.

Рис № 7.

Рис. № 9.

Рис. № 10.

Рис. № 11.

Рис. № 12.

Рис. № 13.

Рис. № 14.

Рис. № 15

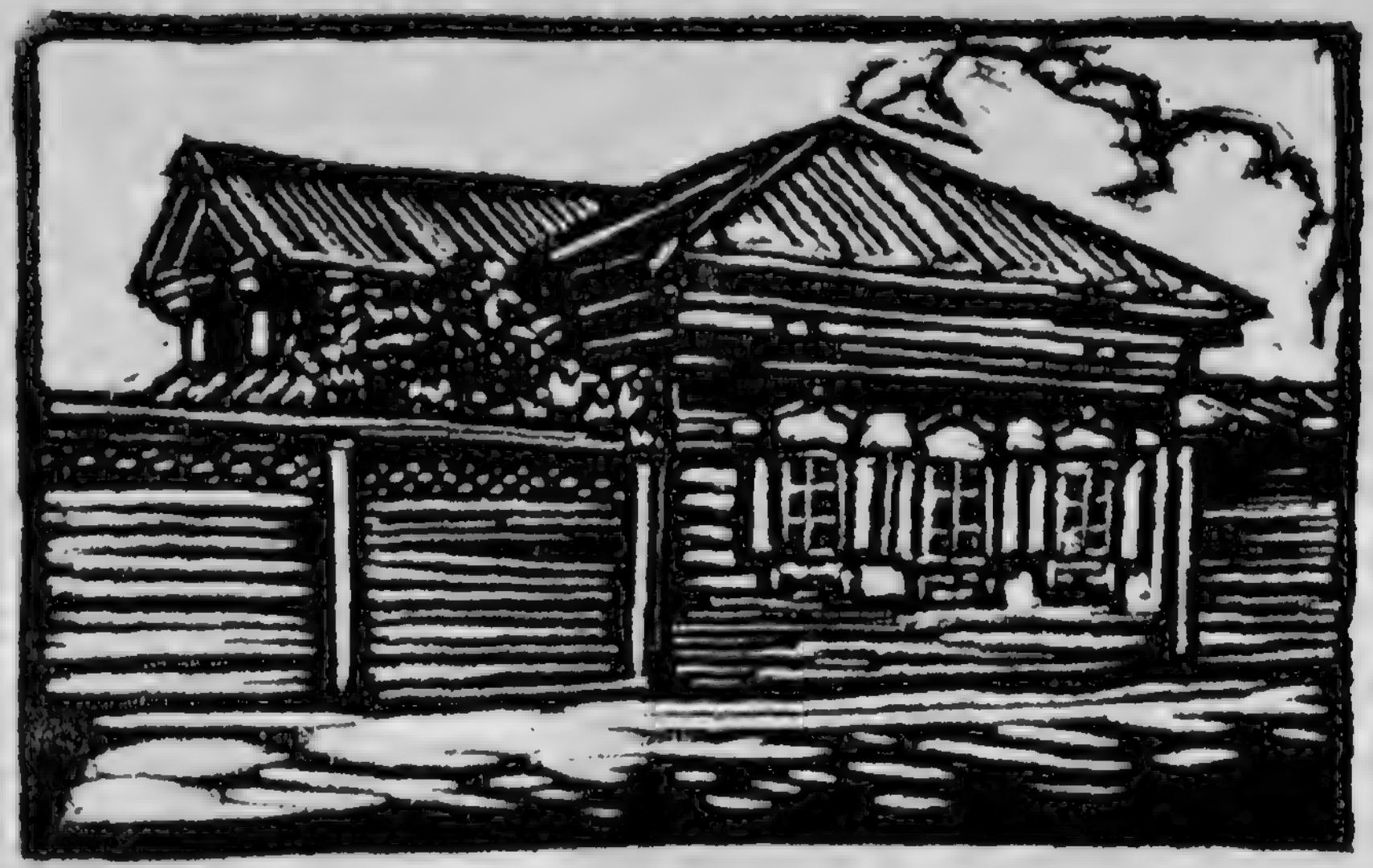


Рис. № 16.

Рис. № 17.

Рис. № 18.

Рис № 19

Рис. № 20.

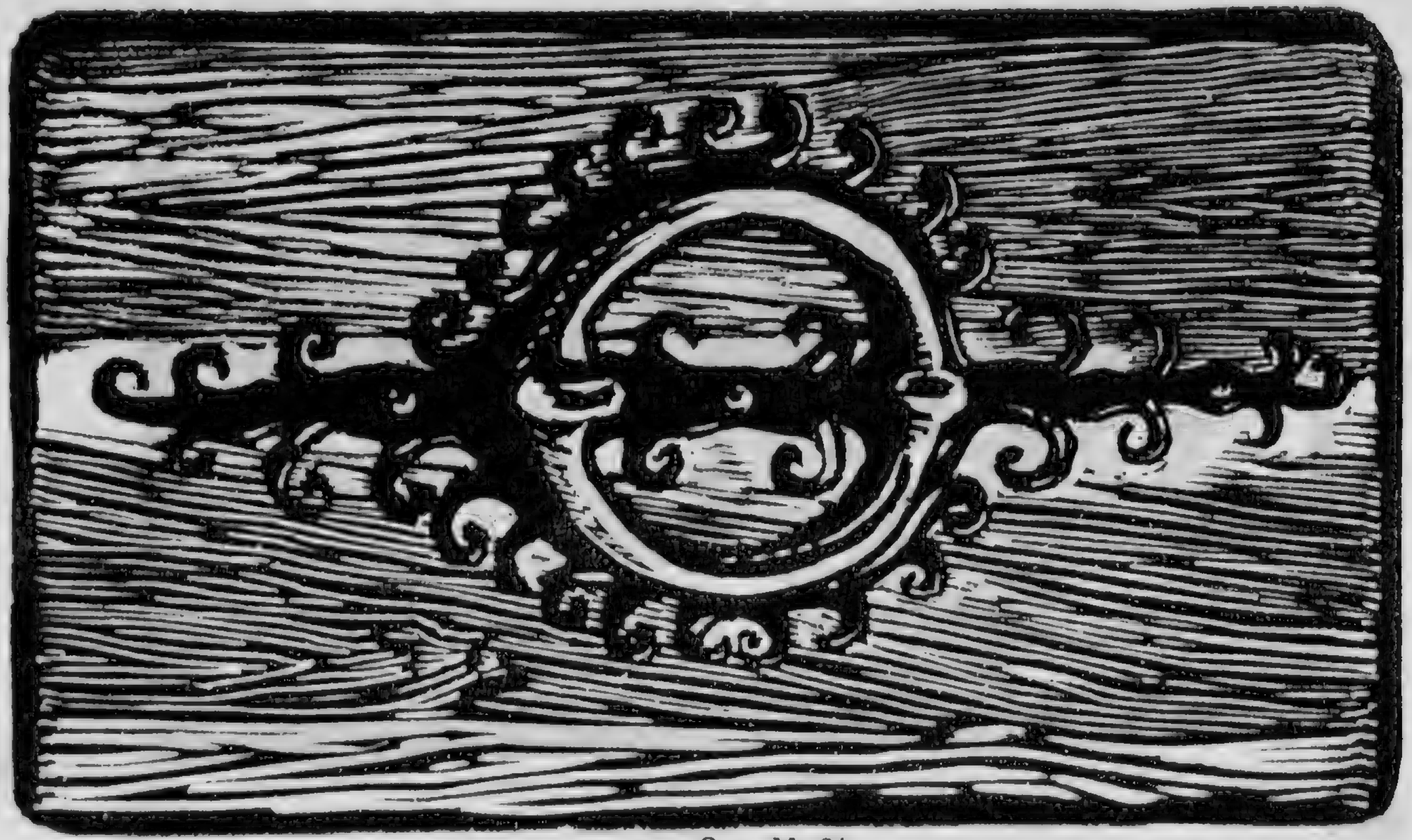


Рис. № 21

Рис. № 22.

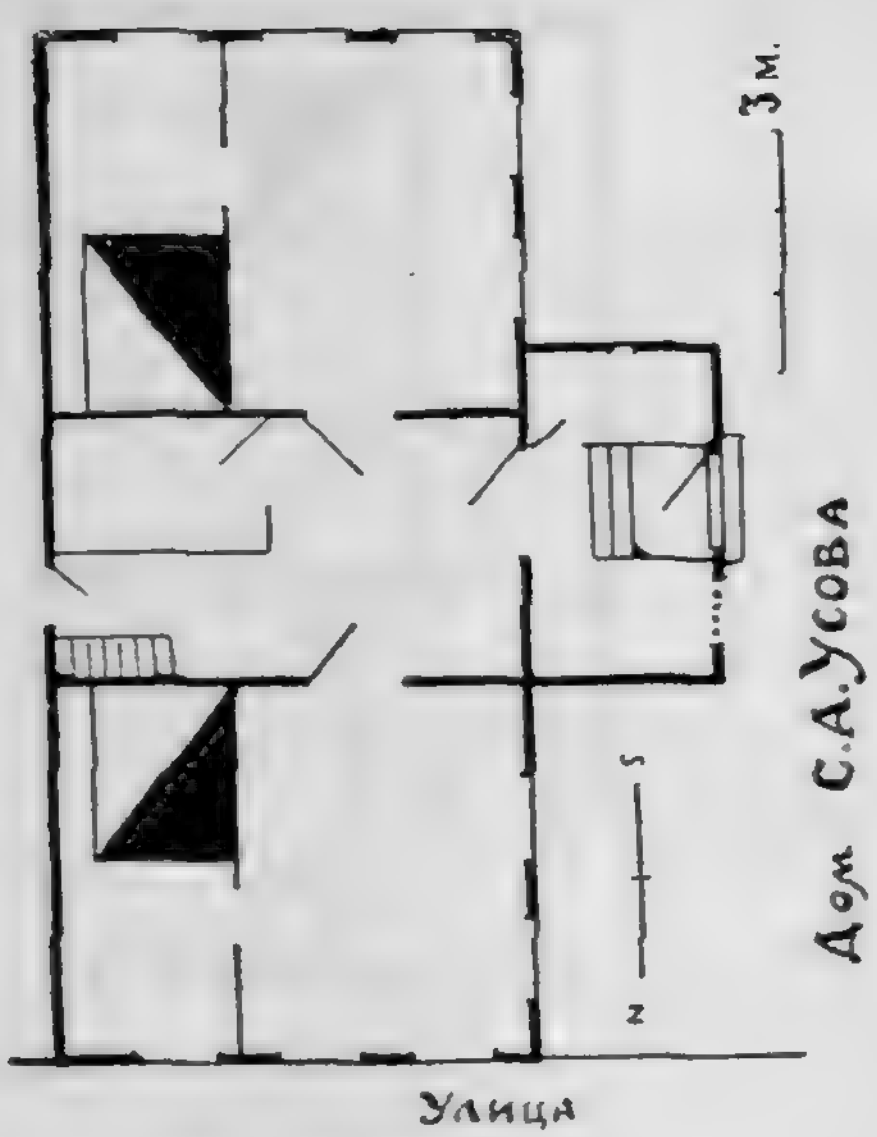

3м.
Дом С.А.Усова
S
N
Улица

Рис. № 23.

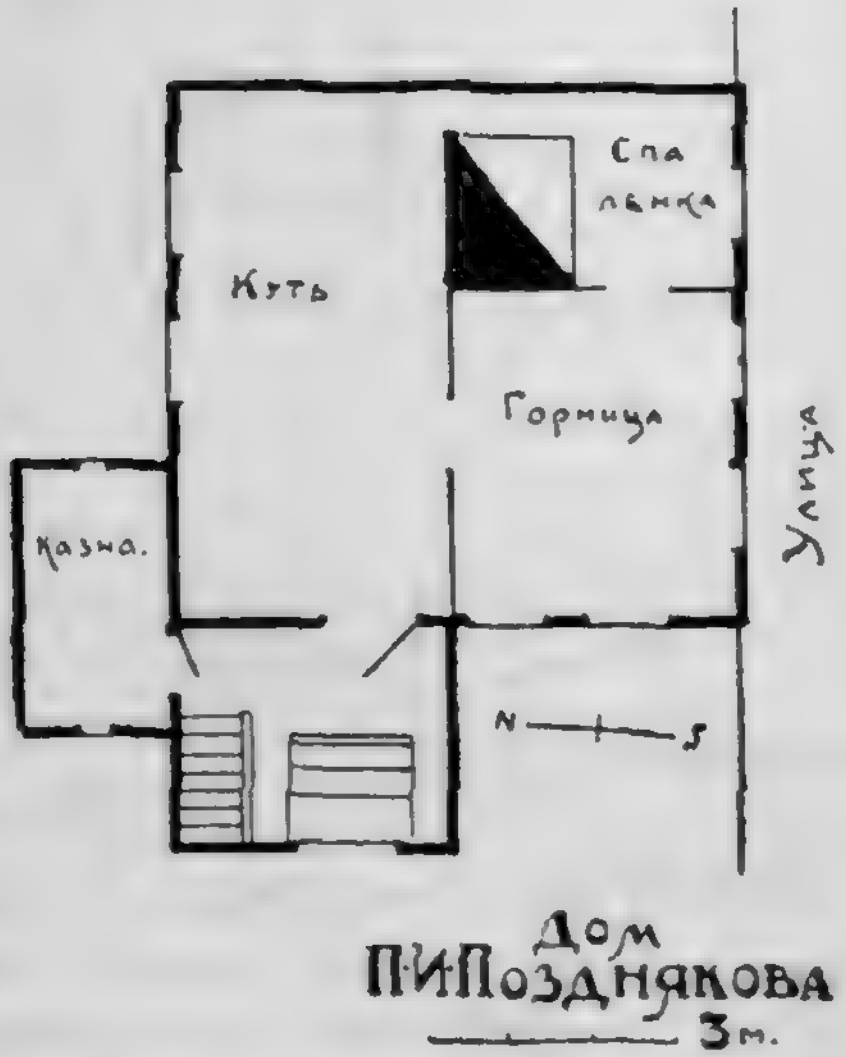
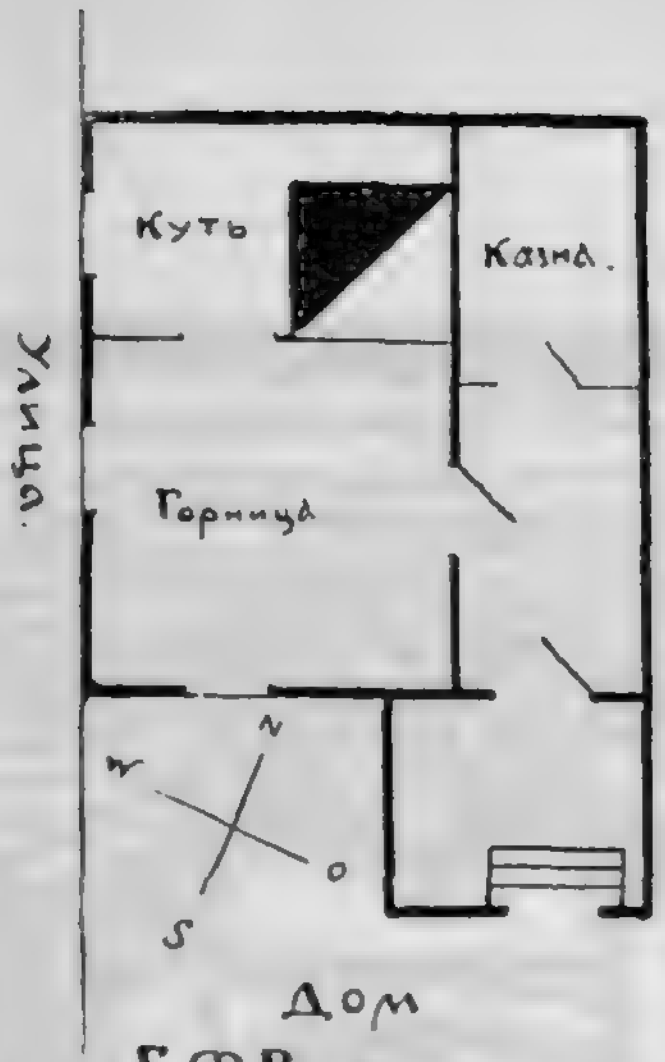

Спа
лёнка
Кухь
Горница
Казна.
Улица
N
S
Дом
П.И.Позднякова
3м.

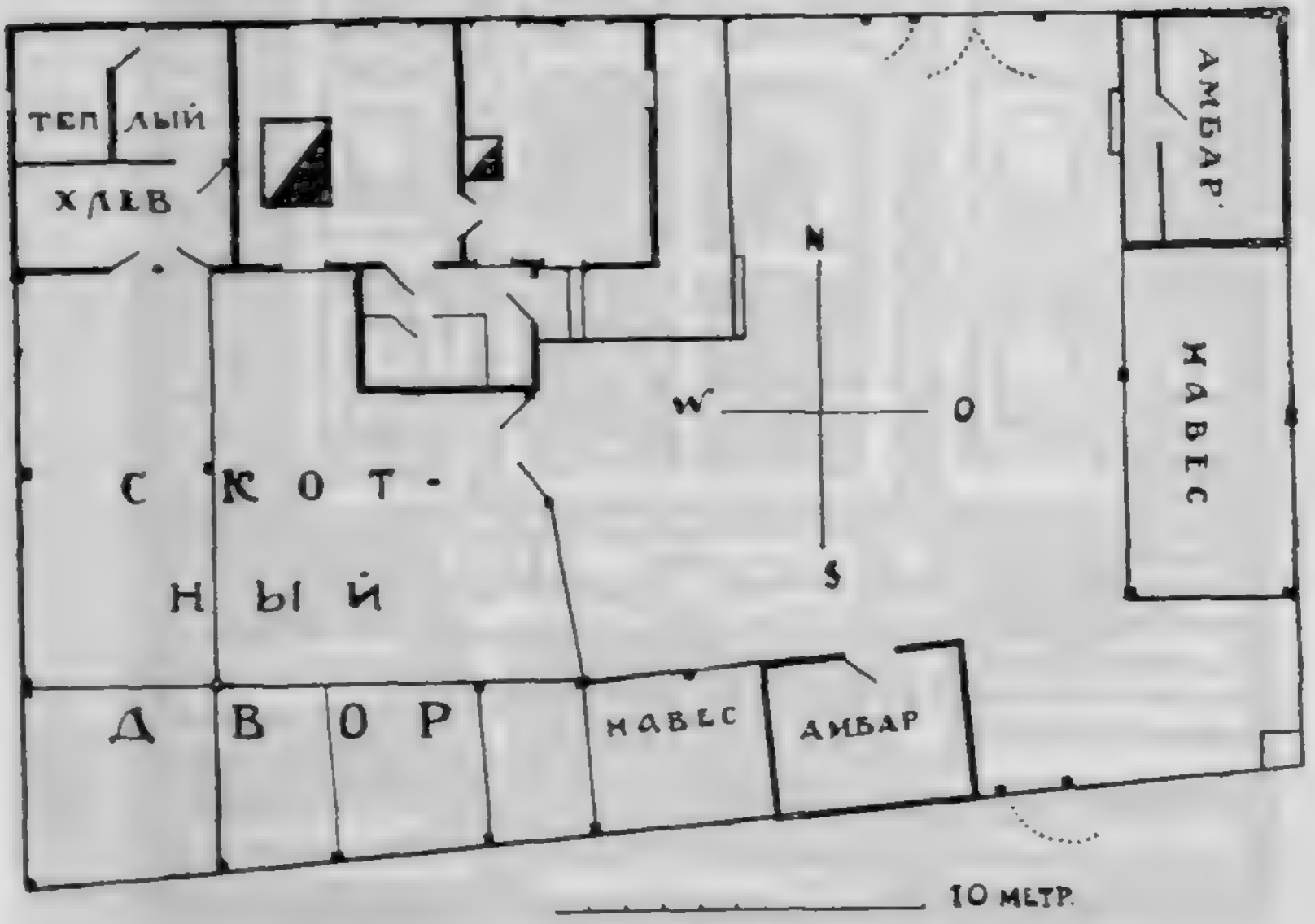
Рис. № 24.



Дом
Г. Ф. Ворошилова
2 м.

Рис. № 25.

Улица



План усадьбы К.П.Выгузова кр. дер. Грановщина. Постр. 1900 - 1917 г.г

Рис. № 26.

Рис. № 27.

Остается только, для интересующегося ростом деревни, сообщить, что Грановщина пристраивалась по десятилетиям в следующих размерах:

с	1828 г.	по 1838 г.	—21	постройка не считая хозяйственных.
с	1838 г.	по 1848 г.	5	„
с	1848 г.	по 1858 г.	6	„
с	1858 г.	по 1868 г.	8	„
с	1868 г.	по 1878 г.	5	„
с	1878 г.	по 1888 г.	21	„
с	1888 г.	по 1898 г.	36	„
с	1898 г.	по 1908 г.	32	„
с	1908 г.	по 1918 г.	17	„
с	1918 г.	по 1928 г.	35	„

Цифры взяты из так называемых подворных описей.

Терминология грановского зодчества проста и общеупотребительна; некоторое исключение представляет следующее:

К у т ь—помещение для изготовления пищи; оно же служит и местом обеда и паужина. Сюда выходит „цело“ печи.

Г о р н и ц а—это так называемое чистое помещение. Служит парадным праздничным нуждам, хотя осенью загружено сортируемыми продуктами огорода.

С т о й к и—столбы, заменяющие фундамент.

М о т н я и м а т и ц а верхняя—балка потолка, матица нижняя—балка пола.

Р я д ы—венцы бревенчатой кладки стен.

О к л а д—первый венец, положенный на стойки или фундамент.

К о н ь к о в ы й р я д—верхний венец, в котором укрепляются стропила.

К а з н а, к а з е н к а—кладовая при доме для ценного имущества.

П о д н а в е с ь я—высокие навесы, под которыми находятся стайки для скота и хлева.

Г л у х о й д в о р - двор, обнесенный высоким забором, который иногда имеет к тому же по верху (так же, как и у ворот) узкую двухскатную крышу, спасающую забор от загнивания.

Г л у х и е в о р о т а—высокие ворота без малейших украшений и отверстий.

С м о л е н а я о г р а д а (черная ограда)—забор, окрашенный смолой.

Колодка—небольшой обрез от толстой доски или горбыля, подкладываемый в разрез столба под стропила.

Щиколда, или щиколотка—дверной запор заложкой.

Перечень иллюстраций.

Рис. №№ 1,2,3 и 4. Мотивы резьбы, украшающей карнизы, верхи наличников, заборов и ворот.

№ 5. Одна из деревянных точеных ваз, украшающих ворота хозяйства П. Позднякова.

№ 6. Амбарушка (с приступенью), к которой прилегает поднавесье. В поднавесье находятся вторые, так называемые „дворовые“ ворота, ведущие в огород.

№ 7. Ворота хозяйства Р. Михеева.

№ 8. Ворота хозяйства П. Позднякова.

№ 9. Крыльцо дома С. Е. Выгузова.

№ 10. Крыльцо дома С. А. Усова со стороны двора.

№ 11. Оно же со стороны моста.

№ 12. Крыльцо дома Г. Ф. Ворошилова.

№ 13. М. С. Ворошилова.

№ 14. П. И. Позднякова.

№ 15. Вышка дома П. П. Гранина, видна тераска крылечка.

№ 16. Общий вид дома П. И. Позднякова. Типичная улич-ная сторона грановского дома.

№ 17. Деталь дома П. И. Позднякова со стороны улицы.

№ 18. Наличник дома М. С. Ворошилова.

№ 19. Русская печь с камельком; вид из спаленки.

№ 20. Поднавесье, с прорезью для шеста, колодезь и переборка, разделяющая пространство под ним.

№ 21. }
№ 22. } Дверные кольца ворот (щиколда с улицы).

№ 23. План дома С. А. Усова (зажиточный).

№ 24. П. И. Позднякова (средняк).

№ 25. Г. Ф. Ворошилова (бедняк).

№ 26. План хозяйства К. П. Выгузова (средняк)

№ 27. Наличник дома П. И. Позднякова.

Георгий Виноградов.

Детские игровые прелюдии.

(Продолжение *)

X.

Термином *считалка* обозначаются далеко не однородные по происхождению, составу и многим внешним признакам словесные произведения. Классификация их должна обнаружить разнородные факты, скрытые в одном общем наименовании; поэтому в основу ее должен быть положен самый заметный и постоянный признак. Наличие большого количества в считалочном репертуаре заумных текстов устраняет возможность в основу классификации класть явления логического порядка (темы, сюжеты, мотивы). Плодотворно воспользоваться можно только тем, что не подлежит рассмотрению с точки зрения голой логики. Едва-ли не единственным твердым основанием классификации остается *словарный состав* описываемых произведений.

Даже поверхностный обзор сколько-нибудь значительного собрания текстов считалок делает очевидными характерные свойства многих произведений, относящихся к рассматриваемому жанру. Нигде, ни в каком другом виде словесных произведений, *названия чисел* так изобильно не присутствуют, как здесь. Количественный и порядковый счет, для всех других видов—внелитературный материал, здесь преображается и, наряду с другим словесным материалом, приобретает иное значение в рамках художественного произведения. Нигде, ни в каком другом жанре, и заумь так не обильна и так разнообразно и расточительно не использована, как в считалках.

Полагая в основу подразделения считалок на категории эти лексические особенности, легко установить три главных группы.

Первую группу составят произведения, оправдывающие название жанра, т. е. содержащие в себе счетные слова („счёт"), или, в другой терминологии, имена числительные—количественные и порядковые. К этой категории слов следует отнести, кроме прямых и озаумленных счетных слов (см. гл. XIV), синонимы или эквиваленты числительных, встречающиеся в тек-

---

*) См. Сиб. Жив. Ст. VII.

стах с „условным“ счетом (см. там же). Произведения этой группы (№№ 65—166)—*считалки-числовки*, или собственно считалки.

Вторую группу образуют *заумные считалки* (№№ 167—225), т. е. стихотворения, целиком или частично сотканные из заумных слов. Отдельные слова некоторых считалок этой группы, воспринимаемые в детской среде как заумные, в действительности, как будет сказано несколько позже (гл. XIV), являются искаженными счетными словами. По этому признаку некоторые тексты могли бы быть отнесены к группе считалок-числовок; но поскольку искаженные числительные часто остаются неузнанными и исполнителями как числительные не рассматриваются, целесообразно их отнести ко второй группе.

Большое количество текстов считалок не содержат в себе ни обычного счета, ни заумных слов, в которых можно было бы подозревать имена числительные. Как говорилось раньше (гл. VI), эти произведения, видимо, позднее вошли в детский репертуар, вытеснив и заменив тексты, содержащие счет. Считалки этой, третьей, группы (№№ 226 и сл.), не зная более удачного обозначения, можно назвать *считалками-заменками*.

Предложенные классификационные рубрики не всегда устойчивы, а их обозначения не бесспорны. Предложенными делениями и их названиями намечается и отводится лишь внешняя граница, отделяющая одну группу произведений от другой; в действительности—несомненно наличие переходов за эту грань с той и с другой стороны.

Распознавание, сравнение и отнесение текстов к той или иной группе иногда встречает много затруднений. Так, не везде, как только что замечено, можно провести межу или грань, отделяющую собственно считалки от считалок заумных. Иногда счет и заумь находятся в теснейшем взаимопереплетении, и тогда их с одинаковым правом можно отнести как к первой группе, так и ко второй. В других случаях очень трудно, подчас невозможно, говорить с определенностью о составляющих текст считалки элементах—в виду того, что заумные слова не содержат в себе никакого критерия для отнесения их к какой-либо грамматической категории; поэтому и ткань из них—„непрочтенная книга“; здесь межи колеблются в зависимости от разных обстоятельств: в одних случаях в тексте можно видеть заумь в то время, как там—только неузнанное общеупотребительное слово (см. гл. XV), в других случаях слова могут оказаться заумными для одной местности или для одного детского сообщества в то время, как для другого общества детей эти же сочетания звуков используются и воспринимаются, как

слова, несущие в себе логическое содержание. Польская или еврейская считалка в детской среде, владеющей польским или еврейским языком, менее заумна или вовсе лишена элементов зауми; войдя в состав считалок русских детей, она воспринимается и используется как заумная. То же надо сказать о французском тексте считалки: для воспитанниц института она не является заумной; для иной детской среды, включившей этот текст в свой репертуар, она заумна.

Эти примеры показывают, как в иных случаях шатки, непостоянны, не повсеместны грани, обособляющие не только группы близких по составу и содержанию словесных произведений, но и группы, казалось бы отчетливо отмежеванные одна от другой.

Недоуясненность в отдельных случаях сказывается, в частности, и при определении граней, отделяющих вторую группу считалок от третьей: для одного детского сообщества это—считалка-заменка, для другого она—от начала до конца—заумная.

Многие считалки-заменки включают в себя количественно незначительные элементы зауми (№№ 226, 227, 230, 233, 254, 260, 297 и мн. др.); это создает новую разновидность считалки и затрудняет определение ее места в пределах общей классификации; иногда, наоборот, из традиционной считалки отделяется и имеет невозбранное хождение, самостоятельное существование эпическая часть, освобожденная от счета и от зауми (№№ 313, 387, 413); образующийся таким путем текст меняет свое положение в классификационных подразделениях.

Намеченные здесь подразделения дают представление только о больших отделах и группах; в границах каждой из них легко намечаются новые ветви и новые, более дробные деления. Среди считалок-заменок выделяются повествовательные, описательные, диалогические, лирические. Во всех группах встречаются в текстах различия в отношении объема: кроме многостишных *считалок*, надо различать одностишные и двустишные *считалочки*.

Произведения, входящие в очерченные здесь группы, весьма разнообразны и в отношении других признаков, прежде всего в отношении формы и построения.

XI.

Назначением считалки определяется в известной мере ее объем. Поскольку она не имеет самостоятельного значения, самостоятельной функции повествования или описания, а выполняет подготовительную, служебную роль, она не должна занимать в игре много места и отнимать у играющих много

времени. В своем месте (гл. VIII) говорилось, что при малом количестве участников игры используются малые тексты—считалочки. Но и считалки, исполняемые при большом числе играющих, ограничены в объеме: обычный объем считалки 6—12 стихов; лишь в редких случаях она достигает более 20 стихов.

В большей части случаев считалки при малом их объеме представляют собою произведения слабо расчлененные; однако известно не мало текстов полного развития, которые, несмотря на свой сравнительно малый объем, являются стройными, законченными произведениями. Такая считалка полного развития имеет начин, ход и выход, или концовку.

Начин выражается обычно а) счетом, или б) заумным стихом или в) обращением.

а. Раз, два, три, четыре
мы сидели на точиле... [и т. д.]

См. №№ 66—73, 78—82 и др.

б. Энэ, бэнэ, раба,
цвинтер, квинтер, жаба.
Жаба прыгала, скакала... [и т. д.]

См. №№ 234, 237, 252, 254-а, 270, 273 и др.

в. Сани, Мани,
что под нами [и. т. д.]

См. №№ 253, варианты первого стиха; 253-б, и, л.

Ход, т. е. часть считалки, соединяющая начало и концовку и цепляющаяся за начин рифмою, бывает нескольких видов. Чаще всего это—бессюжетное произведение (№№ 78. 98 и др.); но нередко можно говорить о считалках (или их частях) сюжетных и о *фабуле* в считалке, как о ряде последовательных моментов, связанных в одно художественное целое. В таких случаях ход представляет собою эпическую (повествовательную—№№ 66. 67 и мн. др. или описательную—№№ 114, 300, 305) или драматическую (№№ 269, 273, 307, 309) часть произведения. Иногда эта часть эмансипируется и живет в качестве самостоятельной считалки (№№ 371, 407 и др.).

Обыкновенно через рифму же срастается с ходом и заключительная часть считалки—выход.

Выход или концовка, как особая часть произведения, имеется не в каждой считалке, но он наблюдается весьма не редко.

Наиболее обычны такие концовки—формулы „выхода“:

Ты свободный, выходи.
Поди вон, пирожок (королек).
Радион, выйди вон.
Вышел ты.
Ну, выходи.
Вон пошел.
Вон, толстяк.
С места долой.
Убирайся ты совсем.
Ну-ка, Мишенька, води (веди)

Есть и другие; см. №№ 272-д, 272-к, 272-м.

Выход можно свести к нескольким типам:

1) Обращение:

Ну-ка, Мишенька, води...
Радион, выйди вон...

2) Сентенция:

Мальчик девочке слуга...
Кто слушал, тот дурак.

3) Вопрос:

Что угодно для души?
Сколько гвоздей на починку ушло?

4) Отгадка:

Это, верно, ты.
Это, значит, ты...

Выход-отгадка (концовка-отгадка) иной раз встречается в развернутом виде:

Это, верно, ты;
это ты опять;
это, значит, ты совсем...

Если трехчастная считалка не имеет концовки, то последние стихи текста иногда отличаются особенной эмоциональной окраской: обычно в них или безобидная, веселая шутка или укрощенная издевка, прикрытая формой как бы невзначай брошенной остроты или насмешки, которая лишь случайно—вместе с жребием—может достаться определенному лицу (см. стр. 18—19); своим содержанием она вызывает в слушателях ряд неотчетливых, но разнообразных и по-своему волнующих пред-

ставлений, способных вызвать неожиданным оборотом общий смех и чувство досады или маленькой обиды у одного из играющих. Если сообщение о том, что продается пирог—

с луком, с перцем,
с собачьим сердцем (254-б.),

может только повеселить ребят, то, конечно, другой оттенок в настроении создается, когда кто-либо из считающихся без всякого с его стороны повода получает название: стара баба, свинья, дурак и т. п. (№№ 252, 253-р,253-с, 254-в. 255).

Во множестве встречаются тексты двучленные, состоящие из начина и выхода или лишенные начина.

В сюжетных считалках описания встречаются сравнительно редко; обычно наблюдается повествование.

Описания обыкновенно состоят из однословных характеристик и лаконичных перечислений („полтораста рублей сани, двадцать пять рублей дуга"... и т. п.). Повествования обильны головокружительно быстрым перебором действий — редко одного, обычно многих—лиц и предметов („все ухваты взбунтовались, кочерга пошла плясать"... и т. п.).

В отдельных случаях в текстах этой группы нет сюжета в смысле наличия законченного, хотя бы и миниатюрного, рассказа или развернутого, хотя бы и кратко, драматического действия; тогда перед нами—ассоциативное нанизывание отдельных тематических звеньев, которые воспринимаются, если не как разобщенные, то как логически не связанные, понятным образом не мотивированные (№№ 128, 130, 133, 255 и др.).

Повествовательная или описательная часть текста редко достигает значительного объема, что и понятно: она не требует особой разработки, потому что смысл и значение произведения не в ней, а в „выходе".

В отношении состава и построения сюжетных считалок или частей произведений надо сказать, что в одних случаях это—ничем ненарушаемая стихотворная речь (считалки-заменки), в других произведение или его часть состоит из чередующихся стихов счета и основной ткани текста (№№ 86 - 88, 151 и т. п.); иногда она состоит из причудливого сплетения зауми и трезвой речи (№№ 243, 249 и мн. др.).

Перевивая основную ткань текста,—подобно яркой ленте, вплетенной в девичью косу,—дважды или многократно пробегающие по ней счет или заумь дают лексические повторения, в которых выявляется музыкальная стихия жанра, объединяют словесные массы в некоторую совокупность, сцепляют отдельные части в стройное единство. При этом—сказать попутно—

получается нарушение *единства лексического материала и единства интонации.*

По лексическим повторениям, как по ступенькам, часто развертываются считалки, построенные в диалогической форме:

Цынцы-брынцы ты куда?
Цынцы-брынцы на базар...

Заумь здесь—не только украшение, и стремление к нему не всегда бесцельно: украшения иногда служат композиционным задачам. У детей нередко ощущается надобность в перестройке прозаических текстов в стихотворное произведение.

Чтобы заставит прозаический текст звучать подобно стихотворению, нужно—по требованиям детской поэтики—в готовую словесную ткань ввести несколько стройных звуков или рядов их и заставить их возвращаться через правильные промежутки времени. Влитые и затем то и дело возвращающиеся одни и те же словообразные сочетания звуков (чики-брики и т. п.) создают впечатление стройной рифмы, намечающей паузы и разделяющей сплошную речь на части. Это придает другой строй и новый характер исполняемому словесному произведению.

Прозаический диалог звучал бы так:

— Ты куда?
— На базар.
— Зачем?
— За овсом.
— Кому?
— Коню.

Перестроенный, он звучит мерно, как стих:

Чики-брики—ты куда?
Чики-брики—на базар.
Чики-брики—ты зачем?
Чики-брики—за овсом.
Чики-брики—ты кому?
Чики-брики—я коню [и т. д.]

См. №№ 243, 249, 250, 279, 317, 346, 346-а и др.

Диалог в преображенной форме, не утрачивая быстроты движения, приобретает новые качества. Видимо, в распределении зауми и другого словесного материала, составляющего основу считалочной ткани, также обнаруживается мастерство ребенка-художника в области композиции. Малое количество заумных слов в большом тексте тонет, и значение их приглу-

шается, затеривается, как незначительный по размерам узор на обширной поверхности. Чрезвычайно большое количество заумных слов затирает основную ткань считалки, силясь закрыть ее полностью. Самая удачная из этого типа считалок будет та, где оба элемента—и заумь и вязь полных слов—сливаются в необходимом взаимодействии гармонично. Мастер, не давая осилить ни тому ни другому, держит в напряжении оба элемента.

Подобно зауми, перевивающей основную ткань рассматриваемых словесных произведений, применяются имена числительные. В произведениях, относящихся к собственно считалкам, наблюдается несколько приемов использования слов этой категории.

В некоторых случаях они образуют начин считалки:

Раз, два, три, четыре—
меня грамоте учили [и т. д.]

Весьма часто они составляют первый стих компонентов, входящих в состав большого текста считалки и образующих в нем ритмические ряды; ритмический ряд начинается а) одним и тем же стихом, т. е. счетом, в каждом ряде возвращающимся к началу, или б) счетными словами, бесперебойно идущими от компонента к компоненту, как из ступени в ступень.

а) Раз, два, три—
это, верно, ты.
Раз, два, три, четыре, пять—
это, верно, ты опять.
Раз, два, три четыре, пять, шесть, семь—
это, значит, ты совсем.

б) Раз, два—кружева,
три, четыре—прицепили,
пять, шесть—кашу есть...

В описанных случаях комбинирования основной ткани текста с заумью или именами числительными всему произведению сообщается своеобразный и стойкий характер, основанный на единстве общего впечатления.

То же наблюдаем и в случаях кольцевого построения считалки, когда стих из счетных или заумных слов, начинающий произведение, повторяется в замыкании (№№ 68-в, 314).

О бок с этим наблюдается иногда прием комбинирования слов или сочетания их из разных произведений Во многих жанрах детского фольклора можно отметить наличие наиболее часто встречающихся (может быть наиболее удачных или

самых любимых) стихов и групп их; они встречаются в детских потешках, в издевках, во многих считалочных текстах и представляют собою в детском творчестве как бы „общие места“; как часто встречающийся пример, можно указать отрывок:

На печи калачи
как огонь горячи...

Он входит в состав многих словесных произведений различных жанров [78], встречается и в считалках.

Соединение отрывков в разных комбинациях и с разными степенями уменья дает новые тексты и большое количество вариантов. Возникшие разновременно и пришедшие из разных мест и разных источников, такие „отрезки“ или „куски“, вступая в новые соединения, дают новый сплав.

То же происходит в пределах одного жанра. Во многих считалках—о том уже было упоминание—можно наблюдать, как отдельные части разных текстов, живущие самостоятельно и порознь, сплетаются воедино и дают новые образования, новые тексты и их вариации. Некоторые считалки можно рассматривать, как сводные из двух или даже из трех текстов, или из двух, трех частей разных считалок (№№ 150—154, 337—346). Сращивание нескольких частей производится в одних случаях по незнанию текстов, в других—сознательно. Иногда основной (твердый) текст—в меру уменья исполнителей или надобности—разрастается путем придатка, прибавляемого в целях *удлинения* считалки, вызываемого, если не плохим знанием, то большим количеством считающихся (см. гл. VIII, стр. 36—37).

В композиционном отношении такие тексты редко бывают интересны. В них темы и образы движутся, как сказано, по путям случайных ассоциаций, а не в логическом плане. В виду того, что сказано о характере и назначении считалок, алогизм тем и образов и их сочетаний надо признать естественным, но беспланность, случайный выбор словесного и смыслового материала делают такой текст считалки неясным по построению, смутным по содержанию—логическому и даже эмоциональному. В некоторых случаях в таких произведениях мы имеем дело или с непонятым и потому искаженным текстом или с текстом полузабытым. Когда же при соединении разных отрывков получается удачный подбор и счастливое соединение их, образуется законченное, цельное художественное произведение. Иногда это не удается или удается в малой мере, и тогда улавливается утеря равновесия между элементами, составляющими ткань считалки, или вялость в сплетении разных элементов, или отсутствие связи между ними.

Впрочем, резкое нарушение связи и соответствий частей, внося разнообразие и как бы обновление в размер и ритм, не всегда отражается неблагоприятно на комбинированном из разнородных частей произведении. Некоторая бессвязность частей произведения гармонирует с бессвязностью изображения хода событий или перечисления явлений в повествовательных или описательных считалках.

Часто отдельные элементы разработанных текстов соединяются, если не смысловой связью и не путем перевивания обычной вязи слов или словами мало употребительных или совершенно неупотребительных в обыденной речи категорий (числительные, заумь), то через примыкание, или так называемый стык: повторяющиеся лексические элементы находятся в конце одного и в начале следующего ряда, в конце одной и в начале следующей части; например:

. . . раба,
квинтер, минтер, *жаба.*
Жаба прыгала, скакала... (№ 331)

. . . одиннадцать, двенадцать—
на улице *бранятся.*
О чем они *бранятся*?.. (№ 87-в, ж)

. . . двадцать пять рублей дуга,
мальчик девочке *слуга*
Ты, *слуга*, подай карету... (№ 74-б)

Повторяющиеся лексические элементы не имеют никакой иной функции, как только служить репликой для механического присоединения к тексту новой части, органически с ним не связанной. Лучшей иллюстрацией этого наблюдения может служить пример:

Царь велел его *повесить.*
А он *весил* пудов десять... (№ 71).

Функции различных лексических элементов в считалке несколько необычны по сравнению с тем, что можно наблюдать в фольклоре взрослых. И сама лексика детского фольклора, в особенности лексика считалок в своем составе имеет элементы, с которыми мы не встречаемся в поэтическом языке взрослых.

XII.

Лексика считалок определяется многими и при том разнородными условиями. В первую очередь надо указать тематическое богатство и обилие мотивов рассматриваемого жанра

детского фольклора: бунт на кухне, пропажа шапки, дележ сарафана, зов фабричного гудка, подозрительное поведение члена компании, поломка колеса, искалечение, приглашение доктора, обращение за советом... Темы захватываются жадно, хотя редко до конца разрабатываются. Отсюда—разнообразие в составе лексики, большое количество разнородных групп слов—с одной стороны, и с другой—малое количество слов, относящихся к каждой группе.

Как уже не раз здесь замечено, в значительной части лексика определяется специальным назначением считалки-гадалки, обуславливающим наличие зауми. Некоторые соображения о происхождении этого жанра (см. гл. IV) подсказывают мысль о разносоставности лексики считалок. Разными причинами, из которых не последнее место занимает возникновение текстов из потребностей школьного обучения, объясняется введение в словарный состав считалок имен числительных и славянских названий букв русского алфавита.

Здесь имеется в наличии не одна поэтическая традиция—устнонародная и книжная. Старые и новые книжные влияния, идущие из разных источников, элементы разговорного народного языка с его особенностями, элементы прозаической деловой речи, детское отношение к слову и проявления детского словотворчества,—все это обусловило разноприродность элементов, дающих в своей совокупности лексический состав произведений описываемого жанра.

Лексика отражает преимущественно то, что окружает, находится в горизонте зрения: только творчество в этой черте—радостно. Называть окружающее, видимое, чувствуемое, подозреваемое как существующее, описывать его, рассказывать о нем, устанавливать его наличие,—значит соприкасаться с окружающим, приобщаться ему, входить в него, в известных пределах повелевать им. Повеление заочное не дает настоящей радости. Видимо, поэтому содержание и объем словаря редко переходят границы зримого горизонта.

Одною из характерных черт лексического состава считалок приходится считать бедность отвлеченного элемента, почти полное отсутствие абстрактных понятий и их словесных обозначений. Изредка используются слова, обозначающие психические состояния человека (осердился, испугался и т. п.), зато слова, обозначающие явления природы и в частности—названия представителей зеленого царства встречаются изобильно: лес, лесик, лес дубовый, лес дубровый, лесинка (дерево), сосна, березка, ива, клен, елка, яблонька, дуб; куст, калина, малина, ягодка-малиновка, смородина, виноград; лимон, тростник,цветы, мак, роза, розочка,

ландыш, незабудка, лилия, фиалка, анютины глазки; трава, травка, лебеда, осочка; черемшиночка, конопелька, огурéчик, помидоры, арбуз, дыня, чеснок, лук, свекла, морковь, картошка, редька; рожь, пшеница, овес,—не менее полусотни слов. Еще больше (около восьми десятков) встречается слов—названий животных: зверь, мышь, мышка, осел, поросята, свинья, свинка, чушка, боров, заяц, зайчик, заинька, собака, кобель, сучка, жучка, барбосик, баран, корова, бык, овечка, ярка (овечка), коты, котики, кисанька, медведь, козел, коза, иманцы, волк горностаюшка, лисичка, конь, лошадь, птицы, птички, гуськи, гуси, сова, утка, селезень, кукушка, галки, галочки, голубь, сокóл, глухарь, лебеди, тетерька, коростель, филин, чайка, ворон, орел, кулик, индюк, куры, воробей, курица, петух, кочеток, чижик; из насекомых названы: вошь, мухи, мушки. комар, стрекоза, таракан, жук, паук, крестовик. Встречаются также: пиявица, черви, рак, жаба, лягушка; из рыб—только чебак, карась, золотая рыбка.

Примечательно, что названия рыб в таком богато представленном произведениями жанре встречаются в очень незначительном числе. Живущие на виду твари более знакомы, с ними устанавливаются короткие отношения. В моменты высоких настроений они вспоминаются как существа близкие. Жители темной стихии менее известны—и с ними нет близкого общения, в моменты подъема настроения о них почти не вспоминают.

Возможно, что такое отношение к двум мирам наследуется: как сказано (гл. IV), многое пришло в считалку из поэзии пестования, а в произведениях материнской поэзии речь обычно идет о легко видимых и в любой момент конкретно представляемых в живой обстановке персонажах; представители рыбьего царства сюда не относятся. Кажется, и вообще народное поэтическое творчество не очень жалует своим вниманием темный подводный мир с его молчаливым населением.

Очень редко встречаются слова для называния звуков и их качеств. Нельзя сказать, что область звуков осталась за пределами детского внимания, но результаты наблюдений в этой области отлились в воспроизведение звуков, а не в называние их. Отсюда—обилие междометий в текстах считалок. Детская речь вообще эмоциональна; детской художественной речи эта черта присуща еще в большей степени; поэтому нет ничего удивительного в том, что междометия, будучи знаками чувствований, а не представлений, встречаются здесь в большом кóличестве. Из сочетаний звуков речи, выражающих ощущения или чувства, часто встречаются: ай, ах, ой, ой-ой, ой-ой-ой, ох, эх. Встречаются в текстах междометия,

как бесформенные слова обращения: цып, цыть, чу-чу, усь, тпру, чух-рюх, ну, вон; иногда они употребляются в соединении с другими словами и частицами: ну-ка, ну-кось, тпру-ко, тпру-ну, тпру-ка, тпру-стой, чур-так.

Среди междометий немногие представляют собою подражания животным: ку-ку, чух-рюх, кукуреку, тпру; есть несколько других. Большая часть междометий—подражание звукам, издаваемым „неживыми" предметами. Одни из них встречаются в повторениях: бом-бом, бух-бух, туру-туру, та-та-та, ту-ту-ту; другие—в соединениях: ай-дуду, ой-ду-ду-дуду, бах-бух, пик-пак, пик-пок, пиф-паф, пих-пах, пуф-паф, тилинь-бом; некоторые—в повторениях и соединениях: дзинь-дзинь-передзинь, дили-дили-дили-дон, тили-тили-бом и т. п.

Говоря об обозначении звуков, любопытно отметить, что свист привлек особое внимание детей (ср. свистель-коростель, крестик-свистик, свистенька-растенька[79] и т. п.), но названия этого звука тексты не содержат.

Очень мало слов для обозначения запахов и вкусовых ощущений: вонючий, кислый, сладкий. Заметно больше слов, обозначающих цвета и краски: белый, бурый, голубой, зеленый, красный, серый, синий, черный; сюда можно прибавить: вороной, русый, рыжий.

Разнообразны слова, обозначающие предметы обстановки и быта; они находятся в связи с тематическим составом рассматриваемого жанра. Обращают на себя внимание названия предметов обихода: ленты, кружева, ботинки, батисты, санки, дуга, метла... Можно заметить слова, известные в детской школьной среде: а, бе... ер, еры, ерь, ять. Встречаются и диалектизмы: иманья шерсть, по-иманьи, туязок, пятры (пятерки), силименка, срюнь, срюня и пр. Приметна группа слов, созданных детьми под влиянием их вкуса, по подсказу ритма и рифм: тя́нка (то, что́ тянут), катенчик (то, что катится), го́ни (гнать: „кони нечем гони"), пёк (пакарь: „Март Иваныч блинный пек") и мн. др. (см. гл. XIII).

Вошел в считалку и лексический запас церковно-терминологического характера, напр., слова: церква, икона, крест, панафида, святая неделя, владыка, архирей, поп, попадья, попо́вна, дьякон, дьяко́вна, дьячек, пономарь, жидовский поп, ксенз и некоторые др.

Из области мифологических представлений вошли слова: бес, бог, божья роса, ведьма, русалка райская птица, царство небесное, чорт, чертёнки; бука и гномы—в новых считалках „книжного" происхождения.

В неменьшем количестве дают считалки словарный материал иного порядка—вульгаризмы: стара баба, дурак, со-

бака (обращения к человеку), рожа („дам тебе по роже"), морда („тебе же в морду брошу"), пуза („хлоп по пузе кулаком"), шиш („шиш поднес"), „по шеям", подери его горой" (пожелание), осел; „убирайся к черту вон", вонючий, пузатый, вшивый, паршивый, сукин сын и некот. др. Rustica представлена весьма небольшим количеством (во всех известных мне текстах менее десятка) „нелексиконных существительных" (выражение Достоевского) и таких же глаголов.

О новых явлениях в языке считалок сказано уже в другом месте (гл. IV, с. 22). Время делает новые посевы слов, но и старые не искореняются; отсюда наличие в считалках, наряду с словами нового образования, архаизмов: аминь, ради, злато; старые названия букв—аз, буки, ер, еры, ять; здесь же можно перечислить старые слова обозначения отживших явлений („переживаний"): алтын, боярыня, бояре, боярский, воевода, владыка, дьяк, ермаки, пан, панья, посадский, посадская жена, серебрянник, тиун, убогий дом (Ефименко с. 156, Попов, с. 342.)

Особое место в лексике считалок занимают географические и этнографические названия. Из географических названий реже всего упоминаются реки (Волга, Дон, Клязьма); из городов известны: Вышний Волчёк, Ленинград и Петербург, Новгород, Рязань („во Рязанцы"), Торжок, Кантон, Пекин, Шанхай; из стран и областей упоминаются: Кавказ, Китай, Расея, Русь (в выражениях: „на божьей Русе", „по божьим Русям"), Туруханье; есть и другие.

Этнографические обозначения встречаются в большем числе: братский (бурят), грек („грека"), евреечка, жидовочка, жид, кацап, китаец, китай (вм. китаец), кореец, мордва, немец, татарин, татарка, турок, хохол, цыганы, японец, японка; по-татарски, по-турецки.

Встречающиеся в считалках собственные имена и фамилии бывают двух родов; одни—непостоянные, подставные: вместо одного можно без ущерба для стиха употребить всякое другое (Ну-ка, Мишенька, води" и др.), другие—неизменные, вошедшие в употребление по требованию меры и рифмы и ими удерживаемые: Радион №№ 72, 124-а), Лаперуза, Вируза (№ 267), Жураватор (№ 221), жена Куликова (№ 133), Протасын (271). Топтыгин (№ 324), Дарья или Оксенья Быкова (№№ 133, 134, 153; Шейн, с. 40, №№ 233 и 234); утка-Праскутка (Прасковья), селезень-Гаврюшка (Шейн, № 233), пономарь Цветков, Гурьёв, Лудьёв, Ульёв, Курьёв, Юрьёв (№ 135; Шейн, № 233, Покровский, с. 55). В зависимости от пристрастия к тем или иным темам используемых стихотворений-считалок, можно различать лексику девочек (ленты, кружева и т. п.)

и лексику мальчиков (конь, овес, сбруя и пр.); это—главным образом слова из категории именной.

В процессе овладения этим наследуемым запасом слов и форм их использования детские сообщества стремятся по-своему распорядиться получаемым лексическим богатством.

XIII.

Ломая слова, подчиняя их своей воле. своему вкусу или капризу, своим нуждам, ребята производят бесчисленные эксперименты с формами слов и приемами образования их, размещения их в пределах фразы, постановки ударения, устранения или изменения смысла (озаумление, перенесение в новую категорию) и пр. Результаты этих экспериментов очень трудно, если вообще возможно, систематизировать.

Малый ли запас унаследованных слов, недостаточная ли сжатость и кованность слов обиходного языка, специфические ли особенности детской психики и детского быта, другие ли какие-нибудь причины побуждают детей к словотворчеству, -несомненно одно: язык детского фольклора дает обилие примеров, обнаруживающих у детей стремление к созданию „новых" слов или чаще—приданию нового облика ходячим словам. Это стремление проявляется с поразительной неустанностью и настойчивостью. Опасения образовать что-нибудь неуклюжее. нескладное, грубое—незнакомы. Впрочем, подчиняясь своим эстетическим вкусам, ребята в своих опытах не отступают от законов русского словообразования.

Больше всего подвергаются экспериментированию *имена существительные.*

В них изменяются как грамматическая форма, так -нередко--и смысловая сторона. При изменениях слова рождаются разные оттенки—то сразу останавливающие на себе внимание, то едва уловимые. В большей части случаев мы имеем дело с образованием ласкательных и уменьшительных форм через обычное или необычное использование суффиксов. Некоторые существительные переходят из одного рода—обычно женского—в другой—мужеский через суффиксы о к и ч и к, которые осознаются как признак мужеского рода; тогда имеем: к у к у ш о к (кукушка)—по аналогии с петушок, гребешок, ю л ь ч и к (юла), Т а н ч и к (Таня), М а н ч и к (Маня) и т. п.—по аналогии с мальчик, стульчик и пр.[80]

Обращает на себя внимание несколько необычное изменение слов через детское пристрастие к суффиксу а н (дан): л е б е д а н, р ы б о д а н, р у г а д а н (м.б. из д р у г о д а н),

городàн („ехали с городана“, т. е. из города) и прилагательные от него—городàнька (в значении городской). Форма городан возникла, может быть, из поисков краесозвучия: перводан (первый из данных?), другодан, но трудно сказать, для которого из этих слов подбиралась рифма, иначе говоря, —которое из них следует считать первоначальным.

Из других изменений можно указать те, которые получаются через употребление суффиксов ец, ик, чик, усь, ок: цáрец' („станет царцем“, т. е. царем) -по аналогии с старец, малец, стригунец (стригун, тот, кто стрижет)—по аналогии с бегунец; ерик (ъ, ер); корóльчик (король), хохольчик (хохол); тончик-звончик; ерусь (ер)—по аналогии с Петрусь; Федорóк—по сходству с хохолòк.

Одна группа существительных образуется путем внесения (между корнем слова и привычным суффиксом) необычного суффикса—ен, ёнок, иш, еш, ич, ичи, или: рубенчики (рубчики, рубцы), голубенчики, голубенцы, голубеночки, голубишки, голубешки. голубичики. голубички, голубилики.

Через замену принятого суффикса другим, необычно используемым, тоже получается небольшая группа слов. Используя и к вместо ок, образуют существительные с особым оттенком уменьшительности: лесик, ломотик, сучик, крючик и т. п. Ударение при этом передвигается к началу слова. Через мену суффикса ень на еч; еч и оч на ень и онь, ева на ица образуются существительные того же рода, но с новым оттенком ласкательности: ножечка („стала ножечка болеть“), дудинька, утонька, королйца.[81] Ица, как суффикс женского рода, употребляется вместо ика: фабрйца (фабрика).

Редко, но все же наблюдаются случаи изменения в основах: между корнем и суффиксом вводится гласный, не имеющий роли суффикса, напр. огурèчик, конéчик (кончик), грибенйца (грибница). В отдельных случаях можно наблюдать обратное явление—выпадение заударной гласной, как из суффикса (плечки—плечики), так и из корня (кóлколы—колоколы).

Особые оттенки унежнения (уменьшительности и ласкательности) прирождаются через соединение двух суффиксов в одном слове: катенчик (тот, кто катится), голубенчик, теплетенчик, рубенчик.

Менее ярко выражен оттенок ласкательности через прибавление довольно употребительного суффикса уш (к): кладушка (курица, которая яйца „кладет“, несет), водушка (от вóда, водильщик, вожак в игре). Путем изменения окон-

чания к а, воспринимаемого иногда как признак уничижительности. словам сообщается противоположный характер, придается оттенок ласкательности: вм. калитка—к а л и́ т а, вм. утка—у т а, вм. свинка (свинья)—с в и н а („остается баба свиной“).

По сравнению с обилием случаев словоизменения, примеров образования „новых“ слов наблюдается мало. Можно указать примеры образования существительных от междометий; напр. „поехали в т п р у ш и (на прогулку, на улицу) гулять“. Другие существительные образованы, видимо, от глаголов; напр.: „п е н ь (от п е н я т ь?) да в е н ь (от в е н ь г а т ь, в я н ь г а т ь?) девятый день“ (может быть, эти стихи текста № 144 можно передать менее сжато так: „упреки да слезы девятый день“); „кому г а д к и (то, что подлежит разгадыванию) гадать“; б о л т а́ р ь (от болтать)—слово, подсказанное рифмой в паре со словом „глухарь“; х р у с т е н ь (от хрустеть?)—слово, подсказанное рифмовкой со стоящим в паре словом „перстень“.

Вообще нужно заметить, что многие из указанных здесь языковых явлений вызваны в одних случаях в большей, в других—в меньшей мере несбходимостью подчиниться складу, ритму и рифме тех словесных произведений, в ткань которых перечисленные слова вплетаются. Выразительным примером являются стихи (№ 127): царь—ц а р е в е й, с о к о л е й—воробей; иголка—петёлка (петелька).

Прилагательные в детском фольклоре встречаются реже. На тысячу существительных приходится двести прилагательных. Можно отсюда догадываться, что и какие-либо особенности детского фольклора здесь встретятся в меньшем количестве. На ряду с общеупотребительными наблюдаются прилагательные *необычно* образованные; их появление вызвано аналогией с рядом слов, имеющих данный признак. При этом употребляются как членные, так и не-членные (краткие) прилагательные; последние—в незначительном количестве, напр. клюки д о л г о н о г и, в ы с т р о ч е н ы - п о и с с т р о ч е н ы, лес д у б р а в и др.

Гораздо большую группу составляют прилагательные с предметной основой. Встречаются формы притяжательных с суффиксами с основой на *й* второе склонение): и м а н ь я, с в и н я ч и й (свинячья борода) и др.—по аналогии со словами баранья, собачий, овечий и. т. п.

Часты прилагательные притяжательные с суффиксами—*ов*, при основе от существительных муж. рода на твердую или мягкую согласную или *й:* п о п о в (попова полоса), с т р и г у н о в ы, т и п у н о в ы, к у л и к о в ы, ц а р е в ы, ч е р т о в, и *ин*, с основой существительных на *а* муж. и женск. рода: в л а д ы к и н, к о ш к и н, м а м е н ь к и н, Анютины и т. п.

Подобно им, хотя и необычно, образовано окошкин от сущ. среднего рода на о.

Прилагательные относительные образуются через прибавление двух суффиксов: *н* и *ый* или *ой* (под ударением): наколодешной лабан, златной (вм. золотой)—по аналогии с прилагательными дверной, цепной и др.; замена обычных суффиксов *ов* и *ев* через необычный *н* дает калинный мост (калиновый), грушный квас (грушевый).

Иногда к основе прибавляется два суффикса—*ов* или *ин* и *ый*: поповый, лебединый; *ян* и *ский* (сочетание обычное для литературного языка—ян и ый: кожаный, конопляный и др.): соколянский день, вм. возможного сокольский, соколиный.

В особую группу можно выделить прилагательные, образованные из двух корней—от прилагательного и существительного с соединительной гласной *о* и с суффиксом прилагательного: клюки долгоноги, крутолобый баран, а также от числительного и существительного без соединительной гласной: двухххвостенький воробей и др.

Иногда это—повторяющееся прилагательное, осложненное префиксом с оттенком усиления: вечный-превечный дурак.

Из прилагательных с основой действия можно упомянуть: выстрочены-поисстрочены, с необычным префиксом; карпатый (может быть, от глагола „корпать"—колупать, ковырять, заниматься сидячей работой) с *а* в предударном слоге, как результат аканья.

Наблюдаются особые, „озаумленные", слова этой категории, образованные от прилагательных, суффикс которых заменен окончанием *енцы*, употребляемым детьми в искусственных языках[2]: востроенцы (вострые), крепенцы (крепкие).

Со смысловой стороны обращают на себя внимание выражения: двухххвостенький воробей, вечный-превечный дурак, выстрочены-поисстрочены и другие.

Изменения в *глаголах* происходят, большею частью, под влиянием аналогии, реже—вызываются необходимостью подчиниться размеру. Их можно разделить на следующие группы: а) изменения в окончании слова, б) в суффиксах, в) в приставках и г) в корне.

а) В инфинитивах встречается форма на *ти*, вместо обычной—*ть*: выгадати, николи (некогда) стояти, снаряжати, спрашивати, улетети, сказати, бежати и др.

Употребительна форма возвратных глаголов на *ся* вместо формы на *сь*: боюся, катилася, сбилася, становилася, и обратно: убирась на ряду с убирайсь, поранись вместо поранься.

Иногда частица *ся* прибавляется к глаголу с предшествующей ей частицей *ка*. Глагол в этом случае не имеет смысла возвратности: лови-ка ся (лови-ка).

б) Личная форма 3 л. множ. числа от глагола хотеть, в обычном употреблении представляющая собою отклонение от правильной формы спряжения, получает устойчивый вид: хочут вместо хотят.

Посредством замены суффиксов образуются формы совершенного вида, вместо обыкновенных форм несовершенного вида. Вместо суфф. *и* появляются *а* и *е*, вместе с заменой конечного согласного корня на чередующийся с ним звук: стукаешь, вместо стучишь; суффикс *и* заменяется суфф. *ева* и *ова* или *ну*, придающим глаголу оттенок совершенного однократного вида: галевать вм. галить, куповать вм. купить, ступнули вместо ступили.

в) Обычные приставки заменяются необычными, но смысл (значение) слова при этом не изменяется: сгодится вм. пригодится, вознеси вм. занеси и др.

Некоторые глаголы приобретают приставки, придающие словам новый, не всегда поддающийся передаче оттенок значения: посели, вм. сели, выпасла, вм. пасла, породила вместо родила.

г) Конечный согласный основы, под влиянием других форм этого слова, заменяется чередующимся с ним звуком: улетю вм. улечу, жгет вм. жжет и пр.

Случается, что сохраняется конечная согласная основы *(т. и д.)*, выпадающая обыкновенно в формах прошедшего времени, при чем для удобства произношения вставляется гласная корня: плетел вм. плел, кладал вм. клал и др.

От глагола ехать образована форма повелительного накл. поедь вм. обыкновенной формы—поезжай, поезжайте; эта форма известна и в обиходном детском языке.

Наблюдающиеся иногда вставки и выпадение гласных вызваны, возможно, стремлением сохранить размер: спотыкнулась", дай бульёну подолить; начнали (начинали), перломали и др.

Иногда глаголы удваиваются; при этом повторенный глагол или осложняется приставкой и суффиксом (пушат — перепушивают) или является другим, близким по значению словом: колочу-молочу.

Некоторые глаголы (от существительных) в детском словоиспользовании имеют специфический смысловой оттенок: пятнать, гвоздить („мост серебром гвоздить").

Наблюдения над языком считалок показывают, что приемов словообразования, которых не было бы в других видах детско-

го (в известной мере и общего) фольклора, в сущности, немного. Если какая особенность и напрашивается на внимание при рассмотрении считалок, так это большая смелость в обращении со словом и большее число случаев, свидетельствующих об этой смелости.

В своем месте было сказано, что форма исполнения считалки—удалая скандовка. Все, что мешает быстрому и мерному произнесению произведения, устраняется; поэтому слова, образующие считалку, должны быть немногосложны; если многосложные слова и используются, то ради удобства они ломаются пополам (губер—натор, пасти—гонка). Вообще в считалку могут войти только слова, способные примириться с требованиями быстрого ритма и скорой меры. Неспособные подчиниться или совершенно устраняются или идут в дело в поломанном, приспособленном виде. К глаголам это замечание относится не в меньшей мере, чем к словам других грамматических категорий. Ускорение темпа речи иногда ведет к замене глаголов *междометиями*, т. е. словами-звукоподражаниями (костка х р у с т, кошка х р у п и т. п.), в которых можно видеть эмоциональную форму глагола с отрицательной (нулевой) суффиксальной морфемой [84].

Изменениям иного характера подвергаются имена числительные. Речь о них будет особо.

XIV.

Взрослые нигде, ни в одном поэтическом жанре, не пользуются с такой охотой, с такой настойчивостью и любовью с ч е т н ы м и с л о в а м и, как дети, которые слова будничной, деловой категории уравняли в праве на внимание и на широкое использование в поэтическом творчестве. На использовании их создан особый вид произведений—считалки-числовки.

В подавляющем количестве текстов довольствуются названиями чисел первого десятка; редко нарушают этот предел и вводят названия первых шести чисел второго десятка (№ 87). В считалках-заменках с концовкой-вопросом может называться любое число, но это, так сказать, за пределами текста.

В одних случаях числительные при их использовании не подвергаются никаким внешним изменениям, но самым включением в ткань стихотворного произведения этот внелитературный материал принимает иную окраску, иной характер, иное эмоциональное и даже смысловое насыщение,—словно преображается.

В других случаях числительные изменяются при этом и в отношении формы.

Со смелостью, не ограничиваемой каким-либо сомнением, каким-либо раздумьем, дети властвуют над словом, перековывают, перегибают его сообразно своим нуждам и вкусам, то укорачивают, то наставляют его, делают его то мягким и нежным, то колючим и—подчас—грубым. Даже область имен числительных,—такая неподатливая, трудноизменяемая, затвердевшая в словоиспользовании взрослых категория обозначений, здесь, в поэтической речи детей, утрачивает эти постоянные, на первый взгляд неискоренимые свойства.

Больше изменений претерпевают числительные количественные, которые находятся к тому же в большем употреблении нежели числительные порядковые. На ряду с обычными числительными во многих текстах встречаемся с формами видоизмененными или совершенно новыми:

1 („раз“):	2:	3:	4:
ази	двази	тризи	изи
анзы (янзы)	дванзы	тринзы (трины)	волынзы
ранцы	дванцы	трынцы	волынцы
разум	двазум	тризум	ризум
анчик	дванчик	тринчик	голынчик
раджи	двaджи	трику	зику
разин	двазин	трикузикум	
ранзан	дванзан	тринзан	лынзан
айс	звай	драй	
аз	два		
азики	двазики		

5:	6:	7:	8:	9:	10:
пятам	латам	шӥма	рума	дуба	крест
пята	лата	чохар	ёхар	филин	трест
	сота	чохман	ёхман		креть
пяден	ладен		рохман	деревен	кок
вята	лада	шохман	лохман	девор	дюкц
пятум	латум	тохван	бохван	трубы	декус
пятан	латан	юкман		кока	тон
пятым	ятым	шуфӥм	хафӥм		дом
	ладым	колдыш	молдыш		штык
пятыш	ладыш	истра	быстра		дуба
чивалды[83]	шӧстым				

Видимо, эти названия чисел идут из разных источников. Некоторые из детских числительных, обозначающих 1—4, образованы из обычных названий чисел („раз“ воспринимается как „один“) через изменение слов по тому принципу, которым дети пользуются при образовании искусственных, в частности секретных, языков; напр.: а н з ы, р а н з ы, а н ц ы, д в а н ц ы и т. п.[86]. В считалке подобные образования вызваны—это ясно—не необходимостью сокрытия тайны, а установкой на непонятное, таинственное, заумное. Отказом от принятых названий чисел художник, положивший начало счету необычному, хотел бы, повидимому, повысить впечатление от непокорной и будничной категории слов, сообщить характер необычности, придав им форму и обличье зауми. Эти названия чисел составляют группу о з а у м л е н н ы х с ч е т н ы х с л о в. Относительно некоторых из них (ази, двази, тризи, анчик, дванчик, азики, разики, двазики, а из порядковых числительных, о которых скоро будет речь,—первичики, другичики и некот. др.) надо заметить, что смысл их озаумления заключается в придатке оттенка нежного отношения к обозначениям чисел, которые в ходовых грамматических терминах могли бы называться уменьшительными или ласкательными. Но когда мы пытаемся подвести под наши грамматические категории эти счетные слова, трактуя их, как уменьшительные, ласкательные и пр., не искажаем ли мы смысл и не насилуем ли форму и облик чуждых уже нам слов? В применении к именам числительным, первый из этих терминов вносит в дело неясность, второй—недостаточно выразительный, не до конца исчерпывающий определяемый признак—унежнение слов.

Этот признак вполне выражался бы в слове у н е ж и т е л ь н ы е (ведь такая форма числительных, если можно воспользоваться словами Баратынского, употребленными в другой связи,—„безотчетное созданье детской н е ж н о с т и“), если бы необычность его не мешала его употреблению. Держась традиционной терминологии, для обозначения этой группы числительных практически удобнее всего пользоваться термином позаимствованным: ласкательные.

Унежнение числительных и соответствующее изменение их форм в привлекающих наше внимание художественных произведениях понятно. Во время исполнения прелюдии к игре, в минуты гадания о том, кому кем быть, в момент ожидания решения судьбы естественно ожидать повышенно-радостного настроения и необычного отношения к миру и ко всему, что в мире,—к лицам, вещам и явлениям, к их качествам и обозначениям качеств, к их количествам и названиям количеств: детское

целостное мировосприятие и мироощущение выражаются в неповторяемо своеобразной словесной форме. Почему не думать, что ласково-радостное отношение к „считаемым" лицам распространяется и на все относимые к ним слова, которые к тому же сами по себе способны привлечь внимание: „слова суть прежде всего конкретные образы, художественные произведения, хотя и в малом размере" [87]. Такое перенесение отношений с лиц на слова-обозначения чисел тем понятнее, что числа здесь являются не столько названием количеств, сколько обращением к считаемым. Приязненное отношение к считаемым" влечет за собою насыщение эмоцией, унежнение числообращений. Думать, что здесь только результат подчинения размеру и рифме (первички—голубички), было бы преувеличением значения внешней причины: это объяснило бы только несколько отдельных случаев. Если самая возможность необычных форм понятна, то происхождение многих слов-названий чисел не ясно. Значение отдельных слов узнается по связи их с другими словами того же порядка; так, значение слова волынзы определяется положением между 3 и 5, остальные—латам, шума, рума, дуба, крест—их положением после 5 и порядком размещения. Можно думать, что эти названия чисел—синонимы числительных, или их эквиваленты (№№ 159, 165, 175 и другие; см. также Бессонов, 70, Зеленин, 88 под сл. *меря*, Рябинский, 40: *пери-мери*)—идут из самых разнообразных источников.

Отдельные заместители числительных детских считалок Г. Н. Потаниным рассматриваются, как обозначения, применяемые при употреблении бирок. Некоторые считалки-числовки „не кончаются словом *десять*", но в них „заключается десять слов, так что *крёс* стоит на десятом месте; это может быть крест, который на бирках означает цифру 10" [89].

Соображение это не вызывает возражений, но в пользу его этнограф не привел никаких доказательств. С большим правом можно усматривать здесь влияние словаря картежников.

На предположение о позаимствовании (количественно, кажется, незначительном) терминов карточной игры или о создании слов под их влиянием наталкивают такие стихи считалки (№ 143):

На колоде сыграл,
пятьсот снял...

Контекст показывает, что дело идет об игре в карты. Словоупотребление колода карт—издавна в России известно [90]; широко известен и термин: снять карты.

Эта догадка о влиянии—непосредственном или через какое-нибудь посредство—карточной терминологии на детский счет весьма вероятна; она переходит в почти полную уверенность, если обратить внимание на присутствие в считалках элементов мало измененного лексикона картежников, из которого, как можно думать, получены слова, принявшие на себя в детском языке функцию числительных; детские числительные д у б а, к р е с т, видимо, произошли из терминов: б у б и, к р е с т и [91]. То незначительное несходство между терминами взрослых и числительными детей, какое наблюдается, не может породить возражений против высказываемой догадки: известно как легко видоизменяются слова любого языка при переходе их и их сочетаний из уст в уста [92].

При допущении такого влияния делаются понятными и некоторые другие элементы словарного состава считалок; напр., в одном из вариантов считалки (№ 456) читается стих:

... п и к у, л о п а т у,
корову горбату [и. т. д.]

Едва ли первые два слова первоначально обозначали „орудия производства“: трудно придумать сочетание таких двух названий, какое дано в тексте; надо предположить, что первоначально это были термины из словаря картежников п и к а, л о п а т а [93] и лишь позднее осмыслились в детской среде по-иному,—как элементы описи хозяйственного инвентаря.

Разными путями (какими, определенно сказать трудно) проникли в русскую считалку из чужих языков слова-заместители числительных: напр., нашему п я д а, л а д а соответствуют padè, ladè чешской считалки, нашему д е р е в е н ответствует д ѣ р в е н считалки болгарской [94] и др.

Возможно, что некоторые из детских числительных—забредшие слова искусственных языков; но здесь, представляется, нельзя будет пойти дальше простых догадок без всякой уверенности в их прочности.

Все числительные перечисленных групп не поддаются распознаванию не только по трудности найти источник их происхождения, но и в силу тех изменений, которые они претерпевают при передаче их из уст в уста, в особенности при обмене репертуаром разноязыких групп; сверх того, они видоизменяются при установке их в пары (обыкновенно числительные произносятся парами: чехман-ехман и пр.), при подчинении их ритму и рифме. В отдельных случаях слова, можно догадываться, не только видоизменяются, но совершенно заменяются: напр., б ы с т р а обозначает 8, вместо к р е с т употребляется

трест или кретъ; и эти слова-заместители несут функцию числительных. Что в них мы имеем дело именно с числительными, ясно из того, что состоящие из них тексты у ребят называются в разных местах то бурятским, то татарским, то итальянским, то еще каким-нибудь „счетом", а также из того, что они употребляются иногда и вне текста считалок,—например, при отсчитывании бабок, городков, вообще предметов детского обихода и вещей, связанных с детскими играми[35]; по временам они используются, как элемент, в детских тайных языках.

Иногда синонимы числительных встречаются разбросанными в беспорядке по всему тексту и теряют свой смысл (см. №№ 148-а, 162; см. также Арефьев, с. 4; у Покровского, с. 54).

В отдельных случаях наблюдаются факты, свидетельствующие об утере, о забывании установившегося счета: дуба употребляется, как правило, в значении девять, иногда же (№ 155-и, 156-в.)—в значении десять; иногда пара числительных дуба, кретъ (из крест) употребляется в значении пять, шесть; кок обозначает, как правило, десять, но в немногих случаях (№ 155-д)—в форме кока—это слово имеет значение девять. Заместители числительных, утеривая свой смысл, иногда совершенно выпадают из текста; напр. стих: „филин, дуб" (девять, десять) неожиданно принимает форму: „тилим-бом" (№ 156-в.).

Порядковые числительные в считалках не все одинаково богато представлены разными формами.

Слова, употребляемые в смысле: первый и второй (являющиеся производными от них), произносимые обыкновенно как пара слов, известны в таких формах:

Первый:	Второй:
первички.	другички,
первичка	нарвичка
первички	другички
первенчики	другенчики
	друженчики
первешки, пермешки	другешки
	беребенчики
перводан	другодан
первый дан	другой дан
первенцы	другенцы
перведичики	
первинцыки	другинцыки

В этих формах также видно влияние приемов образования детских искусственных языков: первенцы, другенцы

цы[96]; известны формы: перварды, другарды[97]; также: перевереди, другереди [98] и некот. др.

Как и в группе числительных количественных, здесь парные слова и вообще рядом стоящие слова, подсказанные рифмой (нарвички, бубенчики, беребенчики и пр), выполняют функцию числительных.

Редко встречаются формы: первóй, другой; первой, второй. У Кривошапкина [99] записана форма: первичи, другичи, третичи; известна форма: третьедáн (№ 145). Четвертый, пятый подобных форм не имеют. Шестой иногда встречается в формах: шостый (может быть под влиянием размера и рифмы, см. № 93) и лáтый.

Порядковые седьмой, восьмой, девятый, десятый передаются так же, как количественные, т. е. чохман, ехман, вилин (вылин), ток. Конечно, в значении каждого из этих слов, может быть, и можно находить некоторые различительные оттенки, но они—именно только оттенки и не уничтожают сразу улавливаемой синонимичности в корень.

Стремление уйти от общепринятой формы слов наблюдалось, как отмечено, в области имен прилагательных, еще больше—в числительных. Разрастаясь, эта тенденция ведет в отдельных случаях к полному отрешению от слов общего языка и к образованию особой категории слов—слов заумных.

XV.

Наличие значительного количества междометий (т. е. слов, не являющихся „знаками представлений") в произведениях рассматриваемого жанра делает если не неизбежным, то понятным обильное присутствие в текстах считалок заумных слов. Обилие зауми не покажется неожиданным, если к тому же вспомнить природу считалки-ворожитки (см. гл. VI). Ведь и заумный язык взрослых, которому посвящена значительная литература [100], связан преимущественно с произведениями того же порядка—с заговорами, с поэтическим творчеством сектантов-мистиков.

Не подвергаясь влиянию логически построенной мысли, устная поэтическая речь детей прекрасно сохраняет свой эмоциональный характер. Чуждый логике, язык чувства выражает внутренние состояния, ощущения и настроения более действенным путем, чем логическое значение произносимых слов,—своей звуковой стороной [101] и теми трудно определимыми свойствами, в силу которых, по Аскольдову [102], „слово, не вызывая никаких художественных образов, создает худо-

жественное впечатление“ и, „не вызывая никакого познавательного представления, понимается“. Эти свойства слова, словно скапливаясь, усиливаются в сплетениях и вязи слов, называемых заумной речью. Относя к детской заумной речи вопрос: „что сказать о заумном языке, который, надо признаться, иногда тоже производит впечатление?“ [103] придется заметить, что не в каждом отдельном случае одинаково легко говорить как о причине обращения детей к заумному словотворчеству, так и о степени заумности слов, которые мы, взрослые, воспринимаем как лишенные буквального содержания. С чем мы имеем дело в детской зауми—с попыткой ли уследить и закрепить в слове течение мыслей и созерцаний, с стремлением ли в словах обозначить незримые нам аспекты и планы вещей и явлений или с желанием в чистых звуках выразить свое мироощущение? Кто знает, может быть, и детская заумь часто рождается из „полноты видений“, лежащих „далее того, что может быть воплощено в слове“. Мир, неведомый для мысли, разгадывается целостным восприятием, инстинктом. „Но,—вопрошает поэт [104],—как рассказать разгадку? Она остается в звуках и в словах, она звучит где-то за словами, з а о б ы д е н н ы м и с л о в а м и ж и з н и, но она никогда не может быть выражена речью“... Исключительные трудности должен испытывать человек, когда он говорит о вещах необычных. И тогда для высказывания ему служит язык необычный, заумный: „для гаданий о будущем,—сказано у Блока,—я избираю язык поневоле условный“.

Быть может, у детей обращение к зауми обусловлено тем, что дитя-художник в силах выразить обыденным словом „только часть того, что сам видит вполне“. „Кого я там видел и что те существа делали, невозможно выразить на понятном языке“,—признается, вспоминая детство, философ и мастер слова [105].

Обстоятельства, при которых рождается детская заумь, весьма разнообразны. Случаи ее создания бесчисленны и повседневны. В своих дневниках нахожу такие заметки.

На крылечке пережидает дождь женщина славяно-бурятка с мальчуганом лет семи. Подхожу, заговариваю... Вчера он, житель ясачной деревни [106], в первый раз был участником игры в хоровод, был в обществе девочек... Его закружили, заласкали, поцеловали. Он так зачарован виденным, поражен игрой и всем неожиданно встреченным и пережитым, что и ночью во сне этого не заспал и сегодня этим живет. О чем бы ни заговорили, о какой бы игре я его ни стал спрашивать, он то и дело,—достаточно мне на минуту отвлечься,—возвращается к вчерашнему дню. словно во сне. полушопотом, бы-

стро-быстро припевает: „станцуй—сплишы, станцуй—сплишы!“... „Станцуй—спадбадрись, станцуй—спадбадрись!..“ „В карабо́ди были во́ди, в карабоди были води“. Пытаюсь исправить, говорю: „в хороводе были мы“. Где тут! Держится за рифму и повторяет свой странный стих:

В карабо́ди были во́ди...

Как разгадать, что скрывается у него

Sotto 'l velame degli versi strani...

Он об этом думает столько же, сколько над стихом из Inferno. Меня он в своем настроении плохо замечает. Оборвал мои расспросы, побежал. Бежит, напевает... [107] Не зная слов, заполняет „пустоты“ странными, часто причудливыми наборами звуков, которые наскоро образуются и тотчас же, в нужный момент слетают с языка. Ритмы, музыка и, видимо, образы рождаются раньше слов. Слова отстают, пустоты заполняются звуками, наспех подобранными или мимолетно подсказанными музыкой. Взрослый здесь испытывает трагическую трудность; дитя-художник смело выходит из положения, беря недостающее звено из области чистых звуков, беззаботно наполняя их если не логическим, то эмоциональным содержанием [108].

В весьма повышенном, но по-иному окрашенном, настроении пятилетний мальчуган отбиваясь ручонками от ужасной мошки, с раздражением, почти плача, выкрикивая, создает заумное слово:

У, мошка́-камашка́! как кусается... Тебя убить надо, мошка́-камашка́!.. По одной убивать и ни одной не останется... Мошка-камашка́, мошка-камашка!.. Как горные мальчишки [109] сёравно!..

Долго бедняга изливает огорчение, бесконечное число раз произнося новое слово и, видно, утешается [110].

Подобное отношение к необычному слову наблюдается и у подростков. „Я сам из своей давней врачебной практики помню, что один впечатлительный 14-летний мальчик... в жару лихорадочном чувствовал потребность повторять беспрестанно небывалые слова, и это его очень утешало“ [111].

Возможно, что дети по-иному воспринимают творимые ими слова. Едва ли что мешает думать, что для них в используемом ими запасе унаследованных слов зауми гораздо больше, чем кажется нам; вероятно, многие из слов взрослых для них заумны [112]. Зато у детей их заумные слова в меньшей степени заумны, чем для взрослых: для взрослых с их дискурсивным мышлением часто это – набор звуков, лишенных всякого смысла; для детей, мышление которых целостно, для которых и в мире взаимоотношений между внутренней формой и

звуковым образом слова нет разорванности, и заумь—прародина языка—насыщена содержанием и может быть нами названа заумью только условно, применительно к нашему восприятию, восприятию взрослых.

Заумные слова в существе своем не подлежат объяснению. Все, что здесь говорится о них, является лишь попыткой разгадать происхождение их. природу и на доступном наблюдателю материале уяснить источники и проследить пути проникновения заумных слов в ткань поэтических произведений, исполняемых детьми.

Говорить о полном отсутствии в считалочной зауми всякого смысла. конечно, нельзя: заумные слова не случайно мелькают набегают, воспринимаются и забываются, а употребляются в определенном пункте всего сложного организма (текста) и всегда или почти всегда в определенной последовательности, в одних и тех же сочетаниях; видимо, связь их не может быть названа внешней; первоначально, быть может, чисто внешняя, она в постоянно одинаковом исполнении, порождающем те или иные ассоциативные связи, превращается—под влиянием не всегда ясного организующего фактора (может быть, ритм, звуковые свойства слова играют при этом очень важную роль) в связь внутреннюю, органическую.

Можно указать тексты, где связь не только заумных, но и обыкновенных слов во многих случаях представляется механической: сплетение слов в текст или его часть не подчинено логической или прагматической связи значений. Но от наблюдения не укрывается, что в то же время отдельные слова и фразы почти всегда стоят в неизменном порядке, почти всегда в одних и тех же комбинациях, в одних и тех же сочетаниях.

Заумь, т. е. словообразные сочетания звуков, — условное название, покрывающее разные явления. Детская заумь, связанная со считалками, не однородна по своему происхождению и по своему характеру. Даже при беглом, лишенном необходимой углубленности, обзоре намечается несколько групп слов этой категории.

Едва ли не самую большую группу составляют так называемые парные слова (Reimwörter) в считалках.

Парные слова, возникающие,—как думает Н. Н. Дурново [11],—из „стремления выразить одно понятие двумя словами, похожими друг на друга", с целью „усилить количество или качество признаков, заключающихся в этом понятии,"—в считалках бывают нескольких грамматических категорий: в подавляющем числе случаев—имена существительные, редко глаголы, как исключение — прилагательные.

Парные слова (второе слово парного сочетания) образуются путем изменения первых звуков одного члена группы. По способу образования можно установить несколько часто встречающихся групп парных сочетаний.

а) Второе слово пары является повторением первого с приставленный согласный: аки-*б*аки, ан-*т*ан, ива-*б*ива [114].

б) То же слово, лишенное начальной согласной: *г*уран-уран, *с*угол-угол.

в) То же слово + приставленная группа согласных: анка-*др*анка.

г) То же слово с заменой начального согласного: *т*улик-*м*улик, *ц*ыкинь-*в*ыкинь.

д) То же слово с заменой начального согласного слогом — одним или несколькими: *тр*ёха-*ма*реха, *вени*-*голу*бени.

е) То же слово с изменением первого слога или вообще начала слова: *се*бень-*ду*бень, *ачу*чены-*бирю*чены [115].

Сочетание парных слов подчиняется определенным (еще мало выясненным) фонетическим законам.

В крайне редких случаях парное слово начинается с гласного.

В подавляющем количестве случаев оно начинается с губного: около половины парных слов начинается с *б* и приблизительно десятая доля — с *в*; около трети парных слов начинаются сонорным, главным образом — *м*, в немногих случаях *л* и *н*; зубные и средненебные встречаются нечасто [116].

Парные слова занимают особое место в детской зауми. Не говоря об эмоциональном и звуковом содержании многих из этих слов, в них, как и в парных словах, употребляющихся взрослыми, почти всегда можно усматривать содержание логическое, поддающееся словесному, хотя и недостаточно ясному и четкому, выражению [117]. Наблюдатель народной жизни на европейском востоке, приводя несколько примеров „принятых у восточных людей шуток“ (*вилайет*-*милайет*, *консул*-*монсул*, *Софица*-*Мофица*) делает попытку выяснить значение некоторых парных слов: „Наши крымские татары говаривали: *становой*-*мановой*. Это значит как бы пренебрежение: становой и тому подобное“ [118]. Такое истолкование подтверждается и текстом повествования: „Софица-*Мофица*, не все-ли равно! На Лаккиотке нашей женюсь“ [119]. Тоже и у детей. „Толпа турецких мальчишек и девочек.. побежали за ними с криками: франко-маранко! Франко-маранко! Откуда ты, франко-маранко?! [120] (Франко — европеец).

В согласии с романистом-бытописателем определяет значение подобных парных слов и специалист-языковед

М. Джафар, у которого находим, что в восточных языках они имеют смысл:„ и тому подобное", „и прочее", „того-сего" [121].

Труднее уловить и передать смысл в примерах другого рода, особенно в текстах устных произведений. В отдельных случаях весьма затруднительно с определенностью говорить, с чем мы имеем дело во втором слове пары — с подлинно парным словом или с рифмующимся собственным именем: Сени-вени (№№ 321-р и др.) надо ли читать как *Сени-вени* или *Сени, Вени*, или (текст под № 253-е) правильно читать *Тани-бани* или *Тани, Мани* или еще *Таня, Ваня*? и т. п.

Этимологизация в подобных случаях далеко не всегда возможна. Быть может. в данных случаях перед нами слова заумные, парные, срифмованные с именем, а может быть здесь два рифмующихся обращения по имени, которые не осознаются исполнителями как имена. Возможно, что вопрос этот и не возник бы, не имей я среди многочисленных детских записей считалок различных написаний [122]: в большей части случаев пишут: Сени-вени, Тани-бани и т. п.; другие (правда, не многие) в тех же самых текстах или их вариантах начало записали: Тани, Мани... Сени, Вени...

Возможно, не лишено оснований предположение, что, наоборот, имена родились путем осмысления из ани-бани и т. п. [123]

Парно-составные речения употребляются главным образом в поэтической речи; в обыкновенном разговоре они до крайности малоупотребительны. Известны лишь немногие случаи, когда одно из парных слов отстает от другого и имеет независимое существование. Например, о выбитом из круга городке ребята иногда кричат: „шишел"... (из парно-составного речения: шишел-вышел). Или: на опрометчивое заявление бросившего городочную палку — „вышел!" — говорят насмешливо: „шишел", совмещая — осознанно или неосознанно — в этом слове и повторение слова „вышел" и название фигуры „шиш".

Иначе создана небольшая группа заумных слов, встречаемых в считалках: Тана-тана да сметана (№ 298), Аты-баты, шли солдаты (№ 260), Эти-бети Лизавети (№ 336-а), Ани-бани барабани (№ 254) и т. п.

В этих произведениях заумные слова образуются в поисках рифмы через отсечение конца обычного слова (сме — тана, солд — аты, Лизав — ети), который используется в качестве самостоятельного комплекса звуков и образует пару слов путем буквального самоповторения (тана-тана) или встает в пару со словом, полученным через незначительное самоизменение, — в данных случаях — присоединение губного *б* (аты-баты, эти-бети): „всегда с *б* начинаются... сочетания, если первая часть начинается с гласного" [124].

Небольшую группу зауми дают неузнанные слова родного языка.

Если принять во внимание, что звуковая сторона слов детям дороже, что логический или буквальный смысл в их поэтической речи подчинен звуковой стороне,—делаются понятными случаи безболезненной утраты первоначального смысла отдельных слов. Дальнейшие изменения могут повести, как показывают некоторые наблюдения, к образованию зауми. Испытывая затруднения (при записи считалок от детей во время исполнения прелюдий или при расспросах) в написании непонятных слов и малопонятных сочетаний их, я стал предлагать грамотным ребятам самим записывать для меня тексты, полагая, что на их записях можно надежнее уяснить, как и насколько понимают они и в какой мере осмысливают произносимые ими слова. Такие записи дали мне некоторый материал для суждения на эту тему. Как легко совершенно устраняется из слова смысл и образуется лишенный логического смысла слозообразный комплекс звуков, показывают многочисленные примеры.

Вот несколько случаев искажения первоначального смысла и постепенного его угасания в стихотворном произведении.

Заключительный стих сохранного текста считалки читается:

На, собака, ешь!.. (№ 292 и вар.).

Достаточно исполнителям изменить повелительное наклонение глагола на изъявительное, и стих принимает новый вид и несколько иной смысл:

нас собака ест.

Тот же стих через изменение междометия в созвучное местоимение принимает новый облик и новый оттенок мысли:

нас, собака, ешь.

В стихе: „государь, повелевай“ глагол принял иную форму (и неожиданно новый смысл): повиляй (Резанова, с. 179).

Из стиха:

Просит мази на пятак (№ 431 и вар.)

в нескольких случаях получилась фраза того же ритма и той же меры, но с новым смысловым оттенком:

просит мазаный пятак.

Стих:

Почто в гости не пришла?

в измененном виде дает менее внятную фразу с заумным словом:

пâсти гости не пришла? (№ 274 вар.).

Стиху:

Шла машина из Тамбова (№ 102)

невинное невежество в географии придало более красивую в звуковом отношении форму:

шла машина йстам бóма.

Если первые из приведенных стихов представляют собою только иллюстрации, подтверждающие указания на постепенный уход от начального смысла используемых слов и их сочетаний в стихотворных произведениях, то последний пример является выразительным случаем перерождения совершенно недвусмысленного слова в чистейшую заумь.

Таким же образом слово панафида (панихида) переродилось в заумь: пана — фидар (а в написании школьника: по нафидор . „я куколка“ — в „яколка“ [125]. В иных случаях слово губернатор выговаривается то как бигурнатор, то как грубинатор; при исполнении считалки каждое из них произносится как пара слов: бигур — натор, груби — натор.

Стих: „я бульёну подолью“ (№ 503) в среде, не знающей в обиходе названия такого кушанья, превратился в созвучную фразу:

я бурёну [корову] подою... (№ 502),

а еще далее — при стремлении участить рифму — в подлинную заумь:

абальёна с батальёна (№ 313-б).

В подобных примерах нет недостатка. В одних местах читают: лыко драл (№ 268), в других: лычко драл. Там, где это слово неизвестно, произносят: *ичко* (яичко) драл. В местах, где дети не слышат слова граница, в считалке (№№ 280 и 280-а) произносят: до *карницы*. Не везде дети знают о калине, поэтому в одной ангарской деревне (Пьянова) можно слышать: на калинный мост (№ 429), в другой (Кежма) — *на коленях мост*.

Стих: „кто вас мене?“ (№ 505) в некоторых детских записях передается таким образом:

кто воэмене.

Подобным же образом стих другого текста: „вы купите купоросу“ (№ 395-б) в детских записях принимает новый вид:

вы сорвите кўпа росу.

Детскому написанию, как показателю детского понимания слов и выражений, придавать большого значения было бы нельзя, если бы оно было представлено единичными записями и если бы оно не находилось в полном согласии с наблюдениями над произношением (при скандовке почти таким же отчетливым, как при пении) считалок.

На этих примерах можно наблюдать, как постепенно утрачивается смысл слов, как в иных случаях проявляется полное равнодушие к прямому смыслу выражений и как совершается переход слов и их сочетаний в заумь [126].

Впрочем, нельзя не заметить, что на ряду с этим процессом наблюдается — правда, в сравнительно редких случаях — противоположная тенденция: истолкование наличия зауми как слов какого-нибудь языка — бурятского, польского, итальянского, тарабарского и пр. и осмысление непонятных слов. Произведение в долгом бытовании, сохранив архаические черты, утрачивает их смысл; тогда устная поэзия стремится или слова заменить созвучными, не тревожась о смысле произведения или его части [127], или насытить созвучное слово новым содержанием. Наредкость показателен в этом отношении текст, вызвавший немало суждений содержащимся в нем словом т и у н (№ 403) [128]. Лишенное смысла для современных детей, это слово очень часто подменяется каким-нибудь знакомым словом, напр.: типун (наиболее близкое к первоначальному в звуковом отношении), дрыгун, драгун, чугун, зипун, петух, кузнец, стригунец. табун, пекун. Иногда элемент, неясный в одном тексте, в одной записи, ясен в другом тексте, другой записи. Сопостановление их обнаруживает стремление облечь словообразное сочетание смыслом; так, „колин-молин“ осмысливается как „кони новы“. „чем подколин“ — „чем доволен“, „подполитым“ — „потом политы“ (№ 272 и вар.) и т. п. Подлинно заумное слово *икафоры*, *лукафоры*, *мукафо́ры* через *укафоры* в последней стадии преобразования дало понятное слово: уговоры (№ 258). Трудно, впрочем, категорически утверждать, как и во многих других подобных случаях, что слово у г о в о р ы получилось именно таким образом. Едва ли не в одинаковой мере возможно допустить, что это слово через намеренное озаумление перешло в *укафоры* и *мукафоры*. Равным образом в сочетании: куколка-м а к о л к а (№ 274) парное слово, возможно, осмыслилось, как м а л е н ь к а я (№ 403-д); но может быть и наоборот: парное слово родилось через изменение прилагательного. Несомненно, перед нами борьба двух противоположных тенденций: безболезненная утрата смысла слов и переход обычных слов в разряд заумных—с одной стороны, с другой — попытки осмыслить непонятные слова и заумь перевести в одну

из канонизованных грамматических категорий слов. Результаты борьбы не всегда ясны: не всегда можно с определенностью сказать, что перед нами — слова с едва намечающимся или. наоборот, угасающим смыслом. Вот, например, ряд прилагательных с неясным, непрозрачным смыслом: корпатый. крыластый, мотовильные дрова, мытарские шлеи, политый, пернастый, уважный. Мысль, дремлющая в этих словах, не всегда может быть разгадана, хотя корень слов, как кажется, ясен.

Наблюдения дают право относительно многих случаев сказать, что заумь — это „почти слова": в одних случаях это — бывшие слова (абаль, пасти. панафидор и пр.), уже утратившие смысловое содержание, но при изменении звуковой оболочки сохраняющие содержание эмоциональное; в других случаях это слова в потенции (мукафор — уговор): в них дано эмоциональное содержание, дана звуковая оболочка, нет еще образа.

Степень насыщенности слова смыслом всегда изменчива и бесконечно условна. „Смысл, — по слову философа, — можно сознавать с бесконечного числа сторон и в бесконечно разнообразной интенсивности" [129]. Отсюда понятно, что и степень заумности речей и слов тоже изменчива и тоже бесконечно условна. В одних словах мы имеем только звук, только словесный знак, или, в выражениях философа [130], „первый слой в слове, первый и наиболее внешний; он — только носитель и осуществитель смысловой стихии слова", но носитель и осуществитель в возможности, в потенции — до его оплодотворения — обычно при встрече с другими словами — логическим или эмоциональным смыслом. Другие слова состоят из двух элементов — словесного знака и значения, причем первый элемент — самый заметный, внешне доминирующий, второй — затененный им, не воспринимаемый как „отчетливо знаемое и отчетливо чувствуемое" и не сознаваемый как „четкий смысловой образ осмысленно-выражаемого предмета". Воспринимаемый *предмет* часто неясен, не отчетлив; *понимание* не может быть отчетливее воспринимаемого предмета, и *выражение* его в слове, даже будучи адэкватным пониманию, не может быть отчетливым, — будет в той или иной мере заумным. По мере нарастания ясности предмета, отчетливости понимания, растет выразительность его обозначения; слово обогащается третьим элементом — художественным образом, и постепенно и незаметно переходит из разряда заумных в категорию обычных слов. Возможен и обратный процесс. Строгой, легко уловимой и без труда определимой грани, разделяющей слова разных степеней заумности от слов „умных", нет [131].

Какого бы происхождения ни была заумь в считалках, самое ее наличие облегчает приток и проникновение в считалочные тексты слов чужого языка, воспринимаемых в детской среде как заумные.

Непонимание смысла этих слов не только не отпугивает детей, но привлекает, как можно видеть из наблюдений над отношением детей к слову и к творчеству в слове, и как о том свидетельствуют признания авторов воспоминаний. „Всякий, кто вспомнит о своем раннем детстве, — говорится в одной книге Тагора, — согласится со мною в том, что наиболее ценные духовные приобретения нисколько не были тогда соразмерны полноте понимания... В [слышанных в детстве] рассказах постоянно встречается множество звучных санскритских слов и туманных выражений, которые действуют как намеки и отнюдь не расчитаны на полное понимание со стороны простодушных слушателей“ [132]. Дети и не стремятся к пониманию. „Я не понимал, — вспоминает мудрец-поэт, — да и не нуждался в понимании санскрита: с меня довольно было восторженной декламации и звучного размера“ [133]. Так же знал в детстве „просто по слуху, как собрание звуков“ польские и славяно-малорусские молитвенные тексты В. Г. Короленко [134]. Если нет надобности в понимании, то нет преград к замене слов и искажениям [135].

В произведениях, относящихся к жанру, где смысл не является предметом внимания. более всего места для слов, буквальный смысл которых темен или совершенно не ясен, — для слов заимствованных.

Кажется, нет препятствий к допущению предположения, что пара слов первого стиха считалки:

татар - батор,
губернатор

перешла к русским из татарского или ему родственного языка; если это так, то первое слово обозначает название народа, второе в переводе значит богатырь. Впрочем, если на данный пример взглянуть как на парно-составное речение, то возможность влияния татарского языка на русскую считалку этим не устраняется; о таком влиянии было здесь упоминание (гл. IV). Смешение разноязычных элементов в детской поэзии пограничных областей, т. е. в местах соприкосновения двух или нескольких языковых групп, наблюдается всюду [136]. О. И. Капица сообщает из своих детских воспоминаний, что полстолетия назад русские дети в Тифлисе включили в свой репертуар грузинскую считалку, не интересуясь ее смыслом [137].

Группа детей из польских семей в пригородном поселке (под Иркутском) пользуется считалкой:

Энкличики, пенкличики (№ 224).

Тот же текст можно услышать и от русских детей этого поселка, не говорящих по-польски.

Довольно распространена считалка:

Анс, цвей, драй.
Лида, Лида, лай.
Окен, бокен... [и т. д.]

(См. № 157, также Капица, с. 127).

Невозможно сомневаться, что это—позаимствование или переделка одного из стихотворений, которые в Ковенской губернии еврейскими детьми „распеваются преимущественно при различных играх“:

Nit eins, nit zwei, nit drai,
oder — lider — lai!
Oken boken... [и т. д.]

(С. М. Гинзбург и П. С. Марек (ред.)—Еврейские народные песни в России. Изд. ред. „Восход“. Спб. 1901, с. 77, № 87).

В считалки детей украинцев Приморья проникли, видимо, элементы корейского языка [138].

При длительном взаимном общении иноплеменных детских сообществ происходит непрерывный обмен языковым богатством, играми и пр. [139].

Однако не только постоянное соседство и общение иноязычных детских групп, но кратковременное и случайное соприкосновение их не остается бесплодным в отношении обмена формами, темами, текстами, словами и, в частности, в смысле обогащения детского заумного языка новыми включениями.

В Поморье, где о постоянном влиянии еврейского жаргона не может идти речь, Г. Цейтлин записал текст считалки с заумными—в восприятии русских исполнителей — словами, которые оказываются словами еврейского жаргона [140].

Весьма прочны влияния школярного словесного творчества. О проникновении в детскую среду французских считалочных текстов через институты, где процветали новые европейские языки, уже было сказано по другому поводу (IV, 23). Было упоминание и о латинских считалках (стр. 22). Если для старых бурсаков они не были или только отчасти были заумными, то в детских кругах, не имевших дела с латынью, но общавшихся с бурсаками, должна была привиться своеобразная детская „вульгарная“ латынь в качестве зауми.

Можно думать, такою латынью являются, например, распространенные во множестве вариантов заумные тексты:

Энэ, дунэ, рэс,
квантер, квинтер, жес (ср. № 191 и вар.)

или:

Эндэ, пэндэ дукдэ мэ
абер, фабер, доминэ (ср. № 177, вар.).

В первом тексте сравнительно легко распознать numeralia cardinalia:

unus, duo, tres.
quattour, quinque, sex.

Труднее разглядеть за словами второго текста латинскую речь:

angite, pangite, cingite me,
habilis, fabilis, domine.

Ближе к латинским соответствующие слова в польских и чешских текстах считалок [111]; в русских они настолько исказились и видоизменились, что латинский источник их с трудом распознается и, может быть, в отдельных случаях не без некоторых оснований заподазривается.

В небольшом рукописном сборнике считалок, доставленном в мое распоряжение [112], высказаны соображения—какой убедительности, судить гебраистам—о возможности иного истолкования этих (и некоторых других) текстов.

Энэ бэнэ рэс,
квэнтэр мэнтэр жэс,
энэ бэнэ рабо
квэнтэр мэнтэр жаба (№ 191-б)

Слова этой считалки автор рукописи склонен интерпретировать таким образом:

Энэ (из ано, ани)—я; бэн—сын; рэс (ойрайсэ)—тора; квэнтэр (квэн тойр) —сын своего времени; мэнтэр (минтар)—пощади; жэс (эс)—меня; рабо—бога; жаба (або)—отец.

Если такая интерпретация может считаться оправданной, то перевод текста (вольный перевод) будет таков:

Я—сын закона, сын своей эпохи; пощади меня, сына бога и сына своего времени, помилуй, отец.

Другой распространенный текст (№ 225-б) —

Энэ бэнэ
торба сорба
энце звака
тэус эус
косматэус—

может быть, можно истолковать, пользуясь таким пониманием слов: торба (тойр бо)—наступившее время, современность; сорба—спорю; энцезвака (нойц з'око)—пошлость, с пошлостью; тэус (тоус)—ошибка; косматэус (кесэм)—мираж, фантазия, пятно. Перевод текста возможен такой:

Я, сын современности, борюсь (спорю) с пошлостью, с миражем.

Не беря на себя смелости защищать безусловную правильность такой интерпретации текстов (тексты еще не настолько ясны и предложенные истолкования их не так бесспорны, чтобы исключать возможность иного их понимания), едва ли можно отказать ей в праве на внимание. Если она в основном правильна, то перед нами—еще один источник считалочных текстов и заумной лексики: испорченные молитвенные тексты на древне-еврейском языке (может быть, с примесью слов из арамейского) или пародийные подражания им. Порча текстов понятна: первые носители и исполнители их, еврейские дети, далеко не все знают язык их древних молитв, далеко не все понимают произносимые тексты; дети воспринимают их как заумь, дают им свое осмысление и новое использование и при этом неизбежно—то сознательно, то невольно—искажают их [143]. Перенимая эти тексты от еврейских детей, русские дети неминуемо должны еще более искажать слова чужого языка: случайное звуковое сходство делает возможными их новое осмысление и новую оболочку. Таким образом, нечего и думать, чтобы в считалках мы имели исправные тексты, которые без труда поддавались бы полному пониманию и бесспорному переводу; как показывают приводимые примеры, истолкование их возможно, но с весьма вероятным риском допустить произвольное чтение, малые или большие натяжки.

В основе всех колебаний, через которые с необходимостью проходит вопрос о происхождении многих интересующих нас словесных произведений, лежит отсутствие частных исследований; оно препятствует выходу вопроса из узких рамок робких попыток комментирования отдельных текстов и толкования отдельных слов. Окончательное суждение на эту тему должно быть высказано по сравнительном изучении детского фольклора, питающих его источников, путей проникновения и распространения, истории текстов и пр. [144].

Если исключить перечисленные категории заумных слов, т. е. парные слова разного происхождения, утратившие смысл слова родного языка, неузнанные слова чужих языков, все остальное в считалках будет чистая заумь. Поскольку мы при современном состоянии изучений далеко не всегда знаем

происхождение, смысл и значение встречающихся в считалках слов, мы не можем или в очень редких случаях можем говорить, имеем ли дело с чистой заумью или с словами, лишь воспринимаемыми как заумь, и говорим о них, как о заумных, условно, предположительно [145].

XVI.

Основную окраску произведениям рассматриваемого жанра сообщает элемент, проистекающий из детской эстетики числа,—числительные; почти равное значение имеет элемент, всегда обнаруживающий свое органическое рождение из считалки-гадалки,—заумь; все остальные словесные элементы, образующие тексты считалок, хотя количественно и превосходят, имеют значение лишь постольку, поскольку они выполняют те же функции, что заумь и счетные слова.

Слова в считалках имеют два главнейших значения: *свое*, присущее им, как составным частям именно считалки, и *общее*. Первое—счетно-метрическое, второе—логическое. Даже в текстах-заменках, т. е. там, где дети не называют чисел, имеется число в фактическом наличии, и это *свое* значение слов считалок является основным: всякая метрическая единица, подчеркиваемая в скандовке, есть в то же время счетная единица [146]; логическое значение—только попутное, значение второго порядка [147]. Этому вполне отвечает характер произнесения считалки (см. гл. IX): она скандуется, ее исполнение не знает смысловой выразительности. Лишь в немногих частях меняется — не всегда заметно — интонация: спокойно-повествовательная—в „ходе“ стихотворений большого объема или предупредительная—в стихах, предваряющих „выход“ (см. гл. XX).

Слабая эмоциональная окраска числительных и едва ли не полная их безобразность распространяется на окружающие слова иных категорий: становясь счетно-метрическими единицами, они обедняются в отношении их смыслового и эмоционального содержания.

Это явление не укрылось от детей: оно вызвало не осознанный протест против обесцвечения слов; такой протест можно видеть в тенденции унежнения числительных, которая распространяется и на другие категории слов. Впрочем, протест лишь отчасти помогает делу: при всех условиях главным в считалке остается счетно-метрическое, а не иное значение слов.

Надо на время забыть назначение считалки и рассматривать ее в другом плане (в плане обычно, т. е. „выразительно", читаемого словесного произведения), чтобы слову считалки вернулись полностью все значения, все смыслы и все их оттенки, о которых читаем у Лосева и Шпета[118].

Конечно, эмоциональный характер детской речи, в частности—детского поэтического языка, в той или иной мере должен сказаться и в считалке; он в действительности и выражен, но это выражение почти полностью устранено из поля внимания и прорывается как бы случайно—то в унежительном отношении к вещи и слову, то в легком юморе, то в интонации. Однако все эти черты не только не подчеркнуты в способе и манере исполнения, но сглажены, затушеваны: способ произнесения характеризуется сдержанностью, бесстрастием, и, какая бы тема ни была положена в основу произведения, текст произносится всегда одинаково; поэтому содержание (в обычном смысле этого слова) словно поглощается рядами непрерывно бегущих мерных звукосочетаний, и то цельное впечатление, которое создает в себе слушатель к концу процесса чтения, получается заметно ослабленным по сравнению с тем, какое неизменно выносится при исполнении, напр., издевки: внимание разбивается, стремясь уследить за двумя смыслами—счетно-метрическим и логическим. Поэтому мимо считалок можно легко пройти, не заметив их особенностей. Даже и при „выразительном" чтении записанных текстов во многих случаях трудно судить с уверенностью о правильности нашего понимания их. Функция отдельных слов и выражений не всегда ясна, поэтому или очень трудно или совершенно невозможно говорить в привычной форме и принятой терминологии о характере детского поэтического искусства. Произведения рассматриваемого жанра детского фольклора наполнены содержанием трудно улавливаемым, поэтому многие нормы и положения общей поэтики к детскому фольклору не могут быть приложены. Детская ars poetica имеет особые эстетические—осознанные и неосознанные—предпосылки, знает свои нормы и положения, все еще мало изученные. Не зная теоретических работ, устанавливающих характерные свойства и особенности детского поэтического творчества, и пользуясь установившейся терминологией общей поэтики, все же можно сделать некоторые не лишенные интереса наблюдения над детской устной поэзией.

Детский фольклор знает употребление слов не в прямом, а в переносном значении. Даже в пределах одного жанра встречаются тропы всех главных видов—правда, одни очень

редко, другие—изобильно. Из метафор нередко встречаются стилистические олицетворения:

Ухваты взбунтовались,
кочерга пошла плясать (№ 313).

Гудок отважный:
он и свистит и поет,
всех на фабрику зовет (№ 369).

Такие олицетворения можно видеть и в некоторых других примерах (№ 466).

Сравнения в произведениях описываемого жанра наблюдаются весьма редко; они обычно из числа тех, которые передаются при помощи слова *как*:

Я поеду как дурак (№ 374).

На печи калачи
как огонь горячи (№ 411).

Встречаются и метонимические обозначения, напр.:

Собачий хвост —
побежал на покос (№ 293-а).

... хвостик
улетел на погостик (№ 293).

Шубенка в лес побежала (№ 359).

Если говорить в отдельности от метонимии о синекдохе, этот троп можно найти не столько в текстах считалок, сколько в произведениях другого вида игровых прелюдий —в жеребьевках:

Матка, матка,
кого надо:
кони кормить,
или печь топить?

т. е. мужчину или женщину (№ 23; см. также №№ 24, 28).

Другой не менее выразительный пример:

Грудь в крестах
али голова в кустах?

т. е. победителя или побежденного (№ 38).

Особенно богаты игровые прелюдии эпитетами. Эпитеты в считалках, как и следует предполагать, не будут отражать признаков внутреннего порядка; они характеризуют предметы главным образом с внешней стороны—со стороны внешних качеств; при этом они, как и естественно ожидать в произведениях устного творчества, имеющего давние традиции, сравнительно редко выражают непосредственную на-

блюдательность ребят: обычно в них мы имеем дело с наследуемыми накоплениями отлитых в законченную форму определений. Одни из них указывают на желаемый идеал (конь *вороной*, барабан *золотой* и т. п.), другие — случайные и безразличные: часто они создаются в поисках рифмы, а не в стремлении определить и выразить существенные признаки вещей и явлений, и сохраняются не их значением, а силой устной традиции (утка-*лудка*, девочки-*татарочки*, соколянка-*дворянка*, панчик-*расканальчик* и т. п.).

Наблюдаемые в считалочных текстах эпитеты — не одного порядка. Заметную группу составляют определения, перешедшие в детский фольклор из народного художественного языка. Привычные эпитеты, знакомые нам по народным песням, заговорам, сказкам, не затерялись в считалках, но здесь они, оставаясь теми же формально, приобрели новые, трудно словом определимые, но несомненно имеющиеся, оттенки. Как кажется, эти оттенки свидетельствуют или о наделении слов несколько измененным значением или обеднением их смысла. Достаточно сравнить значение эпитета в выражении „лихая птица“ в заговоре [149] и в детской считалке (№ 130), чтобы иметь суждение о потускнении семантических оттенков в языке считалок. К той же мысли приводит сопоставление эпитета, встречаемого в выражении „серебряный прут“ в заговоре [150] и в считалочном тексте (Шейн, с. 41, № 242):

Во четыре прута била
во серебряные...

Интересно также сравнить использование в заговоре и в считалке (№ 390) эпитета заря-зарянница.

Из общенародных эпитетов, встречающихся в считалках, можно назвать: заяц *белый*, лес-*дубрава*, который здесь принял форму прилагательного: лес *дубрав*; *выстроены-поисстрочены*; эпитет, определяющий излюбленный в русской народной поэзии цвет волос *русый*, также унаследован: *русу* косу приплетала [151], со *святым* бодогом, бодожок *калиновый*; *золотые* рога народной поэзии известны в считалках как *золотые* рожки [152]; к последнему эпитету вообще наблюдается у детей пристрастие: *златце* путце (золотое путо), *золоты* копыльчики и пр.

Большую группу составляют эпитеты-прозвища, являющиеся чаще всего приложением: Аринушка-*зорька*, Ваня-*гоголь*, Ванька-*комар*, Ванька-*холяк*, Николка-*дуботес*, Верочка-*стойловка*, комар-*полетушка*, мушка-*стряпушка*, *помошка*-тетерька (Неклепаев, 89), петух-*топтун* (ib), соловей-*свистун* (ib), паровоз-*свистун*, зайчик-*опаленый хвостик*, ку-

рицы-*кладуши*, мышки-*серые кубышки*, татарин-*басурман*. глухарь-*болтарь*, *бачка* (бячка—от слова *бякать*)—овечка; эпитет свиньи—тоже звукоподражательный: *чуха-рюха* и мн. др.[153]. Художественный смысл таких определений в том, чтобы в предельно сжатой форме—в одном-двух, много—трех словах—обозначить ту сторону определяемого явления, которая воспринимается как неожиданная или как существеннейшая.

Нежданная яркость красок сообщается определяемым предметам через эпитеты (они известны в небольшом числе), созданные условиями игры. Запачканный сажей палец (перед игрой в жмурки) достается одному из принявших участие в игре: на него переносится и самое название: *черный палец* (№ 272); палочка-*стукалочка* (№ 416), палочка-*воровочка*, при утере смысла: палочка-*воробка* (А. Попова, с. 111, № 7), считки-*вороны* (№ 295), считки-*сбитки* (Бессонов, с. 73).

В редких случаях эпитет-существительное не является приложением; встречается, напр.: кочето́к *без порто́к* (бесштанный кочеток), казак *с кинжалом*.

Родственной группой являются эпитеты-парные слова. Эта группа отличается от предыдущей характерной особенностью, заключающейся в том, что хотя слова-определения здесь часто и понятны, но не выходят за грани зауми: настолько трудно передать обычными словами их смысл и значение. Например: *тончик-звончик* колокольчик (видимо, можно „перевести" как тонкозвенящий), солома-*валома* (наваленая), татарка-*дранка* (драная?), стаканчик-*ураничик*, солома-*полома* (от сл. поломать), Яшка-*пияшка* (от сл. пить?), сказки-*помазки*, пряжки-*звяжки* (от звякать, звенеть?).

Составные эпитеты образуют небольшую группу: Катерина-*кочка-голубина ножка*, сокол-*скол-долгий нос*, *черный-мачерный* кобель и несколько др.

Малую же группу составляют эпитеты сложные: Матвей *долгоносый*, клюки *долгоноги*, баран *крутолобый*, *чернобархатны* сапожки.

Повторение, как одно из средств детского художественного языка, встречается нередко (см. №№ 67, 68, 184, 363, 423, 432, 445 и мн. др.).

Копыто, копыто
золотом покрыто (№ 356).

Катилося дерево, дерево
с высокого терема, терема (Покровский, с. 57).

Туз, туз по болоту
лазил, чижиков ловил,
туз, туз чижа, чижа не поймал... (Чернышев, с. 1, № 6).

В краткой главе нет возможности полнее изложить наблюдения над детской поэтической лексикой и сколько-нибудь полно исчерпать примеры, иллюстрирующие эти наблюдения. Немногие дополнительные замечания и материалы, имеющие некоторую связь с темой этой главы, будут попутно даны позднее.

XVII.

Из сказанного о том, что понятием считалка обнимается несколько несходных по своему словарному составу и построению групп произведений детского фольклора, вытекает следствие: об единой синтаксической структуре всех считалочных текстов говорить невозможно.

Синтаксис считалок, идущих из книжного источника, обычно подчиняется нормам традиционно-литературной художественной речи (об этих текстах нет необходимости здесь говорить). Язык считалок заумных лежит „по ту сторону“ логического синтаксиса (и тоже не подлежит рассмотрению).

Синтаксические особенности считалочной речи находятся в зависимости от назначения описываемого вида игровых прелюдий. Здесь нужно сочетать несколько задач, из которых на первом плане—удобопроизносимость, краткость и сжатость речи,—качества, позволяющие исполнителям проявиться в артистически-творческой сфере. Смысловое значение здесь не главное. Характерная особенность произведений этого жанра—равнодушие к смыслу, сказывающееся в богатстве заумных слов—переносится и на синтаксическое их строение. Синтаксис считалок приобретает заумный характер не от присутствия в текстах зауми, которая, подобно числительным и междометиям, в синтаксическую связь не входит; он получает это свойство от нелогического построения предложений и от не подчиняющегося нашей логике соединения их в более сложные образования.

От многих текстов—слушаешь ли их в исполнении или читаешь в записи - получается впечатление, что дети зараз много видят, зараз много замечают слухом и еще неведомо чем, но их речь, слова о виденном и слышанном поневоле отстают от стремительного и беспорядочного следования явлений одного за другим,—и связь между быстро сменяющимися явлениями, даже и не укрывшаяся от наблюдателей, остается не отмеченной словом. Этому вполне соответствует недостаточность или полное отсутствие связи между отдельными частями стихотворной речи, беспорядочное и, на наше восприятие, случайное сцепление их. Дети не скованы необходимостью

держаться за синтаксические категории, потому что детский смысл произведения не в том, чтобы установить определенные отношения между понятиями (это может быть, этого может и не быть), а создать комплексы и связи иного порядка. В сознании или ощущении творца или исполнителя-художника считалка, не знающая логики,—не „набор“ бессвязных слов и выражений и не просто „поэтическая вольность“: переживания исполнителей создают комплексы и связи, совершенно чуждые нашему будничному пониманию и нашей „чистой“ логике. Какой смысл, если и внимательно следить за ним, можно уловить в тексте:

Чушка от чушки—
через день Петрушку,
Ванька-хомяк,
Радивон, поди вон?

В этом тексте „повидимому, нет смысла. но если мы припомним игру „в чушки“, то смысл песни [считалки] будет следующий: Ванька-хомяк таскает через день Петрушку от чушки до чушки, т. е. от города до города“ (Кудрявцев, с. 208, № 12) [154]. В общей „словесной массе“ произведения каждое слово на своем месте имеет свой вес и свой смысл, и сочетание их представляет не случайное сцепление звуков и слов, а смысловое единство, доступное детскому пониманию. Для нас же, „современников чужой эпохи“, утративших способность сопереживания и, значит, полного понимания, такие сочетания и единства представляют заумный, т. е. непонимаемый, синтаксис [155].

Лишь в редких случаях мы знаем историю текста, можем найти ему истолкование и понять его синтаксическое строение. Почти всегда мы имеем дело с текстами, происхождение которых неясно: очень часто смысл и строение их, трудны и, может быть, неразрешимы. Синтаксическое построение иной раз представляет собою простоумную мозаику внешне сцепленных выражений и фраз:

...за работы,
за немецки колпаки.
Что Егора,
что Микола... [и т. д.—см. № 328]

пятьсот судья
пономарь ладья... [и т. д.—см. № 154].

См. также №№ 217, 264-а и др.

Отдельные слова обычных категорий, соприкасаясь, не сливаются в смысловое единство и не дают предложения.

Возьми кухни
мала кухни
на пальчики
жик-жик (Чернышев, с. 2, № 8).

В подобных текстах не представляется никакой возможности расчленить сплошную массу слов на связные и ясные группы и единицы.

То же наблюдаем в отдельных случаях и над группами слов. образующими тексты; входящие сюда фразы кратки, отрывочны, не сцеплены между собою ни взаимной подчиненностью, ни союзами, ни частицами.

Перво́й—брав о́й,
другой—кудряво́й,
третий—вшивый,
четвертый—паршивый [и т. д.].

См. №№ 97, 267 и др.

Во многих случаях встречаемся с соединением самых разнородных элементов. Счет, заумь, обычный стих—далекие смысловые ряды. Соединение их, осуществляемое через рифму, вызывается общей тенденцией жанра и специальным заданием блюсти взятый ритм:

прела, горела
комар улетела [и т. д.].

шураги-мураги
по косту, по мосту... [и т. д.].

См. №№ 290, 290-а, 319 и мн. др.

При этом самые разнородные элементы—через ритм, рифму и пр.—связываются con discorde concordia в органическое единство.

Стихотворная речь и самый внутренний смысл считалки делают понятным нарушение „нормального“ порядка слов. Впрочем, большого разнообразия в словорасположении считалочный синтаксис не знает. В силу того, что в считалках основное значение слов—счетно-метрическое, редкое слово может быть безущербно для текста выброшено или переставлено. Отсюда—сравнительная устойчивость в расположении слов в стихах и фразах. Нарушение принятого порядка слов наблюдается обыкновенно в „выходе“ или стихе, ему предшествующем:

Погляжу, играют как... (№ 384).

См. также различные вариации концовки считалки „Ехал мужик по дороге“ (№ 105 и варианты к нему).

Во многих случаях подлежащее занимает место после сказуемого (Ехал Ваня из Казани и мн. др.); почти всегда такие сказуемые—короткие, малосложные слова. Сказуемые, выраженные словами многосложными, обычно наблюдаются в конце предложений (Все ухваты взбунтовались, кочерга пошла плясать...); вообще в текстах считалок передвижение сказуемого к концу стихов (стих в считалке почти всегда равен фразе)—*явление очень заметное. Здесь, видимо, дело не только в* том, что угадывается особый вес последнего места в словосочетании, но и в необходимости ответить общей тенденции к стремительности, быстроте, живости, выражающейся в максимальной сжатости высказываний.

Стремлением к лаконичности и сжатости выражений обусловливается синтаксическая особенность считалочной речи—короткость фраз.

Короткость фраз достигается несколькими путями, прежде всего—скупостью в использовании второстепенных членов предложений: если предложение и заключает второстепенные члены, то при наличии дополнения обычно нет определений, как при наличии определений редко вводятся дополнения.

К тем же результатам приводит уменьшение глагольности сказуемых и—при малейшей возможности—полным устранением частей предложения (сказуемого):

Девки с пирогами,
мужики с галюнами (№ 354).

Двадцать пять рублей дуга,
мальчик девочке слуга (№ 374).

Шкурка не пропала,
а из шкурки сапожки,
из копытца гребешки (№ 265).

Поп под стол,
попадья на стол,
курица на улицу (№ 273).

См. также № 67, 253-б, и мн. др.

Тенденция к краткости и сжатости особенно полно выражена в предложениях со сказуемым—отглагольным междометием: по лебедке стук (№ 107), пузырь лоп (№ 268), кошка хруп (№№ 310, 319-б), хруп колечко (№ 314, вар.), хруп зуб (№ 319-е) и др.

Некоторые синтаксические особенности обусловлены основным устремлением считалки служить гаданием, где содержание не имеет значения, как не имеют значения называния

действующих лиц; видимо, отсюда проистекает наличие безличных *предложений:*

На этой неделе повесили качелю...

Раз, два, три, четыре—
меня грамоте учили...

Жил на горке,
хлеба ни корки...

Считалки с концовкой-отгадкой по смыслу своего построения должны содержать в том или ином виде ту же черту. В них мы находим предложения с неопределенным подлежащим:

В нашей маленькой компанье
кто-то сильно... [и т. д., см. № 89].

О второстепенных частях предложений, чтобы не вдаваться в подробности, можно ограничиться немногими замечаниями.

В определениях заметно преобладают те, которые стоят после слова определяемого (№№ 65, 361, 369, 273, 382, 300, 436, 459, 444 и мн. др.); определения, предшествующие определяемому слову, сравнительно редки (№№ 358, 429, 442 и некоторые др.).

Из приметных случаев управления падежей и управления глаголов в считалочном синтаксисе должны быть отмечены: на дудочку играть (№ 71 вар.), едет баба на баран (№ 437-б,[156] ср. №№ 142, 142-а), по божьей росы, по поповой полосы (№ 321), по чужой стороны (№ 345); раздавила свои дети (№ 475, вар.), вела дети коло клети (№ 511), они кошки дерут (Соболев), мне не надо и часы (№ 471) и некоторые др.

Из особенностей употребления предлогов обращают своей многочисленностью на себя внимание случаи их повторения. Вообще стремление к повторениям весьма свойственно считалочной поэзии. Повторения дают чередование одинаковых звуков или их сочетаний; это в одних случаях заменяет рифму, в других служит задачам звукописания, в иных—сообщает стиху плавность. Разными причинами (устно-народная традиция, требования ритма и пр.) обусловлены повторения предлогов:

Из всех из дураков...
У нас у всех...

До косточки, до волосточки,
до седой бороды,
до иманьей головы...

По кусту, по насту
по калиновому мосту...

По шилу, по мылу,
по маслу погасла,
по свинцу, по олову...

За морями, за горами,
за железными столбами...

Под березку, под пенек,
под передний уголок...

Из поля в поле,
из моря в море (Покровский, с. 55).

См. также №№ 121, 301, 310-г, 321-с, 319, 419, 437-а, 372 и много др.

С повторениями встречаемся в соединениях фраз и особенно часто—при соединении членов предложений.

Бессоюзное сочетание членов предложений уже отмечено; не менее часты случаи соединения их при помощи союзов; при чем разные союзы в одном предложении редки; обычно наблюдаем многократно повторяющиеся одни и те же союзы:

Раз и два и три...

И попа и дьяка и серебренника...

Я и шла и шла и шла...
Пять и шесть и семь и восемь...

Еще конь да супонь
да десятый вон...

Несомненно предпочтительное пользование союзом *и*, которым присоединяются к одному другие члены предложения.

Из способов сочетания предложений надо заметить соединение их посредством *сочиняющих* союзов: оно сравнительно редко; там, где мы его наблюдаем, заметно предпочтительное пользование союзом *а*:

а попы были клопы,
а дьячки были сверчки...

Папа с газетой,
а мама с чулком,
а дочка не промах... (№ 418).

Кочерга пошла плясать,
а поганая мочала
стала полы вытирать (№ 503-д.).

Нередко встречаются и *бессоюзные* сочетания предложений.

Кому в рыло, кому в нос,
на носилках бог унес... (509).

Двадцать пять рублей дуга
мальчик девочке слуга.

Случаи *подчинения* предложений наблюдаются нередко, но они однообразны:

Кто понюхат,
тот дурак.

Кто слушал,
тот дурак.

А кто дураку простит,
того выстегаю.

Как избавить этот нос,
чтобы больше он не рос?

С кем хочешь,
с тем поделися.

См. №№ 308, 310-е, 381, 342, 396, 410 и др.

Подобно тому, как дети в поэтическом языке предпочитают воспроизведение звуков называнию их (см. гл. XII), в синтаксическом построении художественных произведений они почти не пользуются так наз. косвенной „чужой речью", старательно и любовно передавая „чужую речь" прямую.

Чужая речь в считалках явно подчиняет себе „авторский контекст": реплицирующие замечания обыкновенно встречаются только в начале произведения:

Карла Маркыч с длинным носом
подошел ко мне с вопросом:
„как избавить этот нос,
чтобы больше он не рос"?

В иных случаях „авторские реплики" совершенно устраняются, и тогда перед нами—считалка, построенная в диалогической форме:

Куколка-маколка,
что ты долго не была?
— Я боялась тиуна... [и т. д.].

См. №№ 268, 387, 388, 401 и др

При другом соотношении двух этих элементов—чужой речи и авторского контекста—ткань считалки оказывалась бы вязкой, лишенной упругости и подвижности. Угадывая это, ребенок стремится к предельной простоте стиля и лаконичности выражений, убирает все лишние слова из текста, оставляя,

как импрессионист, только самое выразительное, только яркие пятна. Отсюда—уже отмеченная по другим поводам краткость предложений в считалочных текстах, их сжатость. Почти каждый стих заключает в себе фразу:

кочерга пошла плясать,
она скачет, рукой машет...

Не часто фраза выходит за пределы одного стиха, заполняя собою двустишие:

а поганая мочала
стала полы вытирать..

У Ивана-капитана
стоят кони на пригоне...

Лишь в небольшом числе случаев предложение разрастается и выходит за пределы двух стихов:

Летели вени-голубени
не по Волге реке,
по пустой стороне...

XVIII.

Сложение и исполнение считалки подчинено „первозакону поэзии"—ритму в большей мере, чем все другие виды детского фольклора. Ни в одном другом виде ритм не соблюдается так строго (можно сказать, ритуально-строго: здесь—гадание) и нарушение его нигде не имеет таких последствий, как в считалках: обнаружение нарушенности ритма сводит „на нет" исполнение произведения, делает необходимым повторное его произнесение [157]. Не даром мы имеем столько высказываний на тему о ритме в считалке. Считалочные ритмы с трудом поддаются определению, и имеющиеся о них замечания или субъективны или чересчур общи, но самый факт внимательного отношения именно к ним весьма показателен.

Беллетрист воспринимает ритм считалки как заглушенный стук копыт бодро идущей лошади. „Далевский вдруг вспомнил, как он почти всю дорогу в такт лошади считал совсем так, как в детстве, в Одессе, когда собирался играть в прятки с товарищами:

Шла кукушка мимо сети... " [и т. д.] [158].

Композитор А. Т. Гречанинов [159] написал музыку на „Палочку-выручалочку" Брюсова, передающую ритм считалки.

Теоретики-педагоги из множества видов и разновидностей, словесных произведений выделяют считалку и подчеркнуто внимательно замечают, что именно „считалки приучают к ритму... и скандированию“ [160].

В обостренном внимании ребят к ритму, сказывающемся в обращении к считалкам, Ф. Ф. Зелинский видит характерную черту одного из периодов детства.

Для девяти — одиннадцати-летних детей усвоение „бессмысленного, но ритмического набора слов составляет физическую потребность: это тот самый возраст, когда дети при своих играх так любят „считаться“, как они это называют“ [161].

Считалочная речь слаживается через приспособление стихов к ритмическим движениям руки. Движения руки не только отвечают непосредственной необходимости „указывания“ (см. стр. 44), но, поднимаясь — при внимательном и любовном исполнении — на высоту пластического искусства, регулируют произношение, способствуют выковке мерной речи.

Может быть, это и имеет в виду С. П. Бобров, когда говорит: „Детские... считалки представляют собою обычный голый ритм, снабженный рядом легко ритмующих фонем, которые могут и не образовывать слов“ [162].

Таким образом, ритм считалок выявляется делением времени (стопы и паузы) и делением пространства (движения руки), и трудно сказать, ритм движения подчинен здесь ритму стиха или ритм стиха диктует свои законы ритму пластическому.

Изучение ритмики считалок затруднено характерными свойствами исполнения этого вида словесных произведений. Поэтика, избирающая объектом исследования *написание* стихотворений, зрительные образы строчек, по необходимости оставляет без рассмотрения некоторые стороны интересующих нас произведений, обнаруживаемые не в написании, а выявляемые в устном произнесении. Это направление в поэтике, — по слову поэта, — „хочет удовлетворить глаза, а не уши“ [163], а считалка — произведение устного, т. е. воспринимаемого слухом, творчества.

И другое направление в поэтике, сближающее речь с пением, не может с желательной полнотой охватить все вопросы, возникающие при изучении считалки: считалка исполняется своеобразной скандовкой, которая едва ли может быть безоговорочно приравниваема к пению. Однако некоторые характерные свойства считалки, напр., стиховой и музыкальный ее ритм, можно надеяться, будут лучше раскрыты этими изучениями.

Видимо, при таком положении дела описание считалки неизбежно будет эклектичным: многие свойства считалок ясно вид-

ны в написании текстов, другие делаются доступными пониманию, когда мы принимаем во внимание ее устное исполнение.

Если ритмы и метры детских считалок выразить, сколько возможно, в установленных схемах мерной речи, то здесь найдем как двухстопные, так и трехстопные размеры.

Как и надо ожидать, принимая во внимание особенности и основные свойства жанра, очень многие тексты считалок начинаются с ударения, и самым употребительным размером здесь будет х о р е й.

См. №№ 65, 67, 68, 70—73, 78, 79, 81—83, 86, 88, 89, 91, 92, 95, 99, 101, 103, 104, 106, 148, 155—158, 160—163, 166, 167, 172—175 и мн. др.

Заумные считалки, за немногими исключениями, тоже построены в хорее: №№ 176—180 и др.

В некоторых хореических текстах размер не может считаться выдержанным от начала до конца (№№ 74, 127, 150 и др.); на ряду с этим заслуживает внимания наблюдение, что как бы ни были перебиты размеры стихов текста, к концу стихотворения одолевает хорей: №№ 127, 128, 132, 134, 136 и др.

Прелестны в своей простоте тексты малых объемов, бегущие в одном размере; тексты многостишные, построенные в строго выдержанном размере, идущие без заметных перебоев в отношении длины стихов, ударений, размеров, не всегда переходят черту, за пределами которой мы говорим о монотонности, но часто приближаются к этому пределу. Зато выразительно живы считалки с перебоями в ритмах и размерах, с неожиданными сменами их (№№ 194, 219 и мн. др.).

Не наблюдаем ли мы здесь явления того же порядка, что у взрослых в области другого искусства: чтобы „оживить“ произведение, художник „дифференцирует душевное выражение и дает (на портрете) одному глазу несколько иное выражение, чем другому, и в свою очередь иное — складкам рта и так повсюду“ [164].

Нередко в стихотворениях хорей вступает в чередование с другими метрами — с дактилем (№№ 100, 164 и др.), анапестом (№№ 128, 146 и др.), давая различные вариации двухсложных и трехсложных размеров.

Ямбические стихотворения в считалках встречаются редко (№ 96); ямбические стихи наблюдаются обычно в соединении с другими — хореическими (№ 109), анапестическими (№ 168). Трехстопные размеры, замедляющие торопливость перебегания от стиха к стиху, употребляются гораздо реже. Тексты, составленные анапестом, тоже довольно редки (№ 87, 142, 143) еще меньше стихотворений, в размерах которых можно было бы узнать амфибрахий (ср. начальные стихи №№ 111, 112, 115).

Во многих текстах последовательно или непоследовательно сменяются разные размеры (№№ 90, 93, 105, 107, 108, 113, 114, 116, 117, 131 — 134, 153 и мн. др.).

Есть считалки. в которых слом размера (иногда и рифмы) делается только в конце текста когда сразу за последним стихом неожиданно оказывается отсталый слог или слово, — какой-то „привесок", не всегда обнаруживающий свое органическое рождение из строя и формы, которую замыкают, и производящий впечатление нестройного выкрика: хлоп, тюк, бакс, букс, рож, джа, жа, клэкс и т. п.

См. №№ 267, 268-а, 139, 126, 167, 168. 169, 109, 159-а. и другие.

Может быть, они возникли из односложной концовки, обозначающей подлинное действие считающего (он ударяет „выходящего") и являются синонимами этого слова.

Например, краткий диалог (см. № 268-а), словно не находя продолжения, заминается заумной речью и, чтобы вдруг выйти из затруднения, оканчивается кратким «хлоп», обычно сопровождаемым легким ударом.

В других случаях (Нечаев, с. 216) эта концовка выражена словом «кок». Надо вспомнить, что к о к н у т ь почти всегда в детском лексиконе значит у д а р и т ь, коротко и четко ударить.

Обыкновенно эти концовки — односложны; иногда они удваиваются, напр.: тус-тус (№ 174); многосложные встречаются как редкие исключения, напр: яблоко (№ 177), утюг (№139).

Все эти концовки, внезапно разрывающие ритм и размер считалки, представляют собою какие-то вдуг появляющиеся„ дополнительные грузы",которые должны быстро, почти мгновенно всё привести к концу.

Многие тексты от начала до конца не подчиняются установленным схемам (№ 129 и др.), некоторые представляют собою народный стих (№ 154). Встречаются считалки (№ 85), составленные в произвольном стихе в стиле п р и с к а з о к р а е ш н и к о в: они основаны исключительно на конечных созвучиях; при этом отдельные стихи могут быть с разным количеством слогов и произвольного метра.

О ритмах и метрах в считалках иногда, как сказано, очень трудно судить по з а п и с я м текстов; при и с п о л н е н и и наблюдаются непередаваемые в записях подробности, меняющие наши суждения. Иной раз текст, записанный на бумаге, производит впечатление ямбического. Во время исполнения первый слог часто удлиняется, тем самым выносится вперед, — и стихотворение отходит к хореическим [165]. Особенно трудно укладывают-

ся в твердые схемы стихи из счетных слов. Одни исполнители, показывая скандовкой хорей, произносят:

Ра́з два | тр́и че | тыре | пять...

То же делают и другие, втискивая в слова дополнительные звуки неполного образования, как бы для заполнения тактов и отвлекаясь от действительных границ слова:

Ра́зы | дваи | три
четы | ре пя | ти шесь
семи восемь
девять | десять..

У иных можно видеть — наряду с соблюдением двухстопной меры — тенде́нцию к молоссам:

Ра́з | два̀ | тр́и
четы | ре пять
щѐсть | сѐмь вѐсмь
девять | десять.

Если второй и четвертый стихи — ямбический и хореический, то в первом и третьем можно видеть „три к ряду лежащих ударных, соответствующих трем односложным словам".

Наблюдаемая в считалках разнородность метров стиха должна быть объяснена не только эстетическими вкусами творцов и исполнителей считалок, но в значительной мере и многообразием источников, из которых считалки пришли, и разнообразием влияний, какие проникали в произведения, составившие считалочный репертуар. Следя за этими источниками и этими влияниями, надо обозреть многие виды устного творчества и „книжной" (иногда и чужеземной) литературы: отголоски их — то едва угадываемые, то без напряжения различаемые — улавливаются во многих текстах.

А. Новиков.

Несколько заметок о сибирской маслянице*.

Во втором выпуске журнала „Сибирская Живая Старина“ (1924 г.) помещена очень интересная статья М. В. Красноженовой „Взятие «снежного города» в Енисейской губ.“ Автор статьи, основываясь как на личных наблюдениях, так и на литературных данных, дает подробное описание этого „финала масляницы“.

В предлагаемой мною заметке изложены некоторые аналогии и дополнения к фактам, собранным М. В. Красноженовой, записанные мною со слов очевидцев, а также на основании личных наблюдений в селе Стуково, Шадринского района, Барнаульского округа в зиму 1921—22 года.

Заметки были сделаны мною совершенно случайно и не исчерпывают вопроса. Только искреннее желание побудить земляков-краеведов к обстоятельному изучению во всех районах Сибири этого исчезающего на наших глазах обычая — дало мне повод опубликовать настоящие заметки в печати.

* * *

В довоенное время праздновалась в вышеуказанном районе вся масляная неделя. Но теперь местное крестьянство празднует лишь последние три-четыре дня масляницы. Празднование обычно начинается с блинов и непременного самогона. Мужчины ходят из гости в гости. Попутно, с первых же дней недели строят так наз. „городок“ из комьев снега, облитых водой; кладут ком на ком, пока не получатся высокие столбы. Последние соединяются снеговым же сводом и получаются „ворота“. На свод насаживают всякую падаль: дохлых собак, кошек, кур и проч. и, обливая водой, приморaживают.

В последний, так наз. „прощеный“, день масляницы — в воскресенье, с утра съезжаются крестьяне всех полов и возрастов из окрестных деревень в то село, где устроен „городок“. Приезжие разодеты в лучшие праздничные наряды; бывают среди них и маскированные, — по преимуществу в цыганском костюме.

---

* Доставлено Д. К. Зелениным.

Но начинается празднование лишь с появлением так наз. „царя“. Последнего привозят обыкновенно на паре, тройке, а иногда и пятерке лошадей, запряженных в обычный челнок или лодку. В лодке стоят стол, стулья, горящая печка-„буржуйка“; на столе стоит водка, закуска. На стульях сидит „царь“ вместе с придворными. На голове у „царя“ цветной из яркой (красной, желтой) бумаги колпак; лицо вымазано сажей; одет он в рваные тряпки; шаровары его широки, как „море черное“.

Приехав к городку, „царь“ вычитывает речь, полную различных прибауток — подчас остроумных, подчас крайне циничных.

Своей речью „царь“ приводит слушателей в неописуемый восторг, вызывая всеобщий одобрительный смех.

По окончании речи „царь“ подает знак к началу взятия городка. Наездники (желающие принять активное участи в этом празднестве обязательно являются на лошадях верхами), с криками, галопом налетают на городок и хлещут нагайками по своду. Народ защищает городок, бросая в наездников ледяные и снеговые комья. Происходит бой. „Это царь со стражей берет у неприятеля город“,—поясняет мне длиннобородый, стоящий рядом со мной крестьянин.

Долго никто не может надломить снежных ворот. Наконец, одному всаднику удается разрушить его—взять город. Добившись этого, всадник-победитель мчится прочь от толпы; его догоняют даже и те, кто и сам участвовал во взятии городка, но не смог сломать свод. Догнав „счастливца“, погоня с криком торжества стаскивает его с коня; „моет“ в снегу, наполняет комьями снега его шаровары, рубашку и проч. Все это происходит до тех пор, пока победитель не потеряет сознания. Затем его везут в деревню, приводят в чувство и поят вином. Все присутствующие складываются („на паях“) на такое дело.

Царь снова „читает“ с арки взятого городка речь, полную удовлетворения одержанной им победы.

Бывают нередко при расправе с победителями-счатливцами, взявшими городок, и несчастные случаи. То сломают такому герою ногу, то руку и проч. В селе Стуково мне пришлось встретить потерпевшего, которому после одержанной им победы всадники поломали нос. Так и ходит теперь бедняга-„победитель“ со свороченным на бок носом.

Так здесь заключали празднование масляницы сибиряки еще лет семь тому назад.

Нечто подобное, рассказывают, происходило и в селе Черемново того же района.

Одна коренная сибирячка, объясняя мне это празднество, утверждала, что начало свое оно получило с момента пресловутого „освобождения крестьян“ (1861 г.), когда темный крестьянский люд, вначале поверив в дарованную им „свободу“, гулял, как это всегда водится, на радостях. С тех пор, якобы, и закрепилась среди крестьянства такая гулянка, приуроченная к маслянице. Бабка этой сибирячки была крепостной.

* * *

В зиму 1923—1924 г. я наблюдал, как население деревни Кислухи Белоярского района, Барнаульского округа в прощеный день жгло в разных концах деревни солому, символизируя тем самым проводы масляницы.

* * *

Весной истекшего года барнаульский старожил Яким Степанович Феоктистов сообщил мне, что лет 35 тому назад в гор. Барнауле на маслянице тоже строили „городок“. Последний делали аршина в три высотой; на верху его укрепляли упряжную дугу, к которой подвешивали бутылку водки. В прощеный день совершалось взятие городка. Участники проделывали это, также будучи верхами на лошадях. Из среды присутствующих выбирался руководитель. Взявший городок (т. е. взобравшийся на вершину обледенелого сооружения) выпивал в награду за свои „доблести“ подвешенную приманку-водку.

Пожарники же в этот день ходили ряженые по городу и под окнами обывателей производили выстрелы.

* * *

По дороге из Тюмени в Новосибирск летом 1928 г., ехавший со мной в одном вагоне гражд. гор. Ишима, Алексей Афанасьевич Селиверстов, сообщал, что в дер. Ворсихе, Годопутовской вол., ныне Ишимского округа, лет 30 тому назад также существовал обычай в конце масляницы брать городок. Последний делали из снега в виде квадрата аршин в 5 высоты, с отвесными стенами. На вершине городка укреплялось тележное колесо, а к нему подвешивалась четверть вина. На вершине же снежного городка накладывалась солома, которая в заключение описываемого обычая сжигалась. Участники взятия городка, пешие, лазили партиями ломать — „брать“ сооружение. Зрители задерживали и стаскивали их с половины городка. Кому, однако, посчастливилось взобраться на городок, тот являлся полновластным хозяином водки. Все расходы, связанные с проведением подобного обряда, производились участниками в складчину.

В других деревнях этой волости городок делали из „слеги“—строевого бревна аршин до 10 длины; его предварительно гладко обстругивали, затем обливали водой и, заледенив, ставили его „на попа“ — стойком. На вершину такой слеги прикрепляли бутылку водки.

В этот же, „прощеный день“ (местное название: „целовальник“: при испрашивании прощенья накануне великого поста—целуются, отсюда и название) в большую кошеву, оббитую рогожей, запрягали тройку добрых коней, к шеям которых подвешивали „боталы“, колокольца и шоркунцы. Участники брали в руки березовые веники и помело из хвойных веток и „разряженые“ с песнями „раскатывались“ по селу и окрестным деревням.

В старину же, — сообщал А А. Селиверстов, — лет 60 назад, в тех медвежьих углах нашего (Ишимского) округа, где властей было мало („на 60 деревень один старшина“) в числе катающихся ряженых всегда находился и „король“, в обязанность которого входило произносить перед зрителями, „речь“ и притом в „костюме Адама“. В каждой деревне, где сооружался городок, был и свой „король“ — из наиболее разбитных и красноречивых жителей местного края. Они на тройках раскатывались от городка к городку и произносили речи. Один из таких „голых королей“ после произнесения речи простудился и умер. „С той поры короли в наших краях забавляли публику в одежде, а затем перевелись и вовсе“,—заключил Алексей Афанасьевич свой рассказ.

Ленинград, январь, 1929.

П. Черных.

Диалектологические заметки.

Несколько дополнений к „Диалектологическому очерку Сибири“ проф. А. М. Селищева.

Как известно, профессору Селищеву для его „Диалектологического очерка Сибири“ не пришлось использовать некоторых архивных данных по русско-сибирской диалектологии. „К прискорбию,—пишет он: „я не мог воспользоваться рукописным материалом, находящимся в распоряжении Московской Диалектологической Комиссии“ (с. 272). Действительно, для полного учета уже проделанной работы по диалектологическому изучению Сибири (учета, в необходимости которого, хотя бы в интересах экономии научной энергии, не приходится сомневаться), для такого учета обозрение архивных рукописных материалов не может не иметь определенного значения. Особый интерес представляют диалектологические данные, относящиеся к языку русского старожилого населения Сибири, скажем, первой половины или середины прошлого столетия, данные, которые могут оказаться в архивах. В существовании, по крайней мере, некоторой их части я убедился во время своей научной командировки в Москву и Ленинград зимой 1927-го года.

В Ленинграде, в рукописном отделении библиотеки Академии Наук среди материалов, составляющих группу „Областной словарь“ и поступивших в библиотеку А. Н. (согласно „Сведениям о рукописях, поступивших в 1900—1901 г.г.“) „из архива Срезневского“, оказалось несколько сообщений из Сибири (а именно: 118, 172—3, 175—9, 181—2, 185—6). Большая часть этих сообщений приходится на долю Восточной Сибири: 172 (Иркутск. губ. и Якутск. обл.), 173 (Лена), 181 (Нерчинск. окр.), 182 (Камчатск. обл.)[1], 185 (Кяхта), сюда же 118 (Дальний Восток). К Западной Сибири относятся сообщения 175 (Алтай), 176 (Колывань), 178 (Курганск. окр., слобода Белозерская), 179 (Алтай). Сообщение 186 носит название „О сибирских речениях, не вошедших в Опыт областного

---

[1] П. Кузмищев. „Замечания о камчатском наречии“. Напечатано в „Москвитянине“ за 1842 г., VI, № 11.

великорусского словаря“ и относится к сибирскому краю в целом)[1]. Не все сообщения датированы в смысле времени их написания; так, например, датированы 173 (1849 г.), 178 (7-X —1857 г.), 179 (1849 г.), 181 (судя по историческому очерку края,—в 1851 г. или вскоре после этого), 182 (1832 г.). На одном из них имеется определенное указание: „ответ на программу Р. Г. О.“ (178); на другом—приписка „для Географического Общества в СПБ“ (179). Автор одного сообщения (181) обращается к Сибирскому Отделу Р. Г. О. Можно поэтому полагать, что в большинстве своем эти сообщения представляют из себя ответы на программу Русского Географического Общества по этнографии (около 1847-го года). Некоторые из этих ответов, повидимому, хранятся в архиве Р. Г. О.)[2]. Возможно, что некоторые из них остались в Сибири. Один из таких документов, как известно, был извлечен А. А. Савельевым из сельского архива Богучанской волости Енисейского уезда и напечатан А. Линьковым в „Сибирском Архиве“ за 1913 г., № 2 (ст. „Волостной писарь за наукой“).

Перечисленные сообщения не все представляют одинаковую научную ценность, прежде всего, с точки зрения их полноты. Каждое из них заключает в себе более или менее значительное собрание местных слов или общеупотребительных в данной местности, или технических (как, напр., в сооб. 176 „Горнозаводческие слова Колывано-Воскресенских заводов“), или местных географических терминов (как, напр., в сооб. 177 „М. геогр. термины, употребляемые в г. Туринске и его окрестностях“). Но в некоторых сообщениях, кроме перечня „поместных“ слов, имеются также более или менее случайные указания фонетического и грамматического характера (особенно 178.

---

[1] Поэтому для диалектологического изучения Сибири отмеченные здесь немногочисленные факты не могут быть использованы, как не локализованные. Дается общая характеристика русско-сибирской речи: „они (сибиряки) говорят правильно, чисто, и даже приятно, кроме разве особенных слов и разных идиотизмов“, с. 8 С другой стороны: „сибиряки мало свыклись с мягкою и приятною речью москвичей“, с 12. Но вообще говоря: „сибирские речения представляют для нас особенный интерес, как отозвавшиеся из разных углов России отголоски слов, отчасти исчезнувших уже на своей родине и сохранившихся только в отдаленной от нее Сибири“, с.с. 4—5.

[2] По независящим от меня обстоятельствам я не мог ознакомиться с рукописным собранием Р. Г. О., так как диалектологических материалов по Сибири на месте не оказалось (!) и вообще о существовании их заведующему библиотекой Р. Г. О. ничего определенного (весной 1928 г.) известно не было.

181, 182). К некоторым из этих сообщений приложены образцы „сибирской речи“ (178, 186)[1].

Теперь я позволю себе перейти к обозрению особенностей русского языка в Сибири, поскольку они отражаются в перечисленных сообщениях. Придерживаясь общепринятого в языковедении порядка изложения, в первую очередь остановлюсь на особенностях фонетических.

К сожалению, этих особенностей в сообщениях отмечено очень немного. Например, очень мало оказывается данных для суждения о характере отражения неударенных гласных *а, о* и *е*, следовательно, по одному из наиболее важных вопросов великорусского вокализма. Определенные указания на окающее произношение имеются в двух сообщениях: 179 (из Барнаульского округа: „буква *о* занимает одно из первых мест в произношении каждого слова“,—с. 15) и 181 (из Нерчинского округа: „произношение слов удерживается на *о* или окающее“, —с. 6). Кроме того, отмечаются еще такие особенности, как: произношение *е* в „свешшеник“ (сооб. 181); *е* или *и* вм. *а* между мягкими согласными под ударением: преник или приник, грезь или гризь (сооб. 178, с 2, из Курганск. окр.). В этом же сообщении находятся указания на произношение *и* вм. *ѣ* перед мягкими с.: мирять, писня, здись, стрилять (сооб. 178, с. 1); произношение *и* вм. *ѣ* в „исть“ или „ись“ отмечается в сооб. 179, с. 15 (из Барнаул. окр.) и 181, с. 9 (из Нерчин. окр.) Перечислим еще некоторые особенности в области фонетики, отмеченные в сообщениях: н е з н а й вм. не знаю (сооб. 181, с. 14), стяжение гласных: знат, ве́дат, жале́т (сооб. 181, с. 10); произношение *с* вм. *ц*: сарь, серковь, красавес (сооб. 178, с. 2), *с* вм. *ч* в словах „гасник“ (сооб. 175, с. 21), „молосный“ (сооб. 172, с. 8, из Иркутск. губ.; 175, с. 72, из южной части Томск. губ.; 181, с. 32); *ц* вм. *ч* в „цело“ у русской печи (сооб. 175, с. 147; 181, с. 48): *льч* вм. *лч* в „мольчать“,„мольчу“, „мольчи“ (сооб. 181, с. 10); *тр* вм. *пр* в „тробовать“ (сооб. 178, с. 6); *чк* в „бачка“, „мачка“ вм. батюшка, матушка (сооб. 181, с. 12).

В области грамматики отмечено в общем так же мало, как и в области фонетики: напр. форма творительного мн. на

---

[1] Вот, например, образчик сибирской речи, доставленный автору сообщения 186 известным А. И Степановым, автором книги „Енисейская губерния“ (СПБ. 1835):

— Здорово, сударыня! Куда пробираешься? — В елань за голубицею! — Болозе́нь, что пришла сюда, а то бы нам не встретиться. Давно мы не видалися. — Однако дивно. Ланцсь — Когда же вы к нам с заимки-то переедете. — На прок — Что же вы ро́бите на заимке-то? — Водиц раззорила: четыре сестры, мал мала меньше, живем в тайге, того и смотри растеряются. — Трудно, девица, трудно. — Однако трудно.

м: рукàм, грабля́м (сооб. 178, с. 5); формы склонения существительных типа „семя“: семё, семя, семю, семем; „дитя“: дитё, дитя или дѝти, дитею, о дите (сооб. 181, с. 10), форма им. мн. на *на*: дворяна, крестьяна (сооб. 181, с. 10); форма сравнительной степени на *яе, ае*: бедняе, ближае, лучшае (сооб. 181, с. 13); левы́, правы́ (сооб. 179, с. 5); распространение глаголов на *овать*: зверовать, белковать, лисовать. козовать (сооб. 171, с. 7; 181, с. 11); „неокончательное наклонение... на ъ вм. ь“: „спат хочу“ (сооб. 181, с. 10); форма инфинитива и прошедшего времени сясти, сял (сооб. 182, с. 7, из Камчатск. обл.); форма 1-го л. ед. настоящего вр.: видю, сидю, хотю (сооб. 181, с. 9). Особо следует остановиться на указаниях относительно употребления *чего* вм. *что*, встречающихся во многих сообщениях: чего стоишь, чего надобно и т. д. (сооб. 179, с. 11; 181, с. 13; 182, с. 55), начегó ему меня (сооб. 175, с 77). Наречия: (в алфавитном порядке) адалы́ 181, с. 16 (подобно, как будто), также: одалы́ 172, с. 13; бóлоге или бóлозе 181, с. 16 (хорошо), также: болозень 186, с. 8, болозы́ 173, с. 2; большó 181, с. 16 (вероятно); наречия с усилительным префиксом *во-*: вó мало (маловато), вó-тесно, вó-сыро 181, с. 14; 182, с. 7; взáболь 172, с. 3, 181, с. 19 (в самом деле); вóдерень, вóкоречь 181, с. 19 (вовсе, окончательно); в отдóр (в сторону) 181. с. 20; всугóнь 175, с. 21 (вдогонку); в тáпоры 179, с. 2 (в то время); двóю, трóю, трóжды 181, с. 10 (дважды, трижды); дивно 172, с. 7, 175, с. 26, 181, с. 22 (много); дивьы́ 175, с. 26 (хорошо); дрýгомя 178, с. 4, 181, с. 23, 182, с. 31 (иначе); зáвсе 179, с. 3, 182, с. 21 (всегда); лонѝ, лонѝсь 172, с. 10, 175, с. 62, 178, с. 4 (в прошлом году); однако (вероятно) 181, с. 16, 182, с. 37, 186, с. 8; одновá 181, с. 10 (однажды); оногдась 175, с. 82, 178, с. 5; ономедни, ономнясь 172, с. 13, 175, с. 82; надысь, намедни 179, с. 4 (на днях); коéводни 172, с. 8; коевóдни 179, с. 4, коевáдни 178, с. 81, 182, с. 43 (намедни, на-днях); тожно (тогда) 181, с. 44, 182, с. 50. Частицы: -ста (я-ста его не знаю) 181, с. 9. Междометия: (удивления) ó́ка втора! 181, с. 14, 182, с. 15; (сожаления) эй-ян, эх-ян; (испуга) йох, апá, апэкэй 181, с. 14. Из особенностей в области словаря (не относящихся к категории наречий, союзов, частиц и междометий) по некоторым соображениям считаю нужным отметить такие, как: вож (лоцман) 172, с. 3, гóить (устраивать, приводить в порядок) 175, с. 22, жóмы (тиски) 175, с. 33, кóмонь (конь, в песнях) 175, с. 50, перстянки (перчатки) 172, с. 13, 175, с. 82; разстáни (место, где дорога раздвояется) 175, с. 116, сарѝнь (ребята) 175 с. 121 стрельцы (охотники) 173, с. 2. Ударение: спѝна, дочкá, де-

вòчка, пòставка, зáкуска 181, с. 15, парá, дочкá,в Мòскву 179, с. с. 2, 6, 8; парá, тихòй, можнò 182, с. 7.

Совсем другим характером отличаются рукописные материалы Московской Диалектологической Комиссии. В большей своей части они представляют из себя более или менее подробные ответы на диалектологическую программу Отделения Русского языка и Словесности Академии Наук. К сожалению, подлинников этих сообщений мне разыскать не удалось: повидимому, они исчезли. Сохранились только их копии, которыми я и воспользовался для своего обозрения. Все эти ответы относятся к Западной Сибири, и это обстоятельство особенно увеличивает их ценность в виду того, что Западная Сибирь в диалектологическом отношении обследована очень слабо. В частности, большинство ответов приходится на Томскую губернию (96, 99, 117, 119, 129, 156), остальные относятся к Тобольской г. (64, 70, 74, 90, 216)[1].

Заключающиеся в этих ответах диалектологические данные касаются, главным образом, произношения и отчасти грамматики русско-сибирской речи. В ответах из Тобольской губ. (70, 74, 216) отмечается óканье (водá), а из Томской—áканье (вадá). Сюда относятся ответы 64, 117, 129 (Каинск. у.), 99 (Змеиногорск. у.), 119 (Барнаульск. у.). И то, и другое произношения отмечаются в ответах 96 (Каинск. у.), 156 (Барнаульск. у.). К áканью не имеет никакого отношения употребление *а* вм. *о* в óкающих говорах в словах: таварищ, манах, салдат, карапь, тварог (отв. 216). Из других особенностей вокализма обыкновенно отмечаются: произношение *и* вм. *ъ* перед мягкими согласными (мисяц, симя, здись) в ответах из Тобольской губ. (70, 216, повидимому 74); произношение *е* вм. *а* под ударением между мягкими согласными, а без ударения и перед твердыми: престь, петй, взелà (отв. 70, 74, 96, 156, 216); хотя в отв. 99 (Змеиногорск. у.) это произношение подчеркивается только в слове „опеть“ (но: „взять“ и т. д.); произношение *а* вм. *е* под ударением: крясло, колясный, словясно, затясывать (отв. 70, 216), реже: головяшка (отв. 116, 117—из Каинского уезда, при чем в отв. 117 подчеркивается употребление этого слова с *я* только в значении „передок у саней“, тогда как в обычном смысле употребляется слово „головешка“[2]); произношение *о* в „робёнок“ и „топерь“ (отв. 70, 216) или только в слове „робёнок (отв. 74, 90); в

---

[1] Ср. в моем описании „Русские говоры Илимского края“ (отд. оттиск, Иркутск 1928), с. 6.

[2] См. „Материалы для изучения великорусских говоров“, в. IX, Указатели (Сборник Отделения Русского яз. и Словесности, т. 87, СПБ. 1910, с. с. 248—269).

области консонантизма: произношение *с* вм. *ц*: куриса, сарь и т. п. (отв. 70, 116, 119); *к* вм. *х*: кодил, коровод, сока́, па́карь (отв. 90—из Ялуторовск. у. Тобольск. г.); произношение *ц* вм. *ч* в слове „цело“ при различении их в других случаях (отв. 70); *с* вм. *ч* в „молосный“ (отв. 64, 116, 119, 216б); *л* вм. *в*, *ль* вм. *дь*: слобо́да, треложить; свальба (отв. 70, 90, 96, 116, 119, 156, 216); *р* вм. в: скрозь (отв. 70, 74. 96. 116. 119, 216); *гм* вм. *бм*: огмануть (отв. 117); выпадение *к* в: толну́ть (отв. 96), случай межслоговой ассимиляции: троба, тробовать (отв. 70); слово „сти́ны“ вм. „крестины“, „кстины“ (отв. 116).

Отмечаются и грамматические особенности: напр. употребление ф. ф. творительного мн. на *м*: за кони́м (отв. 216); родительного ед. прилагательных на *ова* в окающих говорах: доброва, худова (отв. 70, 216), хотя встречается и *ово*, при чем в отв. 74 из Ишимск. у., Тобольск. г. сообщается, что в этом окончании возможно и *г*,повидимому, длительное („такое же“, как в „бога“, „богу“); сравнительной степени, на *яе*, *ае*: скоряе (отв. 70, 96, 116, 156, 216); родит.-винит. т о ё, винит. т у ё (отв. 216), дат.-творит. мн. на *мя*: всемя (отв. 216). Относительно местоимения *что* имеются указания, что оно по большей части употребляется в виде *чо* (отв. 64, 74, 96, 117, 156, 216). Отмечается употребление постпозитивного члена *от*, *та*, *то*, *те*, *та*, при чем в некоторых говорах в косвенных падежах гласный члена ассимилируется с гласным флексии: у дому-ту и т. д. (отв. 70, 116, 117, 216). В области глагола заслуживает упоминания: образование „я знам“ вм. я з н а ю (отв. 129) (из Каинск. у., Томск. у.), формы инфинитива: в ы н я т ь (отв. 216), и т т и т ь, в е с т и т ь (отв. 117), форма деепричастия на *мшись*: в з я м ш и с ь; широкое употребление глаголов на *ся*: я с т и р а л а с ь (отв. 216). Кстати сказать, в ответах 70, 117, 216 отмечается, что частица *ся* употребляется и после гласных: учуся; после *л* в этих говорах с произносится твердо: училса, боялса. Из области наречных образований отмечено о ч у н ь (очень) (отв. 117). Наречия „когда“, „тогда“ употребляются или с *в*, или с *л*: ковда, колда (отв. 96, 99) или только с *л*: колда (отв. 74, 116). Ударение: коси́т (косою). со́брал, по́гнал. три́ года, два́ дни (отв. 216).

В заключение несколько замечаний о научной ценности использованных выше материалов. Она не подлежит сомнению. Прежде всего, новые материалы дополняют наши сведения о русско-сибирских говорах *Западной* Сибири, при чем оказывается, как и следовало ожидать, что говоры б. Тобольской губ. при некоторых общесибирских чертах, отличаются от других сибирских такими чертами, как произношение *и* вм. *ѣ* перед мяг-

кими согласными: мисяц и т. п. Эти особенности решительно сближают тобольские говоры с северно-великорусскими говорами вологодско-вятского типа. Мне кажется, что в процессе дальнейшего развития русско-сибирской диалектологии говоры б. Тобольской губ., имеющие такое важное значение для решения вопроса об областном сибирском наречии, должны занять центральное место, как говоры переходные от европейско-русских к сибирским. Кроме того, новые материалы во многих отношениях позволяют уточнить сообщаемые проф. Селищевым сведения и делаемые им обобщения (мало обоснованные и поспешные, когда идет речь об *общесибирских* особенностях). В частности, представляет интерес сообщение об употреблении формы родит. ед. на *ого* (не с *в*, а с *г* длительным) в великорусских окающих говорах Тобольской губ. Также в области наречных образований некоторые не были отмечены Селищевым: болозе, вóдерень, очунь, трожды и др. Местоимение *чо*, повидимому, и на самом деле является теперь общеупотребительным в Сибири. В этом отношении представляют особенный интерес упомянутые выше старинные сообщения, почти единогласно свидетельствующие, что употребление *чо* не является для Сибири старинным. В середине прошлого столетия в этом значении в Сибири употреблялось, повидимому, только *чего*.

Таковы результаты нашего беглого обозрения архивных рукописных материалов по русско-сибирской диалектологии. Вероятно, эти диалектологические материалы не исчерпываются упомянутыми собраниями ленинградских и московских архивов. К сожалению, о судьбе других более или менее значительных собраний подобных материалов ничего достоверного пока не известно. В частности, ничего не известно о судьбе рукописных ответов на специальную „Программу для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка в Сибири" томского профессора А. Д. Григорьева (Т. 1919). Кроме того, отдельные сообщения и записи, повидимому, разбросаны по местным сибирским архивам и книгохранилищам[1] В настоящее время, в связи с оживлением

---

[1] Между прочим, в архиве кабинета языковедения при Иркутском Гос. Университете имеются довольно ценные записи из старожильческой деревни Телеутской на р. Оби, Барнаульского округа, доставленные студенткой Педфака З. Головановой. Говор д. Телеутской отличается такими особенностями, как: ô канье (корô ва, половîна и пр.), хотя встречаются и некоторые элементы аканья; употребление *е* вм. *а* (я) между мягкими согласными: ê сы. упê ть; *и* вм. *е* (из *е* и ѣ) перед мягкими согласными: дîвять, дîсять, копîйка, Евдîнья, мîсяс, сить; *шч* вм. *ч* (!): к нô щи, крайщик обрыва. вщерâсь, що, рогâщ

диалектологического изучения Сибири, мне кажется, вполне своевременно было бы поставить вопрос о концентрации этих материалов, о сосредоточении их в каком-нибудь одном сибирском хранилище.

Вероятно, не имеется никаких оснований сомневаться в возможности дальнейшего пополнения подобных диалектологических собраний, напр., путем программ, анкет и т. д. Следует полагать, что и в наши дни еще не иссякла эта былая готовность отдельных культурных работников Сибири в нужный момент прийти на помощь хорошему делу изучения народной речи и что современный диалектолог еще не мало найдет себе сотрудников, для которых единственной наградой является уже само по себе *то сознание* своего участия в общем научном движении, *о котором* один из авторов упомянутых выше старинных сообщений (181) выразился известными крыловскими стихами (из басни „Орел и пчела“):

Родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утешаюсь тем, на наши смóтря соты,
Что в них и моего хоть капля меду есть!

(-- ухват) и т. д. при (*шш* вм. *щ*: шшербй, игришше и пр.); *с* вм. *щ*: гóрниса, сэрква, мисяс; случаи ассимиляции и упрощения: гумáга, медьма (-- ведьма), мотрй тупáй (ступай).

Отрывок из записей: А туто тажнò мужык один охотницать без собаки здумал. Пошол он этта к òзиру, глянь, — а посереть озира утиса сидит. Стрйльнул он в её, а она фсё сидит. Он ишшо рас стрйльнул, тады и попал, убил её. Убил, разболокся и защáл плыть к ней. Плыл, плыл да как щубурах в водису. Ровно що-то удёрнуло ево туды. Только и видели мужыщка.

Вас. И. Сосновский.

Сяньбийцы-эвенки.

Этюд по туземной этнонимике Сибири.

В 1925 году в Ленинграде проф. Pelliot выступил с докладом, в котором упомянул о составленном китайцами словаре сяньбийского языка. На основании этого словаря Пельо причислил сяньбийцев к туркам. Упомянув об этом, академик В. В. Бартольд в своем выступлении на Первом всесоюзном туркологическом съезде (27 февраля 1926 г.) заявил: „Материал, которым располагает проф. Пельо, повидимому, настолько важен, что до обнародования и исследования этого материала необходимо воздерживаться от решения вопросов о племенном происхождении того или другого народа соответствующей эпохи“ [1].

Это причисление сяньбийцев к туркам является довольно неожиданным. До сих пор они единодушно причислялись к тунгусам или корейцам.

Но можно ли считать приговор проф. Пельо, базирующийся на столь, казалось бы, веском материале, как словарный состав сяньбийского языка, окончательным? Нет, остается еще много сомнений. Стало давно банальным утверждение о том, что язык, взятый в целом, является одним из наименее устойчивых признаков какой либо этнической группы. Кроме языка, еще остаются такие важные признаки, как материальная и духовная культуры, антропологические особенности и др.

К сожалению, мы не имеем, при теперешнем состоянии наших археологических сведений, данных о составе материальной культуры сяньбийцев. Почти то же самое можем сказать и о духовной: сведения, сообщаемые китайскими источниками, скудны и неопределенны. Поэтому, имеет большое значение каждое, хотя бы, казалось, незначительное, указание на ту или иную возможность решения данного вопроса.

В предлагаемой заметке я хочу поделиться некоторыми моими наблюдениями над одним из интереснейших пережитков прошлого в культурном комплексе каждого народа, в том числе и сяньбийского—этническом обозначении самого народа, его этнониме.

I. Народ, выступивший на историческую сцену в I веке нашей эры и в 93 году нанесший последний сокрушительный

удар державе гуннов, назывался у китайцев сянь-би (Hsien-pe). Это название должно было быть передачей самоназвания племени и должно было передавать его более или менее близко к оригиналу (прототипу).

Для более точного воспроизведения самоназвания сянь-бийцев, мы можем обратиться к другому языку, к счастью, сохранившему для нас более первоначальную форму этого этнонима. Это язык кето (енисейских „остяков"), единственный сохранившийся от древней семьи динских языков [2], занимавшей раньше более обширную территорию. На этом языке соседи кето с востока—*тунгусы* называются этнонимом fëmba, hangba и hëangba. Эти формы, по Кастрену, восходят к одной основной *hëangba [3]. Эта же динская (собственно, кетская) форма и должна быть наиболее близкой к оригиналу.

Попытаемся выяснить прототип этой кетской формы. В hëangba „ëa" представляет нередко встречающийся в кетском языке дифтонг, где первый компонент ë, по определению Кастрена, звучит, как широкое и глухое (dunkle) e, приближающееся к ä и ö, т. е., приблизительно, является гласным передне-среднего ряда нижне-среднего подъема, с наклоном к лабиализации. О действительном лабиализованном характере этого кетского дифтонга может говорить замена его в котском (коту) языке через долгое o; например, кет. ëagh: кот. ōge — „ветвь". Поэтому, мы можем, с большой долей вероятия, кетское hëangba возвести к прототипу *heenba < hewenba с лабиализованными e. Появление же „a" в „ëa" объясняется реассимиляцией. Нужно прибавить, что в кетском яз. отсутствуют v и w; в словах с чужих языков v заменяется b и p, напр., bopsä—русск. „вовсе".

Сделаем еще несколько замечаний к hëangba. Мы видим, что этот этноним здесь звучит в спирантной форме и имеет задненебное n (ng) . Появление этого звука на месте зубного n легко объясняется влиянием аналогии с динскими окончаниями прилагательных на eng [4]. Первое же можно объяснить лишь тем, что также спирантно звучал этот этноним в устах тех, от кого дины его заимствовали: в динских языках переход sh не наблюдается.

Итак, мы восстанавливаем основную форму древнего самоназвания тунгусов: *he^{w}enba < hewenba. Но это же название, только в спирантной форме и, повидимому, с гармонией гласных (конечная частица китайского „сяньби": bi < bä < ba, как будто указывает на эту особенность [5]) легло в основу прототипа кит. „сяньби": *se^{w}enbe > seenbe sienpi. Гармония гласных и, вероятно, сама сибилянтность указывают на турецкое посредство; еще лучше сибилянтность объясняется свойствами северно-китайского консонантизма.

II. Мы видим, что для кето понятие „тунгус“ и „сяньбиец“ тождественны. Но, быть может, это тождество выработалось в результате вхождения северных тунгусов в „турецко“-сяньбийскую государственную организацию в момент первого знакомства с ними кето. Внимательный лингвистический анализ показывает, что название „сяньбиец“—„хевенба“ кето впервые услыхали из уст самих тунгусов, как *самоназвание* и, что это самоназвание живет до сих пор между тунгусами, правда,в несколько измененной форме: *эвенки*.

Работа над названиями тунгусских племен привела меня к мысли о древности некоторых из этих названий, ведущих нас далеко на запад, в область переднеазиатских алародийских (яфетических) этнических образований. Поэтому, вполне правилен будет яфетидологический подход к анализу тунгусских этнонимов, в первую очередь — сяньби ‖ эвенки.

Остановимся сначала на hewenba ‖ siepi. Этот этноним ясно разлагается на три составных элемента: плюральный префикс + корень + плюральный суффикс. Корнем, легко выделяемым, является ʷen < wen, представляющий вариант, (с выпадением начального губного звука), широко распространенного „яфетического“ этнонимического корня ven ‖ ben ‖ pen ‖ fen ‖ wen[6].

Обычно, название народа в яфетических языках является в форме множественного числа[6], выражающейся в показателях из согласных, помещаемых в конце корня или в его начале, часто в обоих местах сразу. В нашем этнониме мы видим оба показателя. Префикс множественного числа выражен наичаще встречающейся формой s hi[7]. Первичный, исходный показатель множественности не сохранился (скорее всего, он был в форме — d); его заменила частица ba ‖ be, пережиточно сохраняющаяся в ряде языков и имеющая значение: сын > дети > потомство > племя > суффикс множественного числа[9]. Начальное w в корне wen в древне-сяньбийском языке, повидимому, имело тенденцию к выпадению[8].

Из *hewenba легко выводится и теперешняя форма тунгусского самоназвания: ewenki—эвенки.

Эта форма e-wen-ki[10] является дальнейшим развитием формы *he-wen-ba. Начальное h отпало, корневое w закрепилось, (диалектически, в v), что же касается частицы множественного числа ba. то она в порядке словотворчества заменилась частицей k ɪ, [являющейся, вероятно, сокращенной формой суффикса gir, столь популярного в окончаниях названий тунгусских племен (сама-гир, маня-гир, курка-гир и т. д.) и обозначающего понятие „люди“, „племя“, „мужчина“]. Так. в языке приморских тунгусов - ламутов самоназвание в ед. числе звучит „эвэн“[11]. Здесь мы видим промежуточную стадию потери

конечного ba, но до образования замены ему в виде k$\bar{\imath}$. Вопрос об образовании суффикса gir и переходе его в k$\bar{\imath}$, заслуживает, по справедливости, особого исследования.

III. Сделаем выводы. В отдаленную эпоху из местных — туземных и пришлых с далекого юго-запада элементов сложился северно-тунгусский народ, местом *окончательного* сформирования которого нужно считать Заяблонье, где то в области слияния рек Онона и Керулена [12]. Обще-племенным названием его стал принесенный еще с юго-запада этноним hewenba. Под этим же именем он стал известен и соседям. В I веке нашей эры отсюда хевенбайцы (известные по китайскому произношению, как сяньбийцы), в союзе с динлинами и китайцами, разгромив гуннов, завоевали теперешнюю Монголию и прилегающие страны. Часть хевенбайцев-сяньбийцев проникла в Прибайкалье, ассимилировала аборигенов и вошла в соприкосновение с динами [13]. Наибольшего развития держава Сяньби достигла при Таньшихае (158—178 г. г.), когда она включала в себя земли от Кореи до Семиречья и от Прибайкалья до Великой китайской стены. Обитавшие здесь народы турецкого [14], монгольского и динского происхождения должны были подчиниться сяньбийцам. Неудивительно, что в этой массе племен немногочисленные сяньбийцы смогли составить лишь господствующий слой, растворившийся в массе покоренных народов. Таким отуреченным сяньбийцам и мог принадлежать словарь проф. Пельо. Вскоре держава Хевенба—Сяньби распалась и растворилась в других государственных образованиях. Сохранились лишь их остатки, поселившиеся в Сибири, вначале в бассейнах Олекмы и Витима, где их уже в VII веке знают китайцы под именем „увань“ [15]. Приспособление к новым условиям жизни и ассимиляция с аборигенами заставили язык хевенбайцев пережить изменения, результатом которых явилось изменение их национального имени из hewenba в ewenki.

7/VIII—1928 г.
г. Иркутск.

Примечания.

1. Первый всесоюзный тюркологический съезд (Стенографический отчет) Баку, 1926 г., стр. 22.

2. Динами можно назвать группу близко родственных между собою племен: енисейских остяков или кето, асанов, коттов (коту), аринов, урянхитов и некоторых других, названия которых сохранились в наименовании некоторых родов (костей) различных турецких племен: шю, байгадо, со и проч. На языках этих народов *din-k значит „народ", „племя", „люди" и служит этническим обозначением, (ср. кетское di, ding, djäng, deng, котское ceang). Любопытна близость этого слова к некоторым племенным названиям индейцев северной Америки, например, тиннэ; апачи также называют себя dinë — что значит „люди".

3. См. A. Castren: „Versuch einer jenissei—ostjakischen und kottischen Sprachlehre". СПБ. 1858 г., стр. 257. В виду отсутствия соответствующего шрифта, в настоящей работе ng должно обозначать задненебное n, gh—g с придыханием. С другой стороны, считаю более подходящим для Кастреновского e начертание ë.

4. Собственно это окончание мн. числа существительных, например, urengket водяной (от ur „вода" и ket „человек").

5. Это заключение, конечно, носит условный характер, принимая во внимание постоянное искажение китайцами иноплеменных названий.

6. См. Н. Я. Марр: „Кавказские племенные названия и местные параллели". В „Трудах КИПС", № 5, 1922 г., стр. 18. Довольно полное перечисление этнонимов с корнем „ven" мы находим у П. Шафарика: „Славянские древности", т. I. кн. I, Москва, 1848 г., пер. Бодянского, стр. 253—273. К этому нужно прибавить ряд этнонимов с Кавказа, Передней Азии и Индии.

7. Ср. в древнейших названиях народов: ki-mer, su-mer и в современном названии одного из народов Индо-Китая: x-mer. Пережитки этого плюрального префикса мы наблюдаем в совр. яфетических языках,—например, в грузинском: sa-kartvelo „грузины" (при kartli „грузин") и т. д. Пережиточна также и форма: русск. s-merdь (при мордов. mird'e „муж", „человек"). О работе Сильвэна Леви относительно префиксов в доарийской и додравидской топонимике Индии и некоторых соображениях академика Н. Я. Марра по этому поводу см. в статье Марра: „Из доистории Индии и Вол-Камья по названиям городов" в „Вост. Записках", т. I, Ленинград, 1927 г. С рядом положений яфетической теории можно познакомиться по сборнику Н. Я Марра: „По этапам развития яфетической теории". М.—Лг., 1926.

8. A. Ostir в своей статье: „Veneti in Anti" (на словинском яз.) [в журн. „Etnolog", год II, Любляна. 1928 г., стр. 46] собрал богатый материал по алародийскому w—префиксу, доказав единство форм went ≺ wenet и ant и возводя последнюю форму к аларод. ant(h) „человек". Под алародийской языковой группой К. Оштир подразумевает группу палео-европейцев (иллиро-венетов, этруско-ретов, лигуро-иберов или басков-пелазгов), родственных с хамитами Сев. Африки и автохтонным населением Передней Азии. Этот круг народов совпадает с кругом народов яфетических в первоначальном смысле теории акад. Марра. См. его „Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры" в сборнике „По этапам развития яфетич. теории".

9. Кроме яфетических яз. Кавказа (напр., чеченского), мы встречаем эту частицу в словах финских языков (фин. poi-ka „сын", „мальчик". ком. pi—„сын"), угорских (мад. fi(u) „сын", ост. po-x „сын"), германских (англ. bo-y „мальчик"). Наконец, мы имеем самоназвание самоедов—хазово (при назв. турецких колен: хаз-ар и хаз-ут).

10. По Н. Н. Поппе („Материалы для исследования тунгусского языка", Лг., 1927, стр. 3) общераспространенной формой самоназвания тунгусов является ewen'kî. По Е. И. Титову („Тунгусско-русский словарь". Иркутск, 1926), распространены формы эвонки, owonkи (w!), овонки, овоньки. Формы эвонки и овонки, а также оводыт (в смысле „по тунгусски") объясняются лабиализацией (прогрессивной и регрессивной) первичной формы эвенки. Смягчение н—черта, повидимому, диалектическая и позднейшая.

11. См. список народностей Союза ССР под ред. И. И. Зарубина в „Трудах ком. по изучению плем. состава СССР и сопредельных стран", № 13, Лг., 1927.

12. Шиобин В. Чжан в статье: „Следы пребывания китайцев в Сибири" (Изв. Вост.-Сиб. Отд. Гос. Русск. Географ. Об-ва, т. LI, стр. 34) приводит китайское предание о происхождении одного из сяньбийских племен — тоба: „Во времена династии Хуан-ди (2697—2598 г.г. до н. эры) сын императора Сианбай (Hsian-bai) ушел в горы Синь-ан (Hsin-an) на восточное побережье Байкала и положил начало племени тоба. Племя это усилилось к IV веку после Р. Х.". К сожалению, автор не указывает источника, откуда заимствовано это известие. Судя по внешней форме это народное тобайское генеалогическое предание, вошедшее в кит. историографию в эпоху господства в сев. Китае династии Тоба. Император Сиань-бай—это эпоним сяньбийцев, а его сын—родоначальник племени тоба. Здесь мы имеем еще одну китайскую форму этнонима сяньбийцев: sianbai, любопытную новой формой плюрального суффикса—bai. Горы Синь-ань можно отождествить с теперешним Хинганом и т. о. локализовать тобайцев в Вост. Заяблонье. „Восточный берег Байкала" фигурирует здесь приблизительно, в виду неясности сведений китайцев о Прибайкалье. Искусственна также здесь и генеалогическая связь тобайцев и, следовательно, сяньбийцев с китайцами.

13. Не исключена возможность и более раннего знакомства динов с сяньбийцами.

14. По сведениям китайских историков, после бегства северных гуннов в конце I века н. эры на запад--оставшаяся часть гуннов в количестве до 100.000 кибиток сама приняла „народное название сяньби", т. е. лишенные государственной организации и правящих верхов, откочевавших на запад, оставшиеся народные массы подчинились сяньбийцам и вошли в состав их господствующей орды. См. Иакинф Бичурин: „Собрание сведений о народах обитавших в средней Азии в древние времена". СПБ. 1851, ч. I, стр. 163.

15. Сведения о народе „увань" или „гувань" мы встречаем в Тан-шу, летописи династии Тан. составленной в нач. IX в. н. эры, но по материалам относящимся к VII и VIII в.в. Сведения об увань относятся к первой половине VII в. В них рассказывается. что увань жили в лесах не имеющих травы, но обильных мхом. Они не имели лошадей и овец, но разводили оленей. которых запрягали в телеги (!), и из шкур которых шили себе одежду. Жили увань в низких деревянных домах (якутский балаган?). Из контекста видно, что увань жили, приблизительно, в бассейне р.р. Витима и Олекмы, в горно-таежной области. Самое имя „увань" сопоставляется с „ewen" или „owon" сев. тунгусским этнонимом. Поэтому этих увань я отождествляю с сев. тунгусами. Любопытно колебание между формами „увань" (ewen) и „гувань" (hewen) и потеря частицы „ба" (т. е., ламутская форма). Землянки и нецелесообразное использование оленя (запряжка в телегу) указывают, как будто, на незакончившийся процесс приспособления сяньбийцев-эвенки к местным условиям, в связи с чем, повидимому, и этноним еще не завершил своей эволюции. Если это так, то массовое появление увань-эвенки-сяньбийцев в долинах Витима и Олекмы нужно отнести к V—VI в.в. нашей эры и связать его с миграцией на сев.-восток турецких, огузских племен. См. Иакинф Бичурин: „Сведения о народах... etc", т. I, стр. 442.

Н. Н. Козьмин.

Кто такие камасинцы?

Если не считать заброшенных на далекий северо-восток якутов-сахалар, то самыми восточными турецкими народностями в этнографической литературе называются два небольших народца, из которых один еще существует в количестве около четырех сотен человек взрослых и детей,—это карагасы, а другой уже почти совершенно исчез, хотя остатки его дотянули до XX века,—это т. н. камасинцы. Здесь для науки этнографии утрата осложняется тем, что этот маленький народец унес с собою в небытие даже свое имя. „Камасинцы" не более, как топографическое название. Оно происходит от двух турецких слов: Канг (с окончанием на носовой звук, отсутствующий в русском, и поэтому условно передаваемый через нг) — название реки Кана и базы, или, в произношении турецких племен тубинской группы.—мазы (матур вм. батур, куман вм. кубан), что по русски значит вершина, верховье реки. Некоторые из тубинцев говорят: мажи, маши. Канг'мазы, канг'мажи, кангмаши—так называли и называют сейчас енисейские турки тех, кто живет вверх по Кану. Так как для русского слуха носовой звук не обычен, то иногда вместо него улавливался плавный звук. Поэтому наименование вершиноканцев запоминалось как калмаши, калмажи (ср. А. Я. Тугаринов, Последние калмажи). Далее на вопросы о вершиноканцах их называли „вершиноканский народ" (Канг'мажин'ил) и отсюда получились степановские „калмаженилы", смущавшие этнографов и заставлявшие предполагать опечатку или описку у автора (Степанов, Енисейская губерния*).

Что касается этнического состава камасинцев, то он, несомненно, был несколько пестрый. Подавляющее большинство их составляли турки двух ветвей—тубинской и качинской (каш, кашха). Но сюда же входили котовы и т. н. остяко-самоеды. Еще Фишер отметил, что томские остяки (т. е. остяко-самоеды нынешних этнографов) не остяки, а самоеды, и что они родственны „камашам" по своему языку. „Из сего можно заключать,—говорит он, приведя таблицу параллельных слов камашей, остяко-самоедов и самоедов мезенских и югорских,—

*) Радлов в „Aus Sibirien" отметил, что камасинцы (Kamassiner) называют себя Kangbaschy, но почему-то не расшифровал этого слова.

что томские остяки и камаши жили прежде сего вместе и составляли один токмо народ, хотя ныне далеко живут друг от друга". Фишер полагал, что это остатки древних жителей средней Сибири, часть коих, боясь татар, пошла в ближайшие к северу страны. Мы затрудняемся так думать: трудно допустить, чтобы боязнь татар могла угнать самоедов на Мезень, на берега Белого моря и даже до Скандинавского полуострова (лопари). Восточной границей их распространения надо считать Енисей, который на севере они перешли не особенно значительно (тавгийцы), а на юге на правой стороне были представлены сомнительной частью камасинцев-вершиноканцев.

В Канский край уже в русскую эпоху, т. е. в эпоху после появления русских на Енисее, была сильная миграция енисейских турков. В 20-х годах XVII века обосновались со своими кочевьями на р. Усолке тубинские князья Унгур и Сойт. В 1629 г. в Канский уезд вторгается тубинский князь Каян с вспомогательными отрядами калмыков и мунгалов и подвергает разгрому поддавшихся русским котовов. И далее на протяжении всего этого века мы видим походы кыргызских и тубинских князей в Канский край. Князь Иренак доходит вплоть до Нижнеудинска (Удинского острога).

Совершенно понятно, что часть енисейских турков осаживается на Кане. Так возникли „камасинские" улусы Абалаков и Шалошин, самые названия которых указывают на выселенцев с Енисея (Шалошины роды, Абалаков улус). Население их говорило, по свидетельству Кастрена, на качинском диалекте. В составе его мы видим кости бӧгӧчжи, байга, мадыр,— это кости койбалов. Сами качинцы-каштар селятся не только в близком относительно Канском крае, но и далее к востоку, образуя в соединении с племенами тубинцев новую народность —карагасов, т. е. кара кас'ов, или черных кас'ов. Если среди этих карагасов нет белых кас'ов (ах'кас), существующих еще на Абакане и на Июсе, то зато имеется сӧок-кость сарых'кас, которой уже нет на Енисее (сарыг кас—желтые кас). С запада с каштар'ами пришли тубинцы-богӧчжи, байга, мадыр, но и с юго-востока было продвижение тубинцев—чогду (урянхайские чоты), чептей (алтайские чепты).

Что среди канг'мазы были котовы, нет ничего удивительного. Побережья Енисея приблизительно от параллели полярного круга на севере и до параллели Красноярска (56°) на юге, вместе с долинами Качи, Кана и притоков последнего, были заняты т. н. енисейцами — кетами (давшими имя реке Кеть), частью которых были котовы (очевидно, корень слова один с корнем кет), арины, асаны. Это были „туземцы".

Но откуда могли взяться самоеды?

Томские остяки Фишера, или остяко-самоеды, жили в системе Кети-Каса. Кетский и Намаковский (Маковский в русском сокращенном произношении) остроги были построены для объясачения кет'ов и „томских остяков". Мы знаем, что еще в 70-х годах XVII в. упомянутый выше князь Иренак совершал походы на Томск и на Енисейск. Его войска забирали пленников и селили среди кыргызских земель. Таким путем канские кыштымы кыргызов могли пополняться за счет пленных из звероловческих племен, живших к северу от турков. Они естественно селились в наиболее ценных охотничьих районах. Конечно, верхне-канские самоеды были здесь водворены еще в дорусскую эпоху.

Очень незначительная по численности эта колония самоедского племени могла долго сохранять свой язык среди туземных котовов и турков. С последними потомками их беседовал в XX в. Кай Доннер.

Таким образом, камасинцы не какая-либо определенная этническая группа. Под этим именем надо подразумевать район обитания смешанного населения из турков, котовов и самоедов в верховьях Кана и его притоков, с улусами Шалошин, Багин, Пантыков, Пьянков, Абалаков, потом превратившимися в деревни русского типа. Часть этого населения была звероловческой, а часть—скотоводческой. Первая представляла потомков старинных кыштымов, а скотоводы были потомками господствующей группы (не все, конечно). Первых до последнего времени звали „таежными", вероятно, в переводе на русский язык турецкого термина „йыш кизи". В XVII в. их звали „горными маторами" в отличие от маторов-скотоводов. Мы видели, что среди сёоков-костей вершино-канцев был и сёок матор, или мадыр. Скотоводов называли „степными". Среди первых преобладали турки, среди вторых—котовы и самоеды.

Таким образом, самоеды были только частью камасинцев.

Вопрос о праобитателях Сибири (праазиатах) за последнее время очень оживился. Американские ученые и с ними сосредоточивший в настоящее время в США свою научную деятельность Иохельсон выдвинули американскую теорию происхождения палеоазиатов с.-в. Азии. Есть попытка кроме палеоазиатов спроектировать „протоазиатов". Яфетидологические теории отражаются также на сибирских историко-этнографических изучениях, нельзя сказать, чтобы всегда к их успеху. Если яфетидологи готовы всюду подозревать скрытых яфетидов, то в Сибири начинают мерещиться в разных местах то палеоазиаты, то протоазиаты. Здоровый взгляд в этом отношении давно высказан был ак. Марром. Есть яфетическая группа языков, но есть и яфетическая стадия в развитии языковой

культуры. В основе развития любого европейского языка лежит праязык яфетической стадии, яфетического типа. В Сибири также нет народа, который бы не имел предками праазиатов. Праязыки, пракультура не могут не иметь отражений на современных народностях. Праазиатские элементы можно и нужно вскрывать в любых языковых группах. Может идти речь только о народах, сохранивших в своем языке наибольшее количество переживаний отдаленных от нас стадий культурного развития.

Как бы ни скудны были исторические сведения о народах, обитавших в центральной и северной Азии, все же они имеются. Их нужно только подвергнуть научной и при том чрезвычайно подробной обработке. Для этого необходимо, чтобы за дело взялся историк, хорошо (не хуже Томсена) владеющий урало-алтайскими языками и, кроме того, палеоазиатскими и китайским. Предстоит упорная работа по расшифровке китайских известий о народах разных языков и разного антропологического типа, сейчас окутанных туманом не меньше вследствие фантастических попыток толкования, чем вследствие особенностей китайской письменности и языка.

Орхонские турецкие памятники еще изучаются, но они, повидимому, не прольют того разностороннего света на историческую этнографию северной Азии, какого от них ожидали. Ставку приходится делать на китайцев.

Китайские известия, относящиеся к первым векам нашей эры, часто упоминают о народности мохэ. Она была, очевидно, широко распространена и отличалась такими особенностями своего бытового уклада, которые позволяли говорить о мохэских обычаях и типе, распространяя это определение на другие этнические группы. Главным местом ее обитания было, повидимому, Приамурье. Но распространялись мохэсцы и на запад. Это обстоятельство как будто указывает на тунгусов. Но мохэ занимались скотоводством, в частности свиноводством, у них было и земледелие. Китайцы отмечали особенную нечистоплотность мохэсцев. Это говорит как будто против отожествления их с тунгусами. Этнографы всегда указывали на склонность тунгусов к опрятности и изяществу. Затем народы и племена „мохэского“ образа жизни помещаются китайскими летописями в северных странах, где никогда лист с дерева не опадает, где не родится хлеб, но растет мох, где живут охотой и оленеводством. Очевидно, и амурские мохэ были спустившимися как бы к Амуру мохэсцами. Тунгусы двинулись на запад не ранее XII в. С другой стороны, часть тунгусов, несомненно, отунгушенные палеоазиаты.

Китайцы могли называть мохэсцами народности, не принадлежавшие к знакомым им группам турецкой и монгольской.

Так как палеоазиатические изучения только еще начались, мы не имеем еще в своем распоряжении определенных данных, чтобы судить о взаимоотношениях отдельных палеоазиатских языков между собою и их связях с языками других языковых семейств и групп. Морфологически они, видимо, не чужды один другому. Вместе с тем есть общие черты с такими языками, как греческий, в котором Марром усматриваются яфетические элементы (напр., можно указать изменения звуков корня при образовании глагольных форм). Это указывает на старинные переживания („яфетическая стадия").

Трудно допустить, чтобы небольшой народец мог сохраниться в течение веков среди чуждого сплошного окружения. Мысль естественно идет по пути допущения презумпции, что пред нами этнический реликт, остаток когда-то мощного народного массива. Гипотеза, что с севера и северо-востока в турецкий этнический массив упирался какой-то иной массив, напрашивается сама собой. Весьма правдоподобно, что уже близко к русской эпохе енисейский (кетский) массив был разорван выдвинувшимися к северу турками и подошедшими с востока якутами и тунгусами. Следами имевших место этнических столкновений являются на севере, между прочим, долганы, смешанная племенная группа.

Во всяком случае мы считаем более допустимым предположение, что турки в Присаянье имели дело с енисейцами-кетами, а не самоедами и тем более не с финнами. Поэтому среди „камасинцев" наибольший научный интерес должны привлекать котовские переживания, а не самоедские, которые представляют историческую случайность. Самоеды встретились с турками в районе Томска—Енисейска, где оказался их юго-восточный выступ в лице томских самоедов.

П. П. Хороших.

Знаки собственности бурят.

Вопрос о знаках собственности (тамга, тавро, клейма, знамена, мета и т. п.) туземного населения Сибири разработан в литературе еще не достаточно полно. Наиболее полные материалы по данному вопросу собраны среди турецких народностей: киргиз и казак-киргиз (исследования Н. А. Аристова, А. Н. Харузина, Н. Харузина, П. Гродекова, В. В. Радлова, И. Иванина, Г. Н. Потанина и др.) минусинских народностей (Н. Ф. Катанов. В. В. Радлов, Н. И. Попов и др.), башкир (Д. Н. Соколов, Н. А. Аристов), якутов (Ю. Д. Стрелов, В. Серошевский).

Знаки собственности остяков, самоедов и вогулов изучались Н. Н. Оглоблиным, И. Ислављиным, А. Абрамовым, И. Лепехиным, Н. Сорокиным и др.

Изучением знаков собственности монгол занимались немногие исследователи: А. Н. Самойлович, Г. Н Потанин, И. Самоквасов, Г. И. Рамстедт и др. Последний исследователь в 1909 г. привез из Западной Монголии большое количество тамг, но материал, повидимому, еще не опубликован.[1]

Знаки собственности бурят еще никем не изучались, мы располагаем только краткими сведениями об них в работах: М. Н. Хангалова.[2] П. П. Баторова и П. П. Хороших.[3]

Между тем. знаки собственности имеют большое историко-этнографическое значение и еще не так давно они находили заметное применение в хозяйственной и бытовой обстановке народностей Сибири.

Тамги. тавра, знамена, клейма и т. п. представляют не только знаки родовой собственности, но и знак единства происхождения, близкого родства племен—почему изучение их имеет большое значение при выяснении вопросов о родословных того или иного племени, а также и при выяснении взаимоотношений между отдельными родами. В особенности это важно при изучении истории народностей, неимеющих каких-либо письменных памятников.

По изображениям тамг можно установить род службы или занятий того или иного племени, так, напр., у древних киргиз тамги были даны отдельным родам самим Чингис-ханом и они обо-

значали род службы или род оружия (копье, меч, лук, стрелы и т. п.), которыми были вооружены ханские полки или отряды Чингис-хана.

Происхождение знаков собственности следует отнести к очень древним временам.

Н. А. Аристов считал, что родовые тамги были первоначально изображениями родовых богов или духов-покровителей и лишь впоследствие обратились в знаки родовой собственности, приняв для этого формы простейших геометрических фигур, как наиболее удобные для вырезывания или выжигания. [4]

Древность тамг—как родовых знаков собственности подтверждается еще и тем, что многие названия родов и колен туземного населения Сибири происходят от названия начертаний тамг, напр., киргизский род Средней Орды „Таракты“ имеет тамгу—гребень (по тюрски-тарак) отчего и род ведет свое происхождение.

Есть предположение, что существовавшие с глубокой древности родовые тамги были позднее употреблены в качестве букв Орхонско-турецкого алфавита. [5]

Можно предполагать, что тамги образовались еще тогда, когда не было личной или семейной собственности, а вся собственность (скот, имущество и т. п.) принадлежала роду.

Со временем, когда рода сделались многочисленными и произошло их разделение на более мелкие единицы и когда изменилась хозяйственная и бытовая обстановка,—то родовые знаки собственности стали знаками собственности общинными, семейными, сословными, домовыми и наконец, личными. Постепенно стал изменяться и вид коренных тамг и тавр. К основному, старинному родовому знаку стали по необходимости вносится добавления и видоизменения. Впоследствии знаки собственности стали появляться и произвольно, вне зависимости от старинных родовых знаков. Иногда рисунок знака собственности искажался и невольно, если он рисовался не привычной к этому рукой. Вот почему проследить действие наследственности и установить принадлежность данной общины или семьи в прошлом к тому или иному роду, бывает не всегда легко.

Наибольшее применение и важность знаки собственности имеют среди народностей, ведущих кочевой, скотоводческий образ жизни (киргизы, казак-киргизы, башкиры, монголы и др.), а также и среди народностей севера—оленеводов.

Применялись знаки собственности и среди охотников, рыбаков, бортников (пчеловодов), где ими отмечались охотничьи и рыболовные снасти, шкуры убитых зверей, границы охотничьих и рыболовных угодий, бортные деревья, улья, деревья,

выбранные для смолокурения. У некоторых народностей знаки собственности ставились на границах пашен и сенокосных угодий.

В старину знаки собственности находили большое применение на различного рода „челобитных", сысках, на купчих крепостях, на дарственных записях, на различного рода бирках, они же употреблялись при сборе ясака, при доказательстве на суде и т. д.

В северных губерниях Европейской России знаки собственности ставились еще на обходные палки караульных, с целью соблюдения очереди при окарауливании.

У кабардинцев существовал обычай, что всякий, посетивший где-либо в дальнем ауле своего кунака, уезжая, почитал своею обязанностью и актом вежливости вырезать на дверях кунацкой (небольшой избушки) на память о себе свое тавро, конечно, если такое было у него. Так как такие обоюдные визиты были постоянны, то двери кунацких обычно от верха до низа были исцарапаны названными таврами. Такие двери нередко существуют несколько поколений и навешиваются в новых кунацких в случае их перестройки.

У тех же кабардинцев существовал обычай обозначать права на выпас скота знаками (таврами) на скалах, находящихся на месте пастбища.[6]

Накладывались тамги и на товары, экспортируемые через границы ханских владений или на товары выдавались пропуски с тамгами, за что взимались и особые сборы агентами ханов „тамгаджи". Это указывает на происхождение русского слова „таможня" от татарского слова „тамга".[7]

За заведомую порчу знаков собственности или тамг применялись особые наказания. Уничтожение клейма рассматривалось как преступление.

У вогулов по словам Н. Сорокина тамга служила еще и как медицинское средство. Если кто-нибудь сломал руку или ногу, или просто долго болел,—то над больным или переломанным местом накалывали тамгу, посредством острого оружия и затем рану натирали толченным порохом.[8]

Применялись знаки собственности и на монетах у монгольских ханов, так напр. на монетах джучидов обозначалась тамга—стремя, у гиреев—трезубец, Тамерлан имел тамгу ввиде трех кружков.

Наконец, знаки собственности встречаются на знаменах, коврах, на надгробных памятниках, где они указывают какому роду или поколению принадлежал умерший, встречаются они и на древних сибирских писаницах, на камнях у курганов, на предметах домашнего обихода, вооружения и т. д.

Уже из приведенного краткого перечисления видно насколько знаки собственности находят широкое применение в хозяйственной и бытовой обстановке населения.

В данной статье дается описание некоторых видов знаков собственности бурят. Материал мною собран во время поездок по территории Бурятии за 1922—1929 г.г.в числе прочих материалов по материальной культуре бурят-монголов. Поездки производились по поручению ВСОРГО и Биолого-географ. Научно-исследов. Института.

I. Клейма на скоте.

Клеймение скота среди народностей Азии и в частности Сибири находило применение в очень отдаленное от нас время, в особенности оно было в обиходе у скотоводческих племен.

Н. А. Аристов говорит, что древнейшее упоминание о знаках собственности на скоте у тюрков (именно гаогюйцев) относится к 5 веку.[9]

У Рашид-Эддина (1247—1318 г.) говорится, что тамги „определены и утверждены“ при Кун-хане, сыне и наследнике мифического Узун-хана, чтобы ими „нарочито обозначались указы, сокровищницы, табун и стадо, во избежание от кого бы то ни было ссоры или сопротивления у одного с другим“.[10]

В различных законодательных памятниках северной Монголии, напр., в „Халха-Джироме“ — кодексе законов, относящемуся к половине XVII стол., к эпохе создания общего монголо-ойратского кодекса, также упоминается о запрещении пользования и продажи тавренных верблюдов и лошадей (тавренные—находящиеся на военном учете, строевые) и какого-либо оружия и о том, сколько лошадей в табуне можно таврить, оставлять для верховой езды и вьючить.[11]

Об этом же имеются сведения и в китайских летописях, где указывается, что древние уйгуры также метили свой скот.[12]

Н. А. Аристов находит, что значительная часть родовых тамг нынешнего населения Монголии и Туркестана не была выработана непосредственно тюрками и монголами, а заимствована ими у тех динлинских племен и родов, от помесей которых с тюрками произошли тюркские племена и роды.[13]

О времени применения знаков собственности для клеймения скота у бурят-монголов мы не располагаем определенными историческими данными, — можем только предполагать, что у отдельных бурят-монгольских родов эти знаки находили при-

менение еще с тех пор, когда бурят-монголы обитали в пределах северной Монголии.

П. П. Баторов находит, что судя по многочисленным названиям костей или родов бурятских, ныне населяющих пределы Иркутского округа, буряты пришли сюда из разных и отдаленных друг от друга местностей внутренней и внешней Монголии, ибо в шаманском тексте молитвословий, постоянно упоминаются местности, находящиеся во внутренней и халхаской Монголии, Манчжурии и Джунгарии.[14] В пределах Прибайкалья отдельные бурят-монгольские рода появились в первой половине XIV века.[15]

Б. Б. Барадин находит, что в эпоху Чингис-хана бурят-монголы еще не фигурировали, как отдельное самостоятельное племя, так как они в те времена носили свои отдельные племенные или родовые названия, входя в состав так называемых, лесных народов. Окончательное оформление бурят-монгольской народности, как культурно-национального целого, произошло в период завоевания Бурятии русскими, т. е. между 1627—1689 г. С той поры и стали называться бурятами не только собственно буряты, булагаты, но и икириты и хоринцы и все представители монгольских племен, оказавшиеся в то время в пределах русской границы и никогда раньше не называвшие себя „бурятами“.[16]

Клейма на скоте делаются или посредством меток на ушах или посредством тавренія на стегне, копытах и рогах.

Метки на ушах ставятся на всех домашних животных (овца, баран, козел, лошадь, бык, верблюд и т. д.).

Такие метки называются „им“ (баргузинские, боханские буряты), „имэ“ (кударинские буряты), „эм“ (аларские буряты). В зависимости от того на каком животном ставятся знаки они имеют и различные названия, напр. если знаки ставятся на ушах коровы, то они называются „уни им“ или „уни эм“, на ушах лошади—„морин им“, на овце—„хонин им“, на ушах рогатого скота вообще „укыр им“ и т. д.

По своему виду и способу порезов, метки на ушах имеют такие названия:

1. „Оно“ или „Оли“—порез в виде вилки (рис. № 47).

2. „Дохолон“ (дохлан) боханск. аларск. тункинск. баргузинск. буряты). „Гахана“ (кудинск. буряты) т.-е. пинек (рис. № 49).

3. „Ухами“ (боханск.), „Ухми“ (аларск. тункинск.) т. е. вырезано полукругом с внутренней стороны уха (рис. 53).

4. „Ирхей“ (тункинск.) вырезано углом внутри уха (рис. № 52).

5. „Зӱрхей“ т. е. сердцеобразный порез (рис. № 59).

6. „Хэршэлэ“ (аларск.), „Ганзаго“ (баргуз.), „Шигшин“ (боханск.) т. е. мизинец (рис. 40).

7. „Хахарха“ (аларск.) „Хахаламар“ (барг.), „Хахалмар“ (боханск. тункинск.), т. е. прямой порез посреди уха (рис. № 45).

8. „Хапшилга“ (аларск.), т. е. колья (рис. № 46).

9. „Сулга“ (цулгэ им), „Суломар“ (боханск.) „Соломар“ (барг.) т. е. прорубь. Отверстие делается бродком (рис. № 56).

10. „Гурбан цолгэ“ (тункинск.), „Гурбан соломар“ (баргузинск.), „Гурбан Сулбырэ“ (боханск.)—три отверстия, пробитые бродком (рис. № 57).

11. „Шихэндэ нohотэ“—т. е. веревка или проволока, продетая в отверстие уха (рис. № 54).

12. „Шергользон“ (аларск.)—два полукруглых пореза с обоих сторон уха (рис. № 58).

13. „Хабяга“ (аларск.) т. е. мелкие косички молодухи (рис. № 60).

14. „Хоюр шихэнин тайрулаган“ (кудинск.)—оба конца уха отрезаны. Если срезано одно ухо, то метка называется „Тыпхэимь“, „Тарьха“ (аларск.), „Тюрмэл“ (баргузинск.), „Тарямхай“ (боханск.) (рис. № 51).

15. „Хоюр ганзага“ (баргузинск.)—порезы с обоих сторон уха (рис. № 42).

16. „Хоюр хандуга“ („хоюр ганзуга“—агинск.)—два пореза рядом (рис. № 41).

17. „Хоюр шихэин углаар отлоон“ (кудинск.)—надрез углом снаружи уха (рис. № 44).

Метки на ушах у домашнего скота наносятся обыкновенными железными ножницами и ставятся или на одном или на обоих ушах. У тункинских бурят иногда вместо порезов на ушах делается отверстие бродком, в которое вставляется железная или медная проволока и на конце ее подвешивается кусочек материи.

У агинских бурят кроме знаков собственности на ушах делаются еще пометки краской или дегтем на курдюке овцы или барана, а иногда оставляют на курдюке овцы небольшие пучки шерсти, как отличительный знак. Это делается когда овец на зиму сдают пастуху.

Раны, образовавшиеся при нанесении меток, залечиваются различным способом: золой, песком, мукой или просто землей.

Тавро ставится только на лошадях и верблюдах. Тавро выжигается раскаленным до красна железным инструментом, имеющим вид молотка, на левом стегне животного, т. е. на

той стороне, с которой на лошадь или верблюда садятся. У верблюдов иногда тавро ставится на щеках.[17]

Размер тавра не более 1 кв. вершка. После таврения больное место мажут маслом и протирают оленьим рогом.

У бурят-ламаитов таврение скота в старину делалось особо приглашенным лицом, в дни, назначаемые ламой.

Таврение обыкновенно совершалось одновременно со снижанием грив и обрезанием хвостов у лошадей. Этот обычай всегда сопровождался различными обрядностями, конскими бегами, борьбой и стрельбой из лука.

У иркутских бурят-шаманистов на посвященных лошадях и быках клейма и тавро ставить запрещается, т. к. по их поверию клейменных животных божество не принимает. Посвящение лошади божеству Субертену и быка божеству Гужиртенгри делается бурятами-шаманистами с целью предохранения скота от падежа и с целью способствования приплоду (адаhани удэхинь толо).[18]

Таврение скота находит наибольшее применение среди забайкальских бурят-скотоводов, у иркутских бурят, по мнению П. П. Баторова, таврение стало применяться не так давно.

Рисунки бурятских тавр очень разнообразны, но в общем они не очень сложны. Сложные рисунки не будут ясно выделяться на коже животного и они обыкновенно вскоре же по нанесении на коже мелких порезов заживают или сливаются так, что их трудно разобрать.

Наиболее распространены клейма в виде черты, круга, креста, квадрата, угла, скобы и т. п. (смотри рис. № 1, 16, 20, 25, 27). В общем, бурятские клейма имеют большое сходство с таврами киргиз, башкир, монголов и др. народностей, что говорит о взаимодействиях этих народностей в отдаленном прошлом.

За последнее столетие у бурят стали появляться тавра в виде начальных букв имени и фамилии владельца лошади (см. рис. 34—38).

У бурят-ламаитов встречаются еще в качестве клейм знаки, называемые „Цзендемуни“ рис. № 24, „Горги“ рис. № 29, „Соембу“ рис. № 31, знак „Хас“, имеющий вид свастики, рис. № 19, 32 и знаки, называемые „Ульзуйутаса тамага“, (квадрат с кружками по углам), „Зиндэмени тамага“ (три кружка вместе), „Матамага“, „Артада тамага“ и др. Знак „Хас“ по словам бурят ставится на лошадях и верблюдах со времен Чингис-хана и он имеет „оберегающее“ значение. Среди баргузинских бурят знак „хас“ более всего применяется бурятами из Шоноевского рода.

В некоторых районах Бурятии кроме знаков собственности на ушах и таврения на стегне животного наносятся еще „секретные“ знаки собственности, путем выжигания их под гривой, или путем вставления в ухо серебряной монеты, которая там и заживает. Русское население вместо монеты в ухо вставляет дробинку.

Обыкновенно пятнают и таврят скот весной, перед тем, как его отпускают в степь или когда его передают на пастьбу пастуху.

Мелкий скот (ягнят и козлят) пятнают во время весенней стрижки.

Пастух обязан хорошо знать все лучшие места для пастьбы скота, предохранять луга от потравы, лесного пожара и т. д.

Договор с пастухом заключается на общем собрании всего улуса. Вознаграждение ему выплачивается или деньгами или хлебом.

Пастух, принимая скот, делает бирки (пастуя ирбизен), которые представляют собою небольшую, выстроганную со всех сторон деревянную палочку, длиной не более 10 -14 сант. Назначение этой бирки—служить распиской при приеме или выдаче скота, для чего на широкой стороне бирки наносятся особые знаки (цифры) ввиде зарубок, линий, крестиков и т. п., обозначающие количество сданного пастуху скота.[19]

Различные виды скота обозначаются на различных местах бирки, так напр. овцы обозначаются с левого конца бирки, козы—с правого, телята—посредине и т. п.

Когда количество принятого на пастьбу скота указано, то бирка раскалывается вдоль на две части, так, чтобы разрез прошел посредине всех знаков. Сама бирка (ихэ ирбизэн) остается у пастуха, а отрез ее передается хозяину скота, в качестве расписки. На одной из сторон бирки хозяин скота ставит свои знаки собственности или пишет свою фамилию. Когда хозяин пожелает взять из стада некоторое количество скота, то он обязан принести пастуху отрезок бирки и пастух, приложив отрезок к самой бирке, на оборотней стороне ее делает нарезки, показывающие количество, взятого из стада скота. Нарезки делаются против того вида скота, который берется хозяином из стада. После этого отрезок вновь передается хозяину. Таким образом ведется постоянный учет скота.

Кроме знания лучших мест пастух обязан исполнять еще и ряд обязательств во время пастьбы скота, так напр. если во время пастьбы в стаде родятся маленькие ягнята, то он обязан сразу же об этом сообщить хозяину и хозяин вскоре же пятнает их своими клеймами. Если в стаде пропадет какая-либо скотина, то пастух обязан пригласить хозяина ее, а если

его нет, то в качестве свидетеля кого-либо из улуса и показать ему павшую. Только после этого пастух имеет право снять с павшей скотины шкуру и вместе со знаками собственности на ушах или стегне принести в качестве доказательства хозяину. В тех случаях, когда скот из табуна похищается зверем пастух также обязан представить хозяину шкуру, в каком бы она виде не была, так как зверь обыкновенно никогда головы скотины не ест, почему знаки собственности на ушах скотины сохраняются. Если пастух этого не сделает, то хозяин вправе потребовать от него согласно договора стоимость павшей скотины. После удостоверения в пропаже скотины хозяином и пастухом делаются изменения в количестве скота на бирке, отмечается на бирке также и прирост скота во время пастьбы.

У селенгинских бурят существовал такой обычай: если кто брал для работы или доения скот—то в случае падежа какой-либо скотины от болезни, лицо, пользующееся ей обязано было показать павшую скотину ближайшим соседям, а особенно обязан был показать голову, шкуру, клеймо или тавро, настоящему хозяину. Только при соблюдении этого обычая он избавлялся от платежа.[20]

Условные знаки собственности находили применение у бурят и на других видах бирок, напр. бирках хлебных (таряни рубишхэ или магажей ирбиска), бирках денежных (мунгут ирбизэи или мунгуни рубишхэ) и бирках, применяемых на общественных праздниках.[21]

П. П. Баторов передавал мне, что знаки собственности ставились также на бирках. употреблявшихся ранее при взносе ясака, при сборе податей и т. п.

На рогах и копытах знаки собственности выжигаются также раскаленным железом, но инструмент для выжигания делается значительно меньшего размера.

Знаки собственности не следует смешивать с надрезами, делаемыми иногда под горлом скотины на висячей коже, наз. „Бойнок хэтэлхэ“ или „хэтылхэ“. Такие надрезы делаются бурятами в тех случаях, когда у хозяина-скотовода количество скота достигало до 100 голов. Если у хозяина количество скота достигало до 200 голов, то на скотине делался еще второй надрез, т. е. на каждую сотню скота прибавлялся 1 надрез. Эти надрезы, по мнению бурят, имели „оберегающее“ значение—стремление скотовода не допустить уменьшения скота в в своем хозяйстве.[22] Этот обычай находил большое применение кроме бурят и среди других скотоводческих племен.

Знаки собственности также не следует смешивать с порезами, на ноздрях у лошадей, делаемыми бурятскими коновалами

при кастрации молодых жеребцов. Такие порезы по словам П. П. Баторова, делаются бурятскими коновалами с тою целью, чтобы легче лошадь переносила боль при кастрации.

Знаки собственности переходят из рода в род, от отца к сыну. Сыновья до тех пор, пока они живут в семье отца все пользуются общим отцовским знаком собственности. По выделении сын не должен ставить новое клеймо на скоте, а может только видоизменить его путем удвоения, добавления новых знаков и т. п. Напр. на отцовском клейме, изображенном под № 47 первоначально была метка „о н о“, выделившийся сын к ней добавил еще вырез сбоку (смотри рис. № 48). или к клейму под № 45 при разделе добавлен еще один надрез (см. № 46) и т. д.

Если бы родовое клеймо выделившимся сыном было совершенно изменено и впоследствие оказалось бы, что точно такое же клеймо принадлежит какому-либо другому роду, то последний вправе отобрать себе весь тот скот, который отмечен принадлежащим ему клеймом.[23]

Если в хозяйстве выделившегося сына поступал скот его жены, то на скоте к имеющимся знакам ставились еще знаки собственности мужа.

На покупном и обмененном скоте также ставились новые знаки собственности, напр. если куплена или обменена была лошадь и у ней уже были знаки собственности—тавро на левом стегне, то второе тавро ставилось на правом стегне. Вот почему иногда и встречаются лошади с таврами на обоих стегнах. На купленных быках или коровах и на мелком скоте делаются изменения только на клеймах ушей.

Д. Н. Соколов находит, что стремление сделать как можно меньше изменений в изображении основного отцовского знака, повидимому, имело и практическое значение: удобство легкого передела знаков на тех вещах, которые доставались вновь выделенному.[24]

II. Клейма на деревьях, мешках, предметах обихода.

Клейма и меты на дровах, бревнах, на различных предметах домашнего обихода, на рыболовных и охотничьих принадлежностях находят до сих пор применение в хозяйстве бурят-монголов. Однако, с каждым годом они все более и более теряют свое значение; изменяется и их вид, вместо условных клейм и мет появляются знаки буквенные.

Клейма и меты ставятся различным способом: посредством черчения углем, дегтем, путем высекания топором, выжигания особым железным молотком с вырезанными на нем условными или буквенными знаками или путем вышивания на кошме и на пологах дверей у войлочных юрт.

В старину такие же клейма находили применение еще при проведении паскотины и при дележе утугов. В таких случаях они ставились на особых жердях, на концах межей или выжигались на вбитых в землю столбах.

Главное значение клейм заключается в том, чтобы закрепить права собственности на тот или иной предмет и оградить его, таким образом, от похищения.

Такого рода клейма имеют самый разнообразный вид: *вид черты, квадрата, ромба, полукруга, круга, креста, звезды,* свастики, изображения стрелы, изображения солнца и луны, изображения различных орудий производства, предметов обихода и т. п.

Названия клейм, большею частью, совпадают с названиями изображаемого ими предмета. Иногда один и тот же знак *носит в различных местах Бурятии два, три и более названия.*

Некоторые изображения клейм заимствованы из ламайского культа. Такие клейма более всего встречаются среди бурят-ламаитов (буряты тункинские, аларские, забайкальские).

В нашей коллекции имеются следующие знаки:

1. „Хурган тамаган“ т. е. изображение пальца, „шикшигэ тамага“—изображение мизинца, или „хаyhан тамага“—кол. (рис. 1)

2. „Хорби тамаган“—костыль (рис. 2)

3. „Алха тамага“—молот (рис. 3)

4. „Шажигайн hабар тамага“—сорочья лапа (рис. 4)

5. „Хабар тамага“—птичья лапа (рис. 5)

6. „Ала тамаган“—точного перевода этого слова нет, приблизительный перевод—пространство между ног (рис. 6)

7. Тоже (рис. 7)

8. „Утха тамаган“—стрела или „гохо“—багор (рис. 8)

9. „Аса тамага“—вилы (рис. 9)

10. „Номо утха тамага“—лук и стрелы. Это наиболее распространенный знак собственности. Такие же знаки встречаются и на печатях (рис. 10)

11. Тоже (рис. 11)

12 Тоже (рис. 12)

13. „Барта тамага“—ворота или „уден тамага“—*дверь (рис. 13)*

14. „Хирписе тамаган“—или „тосха тамга“—кирпич (рис. 14)

15. „Арам тамаган“ или „шагабыр тамага“—изображение рамы, окна (рис. 15)

16. „Хресе тамаган“—изображение креста (рис. 16)

17. Тоже (рис. 17)

18. „Гохо тамага“—крючек (рис. 18)

19. „Хас тамаган“—изображение буддийского креста с завернутыми в одну сторону прямыми концами. Такой знак ставится на многих предметах обихода бурят-ламаитов. „Хас“ считается знаком благожелания, предохраняет от всего дурного, злого. Иногда „хас“ бывает не с прямыми, а с полукруглыми углами[25] (рис. 19)

20. „Дуга тамаган“—изображение дуги или „таха тамага“—подкова (рис. 20)

21. „Дуро тамаган“—стремя (рис. 21)

22. Знак, неимеющий определенного названия, повидимому, представляет удвоение знака „номо утхэ тамага“ т. е. лук и стрела (рис. 22)

23 „Дэгэ тамаган“—крючек для подвешивания (рис. 23)

24. „Цзендемуни тамага“—знак заимствованный из ламайского культа (рис. 24)

25. „Тухрон тамага“—круг (рис. 25)

26. „Наран тамаган“—изображение солнца (рис. 26)

27. “Хара тамга“—изображение луны (рис. 27)

28. Тоже (рис. 28)

29. „Горди (горги)-тамаган“ т. е. изображение пряжки (рис 29)

30. Знак, заимствованный из ламайского культа.

31. „Соембу тамган“ ламайский знак, изображающий двух рыб. Знак символизирует дружбу, благополучие. Применяется этот знак больше всего у зажиточных бурят (рис. 31)

32. „Хас тамага“—такие знаки ставились более всего посредством железной печати (рис. 32)

33. „Хорло тамаган“—ламайский знак. „Хорло“ в переводе означает „всегда приводящее к бесконечному совершенству, всечистейшее, золотое тысячерадиусное колесо-хурдэ“. (Позднеев, А. „Очерки быта буддийских монастырей и духовенства в Монголии“. СПБ. 1887, стр. 87 (рис. 33)

34. Буквенные знаки А. К.

35. Тоже П. П. Б.

36. Тоже М. Б.

37. Тоже И. А.

38. Тоже М. К.

39. Тоже М. С. Т.

Описываемый вид знаков собственности, как и знаки собственности на ушах передаются по наследству от отца к сы-

ну и т. д. Более всего буряты стремятся поддерживать знак собственности деда.

Сын, получая от отца предметы домашнего обихода со знаками собственности отца вносит в них лишь незначительные изменения, путем добавления линий, изображения знаков в перевернутом виде и т. п.

В общем, семьи, имеющие родство. имеют также и близкие по своему виду знаки собственности.

Но безусловно, иногда знаки собственности могли возникнуть и самостоятельно, вне какой-либо родовой связи.

С момента столкновения бурят с русскими стали применяться буквенные знаки.

У ольхонских бурят еще не так давно существовал весьма интересный обряд „у т х а у з у р х Ӱ н д ы л х э“ т. е. воспоминание о древних печатях, тамгах и их кормление.

Такой обряд мне приходилось наблюдать и подробно описать в 1921 году в улусе Кутул, на острове Ольхоне.

Примечания

1. Этнографическое Обозрение. 1909, № 2-3 стр. 278. Хроника.

2. Хангалов, М. Н. Юридические обычаи у бурят. „Этногр. Обозр.“ 1894, № 2.

3. Хороших, П. П. Бирки иркутских бурят. „Сибирск. Живая Старина“, 1926, вып. I. стр. 97-112 и отд. изданием.

4. Аристов, Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. „Живая Старина“, 1896, вып. 3-4, стр. 285.

5. Аристов, Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. «Живая Старина“, 1894, вып. 3-4, стр. 409, 410, 418-419. Малицкий, А. О связи тюркских тамг с Орхонскими письменами. „Протокол Заседаний и Сообщений Туркестанского кружка Любит. Археол. „Год 3. 1891-1893, стр. 43-46. Филоненко, В. И. Тамги татарских кладбищ г. Евпатории. „Извест. Крымск. Педагог. Института“, 1923, г. 2, стр. 97-98.

6. Пожидаев, В. Хозяйственный быт кабарды. Воронеж. 1925, стр. 55.

7. Акчокраклы, О. Татарские тамги в Крыму. „Извест. Крымск. Педагог. Института“, 1927, кн. 1, стр. 44-47. Самойлович, А. Н. „О пайза—байса“ в Джучиевом улусе. „Известия Академии Наук СССР“, 1926, № 12. стр. 1112.

8. Сорокин, Н. Путешествие к вогулам. „Труды О-ва Естеств. при Казанск. Университете“, 1873, т. 3, вып. 4, стр. 46.

9. Аристов, Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. „Жив. Старина“, 1896, вып. 3-4, стр. 285.

10. Аристов, Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой Орды, „Живая Старина“, 1894, вып. 3-4, стр. 410.

11. Жамцарано, Ц. и Турунов. А. Н. „Халха—Джиром“. Ирк. 1923, стр. 15. Рязановский, В. А. Обычное право монголов. „Вестн. Азии“, 1923, № 51.

12. Иакинф, (Бичурин) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. Часть 1. Спб. 1851.

13. Аристов, Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков. Стр. 458.

14. Баторов, П. П. Материалы к вопросу о происхождении бурятских племен. „Бурятиеведение“, 1926, № 2, стр. 3

15. Козьмин, Н. Н. К вопросу о времени водворения бурят вокруг Байкала. „Сибирск. Жив. Старина“, 1925, вып. 3-4, стр. 113-132.

16. Барадин, Б. Б. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности. „Бурятиеведение“, 1927, № 3-4, стр. 44, 51.

17. Кипчаки. по сведениям Гродекова, для отличия одного рода от другого накладывают общую кипчаковскую тамгу на разные части тела животных, напр. род „торы“—на шею, род „узун“ на передние ноги и т. д. (Аристов, Н. А. „Живая Старина“, 1894, вып. 3-4, стр. 417).

18. Хороших, П. П. Посвящение лошади и быка. „Этнограф. Бюллетень“, № 1, 1922, стр. 13. Баторов, П. П. и П. П. Хороших. Материалы по народному скотолечению бурят. „Бурятов. Сборник“, вып. 2, 1926, стр. 50-60.

19. Хороших, П. П. Бирки Иркутских бурят. „Сиб. Живая Старина“, вып. 1, 1926, стр. 102.

20 Самоквасов, Д. Я. Сборник обычного права Сибирских инородцев. Варшава. 1876, стр. 181.

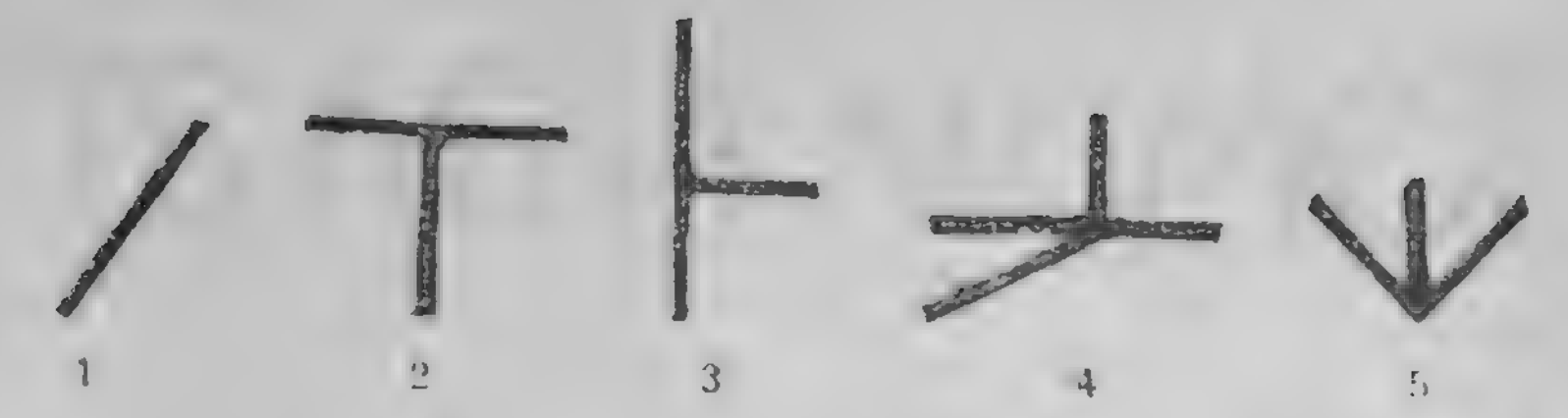
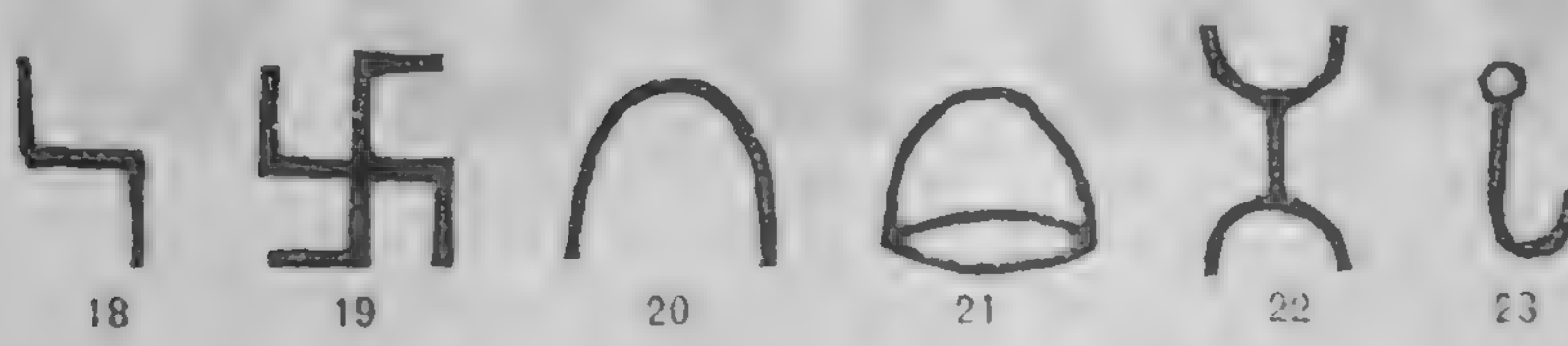
21. Хороших, П. П. Бирки Иркутских бурят. „Сиб. Жив. Старина“, вып. 1. 1926, стр. 103.

22. По поверию бурят в „бойноке“ находится благодать Буха-ноена. Баторов, П. П. Аларские тайлаганы. Ирк. 1926, стр. 11.

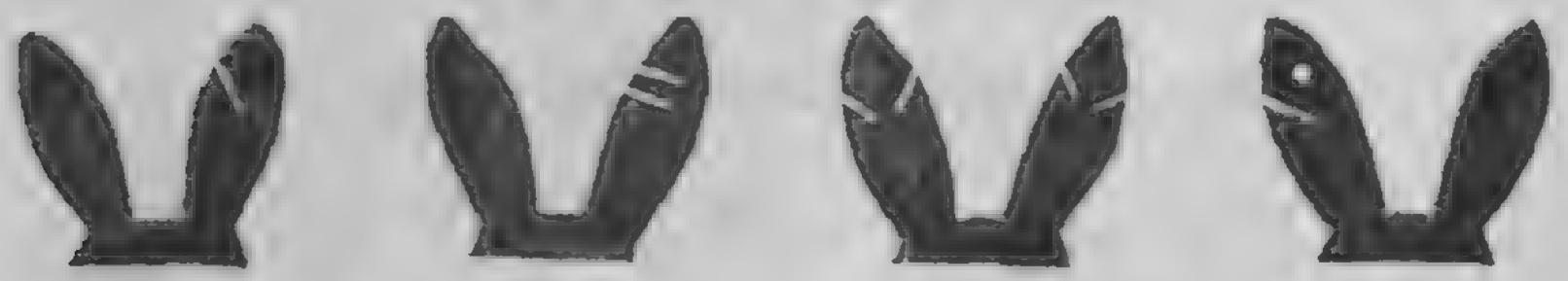
23. Хангалов, М. Н. Юридические обычаи у бурят. „Этногр. Обозр“. 1894, № 2, стр. 138.

24. Соколов, Д. Н. О башкирских тамгах. «Труды Оренбургск. Учен. Архивн. Комиссии», 1904, т. XIII, вып. XIII.

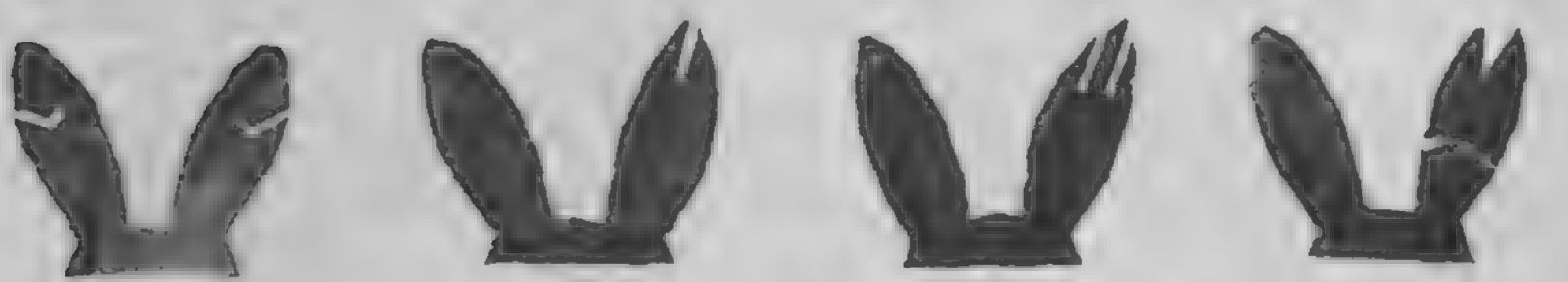
25. Хороших, П. П. Орнамент северных бурят. Вып. 2. „Бурятоведч. Сборник“, вып. 3-4, 1927, смотри табл. № 11, 18, 20.


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17

18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34

35 36 37 38 39

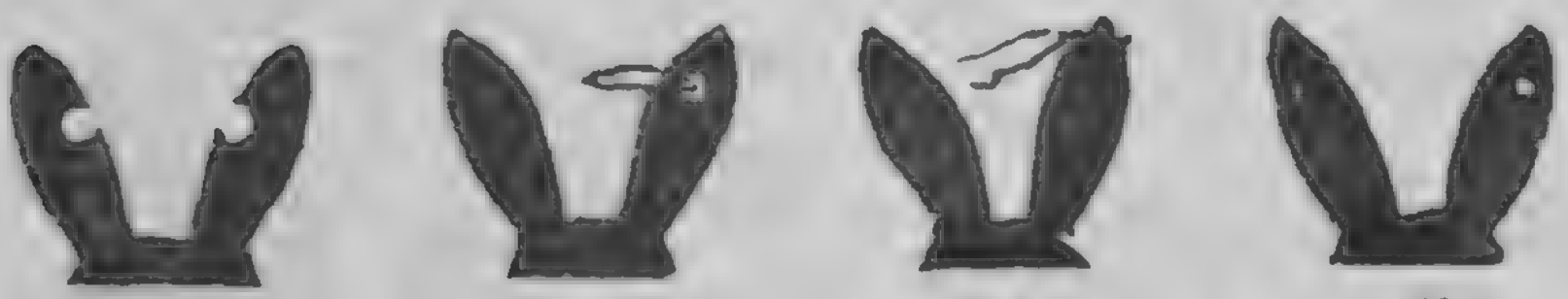


40 41 42 43

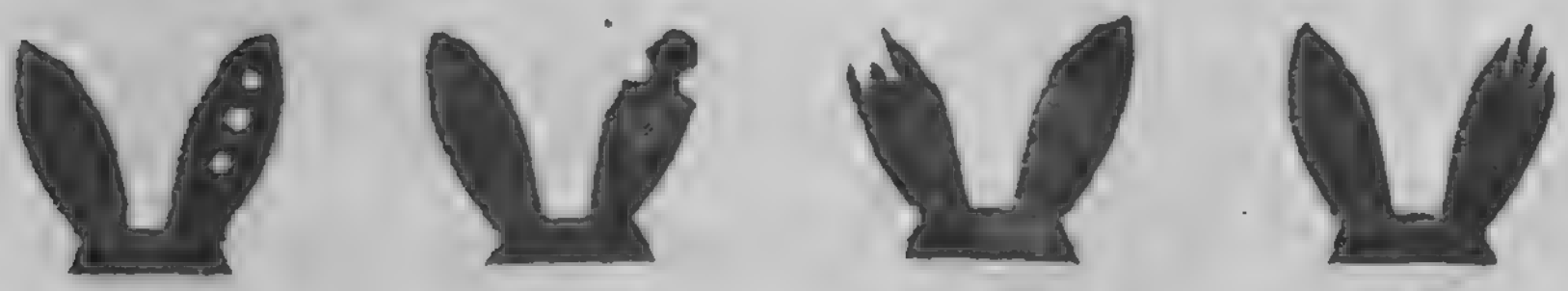


44 45 46 47

48 49 50 51 52



53 54 55 56



57 58 59 60

Литература

о знаках собственности, таврах, тамгах.

1. Абрамов, А. Описание Березовского края (Зап. Русск. Геогр. О-ва, 1857, кн. XII, стр. 333 (тамги остяков).
2. Акты, *относящиеся до юридического быта древней России*. СПБ. 1864. Том. 2, стр. 433, 546, 549, 558. (тамги татарск., русские—бортные).
3. Акты юридические. СПБ. 1838, издав. Археограф. Комисс. стр. 185, 212—213. (знаки собственности русских, черемисов).
4. Акчокраклы, О. Крымда татар тамгалары. Бахчисарай. 1926. Тоже по русски: „Татарские тамги в Крыму". (Изв. Крымск. Пед. Института № 1, 1927).
5. Аристов, Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности (Жив. Стар. 1896, вып. 3-4 (тамги).
6. Аристов, Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргизов на основании родословных. сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах (Жив. Стар. 1894, вып. 3-4).
7. Аргангельские Губ. Ведом. 1862, № 38; 1870, № 27; 1870, № 22.
8. Археологические Известия и Заметки, изд. Москв. Арх. О-вом 1894, стр. 306-308 (клейма).
9. Барбот-Де Марни. Астраханская степь по исследованию Кумаиичской Экспедиции. СПБ. 1868. (калмыцк. тамги).
10. Баторов, П. П. и П. П. Хорошиx. Материалы по народному скотолечению у бурят (Бурят. Сборн. изд. ВСОРГО, 1926, вып. 2. стр. 59 (клейма).
11. Башкурды. Статья в „Оренбург. газете", 1899. 19-го окт. Глава V (тамги).
12. Бирки и инородческие знаки собственности сравнительно с русскими. (Казанск. Губ. Вед. 1890, № 60; 1891, № 3).
13. Богаевский. П. М. Очерки религиозных представлений вотяков (Этн. Об. 1890, № 1, стр. 121-122 с таблицами тамг).
14. Большая Энциклопедия. Том. XVIII, 1904. стр. 271. (слово тамга).
15. Буссе, Ф. Ф. Список слов бытового значения некоторых кочевых народов В. Сибири. (Зап. Русск. Географ. О-ва по отд. этногр. 1880, т. VI, отд. 2, стр. 197-245, бурят. тамги).
16. Вамбери. История Бухары. СПБ. 1873. Том 1; стр. 229 (тамга Тамерлана).
17. Верещагин, В. Очерки Архангельской губ. СПБ. 1849 (клейма).
18. Верещагин, Гр. Вотяки Сосновского края (Зап. Русск. Геогр. О-ва по этн. 1886, т. XIV, вып. 2-3, стр. 198-199 (семейн. печать).
19. Веселовский, Н. Мнимая должность букаульного тамговщика в империи Чингис-хана (Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. О-ва, 1917, т. XXIV. стр. 201-204).
20. Глушков, И. Н. Чердынские вогулы (Этн. Обозр. 1900, № 2, стр. 34, (тамги).
21. Голстунский, К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г. (Юрид. Вестн. 1880, кн. 7. (клейма).
22. Голстунский, К. А. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-даши. СПБ. 1880, стр. 14, 15, 48 (клейма).
23. Григорьев, В. Ярлыки Тохтамыша и Сегдей-Гирея (Зап. Одесск. О-ва Истории и Древностей, том. 1, 1844. стр. 343-345 (тамги).

24. Гродеков Н. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской обл. Ташкент, 1889, том, 1, Прил. стр. 1-8 (тамги).
25. Гурлянд. Я. И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII стол. (Изв. О-ва Арх. Ист. и Этногр. при Казанск. Унив. 1904, т. XX. вып. 4-5, стр. 90-91, 158 (тамги).
26. Дневные записки путешествия И. Лепехина. Изд. 2-ое. СПБ. 1795-1805. Часть 1-4, стр. 257, 290 (родов. клейма самоедов).
27. Добросмыслов, А. И Скотоводство в Тургайской области. Оренб. 1895.
28. Древние обитатели Уфимской губ. (Правит. Вестн. 1894, № 187) тавра и тамги).
29. Ефименко, П. Юридические знаки (Журн. Мин. Нар. Просв. 1874, № 10-12, с табл).
30. Ефименко, П. Народные юридические обычаи Архангельской губ. (Труд. Арханг. Стат. Ком. за 1867-1869. Арханг. 1869 (знаки собственности).
31. Ефименко, П. Я. Юридические обычаи лопарей, корелов, самоедов Арх. губ. (Зап. Русск. Геогр. О-ва по этногр. 1878, т. 8, стр. 200 (о родов. клеймах).
32. Жамцарано, Ц. и А. Н. Турунов. Халха-Джиром. (Сборн. Трудов. проф. и препод. Государствен. Иркутск. Унив. Вып. 6. 1923, стр. 15 (о таврении лошадей).
33. Жизнь Джингис-хана и Аксак-Тимура с присовокуплением разных отрывков, до истории касающихся. Неизв. автора, изд. Хальфиным в Казане в 1822 г. (о тамгах).
34. Загоскин. М. В. Ответы на программу Русск. Геогр. О-ва для собирания народных юридических обычаев. Ирк. 1891, стр. 48-49 (знаки собственности).
35. Золотарев, Д. А. Этнограф. наблюдения в деревне (Мат. по этногр. 1926, Т. 3., вып. I; стр. 20 (клейма).
36. Золотарев, Д. А. Карельские клейма (Изв. Русск. Геогр. О-ва, 1924, т. 56, вып. 1, стр. 141-154, с табл).
37. Иакинф. (Бичурин) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. Часть 1. СПБ. 1851 (о знаках собственности на скоте).
38. Иванин, М. Внутренняя или букеевская орда (Журн. „Эпоха", 1864, № 12. тамги).
39. Иванов, Пр. Юридические знаки (Арханг. Губ. Вед. 1870, № 34 (русские и самоед. клейма).
40. Изображения якутских и тунгусских клейм. Дополн. к Актам Историческим, издав. Археограф. Комиссией, Том VII. 1859, № 1-30.
41. Иславин. В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПБ. 1847, стр. 45-46 (клейма).
42. К вопросу о гранях и метах (Заметка) Вестн. Рязанск. Краеведов, 1925, № 4, стр. 20-21).
43. Казанцев, И. Описание киргиз-кайсаков. СПБ. 1867 (тамги).
44. Калмыцкая степь Астраханской губ. по исследованиям Кумо-Манычской Экспедиции. Изд. Мин. Гос. Имущ. СПБ. 1868, стр. 106-130 (монгольские и калмыцкие тамги).
45. Карамзин. История Государства Российского. Том 2, стр. 108, 422. (тамги).
46. Катанов, Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1-ое сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейск. губ. (Учен. Зап. Казанск. Университ. 1897, кн. 3, стр. 18-20. (тамги).
47. Катанов, Н. Ф. Об одной выписи 1700 года, данной татарам Свияжского уезда, по копии И. Н. Юркина (Изв. О-ва. Арх. Ист. и Этногр. при Казанск. Универс. Универс. 1897. Т. XIV, вып. 3, стр. 361-362 (тамги).
48. Катанов, Н. Ф. Письма из Сибири и Вост. Туркестана (Зап. Имп. Акад. Наук. Том 73, кн. 2. СПБ. 1894, прил. № 8, стр. 110 (тамги татар и сойот).
49. Клетнова, Е. Н. Заметки о метах и знаках собственности Вяземского уезда (Этногр. Обозр. 1916, кн. 49-50).
50. Козин, С. Тамги у крымских татар (Этнограф — исследователь, журн. Эти. Отделен. геофака Ленинград. Унив. 1927, № 1).

51. Комшилов, Я. А. Лопэрские клейма (с рис) Доклады и Сообщения. Вып. 1. издав Мурманск. Обществом Краеведения. Мурманск, 1927.
52. Костоловский, И. В. Заветные знаки и слова на предметы собственности (Этногр. Обозр. 1902, № 4, стр. 117).
53. Котляровский, А. А. О свинцовых оттисках, найденных в реке Буге. („Древности" Труды Моск. Археол. О-ва, 1867, т. 1, вып. 2. (знаки собственности).
54. Лашков, Ф. Исторический очерк Крымско-татарского землевладения. Симферополь. 1897; стр 51-53 (о крымских тамгах).
55. Левшин, Описание киргиз-казачьих орд и степей. 1832, часть 3, стр. 134-135 (с табл. киргизск. тамг.)
56. Легкобытов, В. С. Башкиры. Статья в „Энциклопед. Лексиконе Плюшара". Том. 5, стр. 133. (тамги).
57. Леонтович, Ф. И. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879.
58. Майнов, Вл. Очерк юридического быта мордвы (Зап. Русск. Геогр. О-ва по этногр. 1885, т. XIV, вып. 1, стр. 196-200, с табл. (меты на скоте).
59. Маллицкий. Н. О связи тюркских тамг с орхонскими письменами. (Прот. Заседаний и Сообщений членов Туркест. кружка Любителей Археологии, Год. 3 (1897-1898) стр. 43-47).
60. Матвеев, П. А. Очерки народного юридического быта Самарской губ. (Зап. Русск. Геогр. О-ва по этногр. 1878, т. 8) знаки собственности).
61. Мейер, Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПБ. 1865. стр. 5, 89, 92. (тамги).
62. Мендиарова, Г. О черемисах Уфимск. губ. (Эти. Обзор. 1894, № 3, стр. 39. (знаки собственности).
63. Миклашевский, И. Н. К истории хозяйственного быта Московского Государства. 1891. Том 1. (древне-русские бортные знаки).
64. Миллер, Г. Ф. Описание живущих в Казанск. губ. языческих народов черемисов, чуваш и вотяков. СПБ. 1791. стр. 63-64 (знаки собственности).
65. Миллер, Б. В. Из области обычного права карачаевцев (Эти. Обозр. 1902, № 1, стр. 16. с рис. (родовое тавро).
66. Мырдыгеев, Р. С. Изделия из шерсти и волоса в Аларском аймаке. (Бурятиеведение, 1928, вып. 1-3, стр. 141-147 (клейма).
67. Н. В. Тамга (Энциклопед. Словарь, Том. XXXII-а, 1901, стр, 571.
68. Небольсин, П. Инородцы Астраханской губ. Заметки о кундровских татар (Вестн. Русск. Геогр. О-ва, 1851, отд. V, стр. 5-6 (тамги).
69. Небольсин. П. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край (Вестн. Русск. Геогр. О-ва, 1852, часть 2, стр. 5-6 (тамги).
70. Небольсин, П. Очерки Волжского низовья (Журн. Мин. Внутр. Дел, 1851, кн. 6, стр. 356-359 (тамги).
71. О лопарских клеймах. Факсимиле лопарских клейм из коллекции Я. А. Кошмилова (Доклады и Сообщения, вып. 1. изд. Мурманск. О-ва Краеведения. Мурманск. 1927).
72. Оглоблин. Н. Н. Знамена сибирских инородцев XVII в. (Зап. Уральск. О-ва Люб. Естествозн. 1891-1892, Том. XIII, № 1-2).
73. Оглоблин, Н. Н. Знамена сибирских инородцев XVII в. (Екатеринб. Неделя, 1891, № 4).
74. Оглоблин, Н. Н. Остяцкие знамена XVII в. (с рис.) Истор. Вестник, 1889, № 10-12 (тамги).
75. Островский, В. Вотяки Казанской губ. (Труды Казанск. О-ва Естест. 1874; том. IV, № 1, стр. 2 (тамги)
76. Паллас, П. Путешествия по разным провинциям Российск. государства 1788, т. 1, стр. 393; на табл. 21 различн. клейма. Тоже том 3, 1-я половина, стр. 53.
77. Пашин, П. Н. Из поездки к ногайцам (Русск. Антр. Журнал, 1912, № 1, стр. 39 (родовые тавры).
78. Петров, А. А. Знамена—кидзышто красноуфимских черемис. (Адрес-календарь и памятная книж-

ка Пермск. губ. на 1894 г. Пермь, 1893).
79. Победоносцев, К. Курс гражданского права. Часть, 1. Изд. 3-е СПБ. 1883; Часть 2. СПБ. 1875; Часть 3. 1880 (знаки собственности).
80. Пожидаев, В. П. Хозяйственный быт кабарды (Труды по обследованию Кабарды Т. 3, вып. 1. 1925. Воронеж, стр. 21-22; 36-38 (тавро, таврение).
81. Покровский, И. М. Бортничество (пчеловодство), как один из видов натурального хозяйства и промысла близ Казани в XVII-XVIII в. (Изв. О-ва Арх. Ист. и Этногр. при Казанск. Унив. 1901, т. 17, вып. 1, стр. 69-72, с табл. (знамена).
82. Поливанов, Е. Д. Идеографический мотив в формации Орхонского алфавита (Бюлл. Средне-Азиатск. Гос. Унив. 1925, вып. 9, стр. 177-179 (тамги)
83. Попов, К. А. Охотничье право собственности у зырян. (Изв. О-ва Люб. Ест. Антр. и Этногр. 1877. Т. 28 (родовые знаки).
84. Попов. Н. И. О рунических письменах в Минусинском крае (Изв. Сиб. Отд. РГО-ва, 1874. т. 5, № 2, стр. 58, 64-65 (тамги, пайзы китайцев, хакас).
85. Потанин, Г. Н. Очерки северозападн. Монголии. Вып. 2. 1881. СПБ. табл. 26; вып. 4.1883, стр. 14, табл. 1 (тамги).
86. Потанин, Г. Н. Этнографические заметки на пути от г. Нерчинска до г. Тотьмы (Жив. Старина, 1899, вып., 2, стр. 229-230 (тамги).
87. Предметы собственности и пользования, на которые налагаются юридические знаки (Каз. Губ. Вед. 1885, № 97,99)
88. Программа для собирания народных юридических обычаев (Зап. Русск. Геогр. О-ва по этногр. 1900. т. 18 (знаки собственности).
89 Протоколы заседаний Этнографического Отдела. (Изв. О-ва Люб. Ест. Антр. и Этногр. М. 1874. Том. 13, вып. 1, стр. 49 (родовые знаки пермяков).
90. Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Том. 3. СПБ. 1905, стр. 1003-1004; Том 1, стр. 673 (тамга).
91. Радлов, В. В. Атлас древностей Монголии. СПБ. 1892 (тамга).
92. Рашид-Эддин. Сборник летописей. История монголов. Введение. О турецких и монгольских племенах, перев. Березина. СПБ. 1858. стр. 24, 76 (тамги).
93. Рашид-Эддин. История монголов. Перев. Березина (Труд. Вост. Отд. Археол. О-ва, т. 5, стр. 25-29 (тамги).
94. Рязановский, В. А. Обычное право монголов (Вести. Азии, 1923, № 51, стр. 34-35. (клейма).
95. Саади, Аб. Язык, литература и письменность (на татарск. языке) Казань. 1926; стр. 201 (Образцы тамг на татарско-башкирских приговорах).
96. Саба'неев. Кабардинские тамги (Охотничий Календарь, 1892. Москва, стр. 271-272 (тамги).
97. Савельев, А. Остатки старинного межевания в России (Древняя Россия, 1878, № 6, знаки собственности).
98. Савенков, И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее (Труды 14-го Археол. Съезда в г. Чернигове. Том 1, 1908, стр. 341-386, родовые знаки и знаки собственности).
99. Самойлович, А. Н. О „пайза-байса" в Джучиевом улусе (Изв. Акад. Наук, 1926, № 12, стр. 1107-1121).
100. Самоквасов. Л. Я. Сборник обычного права Сибирских инородцев. Варшава. 1876.
101. Сборник народных юридических обычаев. Том. 1. Изд. под ред. С. В. Пахмана (Зап. Русск. Геогр. О-ва по этногр. 1900, т. 18, стр. 29; знаки собственности у остяков).
102. Сведения о казачьих общинах на Дону. Материалы для обычного права, собранн. М. Харузиным. 1885. Вып, 1. (знаки собственности).
103. Семейные юридические знаки собственности при разделах (Ставр. Губ. Вед. 1879, № 34).

104. Серошевский, В. Л. Якуты. Том. 1. СПБ. 1896, стр. 470-471 (тамги якутов).
105. Скоробогатый, П. Доказательства на волостном суде (Юридич. Вестн. 1883, вып. 2 и 1884, вып. 5-6 (знаки собственности).
106. Смирнов, В. Крестьянские земельные переделы и народные меты. (Программа.) Изд. Иваново-Вознес. О-ва Краевед. и Костр. Научн. О-ва, Кострома, 1926, стр. 3-4 (меты).
107. Смирнов, В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской порты. СПБ. 1887, стр. 193-199 (тамги).
108. Соколов, Д. Н. О башкирских тамгах (Труд. Оренб. Учен. Арх. Комиссии, 1904, т. 13, вып. 13 (тамги).
109. Соколов, Д. Н. О башкирских тамгах (Изв. Арх. Комиссии, 1903, прибавл. к вып. 5. Хроника, стр 28 (см. еще „Оренбургск. газета", 1903, № 1582.)
110. Соловьев, Е. Т. Знаки собственности в России. Историко-археолог. очерк. С приложением 6720 знаков. Казань 1885. Другое заглавие этой книги: „О тамгах или знаках собственности на некоторых предметах древнего быта". Казань 1855. Под этим последним заглавием сочинение это было напечатано первоначально в „Казанск. Губ. Вед." 1885, № 56-69, 85, 92. 113, 123, 144.
111. Соловьев, Е. Т. Очерк обычного права крестьян Маладышского уезда. (Каз. Губ. Вед. 1879, № 36 (знаки собственности).
112. Соловьев, Е. Т. О необходимости изучения знаков собственности кавказск. туземцев и других племен, населяющих Россию (Труды 5-го Археолог. Съезда в Тифлисе. 1887, Москва, стр. 108-114).
113. Сорокин, Н. Вотские знаки собственности (Русск. Археол. Известия и Заметки, изд. Моск. Археол. О-ва, 1894).
114. Сорокин, Н. Путешествие к вогулам. Отчет, представленный отделу Антропологии и Этногр. при Казанск. О-ве Естеств. (Труды О-ва Естест. при Казанск. Унив. Казань, 1873, т. вып. 4, стр. 46-47 (семейные тамги).
115. Стрелов, Е. Д. Акты архивов Якутской Области (с 1650 по 1800 г.) Изв. Якутск. Обл. Учен. Арх. Комиссии, т. 1. 1916, табл. 2-4 (знамена якутов и тунгусов).
116. Сумцов, Н. Ф. Культурные переживания (Киевская Старина, 1889, Август, стр. 402-405 (меты).
117. Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. Тамбовская губ. (знаки собственности).
118. Тыныштаев, М. Материалы к истории киргизского народа. Ташкент, 1925.
119. Фелицын, Е. Сборник тамг западно-кавказских горцев и племен кабертай Адигского народа (Зап. Одесск. О-ва Истории и Древностей, 1889, т. 15).
120. Филоненко, В. И. Тамги татарских кладбищ г. Евпатории (с рис.) Изв. Крымск. Педагог. Института, 1928, т. 2 (литература о тамгах).
121. Хангалов, М. Н. Юридические обычаи у бурят (Этногр. Обозр. 1894, № 2 (родовые клейма).
122. Харузин, А. Киргизы Букеевской Орды (Изв. О-ва Люб. Ест. Антр. и Эти. Т. 63; Труды Антроп. Отдела 1889. Т. X, вып. I, стр. 148-156 (тамги).
123. Харузина, А. Н. К вопросу о почитании огня (Этногр. Обозр. 1906, № 3-4, стр. 127 (тамги).
124. Харузин, М. Очерки юридического быта у народностей Сарапульского уезда (Юридич. Вестн. 1883, № 2, стр. 289 (клейма)
125. Харузин, Н. Знамена у мордвы XVI-XVII в. Юбил. сборн. в честь В. Ф Миллера. Москва. 1900, стр. 62-73, с 168 рис. знаков.
126. Харузин, Н. Медвежья присяга и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов (Этногр. Обозр. 1898, № 4, стр. 23-25 (знаки собственности).
127. Харузин, Н. Русские лопари (Изв. О-ва Люб. Ест. Антр. и Этногр. том 66, Труды Этнограф. Отдела, 1890, Том 10, стр. 250-252 (родовые тамги, метки на ушах оленей)

128. Харузин, Н. Этнография. Курс лекций. Вып. 2. 1903, стр. 232-236; Вып. 3. стр. 20, 166, 170-171; Вып. 4, стр. 63, 78 (клейма).
129. Харузин, Н. Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей, стр. 85 (тавры на лошадях).
130. Харузин, М. Н. Программа для собирания сведений об юридических обычаях. Москва, 1887; стр. 174-177 (знаки собственности).
131. Хороших, П. П. Бирки Иркутских бурят (Сиб. Жив. Старина, 1926, вып. 1 (знаки собственности.)
132. Хороших, П. П. Посвящение лошади и быка (Этногр. Бюллет. изд. ВСОРГО, № 1. 1922. стр. 13 (о клеймах на скоте).
133. Чулошников, А. П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюрских племен. Часть 1. (Труды О-ва изучения Киргизского края, вып. 5. 1924, стр. 201 (тамги).
134. Шамраевский, А. Статистическое описание Бобровицкой дачи (Пам. книжка Черниг. губ. за 1862 г. (знаки собственности).
135. Шифнер, А. Об этнографической важности знаков собственности (Учен. Зап. Академии Наук по 1 и 3 отд. СПБ. 1855, т. 3, вып. 5).
136. Шмид, Э. А. Материалы по родовому составу казакского населения юго-западной части Чикменского уезда (Сборник в честь В. В. Бартольда. Ташкент, 1927).
137. Этнографическое Обозрение, 1909, № 2-3, хроника, стр. 278 (о тамгах монгол, собранных Рамстедом в 1909 г.)
138. Юрцовский, Н. С. За полярным кругом (Просв. Сибири, 1928. № 11, стр. 93 (тамги).
139. Якушкин, Е. Обычное право. Вып. 1. Материалы для библиографии обычного права. Ярославль 1875, стр. 1,47.249 (клейма, тамги).
140. Якушкин, П. Путевые письма из Новгородской и Псковской губ. СПБ. 1860, стр. 175 (знаки собственности).
141. Ященк, А. Несколько слов о русской Лапландии (Этногр. Обозр. 1892, № 1 стр. 16-17 (переклеймение оленей).

О Викторине Арефьеве.

О Викторине Арефьеве я могу сказать немного. Он редко бывал в Красновидове; являлся обычно, к ночи или ночью, приходя пешком с пристани „Лобышки“. М. А. Ромась, весьма строгий конспиратор, побеседовав с ним, отправлял его ко мне, на чердак, там Арефьев спал и сидел, не выходя на улицу села, целый день, а ночью исчезал, спускаясь к Богородску в лодке с рыбаком Изотом или уходя на Лобышки. Ромась сообщил мне, что Арефьев выслан из Саратова или должен был уехать оттуда, избегая ареста,—не помню точно. Вероятнее—последнее, потому что Арефьев, обычно, являлся в Красновидово или из Казани, или из Саратова, и я думаю, что он служил связью между народовольцами этих городов.

Помню, что при первой встрече он мне определенно не понравился,—говорил со мной докторально, заносчиво и щеголял своей начитанностью. В следующий раз я примирился с этим, поняв, что за щегольство мною принято естественное желание человека много знающего поделиться радостью знания. Особенно возбудили мою симпатию его интерес к фольклору, он отлично знал поволожские говоры, у него были интересные записи песен пензенских татар, зачевок „Дубинушки“ и целое исследование о саратовской „Матане“, предшественнице современной „частушки“. Мне кажется, что эта работа его печаталась в „Саратовском дневнике“, редакции Сарахановa в 91 или 92 г.г. Лет десять спустя в кружке Мережковских искали рифму к слову „дьявол“, нашел, кажется, Сологуб:—„плавал“. И мне вспомнилась запись Арефьева:

Милый мой по Волге плавал,
Утонул, паршивый дьявол!

К запискам своим он относился небрежно. Однажды забыл их в лодке Изота, в другой раз его тетрадь оказалась под моей койкой. Был он человек живой, размашисто открытый, богатый словом, с широким полем зрения и уменьем тонко, точно наблюдать.

Как-то будучи в Казани, я встретил его у геолога Северцева или Сибирцева, и мы решили идти в Красновидово пешком. Вышли на утренней заре. В памяти моей очень светло и выпукло лежат сорок пять верст этого пути в непрерывной беседе с человеком, которому и природа и люди говорили больше, чем в ту пору я умел видеть и слышать. Он обладал небольшим голосом, отличным слухом и безошибочно передавал мелодии народных песен. Лицо у него было четкое, из тех, какие—увидав один раз—долго не забываешь и хочешь видеть еще. Лицо его хорошо освещали очень яркие и умные глаза; особенно ярко блестели они, когда Арефьев смеялся. Смеяться—любил, это—верный признак хорошего человека.

Года через два—если не ошибаюсь—я встретился с ним в Нижнем у И. И. Сведенцова, мрачного народовольца, автора очень скучных рассказов. Это была последняя встреча. Он, кажется, имел какое-то отношение к „народоправцам“. Это я заключаю по тому, что он очень подробно рассказал мне о провале типографии Ромася в Смоленске. И в этот раз он вызвал у меня впечатление человека крепкого, решительно идущего к своей цели, влюбленного в песни, навсегда преданного народу своему и готовому на всякий бой, на любую работу ради лучшего будущего.

А. А. Макаренко.

Из припоминаний о В. С. Арефьеве.

С Викторином Севастьяновичем Арефьевым я не был близко знаком и не достаточно полно знаю его биографию.

Роковая дата 5-го марта 1897 года, предопределившая ссылку В. С. в Сибирь, совпала с числом, месяцем и годом окончания моей ссылки. Вскоре из Казачинского (Енисейской губ. и у.) я выехал в Енисейск, а затем очутился в с. Стрелковском (быв. Маклаковской в. Енис. у.); там определился конторщиком на предприятии быв. министерства путей сообщения, ведшего разработку порогов р. Ангары. Таким образом, В. С. не застал меня в с. Казачинском. Впрочем, его поселили первоначально в ближайшей деревне (в Елани или Зырянка), а спустя некоторое время перевели в Казачинское.

Однажды я посетил это село. В нем в то время скопилась большая колония политических ссыльных (с 1894 по 1897 г. я жил один). Тогда я и познакомился с В. С. Выше среднего роста, худощавый, с приятными чертами лица, темными, слегка вьющимися волосами на хорошо сложенной голове, с живыми серыми глазами и подвижным темпераментом, В. С. сразу же завоевал мои симпатии. За краткостью моего пребывания в Казачинском, нам не удалось обменяться автобиографическими сведениями; поэтому, должно быть, я сравнительно мало узнал о самом В. С. Мы делились своими наблюдениями о деревне— он в России, я в Сибири. Нас обоих интересовала живая деревня со всеми ее слабыми и хорошими сторонами, и не только как объект наблюдений с различных сторон, но и как собрание народа, в ней живущего. Викторин Севастьянович, из народа вышедший, был всегда думой и мыслями с народом. Деревне и самому народу, его роли в революционной борьбе мы посвятили затем немногие часы нашего первого свидания. Вскоре В. С. должен был оставить с. Казачинское.

За обличительные корреспонденции он был выслан в какую-то деревню на Ангаре. Следующая встреча произошла в начале 1901 г., когда В. С. посетил меня в Питере. Он приезжал с поручением от Саратовской организации партии с.-р., развивавшей революционную работу среди крестьян Саратовской губ. В этой работе живое участие принял В. С., когда вернулся из ссылки. Наше свидание, оказавшееся последним, и на этот раз было непродолжительным.

Несмотря на свою занятость, В. С. успел ознакомиться с моей работой „Промысел красной рыбы на реке Ангаре“, после чего дал отзыв о ней в одну из сибирских газет. С своей стороны В. С. вручил мне часть своих записей по красноловью на Ангаре. Эта передача состоялась после того, как моя работа была сдана в печать; поэтому полученными записями, как и его статьей „На рыболове“, с его разрешения, я могу воспользоваться лишь при повторном издании означенной книги, если когда-либо это состоится. Подобная товарищеская услуга и вся культурно-просветительная работа В. С., проводимая им в условиях ангарской ссылки, его преданность лучшим заветам и деревне с ее крестьянским населением побудили меня „посвятить“ упомянутую книгу „памяти дорогого товарища В. С. Арефьева“. Книга издана была б. министерством земледелия и государственных имуществ, которое распорядилось данное посвящение напечатать на отдельных листках, долженствующих быть вкладышами в экземпляры, для меня предназначенные. Об этом правонарушении министерства я узнал post factum, когда книга была готова, и все счеты были покончены еще до издания. Таким образом, „по независящим обстоятельствам“ моя книга распространена была министерством, вероятнее всего, без поименованного вкладыша с посвящением В. С. Арефьеву.

К сожалению, я не располагаю обстоятельными и вообще достаточными сведениями относительно того, как протекали годы ссылки В. С., об условиях его общественной, революционной, исследовательской деятельности и пр.

По собственному опыту знаю, что жизнь ссыльных в том же, напр., Казачинском была не из легких и приятных по нескольким причинам: они находились в неволе, были материально необеспечены, насильственно прикреплены к определенному пункту и пребывали в крайней зависимости от произвола высших и местных властей. Остроту бесправного положения политического ссыльного В. С. пришлось ощущать особенно заметно. Он скоро успел вооружить против себя и местных черносотенцев и власть придержащую газетными обличениями. Своими доносами они добились высылки В. С. в глухую деревеньку на Ангаре. Но и там он продолжал свою газетную и исследовательскую работу, пренебрегая доносами и угрозами властей.

Судя по существующему наличию печатных произведений В. С. [1], он в достаточной степени литературно писал и обладал

[1] Приводимые в разных местах рукописи А. А. Макаренко указания на работы Арефьева (и на некоторые литературные материалы о нем) здесь не приводятся; они вошли в перечень „научно-литературного наследства В. С. Арефьева“, составляющий специальную часть био-библиографического очерка Н. И. Удимовой (Сиб. Жив. Стар. VIII). Ред.

безусловно проникновенной вдумчивостью и обобщающей способностью недюжинного исследователя и бытописателя. Затронутые им темы излагались в спокойном повествовательном тоне; благодаря этому их содержание приобретало ясность и возбуждало живой интерес в читателе.

В силу своих социалистических убеждений и недавней революционной деятельности—с одной стороны, по врожденным симпатиям к деревне и сельскому люду вообще, а также по свойству своей кипучей натуры—с другой, В. С. не мог, конечно, сидеть сложа руки, находясь в сибирской деревне, в самой гуще сибирского крестьянства.

Не поэтому ли В. С. обратил самое серьезное внимание на изучение сибирской деревни, занятий и быта ее крестьянского населения.

Он вел тесную дружбу с деревенской молодежью, с их отцами и матерями. При их полном содействии В. С. собирает разносторонний материал и необходимые ему сведения. По этим данным, почерпнутым из фактов живой деревенской действительности, от живых людей деревни, всеми покинутой, придавленной всею тяжестью социальных и экономических невзгод, В. С. пишет корреспонденции на злобу дня; фильтрует своими обстоятельными обзорами „народные книжки о Сибири" и журналы, сам пишет популярные очерки („Описание Сибири", „Енисейские инородцы" и др.), помещает ряд статей „об изучении сибирской деревни"—быта сибирского крестьянства, его психологии, нравов и уклада жизни,[1] которые наблюдателю

---

[1] На ряду с этим молодой наблюдатель народной жизни находит время и силы интересоваться подрастающим поколением, принимать участие в судьбе сколько-нибудь выдающихся представителей этого поколения. В качестве примера, характеризующего В. С., как человека, обладавшего неиссякаемым запасом сил, будировавшим умы крестьян, направлявшего их на культурное просветление, приведу выдержку из письма моего и В. С. друга, крестьянина с. Казачинского, бывшего в то время учеником местной школы Александра Никифоровича Казанцева (письмо писано до революции).

„Спешу исполнить свое обещание и выслать вам тетрадку своих стихов... К стихам вы просили мою биографию... Родился я в 1884 г... На 9-м году я начал учиться в местном приходском училище. Когда я начал подходяще читать, мне стали давать из местной библиотеки книги для чтения. Тут были сочинения Пушкина, Лермонтова, Никитина, Кольцова с их биографиями. Книги эти, конечно, я прочел, и по прочтении их мне в первый раз пришла мысль стать поэтом. В это время приехали к нам Вы. Благодаря Вам я прочел еще кое-какие книги, обращал внимание особенно на стихи. Я стал сочинять стихи... Спустя некоторое время, уже по отъезде Вашем, в наше село (Казачинское) приехал молодой весьма симпатичный человек, занимавшийся литературой, а именно Вик. С. Арефьев. Я с ним познакомился и ему-то в первый раз решил показать свой опыт, написав лично ему стихотворение о грозящем походе Енисея. Стихотворение он немного исправил (всего три слова), подыскал подходящее название („В ожидании наводнения") и напе-

представляются столь контрастным по сравнению с деревней и всем бытовым укладом крестьян средней, ему хорошо ведомой, полосы России (Енисей, 1899, № 5). В. С. задумывается и над рабским состоянием и тяжелым трудом сибирской крестьянки. Все вместе затронутое В. С. в этой статье, „делает, — по его мнению, — детальное изучение сибирской деревни вдвойне возможным и интересным"... Он призывает к тому, чтобы в изучении своей родины принял участие и сам сибирский обыватель, тот читатель-друг, которым и держится наша периодическая печать, который, так. обр., более или менее сознательно относится к окружающей жизни и ее запросам. В. С. сознает, что „силами одних частных лиц, их разрозненною и несистематическою работою дело изучения сибирской деревни далеко не подвинется, но отрицать их значение совершенно нет никаких оснований", говорит он.

В этом призыве к изучению быта деревни и трудовой жизни крестьянина сказалась вся глубина любви к трудовому народу, молодого бытописателя.

В призыве к сплочению сил сибиряков на почве изучения своей родины сказался революционный пыл В. С., привыкшего пропагандировать сплочение на всех ступенях тогдашней российской общественности.

В этом призыве виден, сверх того, прозорливый краевед, видевший возможность успеха большой краеведной работы, всестороннего изучения быта и социально-экономического положения любимого им народа.

Мало перечислить то, что написал В. С. Следовало бы остановиться на самой сути написанного, на форме, в которую он облекал свои мысли и идеи, на их научном или общественном значении.

Эту оценку литературного наследия В. С. можно дать только в результате специального изучения жизни и бытописательской деятельности покойного этнографа.

чатал в газете „Енисей" за 1897 г. Мне было тогда 13 лет от роду. Увидев мое желание сделаться писателем, Арефьев и немногие другие старались всячески поощрять меня к этому... При нем было напечатано в „Енисее" (за 1897 г.) еще одно мое стихотворение — „Весна в деревне".. Наконец, с Виктором Севастьяновичем мне пришлось расстаться, и мои сношения с редакцией прекратились"...

Автор письма — сын Никифора Ильича Казанцева, портрет которого и запись устного счисления сибиряками календарных дней помещены в моем „Сибирском народном календаре" (стр. 21, 24). Это был энергичный общественник, прекрасной души человек, умный и остроумный, любивший свою речь сопровождать красным словцом Наследие сказалось и в сыне его — А. Н. Казанцеве — в виде стихотворчества, по целому ряду обстоятельств не успевшего доразвиться в определенные формы.

Нина Удимова.

Сибирский бытописатель В. С. Арефьев.[1]

Имя В. С. Арефьева встречается на страницах сибирской периодической и научной печати в 90-х г.г. прошлого века. Это время в истории сибирской этнографии отмечено блеском больших имен и начинаний. В частности в Восточно-Сибирском Отделе Русского Географического Общества работают такие выдающиеся ученые, как Потанин и Клеменц. В эти же годы организуется и работает знаменитая „Сибиряковская экспедиция"; исследованием сибирских туземцев занимаются такие видные специалисты, как Подгорбунский, Кроль и др.; начинаются исследования сибирской народной песни; ей посвящены работы Костюриной и—вскоре—Протасова.

Можно привести довольно длинный список сибирских этнографов 90-х г.г., имена которых не забыты до сих пор и труды которых не утратили своего значения. Среди этих имен не теряется и скромное имя Арефьева. Арефьев интересен, как незаурядная личность с кипучей, деятельной натурой и особенно, как этнограф, на долю которого выпало изучение глухих углов нижнего Приангарья и который касался мало изученных тем и вопросов. Кстати заметить: его биография, если не считать кратких упоминаний в отчете и „Известиях" Вост.-Сиб. Отдела, а также двух газетных некрологов, еще никем не написана.

Научно-литературное наследство Арефьева давно вошло в научный оборот, но, к сожалению, оно разбросано по различным газетам, сборникам и т. п. редким и малодоступным изданиям и пользование ими чрезвычайно затруднено. Эти обстоятельства ставят очередную задачу—выяснить научно-литературное наследство бытописателя, привести его к некоторому единству и дать хотя бы краткую оценку его, чтобы таким образом определить место Арефьева в истории сибирской этнографии.

Настоящая работа и представляет собою опыт систематизации трудов Арефьева. Главнейшими источниками для нее послужили:

[1] Краткий очерк Н. И. Удимовой представляет собою извлечение из ее еще не опубликованной монографии, посвященной В. С. Арефьеву. Ред.

1. Письма брата покойного этнографа, Георгия Севастьяновича Арефьева, к которому я обратилась по указанию проф. М. К. Азадовского.

2. В высшей степени обстоятельные письма А. А. Макаренко, в переписку с которым я вступила благодаря содействию проф. Г. С. Виноградова.

3. Работы В. С. Арефьева, взятые мною, главным образом, из сибирских газет за 1896—1901 г.г.

4. Рукописи В. С. Арефьева, присланные его братом, Г. С. Арефьевым.

5. Письма и устные беседы с людьми, знавшими В. С. Арефьева во время его пребывания в Сибири (А. М. Гуковская, В. М. Крутовский и др.).

А. М. Гуковской, Г. С. Арефьеву и В. М. Крутовскому я глубоко признательна за содействие. Считаю приятным долгом принести искреннюю благодарность за ценнейшие указания и сердечное участие А. А. Макаренко.

I.

Викторин (а в жизни гораздо чаще—Виктор) Севастьянович Арефьев родился в селе Боцманове, Балашовского уезда, Саратовской губ. в 1875 году[1].

Арефьевы—простая крестьянская семья, давно известная в местных революционных летописях. Царской администрации Арефьевы казались настолько „опасными“ своим революционным влиянием на односельчан, что она выслала даже старика-отца В. С. Арефьева.

В статье И. И. Ракитниковой „Революционная работа в крестьянстве в Саратовской губ. в 1900—1902 г.г.“[2] читаем: „Семья Арефьевых—исключительная по своей преданности революции и крестьянскому делу. Старший сын, Викторин, учитель, за свою революционную работу в крестьянстве был сослан еще в 1892 году, продолжал ее и по возвращении до своей смерти. Вся остальная семья, начиная с отца, престарелого Севастьяна Арефьева, затем три его сына и дочь—за революционную работу в деревне подвергались беспрерывным обыскам, частым арестам и, наконец, были высланы в Архангельскую губернию“.

---

[1] Точной даты его рождения мне, к сожалению, не удалось установить, так как „метрическая выпись“, повидимому, сгорела 8 октября 1924 г. во время набега бандитов, убивших мать и сестру Арефьева.

[2] Каторга и Ссылка. 1928, кн. 10 (47), стр. 9.

Арефьев-отец не получил никакого образования, но сам он много читал и был для тогдашнего крестьянина развитым и даже передовым человеком. Повидимому, он обладал достаточной энергией и влечением к знанию; эти черты наследовал и его старший сын.

В. Арефьев с ранних лет имел влечение к слову. Об этом может свидетельствовать любезно присланный мне братом покойного сборник „Рассказы, басни и стихи соч. В. А.", написанный Арефьевым в раннем его детстве.

Примечателен этот сборник своей тематикой, целиком проникнутой интересами истории и современности. На ряду со стихотвореними „Дождь", „Зима", „Охота школьников" и им подобными на страницах сборника поминутно встречаются турки, казаки и т. д. Не нужно забывать, что в 1877—78 г.г. происходила русско-турецкая война. О ней, конечно, в деревне говорили много—и в результате появились у маленького В. А.: „Война", „Сказка", где русского царя убивает „большой турок". Судя по рисунку, приложенному к сказке, можно предполагать, что на В. А. оказало влияние сказание о Давиде и Галиафе, вероятно, известное ему по картинкам из распространенных учебников старой школы.

В сборнике мы видим также стихотворение „Казаки и каканцы" (орфография автора). Много стихотворений исторического характера: „Пересвет", „Дмитрий Донской", „Куликовская битва", а одно—„Богатырь и наездник"—носит характер аллегории; к нему приложено объяснение маленького автора, расшифровывающее аллегорическое значение персонажей этого стихотворения.

В метрическом отношении, само-собою разумеется, стихи слабы. Но в них поражает самое стремление ребенка к рифме, и выражению своих чувств и мыслей в размеренных строфах.[1].

---

[1] Позволю себе привести здесь одно стихотворение. Сохраняю орфографию подлинника.

Д о ж д ъ.

Сонца закатилосъ бари-
нъ къ намъ пришолъ. Туча
появиласъ дождижикъ
пошолъ. Сильно загремело,
чтото в небецах сильно
потемнело уменя глазах.

В упорядоченном виде стихотворение принимает такой вид:

Д о ж д ь.

Солнце закатилось,
Барин к нам пришел
Туча появилась,
Дождичек пошел.
Сильно загремело
Что-то в небесах,
Сильно потемнело
У меня в глазах.

На сборнике детских стихов Арефьева я позволяю себе остановиться подробно потому, что подобные „сборники“ встречаются редко: обычно они не сохраняются даже до отрочества, а не то что до зрелого возраста своих авторов. Уже в этих стихотворениях намечаются основные свойства характера и дарований будущего бытописателя: многосторонность интересов, влечение к творчеству в слове и пр.

Арефьев учился в уездном городе Балашове, в духовной семинарии, из 2-го класса которой он был исключен за карикатуры на своих учителей.

После этого мы видим Арефьева уже учителем в деревне Глебовке Балашовского уезда. Можно думать, что он, благодаря своей энергии и умению работать над собою, сумел подготовиться и сдать экзамен на звание народного учителя.

К этому же времени относится и первая революционная работа Арефьева, начатая им в 1891-м году. Саратовская губерния была одной из наиболее пострадавших от голода. Туда приехало много молодежи—студентов и курсисток. Арефьев встречался с ними на общем деле; они докончили его политическое воспитание, начатое местными передовыми людьми—доктором Ченыкаевым и фельдшерицей Обуховой. Той-же зимой Арефьева арестовали (ему было в это время 16 лет) и препроводили в Саратовскую тюрьму, где он просидел год. Об его аресте и заключении односельчане передавали друг другу тревожные и мало-правдоподобные слухи, которые потом выросли до чудовищных размеров. Говорили, что Арефьева посадили на цепь, что им зарядили пушку и выстрелили из нее и т. п.

Арефьев после года, проведенного в тюрьме, попал в ссылку в Вятку. Об этом периоде жизни Арефьева у нас нет никаких сведений. Известно лишь, что он прожил в Вятской ссылке два года (тут он продолжал свою газетную деятельность, начатую заметками в „Саратовских Губернских Ведомостях“), а потом его перевели в Нижний Новгород, где он познакомился с Короленко и Горьким.

Живя в Н.-Новгороде, Арефьев и другие сотрудники местной газеты (название ее осталось невыясненным) напечатали и выпустили прокламацию к 1-му мая. Для Арефьева результатом этого была высылка в Восточную Сибирь. В „Обзоре политических дел департамента полиции за 1897 г.“ читаем: „По высочайшему повелению от 5-го марта 1897 г. крестьянин Викторин Арефьев, по вменении в наказание предварительного ареста, выслан под надзор полиции в Восточную Сибирь на 3 года“ (стр. 112).

Сперва Арефьева поселили в с. Бельском той же волости Енисейского уезда и губернии, а вскоре перевели в с. Казачинское того же уезда, где уже жило несколько ссыльных. П. Н. Лепешинский в своей книге „На повороте“ (ГИЗ, Петербург, 1922 г.) перечисляет тогдашних ссыльных обитателей Казачинского. Это были: народовольцы Григорьева и Ростковский, с.-д. Ленгник, Лепешинский и Якубова, поляк—студент Дуткович, рабочие Том и Белкин и виленский портной Пинчук. Вскоре к Лепешинскому приехала жена, а с Арефьевым поселилась его любимая сестра Мария (жива и сейчас, живет в Б.С.С.Р.)

Казачинское славилось, как „тихая обитель“, в которой, по словам Лепешинского, не было никаких „ссыльных историй“. Принципиальных споров, по общему молчаливому соглашению, почти не было, а если они и были, то не доводили спорящих до личных ссор и недоразумений.

Арефьев в этой компании был чуть-ли не самым юным: ему было 22—23 года. Тем не менее он первый из всех начал вплотную заниматься газетной и краеведческой деятельностью. К этому его побуждали и материальные причины, и личные свойства характера, и политические убеждения.

Все встречавшиеся с Арефьевым согласно отмечают в его характере живость, впечатлительность, отзывчивость, жизнерадостность. Об этом говорит в своей книге П. Н. Лепешинский. Выписываю несколько фраз: „Наиболее жизнерадостным членом колонии был Арефьев, с появлением которого наша казачинская ссыльная публика сразу же оживилась“ (стр. 70). „Веселый, никогда не унывающий, с неисчерпанной еще энергией... он (Арефьев) влетел в нашу слишком уже замкнутую и угрюмую среду, как звук веселой песни в молчаливое подземелье“ (стр. 71).

Эти-же черты живости, жизнерадостности, способности бескорыстно проникаться чужими интересами отмечают и другие, встречавшиеся с Арефьевым лица, в частных беседах и письмах неоднократно высказывавшие мне свое мнение.

Зная эти черты характера Арефьева, мы, конечно, не удивимся, увидев его деятельным корреспондентом и сотрудником сибирских газет: „Восточное Обозрение“ (издавалась в Иркутске), „Сибирская Жизнь“ (изд. в Томске) и „Енисей“ (изд. в Красноярске). С присущей ему способностью вмешиваться во все общественные дела деревни, Арефьев на страницах гостеприимных газет яростно защищал крестьян от всевозможного „начальства“, начиная с волостных писарей и кончая заседателями, крестьянскими начальниками и друг.,

немилосердно спекулировавшими на крестьянской безграмотности и некультурности.

Небольшая колония ссыльных в. с. Казачинском имела бы сносные условия житья, если бы не гремевший в то время казачинский заседатель Ерохин, донимавший ссыльных мелкими придирками. Ссыльные не оставались в долгу и публично разоблачали мелкие и крупные преступления и безобразия, творившиеся почти бесконтрольным заседателем. В ответ на обличения начальство давило ссыльных своими репрессиями. Следы этой борьбы видны в корреспонденциях „Сибирской Жизни". Так, в № 280 за 1897 г. есть заметка за подписью XYZ „Гонение на деревенские вечерки". Это—все тот же неутомимый заседатель донес, что „политические" развращают сельскую молодежь, присутствуя на вечерках. После одной такой вечерки. по словам Лепешинского, ссыльные рассортировались приказом начальства в места более отдаленные. На этот раз несчастных выручила жена Лепешинского, съездив, куда нужно, и выхлопотав им прощение. Но в следующем году Арефьев из-за своих постоянных обличительных корреспонденций попал-таки в Приангарье. Там Арефьев жил в небольшой притаежной деревушке Пинчуге и волостном селе Кежме, где он и написал свои главные труды, касающиеся именно приангарской деревни. В Приангарье еще шире развернулась работа Арефьева и его добровольных сотрудников—местных крестьян. Видной сотрудницей Арефьева была С. П. Розенбаум, о которой мне, к сожалению, не удалось ничего узнать.

Судя по работам Арефьева, а также по отзывам знавших его, он имел необычайный дар п р о с т о подходить как к человеку, так и к коллективу,—дар, которого так тщетно добиваются многие из наших этнографов, зачастую убежденные в своем „умелом подходе".

В марте 1900-го года окончился срок ссылки Арефьева. Но он не сразу поехал на родину. Нужно сказать, что по некоторым имеющимся у меня сведениям—подтвержденным, правда, только косвенно,—Арефьев и в 1899 г. приезжал в Красноярск, яко-бы (а может быть, и в самом деле) для лечения или под другим благовидным предлогом. В Красноярске он занимался в знаменитой библиотеке Юдина.

По окончании срока ссылки Арефьев поехал в Красноярск, затем—в Иркутск, где сделал доклад в Восточно Сибирском Отделе Р.Г.О. Тема его доклада мне неизвестна: никаких упоминаний об этом докладе в отчетах, протоколах и архиве ВСОРГО нет. Предполагаю, что в некрологе Арефьева в „Восточном Обозрении", откуда я взяла сведения об этом докладе, ошибочно назван „докладом" реферат Арефьева (напи-

санный совместно с С. П. Розенбаум) об ангарской свадьбе, присланный автором во ВСОРГО, прочитанный на заседании Д. П. Першиным и напечатанный затем в „Известиях" Отдела под заглавием „Свадьба в ангарской деревне". Во всяком случае, доклад или реферат этот произвел впечатление настолько хорошее, что Арефьев получил от Отдела предложение поехать весной 1901 года в командировку на средства Отдела для изучения Приангарья, на что и согласился.

По окончании ссылки Арефьев имел намерение поехать на китайский фронт, в качестве военного корреспондента (это было время так называемого „боксерского восстания"). Но вскоре он убедился, что корреспонденции его не будут печататься, так как правда событий не была выгодна правительству. Лгать Арефьеву не хотелось, и он вернулся в Иркутск. Из Иркутска Арефьев уехал на родину. С каким настроением возвращался он домой, мы видим из его очерка „По России". Он радовался знакомым с детства местам и картинам, но и ужасался, мысленно сравнивая относительную обеспеченность крестьянина-сибиряка и непролазную бедность саратовского землероба. Являлись мысли и о „переоценке ценностей" и пр. Но этот период жизни Арефьева мало известен. Живя дома, он почувствовал ухудшение старой сибирской простуды; она перешла в воспаление среднего уха, а оттуда воспаление перешло на мозговую оболочку, и 2-го августа (ст. ст.) 1901 г., после сложной операции, Арефьев скончался на койке земской больницы с. Турки Балашовского уезда, Саратовской губ.

II

Деятельность Арефьева-краеведа относится к Сибири (если не считать случайных выступлений в печати, выразившихся в мелких, оставшихся нам незвестными, заметках в „Саратовских Губернских Ведомостях" и „Вятском Крае") и в частности—к административной единице, именовавшейся раньше Енисейским уездом той же губернии.

Что касается количества работ Арефьева, их подразделений и т. д., все это будет дано в приводимой ниже библиографии. Качественная же их оценка в поневоле кратких словах такова. Темы работ Арефьева чрезвычайно разнообразны. Его интересовала и народная песня, и занятия туземцев, и колдовство, и местные слова. Обо всем этом „...писал покойный много" (см. некролог Арефьева в „Восточном Обозрении" 1901 г. № 186). Но эта разносторонность, заинтересованность слишком разнообразными предметами, а может быть и экономические причины—необходимость работать для газет—заставили Арефьева разбрасываться и не доделывать своих работ.

К достоинствам работ Арефьева нужно отнести: точный и четкий язык, живость изложения, широкий, хотя несколько поверхностный охват темы. Любовь к предмету изложения заставляет Арефьева найти столь удачные выражения и обороты речи, что читатель не только не утомляется, но с начала до конца напряженно следит за развитием, напр., той же свадьбы, как за развитием художественного произведения. При чтении его работ видно, что писал их человек, живущий в деревне, бок-о-бок с описываемыми людьми и явлениями. Мало того: исследователь любит деревню, ее людей и их жизнь, обычаи, творчество. И деревня любит Арефьева. Лепешинский пишет, что Арефьев всегда был желанным гостем на вечерках казачинской молодежи; один молодой крестьянин (из с. Казачинского) отзывается об Арефьеве в таких выражениях: „... в наше село приехал молодой, весьма симпатичный человек".

Чувствуется, что вот такому „симпатичному молодому человеку" гораздо больше, чем кому-либо другому, доверит и старушка—из богатых запасов словесного творчества, и молодая компания—из своих игр, забот и переживаний... Это так и было. Подход Арефьева к населению, всегда умелый и чуткий, объясняется кровным родством его с деревней. Арефьев видел в крестьянине не „объект изучения", а прежде всего—человека, со всеми присущими ему радостями и горем.

Не проходит незамеченной самостоятельность мысли Арефьева, выразившаяся в отходе от щаповско-максимовской традиции (взгляд на сибиряка, как на „немого", не поющего человека; убеждение в порче сибиряками „российской" песни и т. д.), и в свободе от вне-научных тенденций, нередко наблюдаемых у собирателей. Затем он вводит в научный оборот новый неизученный материал (тюремные, поселенческие песни и пр.).

Нужно особо отметить обилие песенных текстов в работах Арефьева. Так, по библиографии Е. Я. Самойлович. (Библиографические материалы для изучения русских свадебных обрядов в Сибири. Изд. ВСОРГО, 1925 г), состоящей из 72-х №№, лишь у семи собирателей число текстов свадебных песен превосходит таковое же—у Арефьева. К мелким чисто-техническим достоинствам его работ можно причислить почти всегда имеющуюся географическую приуроченность и полноту записи текстов.

Главные недочеты работ Арефьева—недостаток обобщений и недоделанность. С одной стороны, самый темперамент Арефьева влек его к непосредственному наблюдению, а не к исследованию. С другой стороны, малое количество обобщений в его работах обусловлено их недоделанностью, на которую

влияли, видимо, экономические причины. Недоделанность же эта проявляется во многом. В работах Арефьева отсутствуют хронологические и иные датировки, сопоставления и сравнения; отличительные черты говора края (кроме очень немногих особенностей, не отмечены. Особенно заметны такие недостатки техники собирания в собрании „местных слов". Недоделанность в известной мере обесценивает даже наиболее крупные работы Арефьева. Если взять, напр., его очерки «В низовьях Ангары»—безусловно одну из ценнейших его работ по яркости и полноте обрисованных картин,—там не найдем календарных приурочений. Возьмем «Свадьбу в ангарской деревне»; обряды и песни записаны полностью, но нет сведений о говоре, и работа, оставаясь полезной для этнографа, пропадает для диалектолога. Берем словарь, дающий громадный материал; в нем отсутствие общего очерка о говоре и недочеты в записях слов (отсутствуют ударения) заставляют нас жалеть о необработанности такого большого, но в известной мере обесцененного научного материала. И так во многом.

Нужно сказать еще несколько слов о неопубликованных работах Арефьева,—собственно об одной из них, т. к. все остальные, кроме нее, не закончены и носят характер черновых набросков. Статья эта называется «Современная народная песня». Эта большая (одиннадцать писчих полулистов, исписанных с двух сторон мелким почерком), вполне законченная работа предназначалась, судя по надписи, сделанной над заглавием рукой автора, для «Сибирского Сборника». Причина ее неопубликования неизвестна. Главные положения этой статьи сводятся к следующему.

Глава первая почти дословно повторяет статью «Несколько тюремных и поселенческих песен». Во второй главе Арефьев говорит о весьма распространенной современной песне—частушке или «Матане». «Матаню» создали разные социальные группы деревни. Обычно она создается «на случай» того или иного события, а потому недолговечна. Иногда за цинизмом, в сильной степени присущим «Матане», скрывается внутренняя драма и сочувствие к страданиям человеческой личности, даже находящейся «на дне» общества. В главе третьей говорится об изменении социально-экономических условий (падение крепостного хозяйства, нарождение капитализма), следствием которого явилось изменение народной песни. Главы четвертую и пятую можно было бы назвать «поэтикой молодости и молодой любви." В них посредством подбора куплетов «Матани» обрисовано последовательное развитие деревенского романа. Глава шестая посвящена общественным мотивам «Матани» (рекрутчина, сатира на односель-

чан и т. п.). Глава седьмая говорит о развитии в народе чувства собственного достоинства и способности критически относиться к окружающему. Это, как и все другие общие положения данной статьи, подтверждается примерами—куплетами «Матани». В главе восьмой говорится о возмущающей автора половинчатости и недоделанности реформы 1861 года; о том, что эта половинчатость убивает лучшие стороны развивающейся личности крестьянина. Глава девятая говорит о необходимости записывания и собирания современных народных песен так как они недолговечны, а у нас нет достаточного материала для каких бы то ни было обобщений по вопросам народного творчества, психологии и т. п.

Статья эта чрезвычайно ценна своим верным взглядом на народную песню. Для конца девяностых годов этот взгляд разделялся далеко не всеми. Арефьев здесь—революционер. выступивший против общепринятых взглядов на частушку.

Остальные рукописи Арефьева представляют собою незаконченные отрывки статей и черновики напечатанных рассказов. Есть среди них поэма «Черноокая Варя», написанная Арефьевым еще до ссылки. Поэма—в десяти песнях (размеры—обычные: четырехстопный ямб и хорей); встречаются в ней целиком взятые пушкинские стихи (напр: «...и буду век ему верна»); ничего ценного, в смысле художественном, поэма не представляет: рифмы слабы (имела—мильонера), много прозаизмов. не идущих к общему повышенному тону. Мелкие стихотворные отрывки обладают теми же недостатками.

Художественная проза Арефьева представлена семью небольшими очерками. Язык их не блещет украшениями; это—такая же «деловая проза», как и язык других работ Арефьева. Содержание их—эпизоды из тюремной жизни (за исключением одного—«В мирской избе»), все имеющие автобиографический характер.

В них персонажи далеко не так колоритны и диалоги далеко не так оживлены, как в этнографических очерках Арефьева. Место действия в его беллетристических очерках—тюрьма, исключая опять очерк «В мирской избе». Подзаголовок этого последнего—«Из записок волостного писаря»—дает нам право предполагать, что Арефьев испытал некоторое влияние известной книги Астырева «В волостных писарях». В беллетристических очерках Арефьева вообще заметно влияние народнической беллетристики. Главным образом, оно выражается в общем мироощущении авторов—народников и Арефьева. В беллетристике Арефьева несомненно также влияние его любимого автора—Якубовича-Мельшина. Вообще, беллетристика Арефьева не может быть оцениваема высоко: это—простые газетные очерки-рассказики с народнической тенденцией, едва ли интересные для современного читателя.

В критико-библиографических статьях и заметках Арефьева ярко выступает его публицистически-народническая жилка. Правда, в статье о Решетникове (см. библиографию), хваля этого писателя за реализм, жизненность и любовь к униженным, Арефьев осуждает его «неуклюжую» форму. Зато в «Журнальном Обозрении» Арефьев-публицист развертывается во-всю. Для него в художественном произведении важна только общественная его сторона и реализм образов. С этой точки зрения Арефьев и оценивает современную ему беллетристику. Красота формы для него не имеет значения: напр. «Власть земли» Успенского для него выше чеховских «Мужиков» (см. № 3 «Сиб. Жизни» за 1898 г.). Подобных примеров можно привести немало.

Везде—и в очерках своих, и в критико-библиографических заметках—Арефьев выступает борцом за права народа, за обиженных, за угнетаемых. В статейке «С Ангары», в «Письмах с Ангары»,—везде он пишет о безобразиях сельских властей, об отдельных случаях их самоуправства и проявления эксплоататорских склонностей. Таким образом Арефьев переходит за пределы этнографии в область публицистики.

Публицистические склонности Арефьева имеют большое значение для оценки его, как этнографа. Своей газетно-публицистической деятельности Арефьев отдавал много времени. Именно публицистика отвлекала его от науки. Арефьев-публицист, выражаясь вульгарно, обокрал Арефьева-этнографа.

Объяснить этот факт легко. Вспомним эпоху, в которую жил и развивался молодой Арефьев. Отец—общественник, постоянные толки об еще недавней реформе, неудовлетворившей крестьян,—вот обстановка детства Арефьева. Голод и вспыхнувшее в связи с ним общественное движение интеллигенции,—вот что поглотило молодого Арефьева и имело такое влияние на всю последующую жизнь его. Арефьев—продукт своего класса и своей эпохи, а будучи таковым, он не мог не быть общественником: волна общественного движения в 90-х годах была слишком высока, чтоб не захватить молодого учителя-общественника, связанного с деревней и кровной и идеологической связью.

Не закрывая глаза на многие недочеты трудов Арефьева, надо, сводя к определенному единству суждения о них, сказать, что обилие добросовестно добытых материалов, относящихся к неисследованным районам и освещающих малоизвестные вопросы народного быта, усердное и любовное внимание ко всем сторонам русско-сибирской народной жизни, стремление описать народный быт во всех доступных наблюдателю формах,—все это ставит Арефьева в ряд с лучшими деятелями сибирской полевой этнографии.

Научно-литературное наследство В. С. Арефьева.

Методологический взгляд Арефьева на краеведение очень верен и современен. Взгляд этот выражен им в статье «Об изучении сибирской деревни» (Газета «Енисей» 1899 г. № 5). Сущность его—в привлечении к делу исследования края всех имеющихся культурных сил, в отыскивании новых сил (Арефьев призывает каждого грамотного писать о деревне) и—в высказанном, правда, косвенно—взгляде на необходимость планомерного общественно-краеведческого движения, а не заинтересованности отдельных лиц. О верности такого взгляда излишне распространяться в нашу эпоху усиленного развития краеведческих организаций

Все писания Арефьева (57 №№) я разбила на следующие отделы: 1) краеведение (26 №№), 2) беллетристика (7 №№), 3) критика и библиография (14 №№) (соединение двух рубрик в одну обусловлено тем, что в статьях Арефьева очень трудно разграничить библиографическую заметку о какой нибудь книге с критикой на эту книгу), 4) Смесь. Каждый отдел размещен в хронологическом порядке. Подписи Арефьева—В. А-в и В. Арефьев—размещены в таком порядке: сперва фамилия, потом—имя (напр. А-в, В.). Принадлежность псевдонима «Бобыль» Арефьеву не подлежит сомнению, так как в его рукописях имеются черновики рассказов, напечатанных впоследствии за этой подписью.

На карточке запись расположена так: автор, заглавие, подзаголовок, газета (журнал), год, том, выпуск (№№), издание, заметки. Звездочкой отмечены статьи, не прочитанные мною. Я получила сведения о них от А. А. Макаренко, но, в иркутских условиях работы, не могла разыскать их. Девяностые годы обозначены двумя цифрами (напр. 99—1899 г.), девятисотые—тремя (902—1902 г.)

Принятые сокращения.

В. Е.—„Вестник Европы".
В. Об.—„Восточное Обозрение".
Восх.—„Восход".
Ен.—„Енисей".
„Ж. для всех"—„Журнал для всех".
ИВСОРГО—„Известия" Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества.
Ист. В.—„Исторический Вестник".
М. Б.—„Мир Божий".
Нов. Сл.—„Новое Слово".
Обр.—„Образование".
Р. М.—„Русская Мысль".
Р. Б.—„Русское Богатство".
Сар. Губ. Вед.—„Саратовские Губернские Ведомости".
Сев. В.—„Северный Вестник".
Сиб. Сб.—„Сибирский Сборник".
Сиб. Ж. (С. Ж.)—„Сибирская Жизнь".

1. Краеведение.

1. *Арефьев, В. О садоводстве крестьян Балашовского уезда. Сар. Губ. Вед. 91, № 43.
2. *Арефьев, В. Село Боцманово, Балашовского уезда. Сар. Губ. Вед. 91, № 60. [*Жилища. Занятия. Чай местного посева*].
3. *Арефьев, В. Деревня Авдабьевка, Боцмановской волости, Балашовского уезда. Сар. Губ. Вед. 91, № 91.
4. *Арефьев, В. Село Колычево, Балашовского уезда. Сар. Губ. Вед. 91, № 91.
5. *Арефьев, В. Деревня Березовка, Боцмановской волости, Балашовского уезда. Сар Губ. Вед. 92, № 17.
6. А—в, В. Нечто о народных песнях в Сибири. С. Ж. 97, № 270—271 *.
   [Сравнительная характеристика песен Европейской России и Сибири. Выделение в особую категорию тюремных и поселенческих песен и их характеристика. (Первая половина этой статьи представляет собой дословное—или почти такое—повторение I-й главы неопубликованной статьи Арефьева „Современная народная песня“); 4 текста, из которых один имеется у Максимова („Сибирь и каторга“)].
7. А—в, В. Крестьянские вечерки в Енисейском округе. „Енисей“ 98 №№ 34, 36, 37, 39. [Организация вечерки. Описание вечерочных игр и песен. 21 текст].
8. А—в, В. Очерки захолустной жизни. „Енисей“ 98 №№ 54, 67, 69, 72, 76. [Описание села Бельского; промыслы, занятия и хозяйственная жизнь бельцев].
9. А—в, В. Несколько тюремных и поселенческих песен. „Енисей“ 98, № 89, 90. [Характеристика тюремных песен. Их отличительная черта—литературный характер и лиризм. Необходимость изучения народной песни, как выражения народного миросозерцания].
10. А—в, В. Об изучении сибирской деревни. „Енисей“ 99, № 5. [Статья методолого-краеведческого характера. Необходимость скорейшего, всестороннего и организованного изучения сибирской деревни].
11. А—в, В. Письма с Ангары. С. Ж. 99. № 115 [Письмо I. Пожар и неурожай в деревне Пинчере (Приангарье)].
    Тоже. № 135. Письмо II. [Массовое вымирание крестьян Приангарья от тифа и постоянного недоедания].
    Тоже. № 146. Письмо III. [Эксплоатация тунгусов. Незаконные способы охоты—на беременных самок].
    Тоже. № 163. Письмо IV. [Пассивность крестьян в общественных делах (напр., на волостных сходах).—Плохое состояние приангарских дорог, мостов и т. п].
    Тоже. № 171. Письмо V. [Неурожай. Невозможность в Приангарье обойтись своим хлебом].
    Тоже. 189. Письмо VI. [О незначительности влияния ссыльных на Приангарье.—Начало лета в Приангарье].
    Тоже. № 208. Письмо VII. [Научный интерес Приангарья.—Прошлое края.—Беспатентная торговля водкой местного кулака].
    Тоже. № 237. Письмо VIII. [Быт.—Одежда.—Распущенность ангарской молодежи.—Насилие, как обычное начало половой жизни девочки-подростка].
    Тоже. № 252. Письмо IX. [Описание „помочи“.

* Считаю своим долгом заметить здесь, что в образцовую работу М. К. Азадовского „Сибирские темы в изучении русского устного творчества“ Ирк. 1925, вкралось несколько досадных опечаток, затрудняющих поиски некоторых работ Арефьева. В данном случае в „Сибирских темах“ напечатано: „Сиб. Жизнь“ 1898 года №№ 270, 271. Опечатки имеются также и относительно №№ 11 и 15.

12. А—в, В. На „кануне". Из поездок по Ангаре. В. Об. 99, № 123. [Обычай варки общественного пива накануне храмовых праздников. Отчет церковного старосты и выборы его преемника.
„На „кануне"— один из лучших бытовых очерков Арефьева по живости диалога и характерности действующих лиц].
13. А—в, В. По проселочным дорогам. С. Ж. 99, №№ 124, 125. [Описание пути из Казачинской волости, Енисейского уезда на Ангару. Характеристика Приангарья, как промыслового, охотничьего края].
14. А—в, В. К вопросу о сибирской народной песне. Сиб. Сб. 99, I, стр. 34—40. 2 текста. [Статья принципиального характера — опровержение взглядов С. В. Максимова на яко-бы заимствованный характер немногих сибирских песен, на „порчу" их, вообще на крайний утилитаризм сибиряка и нелюбовь его к песне. Взгляд Арефьева на народную песню и необходимость ее изучения, высказанный им в этой статье, в знач. ст. соответствует современным воззрениям].
15. А—в. В. На рыболове. Из поездок по Ангаре. „Вост. Об." 99 №№ 239, 241, 243, 244, 247. [Описание Ангарского способа „боя" рыбы в „ямах" — глубоких местах реки.— Описание деревни Каменки (Приангарье).—Приезд каменцев на место рыболова.—Картина „боя" рыбы каменцами.—Разъезд с рыболова. Очерк этот содержит ценные фактические сведения по лову красной рыбы (описание способов ловли, инструментов, снарядов и т. п.)].
16. А—в. В. Письма с Ангары. С. Ж. 900. № 17. Письмо XI *. [Описание солеваренного завода Глотова на реке Маньзе].
17. А—в, В. На Восток! Письма с дороги. „Сиб. Ж." 900, №№ 156, 162, 187, 194, 205. [Описание пути: Красноярск — Иркутск — Байкал — Мысовая. Очерк этот написан Арефьевым, когда он собирался ехать на китайский фронт в качестве военного корреспондента и предварительно заезжал в Иркутск].
18. Арефев, В. В низовьях Ангары. Зима. Осень. Сиб. Сб. 900, вып. I, стр. 1—36. [Осенний лов рыбы.— Охота.— „Беседы" и „вечерки".— Молотьба—начало зимы. Замерзание Ангары.—Приезд „торговых".— Престольные праздники.—Зимние работы.—Выход тунгусов.—Святки.—Катушка.—Свадьбы.—Масляница.
Это народно-хозяйственный календарь, дающий полную картину годового (вместе со второй половиной очерка—о ней см. ниже) хозяйственного и бытового обихода ангарцев. Недостаток очерка—отсутствие точных народно-календарных дат].
19. А—в, В. О прошлом и настоящем ангарских аборигенов. Сиб. Сб. 900, вып. I, стр. 114—122. [Археологические находки в Приангарье.—История завоевания его.—Вымирание тунгусов (в котором Арефьев винит цивилизацию и ее представителей)].
20. Розенбаум и Арефьев. Свадьба в ангарской деревне. ИВСОРГО, 900, т. XXXI, №№ 1—2, стр. 79—118. [а) общие сведения о крае, в) просватанье, с) смотрение, d) вечерка, е) бранье. 27 текстов песен, из которых 4 есть у Кривошапкина („Енисейский округ и его жизнь"— С. П. Б. 1865). При сравнении текстов обнаруживается плохая сохранность их и упадок песенной традиции. Более подробные заметки об этой статье см. в работе Е. Я. Самойлович (назв. соч. стр. 12): Просватанье. Подарки. Смотренье. Вечерка. Сбор бояр. Коробья. Подарки подруг. Поездка невесты на кладбище. Баня у невесты, у жениха. Приметы. Приезд бояр. Порядок столования. Курники. Прятанье невесты от жениха. Бранье. Плач о красоте. „Пичкалина". Стрельба. Подарки. К венцу. Встреча поезда от венца. Осыпание хмелем. Наговоры дружки. „Окручены". Проводы молодых на ложе. Подарки. Порядок кушаний. Ведение столов дружкой. Стряпкин

* Письмо X напечатано в одном из №№, отсутствовавшем в тех комплектах „Сибирской Жизни", которые находились в моем распоряжении.

курник. „Краяно". Подарки. Продолжение гулянки].

21. Арефьев, В. Описание Сибири. Очерки для народного чтения. Вып. I. Географическое положение и природа Сибири. Томск, изд. Макушина, 900 г., стр. 105. 1) Где Сибирь находится и как завоевана русскими. 2) Реки, озера и болота сибирские. 3) Хлебородные равнины Сибири. 4) Сибирские леса. 5) Тундра далекого севера. 6) Климат Сибири. 7) Звери и птицы сибирские. 8) Заключение (экономическое будущее Сибири). [Книжка эта предназначалась для переселенцев и потому написана чрезвычайно популярным языком. Фактические же сведения ее чрезвычайно устарели].

22. А—в, В. В низовьях Ангары. Весна. Лето. „Сиб. Сб." 901, вып. I, стр. 88—116. [„Имянины овина" (обычай, связанный с концом молотьбы).—Говение.—Охота „по насту".—Пасха.—Игры и песни.—Весенние рвботы и занятия.—„Дойло". —Смолокурение.—Троица.—Петров день.—Покос.—Романы.—Занятия. —Страда, помочи (см. № 18 настоящей библиографии)].

23. Арефьев, В. С. Свадьба в Ангарской деревне. ИВСОРГО 901, т. XXXII, вып. 1—2, стр. 65—88. [1) Свадебные песни Казачинской волости. 32 текста. (11 есть у Кривошапкина). 2) Несколько свадебных („свадьбичных") песен Минусинского уезда, записанных Латкиным. 11 текстов. Материалы, не подвергнутые научной обработке].

24. Арефьев, В. С. Образцы народной словесности. ИВСОРГО, 901, т. XXXII, вып. 1—2, стр. 88—119. [a) Общия замечания. b) Считание в детских играх. c) Анекдоты, предания. d) Местные слова (словарь в 380 слов*. e) Пословицы („пословки"), поговорки, шутки. f) Загадки. g) Скороговорки].

25. Арефьев, В. С. Приметы, гадания, колдовство, наговоры и суеверия. ИВСОРГО. 901, т. XXXII, вып. 1—2, стр. 119—140. 1) Приметы. 2) Святочные гадания. 3) Колдовские средства в повседневной жизни. 4) Наговоры. 5) Обычаи и суеверия.

26. Арефьев, В. Енисейские инородцы. Популярные очерки. Сиб. Сб. 902, стр. 1—40. [Вымирание туземцев и его причины.—Эксплоатация туземцев посредством торговли и сбора ясака.—Религиозный быт туземцев.—Тунгусы, их быт и промыслы. —Быт тунгусок и их детей.—„Кяхта".—Богатства занимаемого тунгусами края.—Остяки, их быт и промыслы.—Самоеды.—Юраки.—Якуты.—Долганы. Здесь даются общие сведения о стране и населении. Язык статьи—простой, рассчитанный на среднего читателя. Большого научного значения эти „популярные очерки" не имеют].

2. Беллетристика.

27. А—в, В. Арестанты-дети. С. Ж. 98, № 20, 21. [Путь арестантов и с ними детей на барке.—Смерть мальчика-арестанта в тюремной больнице.

28. Бобыль. В тюремной больнице]. Отрывки из воспоминаний. Енисей 99, №№ 6, 7, 8, 9. [Описание С—ой тюрьмы и тюремной больницы].

29. А—в, В. Потап. Из тюремной жизни. Сиб. Сб. 99, вып. I, стр. 56—76.

30. А—в, В. Ошибка вышла. Из тюремной жизни. В. Об. 99, № 19. [Рассказ о смерти невинно-осужденного].

31. А—в, В. Тюремный роман. Из воспоминаний. В. Об. 99, № 142. 145.

* Сравнение словаря Арефьева с Толковым Словарем Даля (3-е изд., под ред. Бодуэна-де-Куртенэ) дало следующие результаты: слов, имеющих в обоих словарях одно и то же значение—166; слов, имеющих у Даля и Арефьева разные значения—65; слов, имеющих у Даля то же значение, но несколько иную форму,—27, и слов, не имеющихся в словаре Даля—122.

32. Б о б ы л ь. В тюрьме. Случай. В. Об. 900, № 175. [Эпизод из тюремной жизни].

33. А—в. В мирской избе. Из записок волостного писаря. В. Об. 901, № 210. [Рассказ беглого крепостного].

3. Критика и библиография.

34. А—в, В. Федор Михайлович Решетников. К предстоящей 27-ой годовщине смерти. Енисей 97, № 22, 24, 25, 26. [Очерк жизни и творчества Решетникова].

35. А. „Живая Старина". С. Ж. 98, № 46. Рецензия на сборник „Живой Старины" за 1898 г.

36. А. В. Г. Белинский. Енисей 98, № 60, 62. [Очерк творчества Белинского.—Белинский и Тэн].

37. А—в, В. П. Я. Стихотворения. (Изд. журнала „Р. Б.", СПБ 1898, ц. 1 р.). В. Об. 98, № 103. [П. Я., как лучший современный поэт. Причины непопулярности П. Я.].

38. А. Журнальное Обозрение. С. Ж. 98, № 1. Рецензия на Р. Б., М. Б., Сев. В., Нов. Сл., Книжки „Недели".
Т о ж е. С. Ж. 98, № 3. [Рецензия на В. Е., Нов. Сл., Р. Б., Р. М.].
Т о ж е. С. Ж. 98, № 7. [Рецензия на Нов. Сл. и Р. Б.].
Т о ж е. С. Ж. 98, № 31. [Рецензия на Мир. Б., Образование, Р. Б. и Сев. В.].
Т о ж е. С. Ж. 98, № 44. [Рецензия на Мир. Б., Обр., Р. Б. и Сев. В.].
Т о ж е. С. Ж. 98. № 65. [Рецензия на Восх., М. Б., Р. Б., Р. М. и Сев. В.].
Т о ж е. С. Ж. 98, № 96. [Рецензия на Восх., В. Е, М. Б., Р. Б., Р. М. и Сев. В.].
Т о ж е. С. Ж. 98, № 122. [Рецензия на Восх., В. Е., М. Б, Р. Б., Р. М. и Сев. В.].
Т о ж е. С. Ж. 98, № 150. [Рецензия на В. Е., Мир. Б., Р. Б. и Р. М.]
Т о ж е. С Ж. 98, № 184 [Рецензия на В. Е., М. Б, Р. Б. и Р. М.].
Т о ж е. С. Ж. 98. № 205. [Рецензия на В. Е., Восх., М. Б., Р. Б., Р. М. и Сев. В.].
Т о ж е. С. Ж. 98, № 234. [Рецензия на В. Е., Ж. для всех, М. Б., Р. Б. и Р. М.].

Т о ж е. С. Ж. 98, № 263. [Рецензия на В. Е., М. Б., Обр., Р. Б. и Р. М.].
Т о ж е. С. Ж. 98, № 268. [Рецензия на В. Е., М. Б., Р. Б. и Р. М.].

39. А. Бытописатель каторги. (Л. Мельшин. „Конец Шелаевской тюрьмы". Русское Богатство, 1898 г., IV—VII). С. Ж. 98, № 235. Рецензия.

40. А—в, В. „Достоверное, истинное непременно". С. Ж. 98, № 259. См. ниже № 47. [Критика правительственных изданий для переселенцев].

41. А—в, В. Народные книжки о Сибири. С. Ж. 99, № 54, 55. [Рецензия (отрицательная) на 9 книжек для переселенцев].

42. А. Журнальное Обозрение. С. Ж 99, № 22. [Рецензия на декабрьские книжки журналов 1898 г. Итоги года]
Т о ж е. С. Ж. 99. № 34. [Продолжение].
Т о ж е. С. Ж. 99, № 75. [Рецензия на М. Б., Р. Б. и Р. М.].
Т о ж е. С. Ж. 99, № 76. [Рецензия на В. Е., Ж. для всех, М. Б., Р. Б., и Р. М.].

43. А—в. Былое и настоящее сибирских инородцев. С. Ж. 900. № 105. [Рецензия на три книги о сибирских туземцах].

44. А. Журнальное Обозрение. С. Ж. 900, № 260. [Рецензия на В. Е., Жизнь, Ж. для всех, М. Б., Р. Б., Р. М., Русский Вестник и Наблюдатель].
Т о ж е. С. Ж. 900, № 269. [Рецензия на В. Е., Ист. В., М. Б., Р. Б. и Р. М.].

45. А—в, В. Доклад о промысле красной рыбы на Ангаре. С. Ж. 901, № 57. [Рецензия на доклад А. А. Макаренко, сделанный им в Петербурге].

46. А—в, В. [Журнальное Обозрение. С. Ж. 901, № 20. [Рецензия на В. Е., М. Б., Р. М.].
Т о ж е. С. Ж. 901, № 37. [Рецензия

на В. Е., Научное Обозрение, Обр., Р. Б. и Р. М.].
Тоже. С. Ж. 901, № 75. [Рецензия на Жизнь, М. Б., Р. М.].
Тоже. С. Ж. 901, № 95. [Рецензия на Жизнь, Ист. Вестник, М. Б., Р. Б. и Р. М.].
Тоже. С. Ж. 901, № 119. [Рецензия на В. Е., Жизнь, Р. Б.].
Тоже. С. Ж. 901, № 142. [Рецензия на В. Е., М. Б. и Р. Б.].

47. Арефьев, В. Народные книжки о Сибири. (Попытка критического разбора). Сиб. Сб. 902, стр. 164—184. Разбор 33-х книжек. [Отрицательное отношение Арефьева к казенным изданиям о Сибири. Предложение описывать Сибирь не только по районам, но и „по отдельным сторонам местной жизни"].

4. Смесь.

48. А—в. Дни Белинского в России. „Енисей" 98, №№ 73, 74, 75. [Описание юбилейных празднеств в разных городах].
49. А—в, В. К воспоминаниям о Д. И. Писареве. С. Ж., 98, № 142. [Заметка о пребывании Писарева в Петропавловской крепости, написанная со слов политического заключенного].
50. А. Из области науки и открытий. С. Ж. 99, № 16. [Эпизод из жизни золотоискателей].
51. А—в. Горе-статистики или как не следует выполнять статистические работы. В. Об. 99, № 24. [Заметка об ошибках статистиков].
52. А—в, В. Григорий Аветович Джаншиев. В. Об. 99, № 166. [Некролог].
53. (Без подписи). С Ангары. С. Ж. 99, № 216. [Описание бесчинств волостных властей].
54. А—в, В. На Абаканском заводе. (Из записок кочевого корреспондента). С. Ж. 900, № 137. [Заметка о безобразиях заводской администрации].
55. А—в, В. По России. (Из дневника кочевого корреспондента). В. Обр. 901, № 42. [Возвращение автора заметки на родину после многолетнего отсутствия.—Путевыя впечатления].
56. *Арефьев, В. Русский самородок. „Вестник Всемирной Истории", 1901, кн. I.
57. Арефьев, В. М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири. „Русская Старина" 1902, кн. I. [Описание с. Бельского (место ссылки Буташевича - Петрашевского), избы и могилы Петрашевского. — Воспоминания бельцев о Петрашевском].

Заметки и строки об Арефьеве.

1. Азадовский, Марк. Пути этнографических изучений ВСОРГО. Иркутск, 1926. [На стр. 29 упоминается В. С. Арефьев, как этнограф-исследователь русского старожилого населения Сибири].
2. Виноградов, Георгий. Краткий обзор этнографических изучений ВСОРГО. Иркутск, 1926. [На стр 22 среди сотрудников „ИВСОРГО" не раз отмечен В. С. Арефьев].
3. В. С. Арефьев. В. Об. 901, № 186. Некролог.
4. В. С. Арефьев. Сиб. Ж. 901, № 178. Некролог.
5. Ермолаев, А. Свадебные наговоры дружки в ангарской деревне. Сибирский Архив 1912, № 8, стр. 586—590. [На стр. 586 упомянуто имя В. С. Арефьева, как автора „Свадьбы в ангарской деревне"].
6. Известия ВСОРГО, 901, т. XXXII. вып. 1—2. [На стр. 65 в сноске даются: известие о смерти Арефьева, биографические данные и несколько характеризующих его слов].
7. Лепешинский, П. Н. На повороте. (От конца 80-х г.г. к 1905 г.). ГИЗ, Петербург, 1922 г. [Стр. 68—73 посвящены описанию жизни ссыль-

ных (и между ними Арефьева) в с. Казачинском, Енисейского уез.— Характеристика Арефьева].
8. Макаренко, А. Сибирские песенные старины. „Живая Старина“ 1907. [Упоминается Арефьев. как собиратель народных песен].
9. Макаренко, Алексей. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении СПБ—1913. [На стр. 31 упоминается автор IX-го „Письма с Ангары“, „скрывший себя под инициалами „В. А—в“].
10. Макушин, П. И. Газетно-издательская деятельность во время царизма. „Северная Азия“ 1928, № 2, стр. 91—100. [На стр. 98 в числе сотрудников газеты „Сибирская Жизнь“ упомянут В. С. Арефьев].
11. Материалы для био-библиографического словаря Восточно-Сибирских этнографов. ВСОРГО, Иркутск, 1926. [На стр. 6. биографические сведения о В. С. Арефьеве и список его главных трудов].
12. Николаев, В. И. Сибирская периодическая печать и политическая ссылка. „Каторга и ссылка“ 1928, стр. 101—119. [На стр. 116 упоминается сотрудник „Сиб. Ж.“ В. Арефьев].
13. Отчет Вост.-Сиб. Отдела Р.Г.О. за 1902 г. [Среди умерших сотрудников ВСОРГО упомянут В. С. Арефьев].
14. Ракитникова, И. Революционная работа в крестьянстве в Саратовской губернии в 1900—1902 г.г. „Каторга и ссылка“ 1928, № 10 (47), стр. 7—17. [На стр. 9 упоминается семья Арефьевых и (в выноске) особо: „старший сын Викторин — учитель“].

Библиографические справочники.

1. Азадовский, Марк. Сибирские темы в изучении русского устного творчества. (Сборник „Вопросы новой школы“. Иркутск, 1925 г., стр. 146—163).
2. Он же. Литература по этнографии Сибири (ВСОРГО, Иркутск, 1924 г.).
3. Межерова, Л. и Нагибина, А Литературный отдел газеты „Восточное Обозрение“ (ВСОРГО, Иркутск, 1928).
4. Петрова-Смагина, В. Л. Этнография в трудах ВСОРГО (ВСОРГО, 1926 г.).
5. Самойлович, Е. Я. Библиографические материалы для изучения русских свадебных обрядов в Сибири. (ВСОРГО, Иркутск 1925 г.).

Марк Азадовский.

С. П. Швецов.

(Материалы для био-библиографического словаря сибирских краеведов.)

Полное и всестороннее библиографическое изучение краеведческой литературы должно производиться в нескольких основных разрезах: с одной стороны, библиография отдельных отраслей знания (литература народного хозяйства, этнографическая литература и т. д., (с другой—обследование отдельных изданий, в особенности, местной газетной печати, таящей в себе (в сибирских условиях, особенно) замечательнейшие материалы по краеведению, и, наконец, третий путь—один из главнейших—био-библиографическое изучение деятелей краеведческого движения.

Восточно-Сибирский Отдел Русского Географического Общества давно уже включил в число своих задач—составление сводного словаря сибирских краеведов; в частности, на страницах «Сибирской Живой Старины» и других изданий Отдела уже был опубликован ряд таких «био-библиографических этюдов»; к ним примыкает и настоящий очерк, посвящаемый нами одному из крупнейших деятелей сибирского краеведения, экономисту и этнографу-социологу, Сергею Порфирьевичу Швецову. Исполнившееся в текущем году семидесятилетие со дня его рождения (13 февр. 1878 г. ст. ст.) служит как бы некоторым внешним поводом для такого очерка.

Биография С. П. Швецова чрезвычайно характерна для большинства деятелей сибирского краеведения: участие в социалистических и революционных кружках, хождение в народ, тюрьма, ссылка или каторга, работа в Сибири—таков и путь С. П. Швецова.

В 1875 году, семнадцатилетним юношей, он примыкает к социалистическому движению и вступает в революционный кружок; в 1876—отправляется в народ. Своим районом он избирает Череповецкий уезд Новгородской губернии и Вышневолоцкий—Тверской. Там же он работает, в качестве чернорабочего на Николаевской железной дороге (ныне Октябрьская).

В том же году—первый арест (случайно задерживают на обыске в квартире его сестры, Юл. Порф. Швецовой, участницы

революционно-социалистического движения); ему удается бежать,—и с этого момента он переходит на нелегальное положение. Организация посылает его на революционную работу в Тифлис, где он снова «влетает» на чужом обыске. На этот раз освободиться уже не удается. После двухлетнего заключения в одиночке Тифлисской тюрьмы, его переводят в Петербург (также в одиночку), оттуда—в Череповец.

В Череповце суд приговаривает его к ссылке на поселение в Сибирь. С 1880 года он в Сибири, и вскоре же начинается его научно-краеведческая работа. Пункты его поселений в Сибири—Сургут, Тара, Тюкалинск, Ялуторовск, Барнаул, Омск. Томск.

С переездом в более крупные центры, С. П. Швецов возвращается вновь к революционной работе. Так, уже в Омске, в конце 90-х годов он завязал связи с революционными организациями Центра и эмиграции. Он участвует в организации сибирского союза партии социалистов-революционеров, позднее—в Томске—становится во главе революционного органа «Отголоски борьбы», заведует типографией, составляет и выпускает прокламации, листовки и пр. Одновременно состоит председателем рабочего общества книгопечатников.

На знаменитом Томском митинге, 19 окт. 1905 года, в Технологическом Институте, он обратился к населению с призывом «к оружию!» Во время разыгравшегося вскоре погрома евреев и интеллигенции, С. П. был в числе намеченных жертв, но ему удалось скрыться и бежать из Томска.

С конца 1905 года С. П. Швецов—в Европейской России. В течение нескольких лет он интенсивно работает в партии, с 1908 по 1909 находится на нелегальном положении, которое прекращается только новым (сравнительно непродолжительным) арестом (1909).

После ареста он временно отходит от активного участия в революционном движении, и всецело отдается научной работе, принимая участие в ряде массовых обследований. Он вновь возвращается к партийной работе—на Дону, не задолго перед революцией, и участием в Учредительном Собрании заканчивается его политическая деятельность.

Ныне он состоит членом Общества политических ссыльных и каторжан и членом Совета его Ленинградского отделения.

Общие контуры своей научно-исследовательской и краеведческой деятельности в Сибири, С. П. Швецов набросал сам в интересном и четком очерке «Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири». Политическая ссылка выдвинула ряд работников в различных сферах познания края,

но, главным образом, как это и отмечает сам С. П. Швецов, «внимание политических ссыльных в деле изучения Сибири привлекала к себе не столько внешняя ее природа, сколько человек в его настоящем и прошлом, в его бытовом, правовом и хозяйственном отношениях. Правильнее сказать, даже больше, их внимание привлекал почти исключительно человек,— ему, а не внешней природе, была посвящена главнейшая масса выполненного политическими ссыльными громадного, сложного и тяжелого труда—изучения страны».

С. П. Швецов устанавливает и основные рубрики, на которые можно было бы разделить изучение человека, проделанное исследователями-ссыльными. Эти рубрики он намечает следующим образом:

«Община, земельная и податная, ее форма, ее влияние на хозяйство «на весь уклад жизни крестьянина-земледельца».

«Артель, ее виды, распространение, формы, экономическое значение в местной народной жизни.

«Переселение в Сибирь из-за Урала крестьян, в его размерах, причинах, значении для страны.

«Уголовная ссылка, как фактор местной жизни.

«Туземные народности, их правовое и экономическое положение, их настоящее и будущее».

Определяя таким образом основной круг изучений политической ссылки, С. П Швецов тем самым зачертил и схему своих работ и интересов в Сибири. Перечисленные им темы,— это, как раз,—его темы, и его собственные исследования все время вращаются в кругу перечисленных выше проблем: община, артель, переселение, туземцы, уголовная ссылка.

Начал он с последней: первым его печатным выступлением в Сибири был ряд корреспонденций из Тюкалинска в «Сибирскую Газету», их главной темой были—прямо или косвенно—вопросы, связанные с бытом и поведением уголовно-ссыльных элементов в Сибири. Первой краеведческой работой его является маленькое исследование о характере и степени преступности населения Тюкалинского Округа Тобольской губернии. В основу этой работы положен статистический материал, добытый в Тюкалинском Окружном Суде. Эта работка, сведенная до размеров газетной статьи, была напечатана в двух №№ газеты «Сибирь» за 1886 год и с этого момента следует считать начало публикаций научных статей С. П. Швецова о Сибири.

В том же году он приступает к работам по исследованию общины в Сибири. «Вопросы общины и артели—пишет С. П. Швецов в упомянутом выше очерке—занимали слишком видное место в теоретических построениях и практических про-

граммах того поколения русских социалистов, чтобы они не получили отражения в исследованиях народной жизни в Сибири, раз вели их революционные социалисты, попавшие в сибирскую ссылку. Эти вопросы были ими принесены с собою в Сибирь, как часть того, чем они болели и в чем искали исхода».

На ряду с С. Л. Чудновским, которого С. П. Швецов называет пионером исследования крестьянской земельной общины в Сибири, на ряду с писателем беллетристом, Н. Е. Карониным-Петропавловским, на ряду с местным деятелем К. Михайловым, работавшим одновременно в Забайкалье, к изучению общины приступил и С. П. Швецов. Решение заняться сибирской общиной сложилось у него еще в Вышневолоцкой тюрьме, где он провел, в ожидании ссылки, зиму 1879—1880 г. Огромное влияние оказало на него знакомство с земско-статистическими исследованиями В. И. Орлова и Н. А. Каблукова.

По собственному признанию С. П. Швецова, эти работы привили ему «вкус к статистике вообще и к исследованию форм народно-хозяйственной жизни, в частности». Некоторую роль сыграл в этом и Н. Ф. Анненский, который одновременно «сидел» с ним. Он помог ему запастись соответственной литературой, программами и т. д. в Тюменской пересыл. тюрьме

Первоначальные наблюдения он производил в Сургуте, Таре, Тюкалинске и других пунктах Тобольской губернии,— результаты этих наблюдений частично опубликованы им в ряде небольших статей и заметок в «Восточном Обозрении» и «Сиб. Сборнике». Но это были еще только первые опыты. Наиболее широкое исследование он поставил уже на Алтае, куда переселился в 1888 году.

Впрочем, не следует не дооценивать значения этих первых работ. Позволю себе еще раз привести подлинные слова С. П. Швецова. «Этот материал позволил—пишет он—проследить весь процесс эволюции общинных форм: от зародышевой, материнской и кончая самыми развитыми формами переделльной общины; можно было установить не только эволюцию форм общинного землепользования, но и общинного землевладения от заимки к сложной общине и от сложной, часто многодеревенской, к общине однодеревенской». И здесь же, на ряду с выяснением порядков общины, перед исследователем раскрывался и ей внутренний смысл, определялись контуры «ее так сказать, философии истории». Переезд на Алтай и длительные работы в Архиве алтайского округа завершили и углубили это понимание сибирской общины и дали материал для серии дальнейших работ, являющихся основными и центральными в посвященной ей (т. е. сиб. общине) литературе.

Одновременно им публикуется ряд работ о промысловых артелях и вместе с тем изучается заводская промышленность,— в последней области он также является одним из пионеров исследования.

На ряду с общиной кардинальным вопросом было и переселенческое движение или «вольная колонизация Сибири», как тогда говорили, противопоставляя это движение колонизации штрафной, т. е. ссылке. Оно привлекало внимание, как интересный социальный феномен, как характерный и своеобразный пример народных движений. И, конечно, чрезвычайно характерно, что, напр., Глеб Успенский предпринимает специальную поездку в Сибирь, чтобы изучить на месте это явление народной жизни.

В самой Сибири переселение изучали Н. Е. Петропавловский-Каронин, политический ссыльный Ис. А. Гурвич, впоследствии автор замечательной книжки «Переселение крестьян в Сибирь» (1888), составивший, м. прочим, и первую программу изучения переселения в Сибирь, политические ссыльные: Н. И. Диаманди, П. А. Голубев, К. Р. Качоровский, А. Остафьев, в Забайкалье—М. А. Кроль и др. Эта проблема заняла видное место и в работах Швецова.

Самое место, где он находился в то время, чрезвычайно благоприятствовало возможности изучения. «Переселенческая волна—рассказывает он: «в те годы переливалася в Зауралье двумя главнейшими путями: через Оренбург и через Тюмень по главному сибирскому тракту. На последнем пути находились города: Ишим и Тюкалинск, через которые с ранней весны и до поздней осени нескончаемой чередой тянулись переселенческие партии. Оба эти города служили местом ссылки политических, внимания которых не могли не привлекать толпы безостановочно продвигавшихся на восток странного вида людей: оборванных, грязных, нечесанных, босых, здоровых и явно больных, молодых и старых, с кучей детей, иногда с коровами, почти всегда с собаками, стерегущими в пути немудрый багаж этих своеобразных сибирских путешественников».

Политические, жившие в этих городах, обычно, встречали эти партии, вступали с ними в беседу, часто проходили с ними несколько вёрст, помогали советами. справками, разъяснениями. Так, в процессе длительного знакомства с переселенцами, выяснялись причины переселения, его условия, направление, экономические взаимоотношения с помещиками в России и т. д. и т. д. На этой почве возник и ряд корреспонденций, обративших внимание на это явление и русского общества— Глеб Успенский определенно подчеркивает значение для него

ряда таких корреспонденций—и ряд беллетристических очерков и серия ценных исследований, первое место среди которых занимают названные выше работы Гурвича и Качеровского, а также С. П. Швецова.

С конца 80-х гг. начинается серия статистических работ С. П. Швецова и обследований крупного масштаба. В 1891-93 гг. им производится статистическое обследование арендного хозяйства Алтайского Округа, в 1894 проведено сплошное подворно-статистическое обследование хозяйства алтайских крестьян и туземцев; одновременно—статистико-экономическое обследование положения переселенцев в том же Алтайском Округе, в 1895—по его программе и под его руководством—однодневная перепись города Барнаула; в 1897—901 гг.—обследование горной части Алтайского Округа; в 1903—статистико-экономическое обследование стовёрстной полосы Сибирской железной дороги, оставшееся незаконченным вследствие наступившей русско-японской войны.

Результаты этих обследований выразились в ряде исключительного значения и важности исследований, опубликованных как самим Швецовым, так и его сотрудниками. Как пример, можно указать многотомное издание «Город Алтай и его население», книга «Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 года», «Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском Округе», «Положение труда на частных заводах Алтайского Округа» и ряд др. Все эти работы, по отзыву одного из крупнейших русских статистиков, А. А. Кауфмана, являются «образцовыми статистическими исследованиями». К сожалению, не все было обработано и завершено С. П. Швецовым, а некоторые его материалы, в том числе обширнейшие, статистические материалы по переселению на Алтай, погибли в пути при возвращении его, в 1906 году, в Европейскую Россию.

Обследованием Сибирской железной дороги не прекратились статистические работы С. П. Швецова. В 1908 году он вновь возвращается к ним, производя их уже не только в Сибири, но и на Урале, на Севере и в других частях Союза.

В 1908 году—им производится статистико-экономическое обследование района проектировавшейся железной дороги: Екатеринбург—Курган; в 1909—участвует в статистической экспедиции в Олонецкий Край; в 1910-11 годах руководит статистическими работами в Амурской экспедиции (одновременно, по поручению Приамурского Отдела Русского Географического Об-ва, произведено статистическое обследование положения труда в Амурском речном флоте); в следующие года изучает экономическое значение района южно-сибирской магистрали;

руководит статистическими обследованиями районов Оренбургской железной дороги (1911); дороги—Инза-Пенза-Харьков (1913), организует сплошное статистико-экономическое обследование казачьего хозяйства в Донской Области (1914—1917) и там же руководит всероссийской сельско-хозяйственной переписью (1916).—Затем, ряд работ произведен им после революции.

В 1918—статистическая экспедиция на Белое Озеро для исследования промыслов населения; в 1920-21—руководство экономическими работами Северно-Научно-Промышленной Экспедиции; в 1925 г. он изучает рыбный промысел на Терском берегу Белого моря и, наконец, в 1926—27 годах руководит статистико-экономическим отрядом Казакстанской экспедиции Академии Наук СССР.

Таковы внешние очертания—а в настоящей краткой заметке мы ограничиваемся только ими—этой огромной работы. На ее основе создана серия экономических монографий, статей, этюдов, значительная часть которых имеет и крупное методологическое значение. На основе их позже С. П. Швецов построил и свои курсы в Высшей Школе.[1]

Но статистико-экономическими исследованиям не ограничивается научно-краеведческая деятельность С. П. Швецова. Он выступает и, как этнограф, и как историк, и как краевед-публицист. Этнографический вклад его, правда, не очень велик. Ему принадлежит этнографический очерк Сургутского края, монография о туземцах Бийского уезда, работы по обычному праву алтайцев и нек. др. В сущности говоря, этнографом в тесном и узком смысле его назвать нельзя. И в этнографии, как экономике, он является, прежде всего социологом, исследователем «форм общественности», как он сам писал в одной из своих ранних работ, старательно избегая «цензуры ради» термина «социальные формы». Его «Очерк Сургутского Края» значительно отличается от многочисленных, современных ему, аналогичных очерков, посвященных этнографии, описателями той или иной местности. Излюбленные темы описательной этнографии: предания, поверья, прочие фольклорные материалы у него отсутствуют почти начисто.. Характерны в этом отношении самые заглавия отдельных частей его работы: гл. I.

---

[1] Преподавательская деятельность С. П. Швецова в Высшей Школе началась в 1916 году, когда он был избран на кафедру общей статистики на Высших Донских женских агрономических курсах; в 1918— он был избран на кафедру кооперативной статистики в Ленинградском Кооперативном Институте; с 1922 в том же Институте ему была поручена экономическая география; одновременно был избран профессором (по тем же дисциплинам) и в Институт Народного хозяйства.

Общий очерк города Сургута, гл. II-III. Занятия населения; гл. IV. Очерк экономического благосостояния; чл. V. Степень культурного развития; гл. VI. Развитие сургутян и их нравы Таким образом, на первом плане опять-таки проблемы народного хозяйства, но взятые в другом аспекте.

Этот очерк, хотя и появился несколько позже других, но фактически является одной из первых работ С. П. Швецова; в нем не все части одинаково строго разработаны, зачастую врывающийся публицистический элемент заменяет собою исследование; не мало в этой работе и поспешных, несколько произвольных, обобщений, но тем не менее, в истории сибирской этнографии эта книжка должна, конечно, занять свое определенное место. С методологической точки зрения, чрезвычайно интересно и важно также и то, что темой взят город хотя, вернее, промежуточная форма (какую в изобилии представляют мелкие сибирские города), а не деревня, как обычно для этнографических монографий такого рода. Очерк представляет собою как бы этюд из области изучения трудовой обстановки и трудовой психологии мещанского слоя маленького заштатного городка с одной стороны, и крестьянства—с другой. Из других его работ по этнографии следует, конечно, назвать и выделить уже упомянутую большую монографию о туземцах Бийского уезда. Это обширное исследование, опирающееся на тщательно проведенное статистическое обследование и являющееся всесторонним охватом жизни населения. Одна из немногих в сибирской краеведческой литературе работ, которая является одновременно и этнографической и экономической монографией.

Работы исторического характера С. П. Швецова—не многочисленны и даже, пожалуй, несколько случайны. Но своими темами они образуют поразительное единство и являются как бы дополнением к основному циклу работ: «Молочные бунты в Сибири и их прошлое», «Крепостничество в Сибири» и т. п. В последнее время С. П. Швецовым опубликован ряд статей и заметок мемуарного характера. На первом месте должно поставить обширные воспоминания—переходящие, в сущности, в исследование о культурной работе политической ссылки в Западной Сибири. В газетах и журналах было напечатано также несколько этюдов о Короленко, Чернышевском, по истории революционного движения и пр.

С. П. Швецов выступал в печати и как беллетрист. Его беллетристика является с одной стороны дополнением к его этнографическим работам—таковы, напр., бытовые очерки о шатунах, переселенцах и пр.; с другой стороны, это первые наброски его позднейших воспоминаний и носят ярко выражен-

ный автобиографический характер. Первый рассказ («Самосуд») написан в 1886 году. Это—попытка беллетристической обработки материалов, характеризующих народную жизнь Сибири. В рассказе изображен действительный случай, бывший в одной из деревень Кабырданской волости (Тюкалинского Округа).

Рассказ «Заутреня» уже вполне автобиографичен и точно воспроизводит эпизод, пережитый автором в пасхальную ночь 1878 года в Тифлисской тюрьме. «Свадьба»—рассказ о собственной свадьбе, и только эпизод смерти одного из персонажей (Анна Николаевна)—вымышлен; все же лица в очерке—живые лица, которые тогда же были узнаны современниками (напр. Козловский—бывший полицейский пристав Харькова; Филиппов—Тюкалинский уголовной ссыльный; в прошлом—организатор шайки железно-дорожных воров. Под фамилией Гришина автор изобразил самого себя и под именем Анны Николаевны—свою первую жену, Марию Васильевну Швецову (рожд. Лаврову), также известную своими работами по народной жизни в Сибири.

* * *

Краеведческая деятельность С. П. Швецова носила и ярко выраженный организационный характер. С его именем связано учреждение в Барнауле О-ва любителей исследования Алтая, ныне Алтайский отдел Географического Общества. В течение ряда лет он был его бессменным секретарем и руководителем. Несмотря на то, что Общество существовало исключительно на частные средства, оно сумело организовать ряд исследований, предпринимало экспедиции, организовало свое издание—известные „Алтайские сборники". Душой всего этого был С. П. Швецов, сплотивший вокруг себя целую плеяду энтузиастов-исследователей, и с необычайным искусством умевший добывать средства для Общества, как из оффициальных, так и меценатских источников.

В 1896—900 г.г. он принимает деятельное участие в работах Западно-Сибирского Отдела Географического Общества,—в частности, в его Музее, для которого, кстати упомянуть, он собрал во время экспедиции в Кузнецкий Алатау обширную коллекцию предметов материальной культуры и культа шорцев. В 1902 г. в связи с празднованием 25-тилетия Зап.-Сиб. Отдела, последний избрал С. П. Швецова почетным членом Общества.

Наконец, в петербургский период своей жизни, он работает в Обществе изучения Сибири и улучшения ее быта, где руководит, между прочим, работами студенческих экспедиций в Сибирь. С 1919—принимает деятельное участие в работах КИПС'а (комиссия по изучению племенного состава СССР) при Академии Наук. Последние годы, как уже сказано, руководил казакстанским экспедиционным отрядом. Т.о. связь его с сибирскими изучениями и сибирским краеведческим движением не прекращается и по настоящее время.

Характер краеведческой и научно-общественной работы С. П. Швецова обрисован был бы неполно, если б мы не коснулись также и его журналистики. Публицистическая деятельность С. П. Швецова в Сибири могла бы послужить темой специального исследования. Кое-что он сам рассказал в цитированном уже не раз очерке о культурной работе политической ссылки.

Его литературным дебютом на сибирской почве были корреспонденции в „Сибирскую Газету",—позже он сотрудничает, выступая по разным поводам, в „Сибири", „Восточном Обозрении", Тобольском „Сибирском Листке"; в 1896 году он отдается всецело газетной работе и входит в состав редакции омской газеты „Степной Край", организовав филиал последней в Барнауле. В „Степном Крае" он работал два года вместе с Якубовичем-Мельшиным, Чермаком и др. С 1 января 1898 года газета перешла в другие руки и почти весь состав сотрудников-политических ссыльных отказался от дальнейшей работы.

Вклад С. П. Швецова в газету за эти два года поистине огромен: передовые, корреспонденции, фельетоны, статьи по экономике, рецензии. Историк сибирского краеведения, историк сибирской общественности так же как и историк народного хозяйства в Сибири не смогут обойтись без внимательного изучения материалов „Степного Края", в частности, без статей С. П. Швецова. Особенно важен ряд статей о положении труда в частных заводских предприятиях Алтая, о попытках насаждения помещичьего хозяйства в Сибири, о развитии в крае промышленности, о борьбе с кулаками-кабатчиками в сибирской деревне и т. д. и т. д. Приводимый ниже библиографический перечень статей С. П. Швецова в „Степном Крае" достаточно четко и ярко характеризует широкую разносторонность его, как краеведа и общественного деятеля-публициста.

Позже он был членом редакции Томского „Сибирского Вестника“ и др. изданий, но мы уже не имеем возможности привести подробную библиографию его работ в этих изданиях [1].

С. П. Швецову, насколько нам известно, посвящен только один биографический очерк—в издании „Сибирский Торгово-Промышленный Календарь“ (1914 1915), при чем в этом очерке, принадлежащем Б. Алтайскому, был изъят военной цензурой ряд страниц. Автор заканчивал свой очерк следующими словами: „Собственно, по блеску таланта С. П. Швецова в его работах можно было бы ждать, что он даст больше, чем удалось ему дать. Безусловно большой человек, он не развернул, повидимому, всех своих сил. Что ему помешало, мы не знаем“.

Вопрос, которым закончил автор, конечно, был чисто риторического порядка,—и ответ на него достаточно красноречиво давали вырезанные страницы и белые пятна в его же статье. Но правильно и законно ли был поставлен этот вопрос? Действительно, С. П. Швецов не создал цельной исчерпывающей монографии; свои огромные знания и колоссальный опыт он разбросал на десятки, сотни статей, заметок, очерков; он раскидал их на неподдающееся еще пока учету огромное богатство неизвестных передовиц, корреспонденций, фельетонов. Пусть так,—но в своей совокупости все эти многочисленные Швецовские описания составляют как бы единый целостный краеведческий opus.

* * *

Помещенная ниже библиография далеко не исчерпывает всей литературной продукции С. П. Швецова. Мы ограничиваемся только материалами по Sibirik'e и работами, имеющими обще-методологическое значение. Работы же С. П. Швецова по экономике других частей Союза, его многочисленные писания по общим вопросам и истории революционного движения оставлены нами в стороне. Попутно все же отметим, что первой работой С. П. Швецова является его брошюра революционного содержания „О богатстве и бедности“, написанная в 1878 году, т. о. 1928 год является датой не только семидесятилетия С. П. Швецова, но и пятидесятилетия его литературной

[1] Кроме того, он принимал участие в следующих газетах: в Сибири—„Сибирская Газета“, „Восточное Обозрение“, „Сибирский Листок“, „Сибирская Жизнь“; вне Сибири—„Дело Народа“ (1905), „Народный Вестник“, „Народная Жизнь“, „Русская Жизнь“ (1893), „Русские Ведомости“, „Вольный Дон“ (1917), „Голос Донской Земли“ (1917), „Вольная Сибирь“ (1918), „Красная Газета“ (1928)

работы. Возможно, что эту начальную дату придется отодвинуть и еще дальше, так как, по некоторым новейшим архивным разысканиям, выясняется сотрудничество С. П. Швецова в органе П. Л. Лаврова „Вперед“ (корреспонденция о похоронах Е. И. Чернышева и пр.). Начало же научной и краеведческой литературной деятельности падает на сибирский период, который открывается корреспонденциями из Тюкалинска в „Сибирскую Газету“ и статьей о преступности в Тюкалинском Округе в „Сибири“. Огромный газетный материал затронут нами лишь частично и только библиография статей С. П. Швецова в „Степном Крае“ приведена полностью. Некоторый газетный материал введен и в основной перечень,но, к сожалению, далеко не в той мере, в какой он заслуживал бы этого. Впрочем, мы не теряем надежды еще раз вернуться к этой теме, и дать исчерпывающую библиографию всего литературного наследия С. П. Швецова, а также и более полный очерк его жизни и деятельности.

Ялта, декабрь 1928 г.

МАТЕРИАЛЫ

для библиографии С. П. Швецова.

Общие вопросы краеведения.

1. Объяснительная записка Общества Любителей Исследования Алтая. Барн. 1891 (без подп.). Перепечатано в „Вост. Обозр.“ 1891, № 52.
2. С. Швецов. Одна из ближайших задач Общества Изучения Сибири. „Сиб. Вопр“. 1908, № 23 — 24.

Экономика и статистика.

3. С. Жарусин [С. Марусин]. К вопросу о ссылке. „Сибирь“, 1886, №№ 26, 29. [составлена на основании статистического материала по уголовной статистике Тюкал. Окружного Суда. Подпись С. Жарусин—опечатка вм. С. Марусин].
4. С. Марусин. Очерк форм пользования землею у крестьян Тюкалинского округа. „Вост. Об.“ 1887, №№ 15, 18, 20, 21, 26.
5. С. Марусин. Купля-продажа крестьянских земель в Тобольской губернии, „Сиб. Сб.“ 1887; стр. 43 — 54.
6. С. Руссов. Донецкие углекопы. „Вест. Евр. 1888, VI.
7. С. Марусин. Промысловые артели Тобольской губернии. 1. Рыболовные артели. „Юрид. Вестн.“ 1890, 1, стр. 82 — 108; VII — VIII стр. 333 — 359.
8. С. Марусин. Переселенцы и старожилы. „Сиб. Лист.“ 1891, №№ 14, 15, 16, 17.
9. С. Марусин. Переселенческое движение на Алтай. „Сев. Вестн.“ 1891, VII, стр. 21 — 53.
10. С. Марусин. Промысловые артели Тобольской губернии. II. Артели лесных промыслов. „Юрид. Вестн.“ 1891, VII-VIII, стр. 437—457.
11. С. Марусин. Фабрично-заводский труд в России. „Сев. Вестн.“ 1891, X, стр. 151 — 167.
12. С. Марусин. Мукомольное дело на Алтае в связи с развитием земледелия и пароходства. „Сиб. Лист.“ 1892, № 4.
13. С. Швецов. Формы общинного владения на Алтае. „Сб. Правов. и обществ. знаний,“ т. II, 1893, стр. 145 — 191 (Тр. Юрид. Об-ва при Моск. Ун — те).
14. М. Переселенцы в Алтайском округе. „Русск. Жизнь“, 1893, № 95.
15. С. Швецов. Формы пользования общинной землей на Алтае. „Сб. прав. и обществ. знаний“, т. III, 1894, стр. 191 — 228 (Тр. Юрид. Об-ва при Моск. Ун—те, т. III).
16. С. Швецов Материалы по переселению в Алтайский округ в 1888 гг. „Алт. Сб.“ I, 1894; стр. 197 — 273.
17. [Рец.] Список населенных мест Томской губернии за 1893 г. Т. 1893. „Алт Сб.“ I, 1894, стр. 12 — 13. Без подп.
18. [Рец.] П. Голубев. Землевладение на Алтае (Юрид. Вестн., 1892, II) „Алт. Сб.“ I, 1894, стр. 12 — 13. Без подп
19. [Рец.] Г. Катанаев. Хлебопашество в Бель-Агачской безводной степи Алтайского Горного округа (Зап.-зап. Сиб. Отд. Рус. Геогр. Об-ва, т. XV, в. 2. Ом. 1893). „Алт. Сб.“ I, 1894, стр. 13 — 14. Без подп.
20. [Рец.] Х. Табаководство в Сибири. 1892. „Алт. Сб.“ I, 1894, стр. 14—15. Без подп.
21. [Рец.] Корреспондент. В Проскоково на железно-дорожные работы. (Сиб. Вестн. 1893, №№ 65 — 66), „Алт. Сб. I, 1894, стр. 23. Без подп.

22. [Рец.] П. Голубев. Очерки сибирской жизни и положение переселенцев на Алтае (Юр. Вестн. 1893, V — VI). „Алт. Сб. I, 1894. стр. 30—31. Без подп.
23. [Рец.] Ведомости о числе переселенцев (Том. Губ. Вед. 1891, № 11 и 1892 № 18) „Алт. Сб.“ I, 1894, стр. 31. Без подп.
24. С. Швецов. Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском округе, т. I. Частная обрабатывающая промышленность. Барн. 1896.
25. С. Швецов. Положение труда на частных заводах Алтайского округа „Сб. Прав. и Обществ. Знаний“, т. VII, 1897. стр. 130 — 180.
26. С. Швецов. Примитивное земледелие на Алтае. „Зап. Зап.-Сиб. Отд. Р. Г. О. кн. XXVII, Ом. 1898.
27. С. Швецов. Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 года, вып. 1 и 2. Население Жилища. „Алт. Сб.“ II, 1898.
28. С. Швецов. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе, т. I, вып. I. Волости: Кайлинская, Кривощековская, Чаусская и Ояшинская, т. II, вып. I. Население и жилища, т. II, вып. 2. Землевладение и землепользование. Изд. Стат. Отд. при Гл. Упр. Алт. окр. Барн. 1898.
29. С. Швецов. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для горного Алтая. Барн. 1898.
30. С. Швецов. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе. „Алт. Сб “, т. IV, вып. 1 — 2. 1899.
31. С. Швецов. Переселенцы на Алтае. „Алт. Сб.“, т. IV, вып. 1 и 2, 1899.
32. С. Швецов. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе, т. II, в. 3. Промыслы населения, в. 4. Подати и повинности. Изд. Стат. Отд. при Гл. Упр. Алт. округа.
33. С. Швецов. Горный Алтай и его население, т. III. в. 1. Переселенческие поселки, обследованные в 1878 году. Изд. Стат. Отд. при Гл. Упр. Алт. окр. Барн. 1900.
34. С. Швецов. Горный Алтай и его население, т. II. Экономические таблицы [подп.: С. Швецов, П. М. Юхнев и Н. Т. Шерстобитов]. Изд. Стат. Отд. при Гл. Упр. Алт. окр. Барн. 1901.
35. С. Швецов. Организация волостной статистики. Журнал заседаний первого съезда податных инспекторов ведомства Томской Казенной Палаты. Томск, 1902, вып. 2.
36. С. Швецов. Горный Алтай и его население, т. III, в. 2. Оседлые инородцы Бийского уезда. Изд. Стат. Отд. Гл. Упр. Алт. округа Барн. 1902.
37. С. Швецов. Горный Алтай и его население, т. IV, в. 1. Черневые инородцы. Экономические таблицы. Изд. Стат. Отд. при Гл. Упр. Алт. окр. Барн. 1903.
38. К вопросу о водных путях Сибири. „Сиб. Вестн.“ 1903, № 142. Без подп.
39. Сибирское землевладение и расселение крестьянства. „Сиб. Вестн.“ 1903, № 148. Без подп.
40. Ядринцевский переселенческий поселок. „Сиб. Вестн.“ 1903, № 149.
41. Материалы по экономическому обследованию районов Сибирской железной дороги, С. Швецов. Организация обследования и его программа. Изд. Упр. Сиб. жел. дор. III. 1904.
42. Материалы по экономическому обследованию районов Сибирской железной дороги. Изд. Упр. Сиб. ж. д. Томск. 1904, в. 1. С. Швецов. Вывоз продуктов овцеводства (стр. 190—231). С. Швецов. Тонкорунное овцеводство в Степном крае (стр. 231 — 237).
43. То же вып. II. С. Швецов. Скотоводство в районе западного участка Сибирской железной дороги (стр. 67 — 100).
44. С. Швецов. Поземельное устройство и волостная община: „Сиб. Вестн.“ 1904, № 214.
45. С. Швецов. Волостная община и поземельное устройство на Алтае „Сиб. Вопр.“ 1905, № 1, стр. 100 — 126.
46. С. Швецов. Крестьянская община. Схема ее возникновения и развития Спб. 1906.

47. С. Швецов. Миллионы в тумане. К характеристике великого переселения. „Труд. Путь", 1907, XI, стр. 51 — 55.
48. К проектам землеустройства в Сибири. „Сиб. Вопр." 1907, № 33. Без подп.
49. С. Швецов. Крестьянский банк и Сибирь. „Сиб. Вопр.", 1908, № 1.
50. С. Ш. Сибирь и переселение. „Сиб. Вопр." 1908, № 10.
51. С. Швецов. Принципы рациональной организации переселения в Сибирь. „Сиб. Вопр." 1908, № 12.
52. С. Ш. Мусульманский аграрный законопроект и его принципы. „Сиб. Вопр." 1908, № 14
53. Ив. Серых. Статистика и казенные перья. „Сиб. Вопр." 1908, №№ 17, 18, 19, 20.
54. С. Швецов. Сибирь, кто в ней живет и как живет. Беседы о сибирских вольных землях и переселение на них. Изд. Об-ва вспомоществования нуждающимся переселенцам. СПБ. 1909.
55. Новый Энциклопедический Словарь, изд. Брокгауз и Эфрон. Т. III. С. Ш. Артельное маслоделие в Сибири, стр. 767 — 771.
56. С. Швецов. Столыпинский земельный закон и народнические аграрные программы. „Вольная Мысль", 1913, № 3.
57. С. Швецов. Землевладение и землепользование у казаков и крестьян Амурской области. СПБ. 1913. Отд оттиск из издания „Материалы статистическо - экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области, т. II, в. 2, ч. 1. СПБ., 1913".
58. [С. Швецов. Речь, сказанная в Главном Земельном Комитете 2 июля 1917 г.] „Тр. второй сессии Главного Земельного Комитета". П. 1917; стр. 80 — 90.
59. С. Швецов. Земля и федерация. „Вольн. Сиб." 1918; № 5.
60. С. Швецов. Земля и национальность. „Вольн. Сиб." 1918, № 6.
61. С. Швецов. Переселение и колонизация. „Вольн. Сиб." 1918. №№ 12, 14.
62. С. Швецов. Очередная задача. „Петр. Кооператор", 1919, № 1, стр. 1 — 5.
63. Материалы по кооперации Новгородской губернии. Вып. XI — XII. Новг. 1920. С. Швецов. К вопросу об определении центров и районов экономического тяготения.
64. С. Швецов. Задачи и приемы кооперативной статистики, ч. I. Учет кооперативов и их объединений. Изд. Петрогубсоюза. Петр. 1920.
65. Труды Бюро изысканий гужевых дорог на севере под руководством Б. П. Жерве и А. И. Анохина. Изд. В.С.Н.Х. П. 1921. С. Швецов. Районирование, как метод освещения гужевого транспорта (стр. 433 — 435)
66. Настольная справочная книга сельского хозяина. Под ред. В. Г. Котельникова. Изд. „Мысль". П.-М. 1924. С. Швецов. Экономическая география сельского хозяйства (стр. 1049 — 1096).
67. С. Швецов. Экономическая география сельского хозяйства. Изд. „Мысль" Л. 1924.
68. То же. 2-е изд., дополненное Лен. 1925.
69. С. Швецов. Экскурсионная статистика в деревне. Сб. „Летняя Школа", в. 2, изд. ГИЗ. Лен. 1924. То же, изд. 2-е, Лен. 1925.
70. Казакское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Изд. Нар. Ком. Зем. Казак. А. Р. Лен. 1926. [Сборник составлен С. П. Швецовым и выпущен под его редакцией. С. П. Швецову принадлежат в нем статьи: „Территория" (стр. 52 — 60); Население (стр. 61 — 92), „Природа и быт Казакстана" (стр. 93—105) и „Переселенческая колонизация (стр. 106-114)].
71. С. Швецов. К работам экономического отряда Казакстанской Экспедиции. Бюджетное обследование. „Осведомительный Бюллетень" № 9 — 10 (92 — 93) изд. Ак. Н. С.С.С.Р. Особого Комитета по исследованию союзных и автономных Республик Л. 1927.

Этнография.

72. С. Швецов. Очерки Сургутского Края. Зап. Зап.-Сиб. Отд. Рус. Геогр. Об-ва, кн. X, 1887.
73. [Рец.] Г. Е. Катанаев. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке (к вопросу о культурном воздействии рас) (Зап. Зап.-Сиб. О Р.Г.О. кн. XV, вып. 2, 1898). „Алт. Сб.“, т. I, 1894, стр. 17 — 19.
74. К. Л. [Рец.]. Волости и инородные управы Томского округа. „Ст. Кр.“ 1896, № 85 — 86.
75. В. Л. [Рец.]. Дионео. На крайнем северо-востоке Сибири. Издание Л. Ф Пантелеева. СПБ. 1895. „Ст. Кр.“ 1896, № 9. [Подпись В. Л. вместо К. Л. вследствие корректурной ошибки].
76. С. Швецов. Обычно-правовые воззрения алтайцев (калмык и киргиз). Брачные и семейные отношения. Зап. Зап.-Сиб. Отд. Р. Г. О. т. XXV, 1897.
76-а. С. П. Швецов. Горный Алтай и его население, т. I. Кочевники Бийского уезда Барн. 1900, стр. 1—360 | 1—163 | 1—34.
76-б. Та же, т. III, в. 2. Оседлые инородцы Бийского уезда. (См. № 36).
77. [Рец.] д-р Попов. Русская народно-бытовая медицина“. „Сиб. Вест.“ 1903, № 141.
78. Ъ. Несколько слов о боге Айроте Сиб. Вест.“, 1904, № 139.
79. С. П. Швецов. Н. М. Ядринцев и инородческий вопрос. „Сиб. Вести.“, 1904, № 121.
80. С. Швецов. Из религиозной жизни алтайских инородцев. Сиб. Вопр.“ 1906, № 2; стр. 126 — 156.
81. S. Земельно-правовые отношения инородцев на Алтае „Сиб. Вопр.“ 1908, № 47 — 48.
82. С. Марусин. Национальная школа в Сибири. Вольн. Сиб. 1918, № 16.

География.

83. Рубакин, Н. Рассказы о западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской и как там живут люди. Изд. 3-е, вновь переработанное и дополненное по новейшим данным С. П. Швецовым. С рисунками. Изд. „Посредника“, № 200. М. 1908.
[Пометка о переработке издания, сделанной С. П. Швецовым, имеется только на очень незначительном количестве экземпляров. Остальные экз-ы вышли без этого указания с одним только именем Н. Рубакина].
85. Новый Энциклопедический словарь изд. Брокгауз и Эфрон. Т. I: Акмолинская область (стр. 713 — 718); Акмолинск. (стр. 718 719.) Без подп.
86. То же, т. II. С. Швецов. Алтай (стр. 119 — 130);
С. Швецов. Алтайский округ (стр. 130—137). Ангара (стр. 534—535) без подп.
87. То же, т. IV. С. Ш. Ачинск (стр. 432 — 434).
С. Швецов. Байкальские горы (стр. 714 — 715).
Балаганск (стр. 813 — 814) без подп.
88. То же, т. V. Баргузин (стр. 206 — 207). Без под.
С. Швецов. Барнаул (стр. 247 — 249).
89. То же, т. VI. Березов (стр. 83 — 84). Без подп.
С. Швецов (Бийск (стр. 806 — 807).
Благовещенск (стр. 826 — 827). Без подп.
90. То же, т. IX. С. Швецов. Белуха (стр. 8 — 9).
91. То же, т. X. Верхнеудинск (стр. 269 — 271). Без подп.
92. То же, т. XVII С. Швецов. Енисей (стр. 481 — 484).
С. Швецов. Енисейская губ. (стр. 484 — 492).
Енисейск (стр. 494 — 495). Без подп.
93. То же, т. XVIII. С. Швецов. Змеиногорск (стр. 756 — 757)
94. То же, т. XX. С. Ш. Камчатская область (стр. 671 — 672).

Статьи и заметки по истории Сибири. Воспоминания и некрологи.

95. [Рец.] Ф. Зобнин. Мастеровые алтайских заводов до освобождения. (Сиб. Сб. 1891, II). „Алт. Сб.“ т. I, 1894, стр. 19 — 20. Без подп.
96. [Рец.] Колыванская шлифовальная фабрика. Исторический очерк. (Сиб. Вестн. 1893, №№ 27, 28, 30, 31) „Алт. Сб.“ т. I, 1894, стр. 22 — 23. Без подп.
97. [Рец.] А. Селиванов. Материалы для истории русского сектантства. Дело о духоборцах, находящихся в Сибири. 1817 — 1820. Ряз. 1897. „Ст. Кр.“ 1897, № 133. Без подп.
98. С. Швецов. Молочные бунты в Сибири и их прошлое. Письмо с Алтая. „Рус. Бог.“ 1903, III стр. 96 — 118.
99. Томск. 8 июня 1905. [Передовая-„Сиб. Вест.“ 1905, № 119. [Па)мять об Ядринцеве]. Без подп.
100. С. П. Швецов. К пятнадцатилетию ликвидации крепостничества в Сибири. „Жизнь для В.“ 1913, V, стр. 712 — 725.
101. Д. А. Клеменц. [Некролог]. „Бодр. Мысль“, 1914, № 10. Без подп.
102. С. П. Швецов. Тени прошлого. Отрывки из воспоминаний. Н. М. Ядринцев. „Утренники“. кн. II, Петр. 1922, стр. 90 — 100.
103. С. П. Швецов Николай Яковлевич Фалин. „Кат. и Сс.“ 1925, № 3 (16).
104. С. П. Швецов. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири: „Кат. и Сс.“ 1928, III, IV, X, XI.

Программы и инструкции.

105. Общество любителей исследования Алтая. Краткая программа для собирания сведений о природе и населении Алтая“. Изд. О-ва Люб. Исслед Алтая. Барн. 1891. [Программа составлена С. П. Швецовым при участии И. Е. Овсянкина и Н. М. Зобнина]. Без подп.
106. А. А. Кауфман и С. П. Швецов. Инструкция для экскурсантов по вопросу об изменении форм землепользования в Сибири. «Сборник инструкций, и программ для участников экскурсий в Сибирь“. Изд. Общества Изучения Сибири и улучшения ее быта“. СПБ. 1912. стр. 151 — 165.
107. То же, 2-е изд. СПБ. 1914. Программа о формах народного землевладения в Сибири. Изд. О-ва изучения Сибири и улучшения ее быта. СПБ. 1914.
108. Учебный план и программы 5-й Сессии (1924 – 1925 г. г.) Ленинградских Районных Статистических курсов. С. П. Швецов Программа по кооперативной статистике (стр. 44 — 45).

Беллетристические произведения.

109. Самосуд. Из рассказов сибирского крестьянина Сиб. Газ. 1886, № 12. Без подп.
110. С. Марусин. В степях и предгорьях Алтая. Шатуны. „Вестн. Евр.“ 1895, X, стр. 323 — 341.
111. С. Марусин. У заутрени. Рассказ. „Рус. Вед.“ 1895, 9 сент.
112. С. Марусин. Господу свечка. Эллегия в прозе. „Ст. Кр.“ 1896, № 102 [перепечатано в издании“ Рождественские Рассказы „Степного Края“. Ом. 1897].
113. С. Марусин. В степях и предгорьях Алтая. Очерки. „Вест. Евр.“ 1900, VII, стр. 290 — 300.
114. С. Марусин. В степях и предгорьях Алтая. Очерки (В самовольном поселке). „Сиб. Вест.“ 1903, № 144.

115. С. Марусин. В степях и предгорьях Алтая. Рассказ из жизни переселенцев. Вест. Евр. 1903, VIII, стр. 518 — 546.

116. С. Марусин. Из настроений прошлого. Эллегия в прозе. „Сб. „На сибирские темы". Томск, 1905, стр. 1 — 4.

117. С. П. Швецов (С. Марусин). В ожидании казни. Рассказ. Изд. „Земля и Воля". СПБ. 1906 [переделка рассказа „У заутрени", см. № 111].

II.

Статьи С. П. Швецова в газете „Степной Край".

1. Локтевский завод, Алтайск. окр. [Корреспонденция] 1896, № 10 — 11 [О злоупотреблениях лесничего] Без подп.
2. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 10 — 11 [О полицейских истязаниях]. Без подп.
3. Омск, 11 февр. [Передовая статья], 1896, № 12 [по поводу проекта закона о поземельном устройстве крестьян в четырех сибирских губерниях]. Без подп.
4. Барнаул. [корреспонденция] 1896, № 12 [об открытии амбулатории] Без под.
5. Л. Г. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 13 [о хлебной торговле].
6. Белоярск, Барнаул. *окр.* [корреспонденция] 1896, № 14 [о крестьянских земельных спорах]. Без подп.
7. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 14 [о медицинской беспомощности населения]. Без подп.
8. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 17 [о положении труда на барнаульских заводах]. Без подп.
9. С. Павловское, Барнаул. окр. [корреспонденции] 1896, № 18 [о земельном хищничестве]. Без подп.
10. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 18 [о преобразовании горных училищ в промышленные]. Без подп.
11. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 19 [о городской амбулатории, квартирной плате, хлебном подвозе и пр. аналогичных явлениях]. Без подп.
12. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 21 [убийство, совершенное полицейским надзирателем]. Без подп.
13. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 22 [о торговой обращенности Барнаула.] Без подп.
14. Омск, 31 марта. [Передовая статья] 1896, № 24 [об образовании комиссии сенатора Таганцева об отмене ссылки в Сибирь]. Без подп.
15. Омск, 4 апреля. [Передовая статья] 1896, № 25 — 26 [о каторжных тюрьмах в Сибири]. Без под.
16. Омск, 7 апреля. [Передовая статья] 1896, № 27 [о влиянии кабатчиков на дела народного самоуправления] Без подп.
17. Кулундинская Степь [корреспонденция] 1896, № 27 [о школах грамоты]. Без подп.
18. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 29 — 30 [об открытии лечебницы]. Без подп
19. Случайный наблюдатель. С переселенческого пункта, 1896, № 31 [о тяжелом положении детей переселенцев в пути].
20. В обществе любителей исследования Алтая, 1896, № 34 [о „Нечволодовских артелях"]. Без подп.
21. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 56 [о переселенческих бараках] Без подп.
22. С. Швецов. С. И. Нечволодов и его опровержение. 1896, № № 57, 58.
23. Локтевский завод, Алтайского окр. [корреспонденция] 1896, № 56 [о переселенческих бараках]. Без подп.
24. Змеиногорск [корреспонденция] 1896, № 58 [о статистических работах]. Без подп.
25. Барнаульские письма. Письмо VI. 1896, № 58 [о народн. доме]. Без подп.
26. Змеиногорский округ [корреспонденция] 1896, № 63 [о положении сельского хозяйства]. Без подп.
27. Зыряновский Рудник [корреспонденция] 1896, № 64 [о сдаче в аренду французской компании алтайских рудников). Без подп.

28. [По поводу отчета О-ва любителей исследования Алтая] 1896, № 69. Без подп.
29. Омск, 8 сентября [Передовая статья] 1896, № 70 [о насаждении частного землевладения в Сибири]. Без подп.
30. С. Спирино, Барнаул. окр. [корреспонденция] 1896, № 69 [о частной инициативе в деле открытия сельской аптеки]. Без подп.
31. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 72 [о переселенческом чиновнике Барсове и методах его „обследования" переселенцев] Без подп.
32. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 73 [о преобразовании средней школы]. Без подп.
33. С. Тараханское. Змеиногор окр. [корреспонденция] 1896, № 73 [о пчеловодстве] Без подп.
34. Алейская золость, Змеиногор. окр. [корреспонденция] 1896, № 74 [о школьном деле]. Без подп.
35. Зыряновский Рудник [корреспонденция] 1896 № 73 [о дорожной повинности]. Без подп.
36. Змеиногорск [корреспонденция] 1896, № 74 [об ограблении почты. Перевод в другую местность заподозренного в грабеже начальника почт-телегр. конторы]. Без подп.
37. С. Шадринское, Барнаул. окр. [корреспонденция] 1896, № 74 [о вражде между переселенцами и старожилами]. Без подп.
38 Омск, 22 сентября. [Передовая статья] 1896, № 74 [о попытках насаждения частного землевладения в Сибири]. Без подп
39. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 78 [о „Нечволодовской артели"] Без подп.
40. Змеиногорск [корреспонденция] 1896, № 79 [об открытии отделения О-ва Народного Образования]. Без подп.
41. Зыряновский Рудник. Алтайск. окр. [корреспонденция] 1896, № 80 [о преобразовании горного училища] Без подп.
42. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 80 [о горном совете]. Без подп.
43. Алейская волость, Змеиногор. окр. [корреспонденция] 1896, № 80 [о положении непричисленных переселенцев]. Без подп.
44. Бийск [корреспонденция] 1896 № 80 [о Чуйском проходе в Монголию] Без подп.
45. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 81 [о деятельности местного школьного общества]. Без подп.
46. Барнаул. [Корреспонденция] 1896, № 83 [об общественной библиотеке, типографии и о задержке выдачи жалованья учителям]. Без подп.
47. Александровская волость, Змеиногор. окр. [корреспонденция] 1896, № 83 [о дорожной повинности в горнозаводских селениях]. Без подп.
48. Гурьевский завод [корреспонденция], 1896, № 83 [о проектах закрытия железоделательного завода] Без подп.
49. С. Ояш. Томск. у. [корреспонденция), 1896, № 84 [о падении извозного промысла]. Без подп.
50. Барнаульский округ [корреспонденция] 1896, № 84 [о предании суду волостного писаря]. Без подп.
51. Локтевский завод [корреспонденция] 1896, № 84 [о поисках корреспондента]. Без подп.
52. С. Ярки, Барнаул. окр. [корреспонденция[1896, № 85 — 86 [о злоупотреблениях писаря]. Без подп.
53. Кулундинская Степь. [Корреспонденция] 1896, № 85 — 86 [об открытии фельдшерского пункта]. Без подп.
54. Николаевский поселок (Кривощеково) [корреспонденция] 1896, № 85 — 86 [о землеустройстве будущего города.] Без подп.
55. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 87 [о состоянии могилы Н. М. Ядринцева.] Без подп.
56. Змеиногорск [корреспонденция] 1896, № 87 [Проект Горного Управления поставить опыты по переработке „отвалов" серебро-свинцовых руд]. Без подп.
57. С. Швецов. Пчеловодство на Алтае, 1896, № 89.
58. Барнаульские письма. 1896, № 90. [о полицейских преступлениях].
59. Омск, 21 ноября. [Передовая статья] 1896, № 92. [О попытках насаждения помещичьего хозяйства в Сибири]. Без подп.
60. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 93 [о постройке лесопильного за-

вода. Ревизия постановки медицинского дела в Алтайском ведомстве]. Без подп.

61. С. Швецов. Письмо в редакцию. 1896, № 95 [о посылке в переселенческий поселок „Родина“ медикаментов].

62. Кулундинская Степь [корреспонденция] 1896, № 96 [о положении переселенцев]. Без под.

63 [Рец.] Предварительный отчет по исследованию почв Северной части Алтайского Округа. Составили И. П. Выдрин и З. И. Ростовский. Барн. 1896, — 1896, № 97. Без подп.

64. В обществе любителей исследования Алтая, 1896, № 98 [Доклад П. М. Юхнева о формах крестьянского лесопользования в Томском у.] Без подп.

65. Омск, 13 декабря. [Передовая статья] 1896, № 100 [по поводу образования Переселенческого Управления]. Без подп.

66. Барнаул [корреспонденция] 1896, № 101. О различных текущих событиях в городе].

67. Барнаульские письма. Письмо IX. 1896, № 98 [О городской смете]. Без подп.

68. Барнаульские письма. Письмо X. 1896, № 99. [Фельетоны из Барнаульской жизни]. Без подп.

69. Заседание Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества [Доклад С. П. Швецова о земледельческих артелях Нечволодова и Зимина на Алтае] 1897, № № 2, 4, 5. Без подп.
См. поправку редакции—в № 23.

70. С. Швецов. Письмо в редакцию. 1897, № 3 [о железнодорожных порядках на ст. Оби].

71. Артели Нечволодова и Зимина. 1897, № 7. Без подп.

72. К. Л. [Рец.] Сочинения Н. К. Михайловского изд. журнала „Русское Богатство“ СПБ. 1896, т. т. I. и II. 1897, № 7.

73. Вячеслав Яковлев. Абрамов. 1897, № 14. [Характеристика деятельности Абрамова—вольного учителя деревни Волковой под Петербургом, по поводу празднования его 25-летнего юбилея]. Без подп.

74. Омск, 16 февраля. [Передовая статья]. 1897, № 16 [о ликвидации горного дела на Алтае]. Без подп.

75. Неврач. Два слова о переселенческой этике (письмо в редакцию) 1897, № 16.

76. Герасимов Томские переселенцы. А. А. Кауфман. Томские переселенцы по надворному исследованию 1894 г. (Сб. прав. и обществ. знаний, кн. VII, 1897) 1897, № 17.

77. Г. Барнаул [корреспонденция] 1897, № 17 [о предложен. С. П. Швецова в О-ве Любит. Иссл. Алтая поставить исследование о распространении в Алтайском округе сифилиса]. Без подп.

78. Публичные лекции в г. Барнауле. [корреспонденция] 1897, № 22 [о лекциях проф. В. В. Сапожникова]. Без подп.

79. К. Л. [Рец.] Евгений Зандрок. Краткое наставление к обращению с рамочными ульями Томск, 1897. № 26.

80. Омск, 19 марта. [Передовая статья] 1897, № 28 [о рыбном промысле в Нарымском крае]. Без подп.

81. Барнаульский округ. [корреспонденция] 1897, № 31.

82. [Рец.] Лудвиг Страцевич. Непримиримые. Перевод с польского. 1897. № 39. Без подп.

83. Барнаул. [корреспонденция] 1897, № 45 [о положении труда на почте]. Без подп.

84. Барнаульский округ [корреспонденция]. 1897, № 47 [о положении труда на винокуренном заводе Поскожина]. Без подп.

85. Барнаул. [корреспонденция] 1897, № 50 [о полицейских злоупотреблениях караульной повинностью городских жителей]. Без подп.

86. В обществе любителей исследования Алтая в г. Барнауле [отчет о заседании] 1897, № 53.

87. Барнаульский округ. [корреспонденция] 1897, № 60 [о „барской щепетильности“]. Без подп.

88. К. Л. [Рец.] А. А. Кауфман. Крестьянская община в Сибири. СПБ. 1897. 1897, № 80.

89. Барнаул [корреспонденция] 1897, № 81 [о халатности общества помощи переселенцам]. Без подп.

90. Бийский округ. [корреспонденция] 1897, № 85 [о возникновении маслоделия на Алтае]. Без подп.
91. Барнаульские письма. 1897, № 86 [о вольном пожарном обществе]. Без подп.
92. Уймонский край [корреспонденция] 1897, № 91 [о врачебной беспомощности населения Уймона]. Без подп.
93. Барнаул [корреспонденция] 1897, № 93 [о пожертвовании В. Т. Зиминым своих домов школьному Об-ву]. Без подп.
94. Барнаул. [корреспонденция] 1897, № 95 („об ореховом сборе" на Алтае]. Без подп.
95. Бийск. [корреспонденция] 1897, № 99 [о положении труда на стекловаренном и винокуренном заводах Платонова]. Без подп.
96. Барнаул. корреспонденция) 1897. № 101 [о новом суде]. Без подп.
97. Барнаул. [Корреспонденция] 1897, № 104 [о преобразовании горного училища в реальное]. Без подп.
98. Омск, 28 сентября. [Передовая статья] 1897, №, 107 [о переселениях в Сибирь]. Без подп.
99. Маслоделие в Тобольской губернии. 1897, № 114. Без подп.
100. [Корреспонденция о работах экспедиции С. П. Швецова по исследованию хозяйства у туземцев Алтая] 1897, № 116.
101. Барнаул [корреспонденция] 1897, № 132 [о неурядицах с постройкой народного дома]. Без подп.
102. В Обществе любителей исследования Алтая в Барнауле. 1897, № 134. [Доклад С. П. Швецова о наблюдениях калмыков во время экспедиции на Алтай].
103. Омск, 7 декабря. [Передовая статья] 1897, № 137 [о положении труда в русской промышленности и о введении фабричного надзора в Сибири]. Без подп.
104. Бийские письма Письмо первое 1897, № 139 о торговле с С-З. Монголией по Чуйскому тракту] Без подп.
105 Омск, 14 декабря. [Передовая статья] 1897, № 140 [о киргизской начальной школе]. Без подп
106. Омск, 31 декабря. [Передовая статья] 1897, № 145 [о выходе из состава „Степного Края" редакции и всех сотрудников]. Без подп.

А. В. Попов.

Краткая биография и научные труды Н. И. Кашина.

(Материалы для био-библиографического словаря сибирских краеведов)

Кашин Николай Иванович, медик—краевед в истинном смысле этого слова, один из немногих ученых, обратившихся в средине прошлого века к медицинско-этнографическим изучениям русско-сибирского населения. Его сочинения о зобе в В. Сибири до сих пор единственные источники по изучению этой эпидемии; он первый из врачей описал и изучил эпидемическое заболевание суставов по р. Урове в Забайкалье—osteoarthritis deformans endemica и назвал ее уровской болезнью.

Заслуги его в этом отношении с течением времени были забыты; по имени вторично описавшего эту болезнь врача Бека—она названа „болезнью Бека"; более справедливо некоторые исследователи называют ее „болезнью Кашина-Бека", но лучше всего называть эту „ломотную болезнь" (определение Кашина) уровскою болезнью.

Н. И., сын фельдшера, родился, повидимому в Иркутске, в 1825 г.; с 1846 г. проходил медицину в Моск. ун-те, который окончил в 1851 г. лекарем, и тотчас же был назначен врачем в пеший баталион Забайк. каз. войска. В 1857 г. был переведен ординатором в Иркутский военный госпиталь, позже перешел ординатором в Моск. воен. госпиталь, сдал здесь докторантский экзамен и в 1862 г. защитил диссертацию. В 1864 г. назначен инсп. Иркутской врач. управления, вышел в отставку в начале 1870-ых годов, умер в 1872 г. в Газимурском заводе, центре уровской болезни, им так полно изученной; могила его уже мало известна и ничем не отмечена.

Н. И. был деятельным членом Сибирского, и затем Вост. Сибирского Отд. Р.Г.О., в 60-х годах—членом распорядительного комитета Отдела; такое же участие он принимал в жизни Иркутского Общества врачей В.-Сибири, Иркут. губ. Стат. комитета. Кроме того, он состоял: д. членом О-ва Рус. врачей в Москве, физико-мед. о-ва при Моск. ун-те, Русс. Геогр. О-ва, и др. научных обществ. Некоторые труды Н. И. кратко упомянуты у В. Вагина (Старое время Сиб. Отдела Геогр. Общества, Сиб. Сборн., 1896, I) и у академика Н. А. Вельяминова „Учение о болезнях суставов с клинической точки зрения", стр. 363—74).

Труды Н. И. Кашина.

1. Введение к статье „О распространении чумы на рогатом скоте в Ирк. губ. в 1870 г." „Прот. О-ва вр. В. Сибири 1870—71", также „25-летие О-ва," 1888 г.
2. Взгляд на сельское хозяйство жителей Приаргунского края. „Сельский Хозяин", 1861. Апр.
3. Гиперостоз с склерозированием костей черепа, аномалия тела клиновидной кости и размягчение левого полушария мозга. „Моск. Мед. Газ.", 1863, 4, 5; „Прот. О-ва вр. В. Сиб.", 1858—63; „25-летие О-ва" 1888.
4. Господствующие болезни в Князе-Константиновской дистанции Нерчинского округа. „Моск. Мед. Газ.", 1860, 1, 2, 3, 5.
5. Домашние средства, употр. жителями Приаргунского края при лечении болезней и народные врачи приаргунцев. „Вест. РГО" 1860, XXX.
6. Два случая гидатид в печени и и селезенке. „Воен. Мед. Жур.", 1855, ч. 65, 1.
7. Два случая запружения кишечного канала. „Прот. О-ва вр. В. Сиб.", 1863—64, 51—60.
8. Два случая злокачественной кори. Тоже, 1858—63.
9. Два случая образования рака в печени и бугорков на грудо-брюшной преграде. Там же.
10. Два случая падучей болезни вследствие размягчения мозга. „Моск. Мед. Газ.", 1865, 48.
11. Два случая эпилепсии, где страдание мозга было причиною этой болезни. „Пр. О-ва вр. В. Сиб.", 1865—66; „25-летие О-ва", 1888.
12. Демонстрация весьма интересного урода. „Прот. О-ва вр. В. Сиб.", 1869—70; „25-летие О-ва" 1880 г.
13. Демонстрация замечательного препарата зернистой печени. „Прот. О-ва вр. В. Сиб.", 1863—64; 25-летие О-ва 1888 г.
14. Демонстрация препарата рака выхода желудка. Там же.
15. Ежегодный выход мэргэнцев на р. Аргунь для осмотра границы и для торговли с жителями Приаргунья. „Зап. Сиб. Отд.", 1867, IX—X,
16. Еще сведения о зобе. „Моск. Мед. Газ.", 1863, 9. „Прот. О-ва вр. В. Сиб.", 1858—63.
17. Еще три случая гидатидов в печени. „Моск. Мед. Газ.", 1865—66, 48.
18. Забайкальские и иркутские минер. источники. „Зап. Русс. Бальнеолог. О-ва в Пятигорске", 1868, т. 2, 31—92.
19. Завиток кишек, образовавшийся вследствие сдавления живота повалившимся возом. „Прот. О-ва вр. В. Сиб.", 1858—63.
20. Зоб и кретинизм в Нерчинском округе. (Описан. эпид. и др. господствующих болезней по р. Урову, с 8 рисун. и 1 кар.). [Рукопись, предст. в Р.Г.О. Разбор о читанной в общем собрании Р Г.О 27 февр. 1857 г. В. Деракером]. „Вестн. РГО", 1857, ч. 29, кн. 1, 65—86.
21. Зоб и кретинизм вне и в пределах России, в особенности в Приленской долине и по др. местностям Ирк. губ. „Прот. О-ва вр. В. Сиб.", 1868—69, 1—206.
22. Тоже, отд. издание, Иркут., 1871. Рец. П. Ровинского. „Изв. Сиб. Отд.", 1871, I, к. 4—5.
23. Костные сростки в большом серпе, неправильность образования черепных костей, органический порок сердца и неправильное положение сердца. Пр. О-ва вр. В. Сиб., 1864—64, 11, „Моск. Мед. Газ.", 1864, 51.
24. Краткое обозрение успехов, сделанных в новейшее время по части нервной физиологии. „Друг Здравия", 1851, 42.
25. Критика сифилизации Мансурова. „Соврем. Медиц." 1862, 362, 679. Ответ Мансурова—866.
26. Китайский корень жень-жень. „Тр. О-ва Ест. при Каз. ун-те", 1872, II.
27. Медико-топогр. описание Князе-Константиновской дистанции Нерчин. округа. „Моск. Мед. Газ.", 1860.
28. Можно-ли по костям детского скелета определить пол младенца. „Сборн. сочин. по суд. м-не", 1872, 1, 2, 14.
39. Можно-ли снова заселить ту местность, которая имела вредное влияние на здоровье прежних обитателей. „Зап. Сиб. Отд.", 1867, IX—X;
30. Некролог д-ра Вейриха. „Прот. О-ва вр. В. Сиб". 1863—64; 25-летие о-ва, 1888.
31. Нерчинский завод. „Моск. Мед. Газ.", 1860. 1.

32. Несколько слов об Аргуни и об истинном истоке этой реки. „Зап. Сиб. Отд.“, 1863, 6. Заметка на эту статью К. Будогосского—там-же. Ответ Кашина „Дополнение к статье об Аргуни ..“ там-же, 7.
33. О больничных конференциях. „Моск. Мед. Газ., 1863, 14, 15.
34. Образование (Забайк.) казачества и влияние его на быт и нравы жителей приаргунского края. „Ирк. Губ. Вед.“ 1860, 10.
35. Огородничество приаргунского края „Садоводство“, 1861, 8.
36. О зверопромышленности и рыболовстве жителей Приаргунского края. „Акклиматизация“, 1862, т. 3, в. 6—7.
37. О зобе по р. Урову. „Моск. Мед. Газ.“, 1861, 39—51.
38. Описание эндемических и др. болезней, господствующих по р. Урову. „Прот. Физико-Медиц. Об-ва при Моск. Ун-те“, 1859, 3 янв., 26.
39. О пузырчатых глистах или гидатидах (Hydatides) в разных органах человеч. тела. Разсуждение, написан. для получения степени д-ра мед. в Моск. Ун-те лекарем Кашиным 1862.
40. Отрывок из сочинения „Исследование зоба“. „Отч. Сиб. Отд.“ за 1868 г. 69.
41. Очерк экономической (сельско-хоз.) статистики Иркутск. губ. Д. Д. Ларионов. Под ред. д. чл. стат. комитета Н. И. Кашина изд. Ирк. губ. ст. ком-та, 1870. Тоже „Изв. ВСОРГО“. 1871. II, 5.
42. По поводу заметок Асеева о больницах в С.-П-бурге и Париже. „Моск. Мед. Газ.“ 1863, 23.
43. По поводу отправления заграницу Флоринского, Киреева и Богдановского. „Моск. Мед. Газ.“ 1861, 43.
44. Празднества и забавы Приаргунцев. „Вестн. РГО“, 1858 г. 24, 10, 7—24.
45. Программа для медико-топографических описаний населенных мест В. Сибири. „Прот. О-ва вр. В. Сиб.“ 1863—64 г.г.; „25-летие о-ва“ 1888 г.
46. Развитие сифилиса между нижними чинами в Иркутске „Сбор. сочин. по суд. мед-е“ 1872, 1, 2, 6—13.
47. Разъединение верхних челюстей и небных костей вследствие сильного удара по лицу. „Моск. Мед. Газ“. 1863, 6; „Прот. О ва вр. В. Сиб“. 1858—63.
48. Разложение воды р. Ушаковки. „Прот. О-ва вр. В. Сиб.“, 1863 64, 61—65.
49. Рак яичка, излеченный иодистым калием, „Воен. Мед. Ж.“ 1855, 66, 1.
50. Свадебные обычаи приаргунцев. „Вест. РГО, 1860. XXX, 12, 147—82.
51. Сведения о распространении зоба и кретинизма в России. „Моск. Мед. Газ.“ 1861. 39—51.
52. Сифилис, переданный поцелуями. „Моск. Мед. Газ.“ 1862, 563, 589, 605, 620, 653 716.
53. Следует-ли приглашать на кафедры посторонних русских ученых. „Моск. Мед. Газ.“ 1863, 3.
54. Случай водобоязни через 3 мес. после укуса бешеной собакой. „Пр. Моск. О-ва Русс. Врач.“ 1862—63, 287.
55. Случай врожденного порока сердца. „Прот. О-ва вр. В. Сиб.“ 1870—71; „25 летие О-ва вр.“ 1888.
56. Смотр забайк. казаков наказным атаманом в 1857 г. Ирк. Губ. Вед.“ вып. 1857, 12.
57. Справка о существовании зоба и глист эхинококка на Кавказе. „Прот. Кавк. О-ва вр.“ 1869—70, 203.
58. Современные заметки (по поводу речи Клементовского на обеде Лявблю; открытия Жуковского; телеграммы Рокитанскому) „Моск. Мед. Газ.“ 1861, 33, 35.
59. Средство увеличить количество рус. ученых трудов. „Мос. Мед. Газ.“, 1864, 41, 42. Крит. отзыв Д [обычин]-а, „Совр. Мед-на,“ 1864. 45. Ответ Кашина—„Моск. Мед. Газ.“ 1865, 12, 13.
60 Столбняк, как следствие отморожения ножных пальцев. „Прот. О-ва вр. В. Сиб.“ 1858—63; „Моск. Мед. Газ.“ 1863, 10.
61. Два диспута Pro venia legendi Мансурова. „Моск. Мед. Газ.“ 1863, 25
62. Четыре скопления акефалокистов в печени. „Прот. Моск. О-ва Рус. Вр.“ 1864 65, 107.
63. Штурм книжного магазина ради „Гигиены брака“ Дебе. „Моск. Мед. Газ.“ 1862, 46. Ответ Г. И. Брауна—49; ответ Брауну—50.
64. Эндемия зоба и кретинизма в приленской долине и по др. местностям Ирк. губ. Инсп-ра Ирк. вр. Управы Н. И. К. „Мед.-топогр. Сб.“ Изд. Мед. Д. 1870. С картой.

Надежда Бер.

Сибирская Живая Старина

ЗА ПЯТЬ ЛЕТ

1923—1928

(Библиографический указатель).

Настоящая работа является указателем к „Сибирской Живой Старине“ за первые пять лет ее существования. За этот период было выпущено всего семь сборников в шести книгах, т. к. третий и четвертый сборники вышли одной книгой III—IV. Пятый и шестой сборник имеют двойную нумерацию—I (V) и II (VI), но мы нашли более удобным принять для них обозначение в нашем указателе—V и VI.

Так как в „Сибирской Живой Старине“ печатался уже целый ряд библиографических работ, то в целях сохранения единства описания нами принят тот же порядок распределения материала: автор. заглавие, номер сборника, обозначенный римской цифрой и далее после точки с запятой—страницы. Сведения от составителя взяты в прямые скобки.

К работе приложено пять указателей: 1) указатель собственных имен, 2) указатель племен и народностей. 3) топографический указатель, 4) предметный указатель и 5) указатель по дисциплинам.

В топографическом указателе Сибирь разделена на Западную—от Урала до Енисея и Восточную от Енисея до Приморья включительно, в виду того, что такое районирование было принято авторами многих статей.

1. Азадовский, М. К. А. А. Макаренко. К сорокалетию научно-общественной деятельности. 1887—1927. VII;101—114.
Приложение: «Материалы к библиографии А. А. Макаренко» (38 назв).
2. Азадовский, М К. Задачи изучения устного творчества в Сибири. III—IV ; 307—308.
[Тезисы доклада в Ист.—Этнологич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 373—374.]
3. Азадовский, М. К. Издание краеведческой литературы. III—IV ; 291—292.
[Тезисы доклада в Секции общ. краевед. Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 365—366.]
4. Азадовский, М. К. Легенда о Щапове. I ; 59—71, [1] вкл. лист илл.
[По материалам, собранным в с. Анге—родине Щапова.]
5. Азадовский, М. К. Литература по этнографии Сибири за последнее десятилетие XIX века. (Перечень статей в периодических изданиях 1891—1900.) II ; 191—222.
[Библиографический указатель. 740 назв.]
6. Азадовский, М. К. Николай Бестужев—этнограф. (К столетию 14 декабря 1825 г.) III—IV; 9—40
Приложение: Три бурятских сказки, записанные Н. Бестужевым.
[О статье Н. Бестужева «Гусиное озеро».]
7. Азадовский, М. К. Отчет о летних работах в Тункинском крае. V ; 170—173.
[О сохранении и бытовании русской сказки в Тункинском крае.]
8. [Азадовский, М. К.] Памяти Л. Я. Штернберга 14 авг. 1927. VII ; I—VIII.
[Биографич. очерк. Перечень главных трудов.]
9. Азадовский, М. К. Пути этнографических изучений Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества. VI ; 33—62.
[К 75-летнему юбилею ВСОРГО. Историч. обзор.]
Приложение: Этнография в трудах Восточно-Сиб. Отд. Русск. Географич. Ов-а. Библиографический указатель 1851—1926. (389 назв.) В. Л. Петрова—Смагина.
10. Азадовский, М. К. Сказки Верхнеленского края. Приложение к Сб. II ; XLV, 66. Имеет самостоятельную пагинацию и титульный лист.
[Очерк Верхнеленского края. Основные черты русско-сибирской сказки. Сказительница Н. О. Винокурова, с. Челпаново по р. Куленге. Тексты 9 сказок Н. О. Винокуровой.]
11. Азадовский, М. К. Сказки Верхнеленского края. [Продолжение.] Приложение к Сб. III—IV ; 67—142, [4] вкладн. листа илл. Имеет самостоятельную пагинацию и титульный лист.
[Тексты 13 сказок (с 10—22). Послесловие. Областные слова в сказках Н. О. Винокуровой.]
12. Азадовский, М. К. Четыре ленских колядки (Приложение к статье Всев. Малаховского: «Советское виноградье» см № 85) III—IV ; 47—52.
[Тексты колядок.]
13. Арцыбашев, С. А. Радиактивность источников и горных пород и методы радиактивных исследований. III—IV ; 342—342.
[Тезисы доклада в Физ.-географич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюции—стр. 381 и 383.]
14. Бажин, А. Г. Памятники пребывания декабристов в Прибайкалье. III—IV ; 312—313.

[Тезисы доклада в Ист.-этнологич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 377.]

15. Баторов, П. П. и Подгорбунский, В. И. Из бурятского фольклора. III—IV ; 133—136.
[Легенда о происхождении рода Хара-монгол или Сойгут.]
Библиография: в «Примечаниях» (3 назв.)

16. Бестужев, Н. А. Три бурятских сказки, записанные Н. Бестужевым. (Приложение к статье М. К. Азадовского «Николай Бестужев - этнограф.») III—IV ; 30—40.
[Тексты сказок.]

17. Библиографические заметки. I ; 149—153.

18. Болдырев—Казарин, Д. А. Народное искусство в Сибири. (Из очерков по истории русского искусства в Сибири). II ; 5 -20 [2] вкл. лист. красочных илл.

19. Бородкина, М. В. Очерки хозяйственной жизни Баргузинского края. Читканско-Горячинский район. III—IV ; 304—305.
[Тезисы доклада в Экономич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюции — стр. 368 и 376.]

20. Бородкина, М. В. Рыбацкий быт в Прибайкалье. (Посольский район.) VI ; 165—200.

21. Бурштейн, Р. С. Краеведение и политпросветработа. III — IV ; 279 - 281.
[Тезисы доклада в Секции общ. краевед. Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 360—361.]

22. Вегман, В Д. Неопубликованная статья С. С. Шашкова VII ; 115—116
Вступительная. статья к статье С. С. Шашкова «Из путевых воспоминаний.»].

23. Верхозин, С. В. К вопросу о лекарственной и токсической флоре Иркутской губернии. III—IV; 328—329.
[Тезисы доклада в Биологич. секции Перв. В.—Сиб. Краевед. Съезда Резолюция — стр. 380.]

24. Веселов, И. И. Предварительный отчет И. И. Веселова о летних полевых работах 1924 г. III—IV ; 198—200.
[Из отчета Этнологич. секции ВСОРГО 1924 г. Устье р. Селенги. Историко-этнографич. поездка.]

25. Виноградов Г. С. Детская сатирическая лирика. III—IV; 65—206.
[I. Заметки и наблюдения. II. Материалы: рифмованные прозвища, дразнилки, издевки, поддевки. (141 запись)]

26. Виноградов, Г. С. Детские игровые прелюдии. VII ; 47—88, [4] вкл. лист. илл. худ. Б. Лебединского.
[Личн. впечатл. и набл., собранные в Забайкалье, Иркутском и Приенисейском крае и южной части Акмолинской обл. Исследование вопроса.]

27. Виноградов, Г. С. Детские тайные языки. VI ; 85—112.
[Краткий очерк. Краткое описание тайных языков.]

28. Виноградов, Г. С. Детский народный календарь. (Из очерков по детской этнографии.) II ; 55—86, [2] вкл. листа нот.
[Материал собран преимущественно в Тулуновском уезде Иркутской губ. Детские игры и обычаи по времени года. Тексты песенок.]
Приложение: Образцы детских мелодий. [Записаны в Куйтунской волости И. С. Хромовских.

29. Виноградов. Г. С. Детский фольклор. III—IV ; 309--309.
[Тезисы доклада в Ист.-этнологич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция-стр. 373—374.]

30. Виноградов Г. С. Заметка об изучении народного ораторского искусства III—IV ; 891—400.

31. [Виноградов, Г.С.] Из записей фольклориста. Музыканты в Тункинском крае. V ; 38 - 40.

32. Виноградов, Г. С. Из отчета Г. С Виноградова о поездке в Енисейскую и Акмолинскую губернии. III—IV ; 138—190.
[Наблюдения над бытом русского населения Енисейской и Акмолинской губ.]

33. Виноградов, Г. С. Народная педагогика. (Отрывки и наброски.) V ; 1—28.

34. [Виноградов, Г. С.] Новая программа по музыкальной этнографии. III—IV ; 388—390.
[По поводу программы К. В. Квитка.]
35. Виноградов, Г. С. Отчет Г. С. Виноградова о работе в Тункинском крае летом 1925 г. V ; 168—170.
[Работа по этнографии и фольклору в Тункинском крае.]
36. Виноградов, Г. С. Руское население края и его изучение. III-IV ; 306—307.
[Тезисы доклада в Ист.-этнологич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 373.]
37. Виноградов, Г. С. Этнография и современность. I ; стр. 3—21.
[Современность в народном творчестве: новые слова, частушки. Отражение современности на различных сторонах народной жизни. Легенды о предсказании голода.]
38. Герасимов, А. С. см. № 95.
39. Гирченко, В. П. Архивное дело в Бурято-Монгольской Автономной Советской Республике. III-IV ; 311—312.
[Тезисы доклада в Ист.-этнологич. секции Перв. В-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 377.]
40. Грошков, Я. Е. Школьные краеведческие музеи. III—IV; 285—286.
[Тезисы доклада в Секции общ. краевед. Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 362—364.]
41. Гущина, С. Ф. Краткий отчет С. Гущиной о поездке в Забайкалье летом 1925 г. V ; 173—175.
[Об этнографических работах в с. Турунтаево в 50 килом. от Верхнеудинска.]
42. Гущина, С. Ф. Материалы по народной кулинарии. (Русское население Тункинского края.) VII ; 23—46.
[Повседневный стол. Праздничный стол. Способы приготовления кушаний и напитков. Приложен терминологический словарь посуды.]
Библиография в «Примечаниях».
43. Дебец, Г. Ф. Итоги и задачи палеоэтнологии в западном Забайкальи. III—IV ; 322—324.
Тезисы доклада в Ист.—этнологич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 378.]
44. Дебец. Г. Ф. Предварительный отчет Г. Ф. Дебеца об археологических разведках в Западном Забайкалье. III—IV ; 200—202.
[Троицкосавский аймак и долина р. Уды в аймаках Верхнеудинском и Хоринском.]
45. Деятельность, Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества. II ; 148—152.
[Отчет 72-го г. существования О-ва 1923 г. — Научные командировки. Связь с научн. обществами и участие на Всерос. с.-хоз. выставке. Издат. деятельность. Публичные доклады исследователей. Работа секций. Работа отдельных членов ВСОРГО по поруч. Распорядит. Комитета. Астрономич. обсерватория. Библиотека. Работа Распорядит. Комитета.]
46. Добкин, М. А. Электрификация Иркутской губ. III—IV ; 299—299.
[Тезисы доклада в Экономич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция стр. 367.]
47. Дорогостайский, В Ч. Генезис прибайкальских озер. III—IV ; 338—338.
[Тезисы доклада в Физ. Географич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр.381.
48. Дорогостайский, В. Ч. Краеведческие задачи в области биологии. III—IV ; 325—325.
[Тезисы доклада в Биологич. секции Перв. В.-Сиб. Краеведч. Съезда. Резолюция—стр. 379.]
49. Дорогостайский, В. Ч. Охрана природы края. III—IV ; 294—294.
[Тезисы доклада в Секции общ. краевед. Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 366.]
50. Дорогостайский, В. Ч. Промысловые звери Иркутской губернии. III—IV ; 325—326.
[Тезисы доклада в Биологич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 368—369.]
51. Зицерман. П. В. Проект лингвистико-краеведческого отделения

на Педфаке Иргосуна. III—IV ; 294—295.
[Тезисы доклада в Секции общ. краевед. Перв. В.-Сиб. Краевед. Съеза. Резолюция—стр. 378.]

52. Зицерман, П В Студенчество и краеведение. III—IV ; 284 - 285.
[Тезисы доклада в Секции общ. краевед. перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция - стр. 362 - 364.]

53. Зицерман, П. В. Школа и краеведение. III - IV ; 274 - 275.
[Тезисы доклада на пленуме Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция стр. 362—364.]

54. Золотарев, М. Е. Речь на открытии краеведческого съезда. III—IV ; 247—248.
[Иркутск. 11—18 января 1925 г.]

55. Иркутский Научный Музей в 1923 г. II ; 152 - 153.
[Краткий отчет о работе Музея.]

56. Казаринов. П. К. Итоги и перспективы сибирской библиографии. III—IV ; 290—291.
[Тезисы доклада в Секции общ. краевед. Перв В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюцая—стр. 364—365.]

57. Казаринов, П К. Краеведческие задачи сибирской бибиотеки. III —VI ; 288—290.
[Тезисы доклада в Секции общ. краевед. Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция - стр. 360—361]

58. Казаринов. П. К. На новых путях краеведения. К итогам работы 2-й Всесоюзной Конференции по Краеведению. (Речь при открытии 1-го Восточно-Сибирского Краеведческого Съезда.) III—IV ; 249-262.

59. Казаринов, П. К. Организационная структура краеведческого аппарата Восточ. Сибири. III—IV ; 275—277.
[Тезисы доклада на пленуме Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда Резолюция—стр. 356—357.]

60. Казаринов, П. К. Сибирское краеведение. Краткий библиографический обзор последних лет. 1920—1923. II ; 159 - 190.

61. Казаринов, П. К. Три четверти века. (К юбилею Восточно-Сибирского Отдела Госуд. Русского Географического О-ва) VI; 1—32.
[Общий исторический очерк.]

62. Ковригин, В. В. Краткие сведения о современном состоянии промышленности в Иркутском Горном Округе. III -IV ; 298—299.
[Тезисы доклада в Экономич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 370—371.]

63. Кожиков, И. П. Формы краеведческой работы в школе. III—IV ; 283—284
[Тезисы доклада в Секции общ. краевед. Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 362—364.]

64. Козьмин, Н. Н. К вопросу о времени водворения бурят около Байкала. (Историко—этнографический очерк.) III IV ; 113—132.

65. Козьмин, Н. Н. Методы и формы краеведческой организации и работы III—IV ; 278—279.
[Тезисы доклада в Секции общ. краевед. Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция— стр. 361 —362.]

66. Козьмин, Н. Н. О проекте Ленско-Байкальской области. (Основные положения). III—IV ; 265—266.
[Тезисы доклада на пленуме Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 358—359.]

67. Козьмин, Н. Н. Об изучении туземных племен. (Основные положения). III—IV ; 314—315.
[Тезисы доклада в Ист-этнологич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 375.]

68. Козьмин, Н. Н. Туземная интеллигенция Сибири. I ; 72—89.
[Исторический очерк.]

69. Козьмин, Н. Н. Хозяйство и народность (Производственный фактор в этнических процессах). VII ; 1—22.
[I. Природа и человек. II. Антропологические и энтнологические типы. III. Хозяйственная дифференциация. IV. Взаимодействие и смена культур. V. Исторические судьбы. VI. Этническая группа как хозяйственный фактор.]

70. Копылов, И. Л. Краеведение в детском рисунке. III—IV- 287—288.
[Тезисы доклада в Секции общ. краевед. Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 365.]

71. Кравец, Т. П. Прибайкалье, как сейсмическая область, и организация массовых сейсмических наблюдений. III—IV ; 343—343.
[Краткое излож. доклада в Физ.—географич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 381.]
72. Краеведение в Якутии. (Из письма Восточно-Сибирскому Отделу Географического Общества). III IV ; 203—204.
[Краткий очерк состояния и работы Якутского Отдела Русского Географического Общества.]
73. Красноженова, М. В. Взятие «Снежного городка» в Енисейской губернии. II ; 21—37.
[Обычай связанный с празднованием масляницы. Приведен текст стихотворения, которое читал «Городничий» перед началом боя.]
74. Кубалов, Б. Г. Крестьяне В.-Сиб. и декабристы. III—IV ; 313—314.
[Тезисы доклада в Ист.-этнологич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 377.]
75. Лаптев С. Н. Донный лед и его образование на р. Ангаре. III—IV ; 334—336.
[Тезисы доклада в Физ.-географич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 382.]
76. Лаптев. С. Н. Исследование системы р. Селенги в пределах Монголии и работы в этом направлении Экспедиции 1924 г., организованной Партией по исследованию рек Ленско-Байкальского Бассейна. III—IV; стр. 336—337.
[Тезисы доклада в Физ географич. секции Пер В.-Сиб. Краевед. Съезда Резолюция, —стр. 381.
77. Леонов, Г. А. Краткий отчет Г. А. Леонова о поездке на р. Кондому летом 1924 г. III—IV ; 190—192.
[О работах по народному искусству в Кузнецком уезде Томской губ.]
78. Липская—Вальронд, Н. А. Материалы к этнографии гольдов. III—IV ; 145—160
[В районе системы р. Тунгуски. Беременность и роды.]
79. Львов, А. В. «Вечная» мерзлота, как геологический фактор. III—IV ; 340—342.
[Тезисы доклада в Физ.-географич. секции пер. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 381.]
80. Майнов, И. И. Предисловие к статье П. П. Хороших «Исследователи Якутии» III—IV ; 163—166.
81. Малаховский, В. А. Комплексная форма преподавания и краеведение. III—IV ; 281—282.
[Тезисы доклада в Секции общ. краевед. Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда Резолюция—стр. 362—364.]
82. Малаховский, В. А. Народные говоры Сибири. III - IV ; 310—310.
[Тезисы доклада в Ист.-этнологич. секции Перв. В.—Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 374.]
83. Малаховский, В. А. Отчет В А. Малаховского о диалектологической поездке в Баргузинский район. V ; 177—180.
[Исследование русских говоров по побережью Байкала. Баргузинский район: Горячинск, Исток, Устье. Катакель, Нестерово. Макаренино.]
84. Малаховский В. А. Отчет Вс. Ант. Малаховского о диалектологической поездке в село Посольское (оз. Байкал) в августе мес. 1924 г. III—IV ; 192—195.
85. Малаховский, В. А «Советское виноградье» III—IV ; 41—52. Приложение: «Марк Азадовский. Четыре ленских колядки.»
[«Советское виноградье»—колядка записанная в с. Посольском на Байкале].
86. Маннс, Г. Ю. Краеведческий элемент в учебном плане факультета права и местного хозяйства Ирк. У-та. III—IV ; 296—296.
[Тезисы доклада в Секции общ. краевед. Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 378.]
87. Маннс, Г. Ю. Программа по собиранию материала о народных воззрениях и юридических обычаях туземных народностей Сибири в области уголовного права и суда. III—IV ; 318—320.
[Тезисы доклада в Ист.-этнологич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 276.]
88. Маннс, Г. Ю. Самогонные дела и алкогольная преступность в Ир-

кутской губ. с 1922 по 1924 год. III—IV; 303—304.
[Тезисы доклада в Экономич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 369—370.].

89. Мельников Заключительная речь на Первом Восточно-Сибирском Краевед. Съезде. II—18 января 1925 г. Иркутск. (Печатается по записи в протоколе.) III—IV; 263—263.
90. Миротворцев, К. Н. О районировании Сибири. III—IV—264—265.
[Тезисы доклада на пленуме Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда Резолюция- стр. 358—359].
91. Миротворцев, К. Н. Сельское хозяйство Сибири. III—IV; 267—268.
92. Моловцева, А. М. Краткий отчет А. М. Моловцевой о поездке в Тулуновский район летом 1925 г. V ; 175—177
[О собирании этнографич. материалов в с. с. Шарагуле и Перфиловом, Тулуновского у.]
93. Молодых, И. Ф. Гидрографические исследования рек В. Сибири. III—IV ; 339—340.
[Тезисы доклада в Физ.-географич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 382.]
94. Молодых, И. Ф. Исследование рек Восточной Сибири. III—IV; 331—333.
[Тезисы доклада в Физ.-географич. секции Перв В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 382].
95. Молодых, И Ф. и Герасимов, А. С. Итоги Картографии. Восточной Сибири. III — IV; 333—334.
[Тезисы доклада в Физ.-географич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 383.]
96. Молодых, И. Ф. Северный Морской Путь в снабжении севера Восточной Сибири III—IV ; 270 - 272.
[Тезисы доклада на пленуме Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда.]
97. Муратов. М. В. Духоборцы Иркутской губернии. I ; 22—58.
98. Муратов, М. В. Краеведение, как движение. III—VI ; 1—8.
99. Мухин, Е. Я. Пчеловодное дело в В.-Сибири. III—IV ; 305—305.
[Тезисы доклада в Экономич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 367—368.]
100. Ончуков, Н. Е. П. А. Городцов. (Западно-Сибирский этнограф). VII ; 122—126.
[Биографич. очерк. Список печатных работ П. А Городцова (15 назв.)]
101. Орлова, Е. Н. Юрацкие игрушки. (Краткое описание) V ; 145—152. с илл. в тексте.
[Из поездки в устье реки Таза. Описание игрушек.]
102. Пантелеев, К. Н Рыбные богатства Байкала. III—IV ; 326—326.
[Тезисы доклада в Биологич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 379—380.]
103. Педдер, А. Ю. О вековом ходе магнитного склонения в Иркутске. III—IV ; 343—344.
[Тезисы доклада в Физ.-географич. секц. Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда.]
104. Педдер, А. Ю. О географическом распределении и годовом ходе северных полярных сияний в Сибири. III—IV ; 344—344.
[Тезисы доклада в Физ.-географич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда, Резолюция—стр. 382.]
105. Пекарский, Э. К. Предание о том, откуда произошли якуты. III—IV ; 137—144.
[Записано в 1907 г. со слов якута И. Н. Никифорова.]
106. Первый Восточно—Сибирский Краеведческий Съезд. 11—18 января 1925 г. Обзор работ, тезисы, резолюции. III—IV ; 141—385.
[Краткий обзор работ Съезда. М. Е. Золотарев.—Речь на открытии краеведческого съезда. П. К. Казаринов.—На новых путях краеведения. т. Мельников.—Заключительная речь. Тезисы докладов пленума. Секция общего краеведения. Экономическая секция. Историко-этнологическая секция. Биологическая секция. Физико-географическая секция Краеведческая выставка. Резолюции.]
107. Петри, Б. Э. Собирание преданий по истории заселения Прибайкалья бурятами. III—IV ; 317—318.
[Тезисы доклада в Ист.—этнологич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 376.]

108. Петри, Б. Э. Элементы родовой связи у северных бурят. II ; 98—126.
Приложения: I. Предание о первых бурятах. II. Сбор денег на обряд посвящения. III. Предание о происхождении огня. IV. Случай похищения скотины.

109. Петри Л. И. Краеведческие школьные и внешкольные экскурсии. III—IV ; 286—287.
[Тезисы доклада в Секции общ. краевед. Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 362—364.]

110. Петрова—Смагина, В. Л. Этнография в трудах Восточно—Сибирского Отдела Русского Географического Общества. Библиографический указатель 1851—1926. (389 назв). VI ; 63—84. [Приложение к статье М. К Азадовского. Пути этнографич. изучений ВСОРГО.]

111. Подгорбунский, В. И. Заметки по изучению гончарства якутов. VII ; 127—141, [3] листа илл.
[Способ изготовления. Орнамент. Сходство керамич. изделий якутов с изделиями древне-железн. века Прибайкалья.]
Библиография: «Литература» (26 назв.)

112. Подгорбунский, В. И. Итоги и задачи археологических изысканий в пределах В. Сибири. III—IV; 321—322.
[Тезисы доклада в Ист.-этнологич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 378]

113. Подгорбунский, В. И.—см. № 15.

114. Попов, Н. П. Остатки доисторического человека около села Бадай. III—IV ; 181—184.
[Археологическая разведка в 1920 г.]

115. Попов, Н. П. Пища тунгусов. V ; 113—144.
[Тунгусы Илимпейской тундры до южных границ Туруханского края. Мясная пища. Рыбная пища. Растительная пища Напитки.]

116. Попова, А. М. Детские игры и забавы в сибирской деревне. (Село Распутино, Яндинской волости, Балаганского уезда, Иркутской губернии) I ; 106—120.
[Описание игр и тексты детских песенок.]

117. Попова, А М. Из области народной технологии. III—IV ; 109—112 Предисловие редакции.
[Народное крашение С. Распутино, Иркутской губ.].

118. Попова А. М. Песни партизан. (Семейские селения Верхнеудинского уезда). V ; 29—37.
[Приведены тексты песен и частушек.]

119. Потапов, А. И. Биологический метод борьбы с осотом. III—IV ; 329—330.
[Тезисы доклада в Биологич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда.]

120. Протасов, Н. П. Песни забайкальских старообрядцев. V; 217—292 с нотами.
[Предисловие редакции о Н. П. Протасове и его работах. Ноты и текст: «Духовные стихи» [9], «Причеть свадебная» [7] из «Второго сборника», хранящегося в Иркутском губ. архиве.]

121. Прусс ак, А. В. Из сибирских сказаний о декабристах. V ; 81—84.
[Из бесед в с. Урике, Ирк. губ.]

122. Работа на местах. II ; 155—157.
[Краткий обзор работы краеведческих обществ Сибири.]

123. Раскопки Г. П. Сосновского и Н. К. Ауэрбаха. II ; 153—155.
[В 1923 г. в окрестностях гор. Красноярска.]

124. Резолюции по Биологической секции Первого Восточно-Сибирского Краеведчеекого Съезда 11—18 января 1925 г. III—IV ; 379—380.

125. Резолюции по Историко—этнологической секции Первого Восточно—Сибирского Краеведческого Съезда 11—18 января 1925 г. III—IV ; 373—378.

126. Резолюции по Пленуму Первого Восточно Сибирского Краеведческого Съезда 11—18 января 1925 г. III—IV ; 356—360.

127. Резолюции по Секции общего краеведения Первого Восточно-Сибирского Краеведческого Съезда 11—18 января 1925 г. III—IV ; 360—366.

128. Резолюции по Физико-географической секции Первого Восточно-Сибирского Краеведческого Съезда 11–18 января 1925 г. III—IV ; 381—383.

129. Резолюции по Экономической секции Первого Восточно-Сибирского Краеведческого Съезда 11—18 января 1925 г. III—IV ; 367—372.

130. Резолюция совещания музейных работников по докладу Я. Н. Ходукина «Музейное строительство». III—IV ; 381—385.
[На Первом В.-Сиб. Краевед Съезде.]

131. Самойлович, Е. Я. Библиографические материалы для изучения русских свадебных обрядов в Сибири (72 назв.) III–IV ; 205—216.

132. Самойлович, Е. Я. Краткий отчет Е. Я. Самойлович о летних наблюдениях среди крестьян д. Марковой и др. соседних с ней, Иркутского уезда. V ; 180–181.
[Этнологич. секция ВСОРГО. 1925–26 г.]

133. Самойлович, Е. Я. Отчет Е. Я. Самойлович о летних наблюдениях среди крестьян дер. Марково и др. Смоленской волости, Иркутской губ. III—IV ; 195–198.
[Этнологич. секция ВСОРГО. 1924 г.]

134. Сибирские изучения в центре. II ; 158–158.

135. Скородумов, А. М. Чума и тарабаганий промысел в Забайкальи III—IV ; 326–328.
[Тезисы доклада в Биологич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 380.]

136. Слободский, М. А. Литература по этнографии Сибири в исторических журналах 1901—1917. VII ; 145—155.
[Библиографический указатель (145 назв.)]

137. Слободский, М. А. Литература по этнографии Сибири в этнолого-географических повременных изданиях 1901–1917. г. г. Часть I. Периодические издания Европейской России (312 назв.) III— IV; 217—240.
[Работа является продолжением работы М. К. Азадовского «Литература по этнографии Сибири за последнее десятилетие XIX века.» (Перечень статей в периодич. изд. 1891—1900). См. № 5.]

138. Смирнов, В. И. Памяти Василия Васильевича Сапожникова. III—VI ; 386–387.

139. Соколов, М. П. Задачи краеведения и всесоюзная перепись 1926 года. III—IV ; 268—270.
[Тезисы доклада на пленуме Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 357—358.

140. Соколов, М. П. Некоторые черты по экономике Якутии. III—IV ; 272—274.
[Тезисы доклада на пленуме Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 359.]

141. Соколова, А. Н. Материалы для изучения партизанской поэзии. (Песни и причитания). V ; 159—162.
[Записи произведены в Приморье.]

142. Сосновский, Г. П. К археологии Ангарского края (Из предварительного отчета о поездке в Балаганский у. Иркутской губ. I ; 121—139.
[Дюнные стоянки близ г. Балаганска. Обзор находок. Остатки каменного века. Предметы бронзового века. Изделия железного периода].

143. Сосновский, Г. П. Палеолитические находки в Минусинском крае II ; 127—132.
[Поездка летом 1923 г. в Минусинский у. Енисейской губ. Осмотрены местонахождения палеолита у д. Бузуновой, д. Лепешкиной и у с. Батеней.]

144. Стоилов, М. Н. Перспективы основания в Иркутске Астрономической обсерватории и ее специальные задачи. III—IV ; 345—345.
[Тезисы доклада в Физ.-географич. секции Перв В-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция – стр. 382.]

145. Титов, Е. И. Конские бега в восточном Забайкалье. (Урульгинская вол. Читинского уезда). II ; 38—54.
[С. Урульга. Описание бегов. Тексты заговоров.]

146. Титов, Е. И. Некоторые данные по культу медведя у нижнеангарских тунгусов Киндигирского рода. (Баргузинский округ сев-зап. Забайкалья). I ; 90—105.
[Границы землепользования. Промысел медведя. Медвежьи имена. Добыча медведя в берлоге пиршества и похороны медведя. Медведь в медицине тунгусов и в обиходе хозяйственном. Программа для собирания сведений по культу медведя у тунгусских племен Сибири.]
Библиография: «Литература» (28 назв.)

147. Толстихина, О. И. Дюнная стоянка у деревни Твороговo-Шигаева, Кабанской волости, Селенгинского округа (Забайкалье). II ; 133—134.

148. Требуховский, П. Ф. Детский рисунок туземных народов Сибири. VI; 113—164, с илл. в тексте.
[Современное состояние вопроса о детских рисунках. Методы исследования. Эволюция рисунка. Форма и содержание рисунка. Значение и ценность рисунка.]

149. Требуховский, П. Ф. Тезисы пояснительных лекций, читанных на краеведческой выставке в отделе Педфака Ирк. Госуд. Университета по графпрактикуму. III—IV; 354—355.

150. Тугаринов, А. Я. Андроновские могилы. V ; 153 - 158.
[Ачинский уезд. Енисейской губ. д. Андронова.]

151. Удимова, Н. И. К изучению одежды русских тункинцев. (Из материалов Тункинской экспедиции ВСОРГО) VI ; 201—210, [II] вклад. листов илл.

152. Уткин, Л. А. Заметки по народной медицине. Представления и народные верования, связанные с растениями (в б. Томской и Алтайской губ.) VII ; 90—100
[Приложен указатель народных названий растений, упоминаемых в тексте работы.]

153. Франк-Каменецкий, А. Г. Доронинское содовое озеро в Забайкалье. III—IV ; 338—339.
[Тезисы доклада в Физ.-географич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 381.]

154. Хандзинский, Н. М. Блатная поэзия. V ; 41—82.
[Материалы содержат 47 записей, сделанных в Иркутске. Приложен словарь блатного жаргона.]

155. Хандзинский, Н. М. Отчет Н. М. Хандзинского о поездке в с. Кимильтей осенью 1925 г. V ; 182—183.
[Материалы по фольклору.]

156. Хандзинский, Н. М. «Покойнищный вой» по Ленине. III—IV ; 53 - 64. В тексте нотная запись.
[Причитание, сложенное в 1924 г. с. Кимильтей, Иркут. губ.]

157. Ходукин, Я. Н. Комитет содействия народностям северных окраин. III—IV ; 320—321.
[Тезисы доклада в Ист.-этнологич. секции Перв. В. - Сиб. Краевед. Съезда.]

158. Ходукин Я. Н. Музейное строительство. III—IV ; 296—297.
[Тезисы доклада, читанного в совещании музейных работников членов Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда, сост. после закрытия Съезда. Резолюция—стр. 384—385]

159 Ходукин, Я. Н. Охрана памятников старины и искусства. III - IV; 292—293.
[Тезисы доклада в Секции общ. краевед. Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 366.]

160. Ходукин, Я. Н. Предварительное сообщение о краеведческой выставке. III—IV ; 351—354.
[Краеведческая выставеа на Перв В.-Сиб. Краевед. Съезде.]

161. Хороших, П. П. Бирки иркутских бурят. V ; 97—112 с 5 табл. в тексте
[Описание и классификация бирок.]

162. Хороших, П. П. Исследователи Якутии. С предисловием И. И. Майнова. III—IV ; 161—180.
[Биографический очерк В. М. Ионова (1851—1922).]
Приложения: I. «Из письма Василия Александровича Ендржеевского к Э. К. Пекарскому. II. Научно-литературное наследство В. М. Ионова. Статьи и заметки о В. М. Ионове.

Библиография: «Научно-литературное наследство В. М. Ионова» (19 назв). «Статьи и заметки о В. М Ионове» (12 назв.)

163. Хороших, П. П. Материалы по орнаменту Ольхонских бурят. VI ; 211—214. с [II] вкладн. листами илл. орнаментов.
[Орнаменты шерстяных чулок.]

164. Хороших, П. П. Михаил Павлович Овчинников, как краевед. (1844—1921). II; 135—146.
[Биографич. очерк. Труды.]
Библиография: «Научно-литературное наследство М. П. Овчинникова» (55 назв) «Статьи и заметки о М. П. Овчинникове» (9 назв.)

165. Хороших, П. П. Об изучении детских рисунков туземных племен Сибири. III—IV ; 401—414, [3] вкладн. листа таблиц.
[Детский рисунок у бурят Ольхонского края Иркутской губ.]

166. Хороших. П П. Указатель историко-этнографической литературы о бурятской народности. (432 назв.) I ; 154—178.

167. Хромовских, И. С. Из заметок собирателя III—IV ; 107—108.
[О народном певце, И. Е. Дорофееве, крестьянине Александро-Невской станицы, Куйтунской волости.]

168. Хромовских, И. С. О народной песне. III—IV ; 309—309.
[Тезисы доклада в Ист.-этнологич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 373—374.]

169. Цибиков. Г. Ц. Основные проблемы национально - культурного строительства Бурятии. III—IV ; 315—317.
[Тезисы доклада в Ист -этнологич. секции Перв. В. Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 376.]

170. Черкунов, А. Н. Самогонокурение в Иркутской губ. по данным статистических анкет Губстатбюро. III—IV ; 302—303.
[Тезисы доклада в Экономич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр 369—370].

171. Черных, П. Я. Итоги и задачи изучения русского языка в Сибири. III—IV ; 310—311.
[Тезисы доклада в Ист.-этнологич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 374.]

172. Черных, П. Я. К вопросу о лингвистическом атласе Сибири V; 85—94.

173. Черных, П. Я. Несколько сибирских диалектизмов в «Коньке Горбунке». П. П. Ершова. II ; 87—97

174. Шашков, С. С. Из путевых воспоминаний VII ; 117—121.
[Неопубликованная статья С. С. Шашкова, написанная им в Омской тюрьме в 1865 г. Вступит. статья В. Вегмана.]

175. Шваб, Ф. Ф. К вопросу об учете полезных ископаемых В Сибири. III—IV ; 300—300.
[Тезисы доклада в Экономич. секции Перв. В.-Сиб. Крадвед. Съезда. Резолюция—стр. 370—371.]

176. Шостакович, В. Б Лесные пожары в Сибири в 1915 г. III—IV ; 347—347.
[Тезисы доклада в Физ.-географич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда.

177. Шостакович, В Б. Метеорологическое дело в Восточной Сибири. III—IV ; 348—350.
[Тезисы доклада в Физ.-географич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда.

178. Шостакович, Б. В. Толщина льда на восточных водоемах Сибири. III—IV ; 345—347.
[Тезисы доклада в Физ.-географич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда.]

179. Щепетунин, И. Ф. Бадан и его возможное значение в промышленности России и экономике края. III—IV ; 300—302.
[Тезисы доклада в Экономич. секции Перв. В.-Сиб. Краевед. Съезда. Резолюция—стр. 371—372.]

180. Этнологическая Секция в 1924 году. III—IV ; 185—202.
Общий отчет о деятельности секции с приложением отчетов по поездкам: Г. С. Виноградова, Г. А. Леонова, В. А. Малаховского, Е. Я. Самойлович. И. И. Веселова и Г. Ф. Дебеца.]

181. Этнологическая Секция в 1925—1926 г. г. V ; 163—183.
[Общий отчет о деятельности секции с приложением отчетов по поездкам: Г. С. Виноградова, М. К. Азадовского, С. Ф. Гущиной, А. М Моловцевой, В. А. Малаховского, Е. Я. Самойлович и Н. М. Хандзинского.]

Рецензии, статьи и обзоры,
посвященные „Сибирской Живой Старине".

I. Рецензии.

1. Краеведение 1925, 1—2; стр. 165—166.
[Н. Е. Ончуков—на в. III—IV].
2. Северная Азия 1925, 1—2; стр. 152.
[К. В. Дубровский—на в. в. I. II].
3. Северная Азия 1925, 5—6; стр. 190-193.
[А. Н. Турунов на в. III—IV].
4. Сибирские Огни 1925, III; стр. 218—219.
[Микст—на в. III—IV].
5. Zeitschrift des Vereins für Volkskunde 1925/26, III, (XXXV—XXXVI) S. 195
[Prof. G. Poliwka—на в. III—IV].
6. Северная Азия 1926, 5—6; стр. 178—179.
[М. В. Муратов—на в. V].
7. Новый Восток 1926, 13—14; стр. 443—445.
[Н. И. Леонов—на в. в. I, II, III—IV].
8. Краеведение 1927, 2; стр. 299—300.
[В. А. Ильинский—на в. V].
9. Северная Азия 1927, 3; стр. 115—116.
[Н. И. Леонов—на в. VI].
10. Этнография 1927, 1; стр. 234—238.
[ак. С. Ф. Ольденбург—на в. в. I—VI].
11. Печать и Революция 1928, VIII; стр. 188—190.
[ак. С. Ф. Ольденбург—на в. в. I—VII].
12. Библиографический Бюллетень Центральной Библиотеки Кит.-Вост. жел. дор. Харбин. 1928/29, II; стр. 107.
[Е. И. Титов—на в. VII].

II. Статьи и обзоры.

1. Всесоюзная 2-я конференция по краеведению (9—14 дек. 1924). Резолюция Секции общего краеведения (по вопросам издательства). Дневник 2-й всесоюзной конференции по краеведению 1924, 4; стр. 4—4.
2. Казаринов, П. К. Сибирское краеведение. Краткий библиографический обзор последних лет. 1920—1923. Сиб. Живая Старина 1924, II; стр. 159—190, и отд. оттиск.
3. Zelenin, D. Die russische (ostslavische) volkskundliche Forschung in den Jahren 1914—1924. Zeitschrift für slavische Philologie 1925, B. I, H. 3/4; S. 418—429
4. Н. Х. Краеведческие издания в Иркутске. Известия Центрального Бюро Краеведения. 1925, 4; стр 124—125.
5. Элиаш, Н. М. Изучение сибирского фольклора за последние годы (1921—1925). Северная Азия, 1925, 5—6; стр. 95—100.
6. Azadowskij, Mark. Arbeiten über die Völkerkunde Sibirien. Ethnologischer Anzeiger, 1926, I; S. 51—58.
7. Azadowskij, Mark. Ethnographische Forschungen in Sibirien in der Jahren 1924—1925. Ethnologischer Anzeiger, 1926, 2; S. 117—121.
8. Азадовский, М. К. Пути этнографических изучений Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества. Сиб. Живая Старина 1926, VI; стр. 33—62 и отд. оттиск.
9. Азадовский, М К. Этнография в Сибири (Обзор этнографич. изучений в Сибири за 1918—1928). Северная Азия 1926, 5—6; стр. 111—132.

10. Виноградов, Г. С. Этнографические изучения Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества 1851 — 1926. Известия ВСОРГО 1926, L; стр. 3—37 и отд. оттиск.
11. M'azon, A. Chronique de Revue des études slaves 1926, T. VI, f. 1 et 2; p. 123.
12. „От редакции". Художественный фольклор 1926, 1; стр. 3—4.
13. Соколов, Ю. М. Очередные задачи изучения русского фольклора. Художественный фольклор 1926, 1; стр. 5—29.
14. Соколов, Ю. М. Работа по русскому фольклору за революционный период. Этнография 1926, 1—2; стр. 153—178.
15. Соколов, Б. Этнография в СССР. „Известия ВЦИК'а" 1927, 8.
16. Центральное Бюро краеведения. Краеведные учреждения и их работа (Доклад Ц. Б. К. 3-й Всероссийской конференции по краеведению). Бюллетень III Всероссийской конференции по краеведению. 1927, 3—4; стр. 92—94.
17. Черемных, Г. Научно-исследовательская деятельность в Сибири к десятилетию Октябрьской революции. Сибирские Огни 1927, 6; стр. 172—180.

Указатель собственных имен

(по заглавиям и анотациям).

Азадовский, М. К.—85, 110, 137.
Ауэрбах, Н. К.—123.
Бестужев, Н. А.—6.
Винокурова, Н. О.—10, 11.
Городцов, П. А.—100.
Дорофеев, И. Е.—167.
Ендржевский, В. А.—162.
Ершов, П. П.—173.
Ионов, В. М.—162.
Квитка, К. В.—34.
Лебединский, Б. И.—26.
Майнов, И. И.—162.
Макаренко, А. А.—1.
Малаховский, В. А.—12.
Никифоров, И. Н.—165.
Овчинников, М. П.—164.
Пекарский, Э. К.—162.
Протасов, Н. П.—120.
Сапожников, В. В.—138.
Сосновский, Г. П.—123.
Хороших, П. П.—80.
Хромовских, И. С.—28.
Шашков, С. С.—22.
Штернберг, Л. Я.—8.
Щапов, А. П.—4.

Указатель племен и народностей.

Буряты—6, 15, 16, 19, 64, 107, 108, 161, 163, 166, 169.
Гиляки—8.
Гольды—78.
Русское население Сибири—1, 2, 4, 7, 10, 11, 12, 18, 19, 20, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 41, 42, 73, 74, 77, 82, 83, 84, 85, 88, 91, 92, 97, 100, 116, 117, 118, 120, 121, 131, 132, 133, 140, 141, 145, 151, 152, 154, 155, 156, 167, 168, 170, 171, 172, 173, 174.
Туземные народности Сибири—8, 9, 30, 67, 68, 69, 87, 148, 157, 165.
Тунгусы—19, 115, 145, 146.
Юраки—101.
Якуты—80, 105, 111, 140, 162.

Топографический указатель.

Акмолинская обл.—26, 32; см. Омск.
Аларский айм.—15, 108.
Александро-Невская ст-ца—167.
Алтайская губ.—152.
Амурский край—27, 79.
Анга с.—4.
Ангара р.—75.
Ангарский край 142; см. Ангара р.
Андронова д.—150.
Аршан—7.
Ачинский у.—150.
Бодай с.—114.
Байкал оз.—64, 66, 102; см. Посольск.
Балаганский у.—105, 142; см. Распутино.
Баргузинский край—146; см. Горячинск, Исток, Макаренино, Нестерово, Катакель, Устье, Читканский район.
Батени с.—143.
Бузунова д. 143.
Бурят-Монгольская Респ.—39, 169; см. Аларский аймак, Баргузинский край, Верхнеудинский у., Ольхонский край, Тункинский край.
Верхнеудинский у.—44, 118; см. Гусиное оз., Турунтаево с., Уда р.
Верхоленский край—12, 108; см. Куленга р, Лена р.
Восточная Сибирь—см. Сибирь Восточная.
Горячинск—19, 83.
Гусиное оз.—6.
Доронинское оз. 153.
Енисейская губ.—26, 27, 32, 73; см. Андронова д., Ачинский у., Батени с., Бузунова д., Красноярск, Лепешкина д., Минусинский у.. Таз р., Туруханский край.
Забайкалье 16, 26, 27, 43, 79, 120, 135, 166; см. Баргузинский окр., Верхнеудинский у., Гусиное оз., Доронинское оз., Кабанская в., Кяхта, Посольский район, Селенга р., Селенгинский окр., Творогово-Шигаева д., Троицкосавский айм., Хоринский айм.
Западная Сибирь—см. Сибирь Западная.
Иркутск—40, 51, 52, 53, 55, 63, 70, 81, 86, 103, 109, 144, 149, 154, 160.
Иркутский окр.—23, 26, 27, 28, 46, 50, 62, 79, 88, 97, 159, 161, 170; см. Анга с., Ангара р., Бадай с., Балаганский у., Верхоленский край, Иркутск, Куда р., Лена р., Марково д., Слюдянка, Смоленская в., Урик с.
Исток—83.
Кабанская в.—147.
Катакель—83.
Кимильтей с.—155, 156.
Кондома р.—77.
Красноярск—123.
Куда—108.
Куйтунская в.—167.
Куленга р.—10, 11.
Кузнецкий у.—77.
Кяхта—174.
Лена р.—66 (верхняя)—10, 11.
Лепешкина д.—143.
Макаренино—83.
Марково д.—132, 133.
Минусинский у.—143.
Монголия—76.
Нестерово—83.
Ольхонский край—108, 163, 165.
Омск—22.
Перфилово с.—92.
Посольский район—20, 84, 85.
Приамурский край—см. Амурский край.
Прибайкалье—44, 47, 71, 137, 111; см. Байкал оз., Посольский район.
Приморье—141.
Распутино с.—116, 117.
Север Сибири—см. Сибирь Северная.
Селенга р.—24, 76.
Селенгинский окр.—147.
Сибирь (общ. вопр.)—1, 2, 5, 17, 18, 36, 56, 57, 60, 67, 68, 82, 87, 90, 119, 122, 131, 134, 136, 137, 148, 171, 172, 173, 179.
Сибирь Восточная—3, 9, 21, 29, 45, 48, 49, 54, 59. 61, 74, 79, 89, 91, 93, 94, 95, 96, 99, 106, 110, 112, 139, 158, 175, 176, 177, 178, 180, 181; см. Бурят-Монгольская Респ., Енисейский окр., Забайкалье. Иркутский окр., Якутия.
Сибирь Западная—100; см. Акмолинская обл. Алтайский окр., Томская губ., Тюмень.
Сибирь Северная—104.
Слюдянка—13.
Смоленская в.—132, 133.
Таз р.—101.
Творогово-Шигаева д.—147.
Томская губ.—27, 152; см. Кондома р., Кузнецкий у.
Троицкосавский айм.—44.

Тулуновский у.—28, 37: см. Александро-Невская ст-ца, Кимильтей с., Куйтунская в., Перфилово с., Шарагул с.
Тунгуска р.—78, 115.
Тункинский край—7, 31, 35, 42, 151.
Турунтаево с.—41.
Туруханский край—115.
Тюмень—100.
Уда р.—44.
Урик с.—121.
Урульгинская в.—145.
Устье—83.
Хоринский айм.—44.
Челпаново с.—10, 11.
Читинский у.—145.
Читканский район—19.
Шарагул с.—92.
Якутия—72, 79, 80, 105, 111, 140, 162.
Яндинская в.—116, 117.

Предметный указатель.

Археология—см. изыскания, могилы, стоянки, стоянки дюнные, палеолит, палеоэтнология, раскопки, человек.
Архивное дело—24, 39.
Бадан—179.
Бега конские—145.
„Белый месяц" (праздник)—174.
Беременность (этногр.)—78.
Библиотека—57.
Биология—48.
Бирки—161.
Блат—см. поэзия блатная.
Быт—32, 37, 42, 132, 133.
Быт рыбацкий—20.
Выставка (краеведч.)—149, 160.
Географическое Об-во (Р. Г. О. и его отд.)—7, 9, 24, 32, 35, 41, 44, 45, 61, 72, 77, 83, 84, 92, 132, 133, 155, 180, 181.
Говоры (русские Сиб.)—82, 83, 84, 171, 172, 173.
Гончарство—111.
Декабристы—14, 74, 121.
Диалекты—см. говоры.
Дразнилки—25.
Духоборцы—97.
Звери (промысловые)—50.
Игрушки—101.
Игры (детские)—116.
Издательство—3.
Издевки—25.
Изыскания (археологич.)—112.
Интеллигенция (туземн. Сиб.)—68.
Ископаемые (полезн.)—175.
Искусство бурятское—см. орнамент.
Искусство (народн.)—18, 77.
Искусство ораторское—20.
Исследователи—80, 162.
Календарь народный (детский)—28.
Картография—95.
Колядки—12, 85.
Комитет содействия народн. севера—157.
Комплекс (преподав.)—81.
Конференция (краеведч.)—58.
Краеведение—21, 48, 51, 52, 53, 57, 58, 59, 60, 65, 86, 98, 122, 139, 164; см. аппарат, выставка, комплекс, конференция, музеи, рисунок детский, школа, экскурсии.
Крашение 117.
Крестьяне—74.
Кулинария (народн.)—42.
Легенда—4, 15, 37, 121.
Лед—178 (донный)—75.
Лекарственная флора—см. флора лекарственная.
Лингвистика—51.
Лирика (детская)—25.
Масляница (празднование)—73.
Медведь (культ его)—146
Медицина (народн.)—132, 133, 152.
Мерзлота „вечная"—79.
Метеорологическое дело—177.
Могилы—150.
Музеи—40, 55, 130, 158.
Музыканты—31.
Народность—69.
Население русское (изучение)—36.
Обсерватория астрономическая—144.
Обычаи юридические—87.
Одежда—151.
Озера—47, 153.
Орнамент—163.
Осот—119.
Палеолит—143.
Палеоэтнология—43.
Памятники старины (охрана)—159.
Партизаны—155 (поэзия партиз.)—141.
Пища—115.

Певцы (народн.)—167.
Педагогика (народн.)—33.
Перепись—139.
Песни—92, 116, 118, 120, 141, 168.
Племена туземные (изучение)—67.
Поддевки—25.
Пожары лесные—176.
Политпросветработа—21.
Поэзия блатная—154.
Прелюдии игровые—26.
Предания—105, 107.
Преступность алкогольная—88.
Природа края (охрана ее)—49.
Причитания—141, 156, (свадебные)—120.
Прозвища—25.
Промысел тарбаганий—135.
Промышленность—62.
Путь (Северный морской)—96.
Пчеловодство—99.
Радиактивность—13.
Районирование Сибири—66, 90.
Раскопки—123.
Реки—76, 93, 94.
Рисунок детский—70, 148, 165.
Роды (этногр.)—78.
Рыба (богатства)—102.
Самогонокурение—88, 170.
Свадьба—120, 131, 132, 133.
Связь родовая—108.
Сейсмичность—71.
Сектанты—см. духоборцы, старообрядцы.
Сияния северные—104.
Сказительница—10.
Сказки (бурятские)—6, 16, (русские)—7, 10, 11, 155.
Склонения магнитные—103.
Слова новые—37.
„Снежный городок"—73.
Старообрядцы—120.
Стихи духовные—120.
Стоянки—24. 44, (дюнные)—142, 147.
Строительство (национально-культурное)—169.
Студенчество—52.
Съезд краеведческий—54, 89, 106, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 160.
Тарбаган—см. промысел тарбаганий.
Творчество устное—2.
Технология народная—111, 117.
Факультет Педагогический—51.
Факультет Права и местного хозяйства—86.
Флора лекарственная—23.
Фольклор—см. „Белый месяц", игры, колядки, легенды, масленица, медведь, медицина, музыканты, певцы, песни, поэзия блатная, предания, причитания, сказки, слова новые, „Снежный городок", творчество устное, частушки.
Фольклор детский—29; см. также дразнилки, издевки, календарь народный, лирика, поддевки, прелюдии игровые, рисунок детский, язык детский.
Хозяйство народное—19, 69.
Хозяйство сельское—91; см. также пчеловодство.
Хроника—17.
Частушки—37, 118.
Человек (доисторич.)—114.
Чулки—163.
Чума—135.
Школа—53, 63.
Экономика—140.
Экскурсии—109.
Электрофикация—46.
Этнография—5, 110, 136, 137, 166; см. также бега, бирки, быт, быт рыбацкий, гончарство, игрушки, крашение, кулинария, одежда, пища, свадьба, связь родовая, чулки.
Этнография музыкальная—34; см. также музыканты.
Этнографические изучения—9.
Этнографы—1, 6, 8, 80, 100, 138, 162, 164.
Язык детский—27.

Указатель по дисциплинам.

Агрикультура—119.
Архивное дело—24, 39.
Археология—24, 43, 44, 111, 112, 114, 123, 142, 143, 147, 150.
Астрономия—144.
Библиография—1, 5, 8, 17, 56, 60, 100, 110, 131, 136, 137, 162, 164, 166.
Библиотековедение—57.
Биология—48.
Биографии—1, 4, 8, 100, 138, 162, 164.

Ботаника—23.
География—66, 90, 96; см. также картография.
Геология—79.
Гидрография—47, 75, 76, 93, 94, 178.
Диалектология русская—42, 82, 83, 84, 154, 171, 172, 173.
Искусство—18, 77, 159, 163, 165.
История—14, 22, 24, 61, 64, 68, 74, 121, 166 (история сектантства)—97, 120.
Картография—95.
Краеведение (общее)—3, 21, 45, 48, 49, 51, 52, 54, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 65, 70, 72, 80, 86, 89, 98, 106, 122, 139, 149, 159, 160, (школьное)—40, 53, 63, 81. 109.
Криминология—88.
Метеорология—177.
Музееведение—55, 130, 158.
Обществоведение—169.
Обычное право -87.
Палеоэтнология—43.
Сейсмология—71.
Фармакология—23.
Физическая география—103, 104.
Фольклор (общий)—2, 30, 31, 33, 34, 35, 73, 77, 108, 146, 152, 155; колядки—12, 85; легенды 4, 15, 37; обряды—131, 132, 133; песни—92, 118, 120, 141, 154, 167, 168; предания—105, 107, 121; причитания—141, 156; сказки—6, 7, 10, 11, 16; фольклор детский—25, 26, 27, 28, 29, 41, 116, 148; частушки—37, 118.
Экономика—19, 46, 50, 62, 66, 69, 90, 91, 96, 99, 102, 135, 140, 153, 170, 175, 179.
Эпидемиология—135.
Этнография (общая)—5, 6, 9, 18, 32, 34. 35, 36, 37, 41, 64, 67, 69, 78, 110, 134, 136, 137, 145, 157, 165, 166, 174, 180, 181; материальная культура—20, 24, 32, 42, 101, 111, 115, 117, 131, 132, 133, 151, 161, 163; см. также обычное право, фольклор.

БИБЛИОТЕКА
ЕДИНЫЙ КАТАЛОГ.
Д71805
97197

1 р. 50 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1928 год на ЖУРНАЛ
„ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“

ежемесячный орган Истпарта ЦК ВКП(б)

Журнал „Пролетарская революция“ посвящен истории Октябрьской революции и ВКП(б), истории революционного движения в России, работе партийного подполья, интервенции, гражданской войне и борьбе с контрреволюцией, а также вопросам международного рабочего движения и деятельности заграничных коммунистических партий. Все эти вопросы находят свое освещение в виде научно-исследовательских статей, а также воспоминаний активных участников. Журнал „Пролетарская революция“ публикует также документы из истории большевистских партийных организаций. Большое внимание журнал уделяет и вопросам библиографии, помещая критические обзоры литературы по отдельным вопросам революционного движения и истории партии и рецензии на отдельные издания.

К сотрудничеству в журнале привлечены лучшие партийные и научные работники.

Журнал, являясь органом научной партийно-исторической мысли, изучая вопросы истории ВКП(б) в марксистско-ленинском понимании, кроме специалистов историков-марксистов, рассчитан на широкие круги партийных пропагандистов, работников клубов, школьных работников, слушателей вузов и комвузов и т. д.

Ответственный редактор М. Савельев. Заместитель ответственного редактора П. Горин.

Подписная цена на журнал с приложениями — 17 руб.

ПРИЛОЖЕНИЯ для годовых подписчиков:

1. Шестой съезд. 8—16 августа (26 июля—3 августа) 1917 г.
Под редакцией **А. С. Бубнова, А. М. Кактыня, Г. И. Ломова.**
С предисловием **А. С. Бубнова.** Подготовила к печати **С. А. Пашуканис.**
С приложением именного и предметного указателей. Стр. 400. Ц. 2 р.

2. Очерки по истории Октябрьской революции. Томы I и II.
Работы исторического семинария Института красной профессуры.
Под общей редакцией **М. Н. Покровского.**
Т. I, стр. 516, ц. 4 р. Т. II, стр. 452, ц. 3 р. 50 к.

Книги высылаются со скидкой 50% наложенным платежом.
Пересылка за счет подписчика.

Кроме того, подписчики „Пролет. рев.“ могут получить в магазинах Госиздата по спискам, печатаемым в журнале, скидку 50% на литературу Истпарта в изд. Гиза и изд. „Прибой“ на 25 руб. (для год. подп.) и 15 руб. (для полугод. подписч.)

Пересылка за счет подписчика.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на журнал без приложений:
на год — 12 руб., на 6 мес. — 6 р. 60 к., на 3 мес. — 3 р. 60 к.

Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Главной конторой подписных и периодических изданий Госиздата, Москва, центр, Рождественка, 4, тел. 4-87-19, в отделениях, магазинах, в киосках Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, и во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, а также во всех почтово-телеграфных конторах.